

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА
ВРЕМЕН

ТОМ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
2020

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕН

ТОМ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

Под общей редакцией
С.М. Исхакова

МОСКВА, 2020

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков**
главный редактор, кандидат исторических наук
- Ф.Г. Тараторкин**
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемецкий**
зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства
- Т. Лефко**
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская**
ученый секретарь

Редакционный совет

- М.В. Баранов**
президент «Руниверс»
- С.П. Брюн**
сотрудник Музеев Московского Кремля
- В.З. Голдман**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горский**
доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- С.В. Девятов**
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жангиев**
кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исхаков**
доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
- Г. Кантор**
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- С.А. Кириллина**
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, МГУ имени М.В. Ломоносова
- Т.Ю. Кобищанов**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- И.В. Курукин**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплаутенсе
- М.С. Мейер**
доктор исторических наук, профессор кафедры Истории стран Ближнего и Среднего Востока, президент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.В. Орлов**
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- Е.И. Пивовар**
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, директор учебно-научного центра «Кремль-9» РГГУ
- А.А. Улунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Я.М. Хамеен-Ангтила**
профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Filipp G. Taratorkin
Deputy Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture
- Todd Lefko
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary

Editorial Board

- Mikhail V. Baranov
President of «Runivers»
- Sergei P. Brun
Staff member at the Moscow Kremlin Museums
- Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department
- Anton A. Gorskiy
D. Sc. (History), Professor at the Moscow State University, Historical Faculty, Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Sergey V. Deviatov
D. Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty
- Dmitriy R. Zhantiev
Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Salavat M. Iskhakov
D. Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History
- Georgy Kantor
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Svetlana A. Kirillina
D. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Taras Y. Kobishchanov
Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Igor V. Kurukin
D. Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Gail D. Lenhoff
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey
Ph.D. in History, in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Mikhail S. Meyer
D. Sc. (History), Professor at the Department of Middle and Near East History, President of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University
- Stepan V. Orlov
Ph.D. in Economics, Docent, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty
- Daniel Panateri
D. Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Efim I. Pivovarov
Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences, President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences
- Alexey E. Titkov
Ph.D. in History, Director of the «Kremlin-9» Centre for Studies and Research at Russian State University for the Humanities
- Arutyun A. Ulunyan
D. Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Jaakko Markus Hämeen-Anttila
Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

ОТ РЕДАКЦИИ

Данный номер «Исторического вестника» охватывает почти весь XX в. истории Российской империи/Советской России/Советского Союза, затрагивая при этом самые разные проблемы, связанные с внутренней и внешней политикой, экономикой, войнами, революциями, реформами, эмиграцией.

К числу спорных в историографии и привлекающих более широкое внимание проблем относится выяснение того, насколько успешно развивалась Российская империя, каких высот она достигла в начале XX в. Этой ключевой проблеме посвящена статья В.В. Поликарпова.

Одной из острых дискуссионных проблем современной историографии также является война между Польшей и Россией, возникшая вскоре после быстротечного развала Российской империи. В.А. Пархоменко (Украина) рассматривает в своей статье этот конфликт с точки зрения украино-польского союза. Неизвестной стороне этой войны посвящена статья А.В. Венкова об участии в ней донского казачества.

Еще с одной остродискуссионной темой — голодом в начале 1920-х гг. в России — связана статья Н.В. Усманова, в которой приведены новые факты помощи благотворительной организации из США голодающему населению в Башкирской АССР, Екатеринбургской, Оренбургской, Пермской, Уфимской и Челябинской губерний в 1921–1923 гг., и в результате спасшей жизни сотен тысяч местных жителей.

Актуальнейшей и в то же время полемичной темой в историографии является освещение жизни политэмигрантских лидеров из бывшей Российской империи, оказавшихся в Европе в 1920–1930-е гг. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов Й. Шнелле (Германия) рассматривает в своей статье взаимоотношения

азербайджанской политэмиграции и представителей властей в Германии в 1933–1939 гг.

К числу дискуссионных в современной историографии проблем также относится выяснение причин самоликвидации СССР. Этой проблеме посвящена статья С.М. Исхакова, в которой характеризуются экономика и уровень жизни населения советских республик Центральной Азии, перспективы их социально-экономического развития, духовная жизнь, национальное и религиозное самосознание, действия высших московских и республиканских руководителей в 1980-х гг. В статье Чжо Чжун вэ (Южная Корея) рассматривается, как перестройка и коллапс Советского Союза отразились в южнокорейской историографии.

В разделе «Научная мысль» публикуются рецензия известного специалиста по Восточной Европе и России Дж. Лами (Италия) на книгу британского историка О. Файджеса, автора нескольких книг о России, о Крымской войне 1853–1856 гг., которая была издана на английском языке в 2010 г., а затем переведена на итальянский язык и опубликована в Италии в 2015 г., а также рецензия кавказоведа Дж. Кумука (Турция) на книгу М. Вачагаева о малоизвестной истории Горской республики.

В разделе «Источники» публикуются окончание перевода книги известного на Западе британского журналиста М.Ф. Прайса, которая была издана в Лондоне в 1921 г., а также неизвестные фотографии, относящиеся к истории советско-османских отношений (1920 г.).

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»

EDITORIAL

The current issue of *The Historical Reporter* covers a wide range of subjects, dedicated to 20th century Russia — the Russian Empire and the U.S.S.R. In the issue, you will find articles dedicated to various problems concerning domestic and foreign policy, economy, warfare, revolutions, reforms, and immigration.

Among the most controversial historiographic themes is the development of the Russian Empire and its achievements at the dawn of the 20th century. Vladimir V. Polikarpov's article is dedicated to this particular problem.

Another resonating historiographic theme is the Soviet-Polish War, which took place after the fast-paced disintegration of the Russian Empire.

Vladislav A. Parkhomenko (Ukraine) examines this conflict from the perspective of the Polish-Ukrainian alliance.

Andrey V. Venkov dedicated his article to the participation of the Don Cossacks in that war, a chapter that remains largely unexamined by the academic community.

Another highly discussed topic is the early 1920's famine in Soviet Russia: Nael V. Usmanov's study examines the new data on the U.S. charities' aid to the starving population of Bashkiria, Ekaterinburg, Orenburg, Perm, Ufa and Chelyabinsk regions in 1921–1923, which saved hundreds of locals' lives.

The lives of the Russian migr political leaders in 1920–1930s Europe remains a pertinent and highly polemical subject.

Johannes Schnelle (Germany) examines the relationship of the Azerbaijani political emigres with representatives of the German government in 1933–1939. This article introduces

new archival materials that were previously unpublished and unexamined by the historical community.

Standing out amidst the contemporary historiographic discourse is the subject of the U.S.S.R.'s self-liquidation; Salavat M. Iskhakov's article characterizes the economy and the population's quality of life in the Soviet republics of Central Asia, the perspectives of their socio-economic development, spiritual life, their national and religious consciousness, as well as the actions of the top Moscow and republican leaders in the 1980s.

Junbae Jo's (South Korea) article examines the way Perestroika and the collapse of the Soviet Union were reflected in South Korean historiography.

In the HISTORICAL THOUGHT section, the reader will find J. Lami's review on a new book about the Crimean War authored by O. Figes' (a well-known British historian, who authored several monographic works on Russia). The book in question was published in English in 2010 and in Italian in 2015. The section also contains a review by the Caucasus Studies specialist G. Kubuk (Turkey) on M. Vachagaev's monography, dedicated to the little-known Caucasus Mountains' (Gorsky) Republic.

In the Sources section, you will find the final part of M. Phillips Price's book *My Reminiscences of the Russian Revolution*, published in London in 1921, as well as previously unknown photographs that have to do with Soviet-Ottoman relations (1920).

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief of the Historical Reporter

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Поликарпов. Измерения экономического роста России в начале XX в. и проблема источников.....	10
В.А. Пархоменко. Советско-польская война 1920 г.: украинский фактор.....	30
А.В. Венков. Советско-польская война: казачий фактор.	48
Н.В. Усманов. «Бабы с плачем умоляют зачислить на паек их детей» (Газеты Урала 1921–1923 гг. о деятельности Американской администрации помощи).....	64
Й. Шнелле. «Враг моего врага»: деятельность азербайджанской партии «Мусават» в Германии (1933–1939).....	84
С.М. Исхаков. Политика Политбюро ЦК КПСС в Центральной Азии (1982–1991 гг.).....	112
Junbae Jo. Towards a New Modernity: Korean Historiography of Perestroika and the Collapse of the Soviet Union.	158

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Дж. Лами. Orlando Figes. Crimea. L'ultima crociata. Torino: Einaudi, 2015. 531 p.....	184
Дж. Кумук. М.М. Вачагаев. Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства. 1917– 1920. М.: Центрполиграф, 2018. 351 с.	188

ИСТОЧНИКИ

Воспоминания британского журналиста М.Ф. Прайса о 1917 годе в России.....	194
Неизвестные фотографии из истории советско-османских отношений (1920 г.)	306

CONTENTS

ISSUE ON GENERAL HISTORY

Editor: Salavat M. Iskhakov

- Vladimir V. Polikarpov.** Measurements of Russia's economic growth in the early 20th century and the problem of sources 10
- Vladislav A. Parkhomenko.** Polish–Soviet War in 1920:
The Ukrainian Factor 30
- Andrey V. Venkov.** Polish-Soviet War: Cossack units 48
- Nael V. Usmanov.** «Women in tears pleaded to enlist their children for a food ration» (Ural Newspaper about the Operation of the American Relief Administration in 1921–1923) 64
- Johannes Schnelle.** «The enemy of my enemy»: actions of Azerbaijan «Musavat» party in Germany (1933–1939) 84
- Salavat M. Iskhakov.** The Politburo's Policy in Central Asia (1982–1991) 112
- Junbae Jo.** Towards a New Modernity: Korean Historiography of Perestroika and the Collapse of the Soviet Union. 158

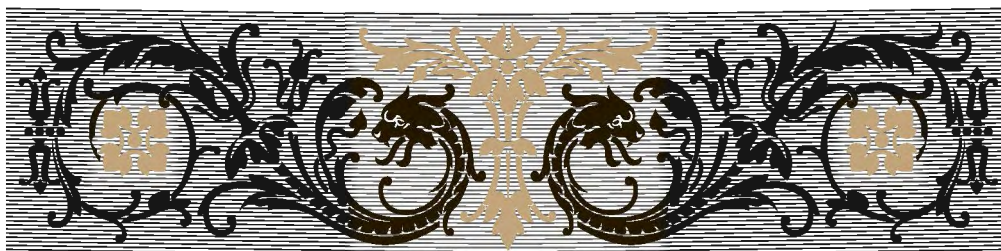
HISTORICAL THOUGHT

- G. Lami.** *Crimea. L'ultima crociata.* Torino: Einaudi, 2015. 531 p. 184
- G. Kumuk.** M. Vachagaev. The union of the highlanders from North Caucasus and the Mountainous Republic. History of the Real State. 1917–1920. M.: Centerpolygraph, 2018. 351 p. 188

SOURCES

- «My Reminiscences of the Russian Revolution» by M. Philips Price 194
- Unknown photos depicting the relations between the Ottoman Empire and the Soviet Union (1920).. 306

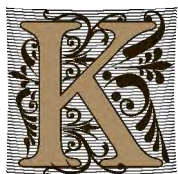

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.32.001

В.В. Поликарпов

ИЗМЕРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в. И ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ

числу спорных в историографии и привлекающих более широкое внимание проблем относится выяснение того, насколько успешно развивалась Россия, каких высот она достигла в начале XX в. Этот вопрос разделил историков на «оптимистов» и «пессимистов», и ответ на него равносильен суждению об итоге всего пройденного империей пути и качестве ее социального организма. Осознанное сосуществование полемически противостоящих точек зрения само по себе создает благоприятную основу для теоретической рефлексии, направленной на обоснование отбора материала, способов его истолкования.

Если взять экономическую сторону проблемы, то известен ряд попыток применить макроэкономический подход, эконометрические приемы и привести количественные данные в наглядную систему, придать им наиболее обобщенный вид динамики национального продукта. Сложилось разные представления о путях такого рода исследования. В частности, вызывает расхождения немаловажный вопрос, правомерно ли учитывать в составе национального дохода «оборонные», или военные, услуги (содержание армии, заготовление вооружений). Но даже этот «увесистый» предмет разногласий можно оставить в стороне перед

лицом другого остро осязаемого затруднения: нужна ясность относительно того, какие имеются для исчислений исторические источники и какая требуется для работы с ними методика.

Оценка экономического потенциала предреволюционной России до сих пор относится к числу «неразработанных сюжетов» — отчасти потому, что слишком многие опорные исходные показатели «не получили отражения в представительном статистическом материале». Как показал длительный опыт, выборочным изучением отдельных отраслей экономики задачу не решить: для этого важны «принципы всесторонности и системности»¹. Так же и при попытках сравнений российского развития с успехами более передовых в промышленно-научном отношении стран «уровень наших знаний пока не позволяет... обеспечить сопоставимость сравниваемых данных»².

Сложность задачи связана с ограниченными возможностями, которые реально имеются, с признанной многими специалистами нехваткой источников: «Приходится констатировать отсутствие надежных и вполне сопоставимых данных»³. В. Кирхнер сделал и более общее заключение, что предпринимаемые попытки прийти к эконометрически выраженным итогам или моделям противоречат природе изучаемого материала⁴. Во всяком случае, не уяснив степень достоверности используемых сведений, нельзя уповать на то, что при каких-то

¹ *Воронкова С.В.* Оценка динамики промышленного потенциала России в 1913–1920-х гг. (некоторые методологические и источниковедческие аспекты темы) // *Индустриализация в России. Информационный бюллетень научного семинара*. М., 1998. № 5. С. 5, 9, 16.

² *Измestъева Т.Ф.* [Выступление при обсуждении лекции С.В. Ильина о промышленном развитии России] // *Конференции, дискуссии, материалы*. 2004. Сб. научных трудов Кафедры истории России РУДН. М., 2004. С. 152.

³ *Шепелев А.Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 13; *Дякин В.С.* Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. Л., 1971. С. 7; *Шаццлло К.Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1992. С. 26; *Бокарев Ю.П.* Темпы роста промышленного производства в России в конце XIX — начале XX в. // *Экономический журнал*. 2006. № 11. С. 170; *Бокарев Ю.П.* Темпы роста промышленного производства в России в конце XIX — начале XX в. // *Экономическая история. Обзорение*. М., 2007. Вып. 13. С. 174, 179. Оценить уровень развития страны в важнейших сферах жизни «весьма непросто» из-за «отсутствия компактной и доступной источниковой базы». Ее специфика «требует особого внимания исследователей к оценке достоверности и полноты используемых источников» (Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 5).

⁴ *Kirchner W.* One Hundred Years Krupp and Russia. 1818–1918 // *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 1982. № 69. Heft 1. 1. Quartal. S. 75.

условиях «ошибки и неточности в исторических данных играют менее важную роль»⁵.

Россия начала XX в. рассматривается обычно как аграрно-индустриальное общество. Но такая общая характеристика недостаточно конкретна, потому что скрывает существенную особенность социального устройства империи — обилие архаических элементов, коренящихся в толще натуральных структур, не затронутых или едва затронутых товарными, рыночными отношениями. Между тем при исчислении количественных показателей, динамики и соотношения совершенно разнородных хозяйственных явлений многое зависит от применения стоимостных измерителей. Признав факт наличия натуральных составных частей в экономическом быте России, придется иметь это в виду и использовать статистические, количественные характеристики с учетом того, что в данном случае сведения, содержащиеся в исторических источниках, не отличаются «той однородностью, которая является непрременным условием применения статистических методов»⁶.

Если, например, речь идет о сельскохозяйственном производстве, то нельзя не считаться с тем, что оно лишь отчасти имело товарный характер, а та немалая доля продукции, которая создавалась и, не попадая в обращение, потреблялась в условиях натурального хозяйствования, не может быть исчислена по стоимости. Анализ данных, касающихся зернового производства и животноводства, показал, что крестьяне — по меркам рыночного хозяйства — работали в убыток: «Обе эти отрасли с капиталистической точки зрения являлись убыточными, и степень их убыточности, вероятнее всего, возрастала». Более того, товарность даже той части продукции, которую крестьяне выносили на рынок, *«имела вынужденный характер»*. В результате цены на эту продукцию были ниже ее «себестоимости»⁷. Однако в статистике эта продукция представлена заодно с остальной, экономически инородной товарной массой.

В результате образуются завышенные на неопределенную, неисчислимую величину валовые народно-хозяйственные показатели. Если при

⁵ Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001. С. 13; Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 19.

⁶ Хвостова К.В. Актуальные проблемы современной эпистемологии и методологии истории // Диалог со временем. 59. М., 2017. С. 7.

⁷ Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX — начало XX в. М., 2016. С. 318, 375, 247. Курсив автора.

некоторых эконометрических операциях такой порок источников, возможно, не скажется, то политэкономическое изучение реальных процессов не может не учитывать разнородность хозяйственных укладов, существенную для суждения о целом. То или иное понимание характера обращения стоимости в условиях многоукладной экономики является аналитическим средством, которое влияет на подбор источниковедческих приемов.

Обратить внимание на сложность изучаемой действительности, социального строя и хозяйственного быта пыталась в свое время группа советских историков, принадлежавших к так называемому «новому направлению» (в том числе А.М. Анфимов, К.Н. Тарновский), но их деятельность была пресечена в начале 1970-х гг. партийно-административными инстанциями и сам термин «многоукладность» политически скомпрометирован.

Такие представители «нового направления», как В.В. Адамов, К.Ф. Шацило, указывали на актуальность той же теоретической (с практическими последствиями) проблемы в изучении не только деревни, но и промышленного развития страны. Качественные дефекты — неоднородность, неполнота — свойственны источникам, относящимся к целым отраслям индустрии, но это бывает не всегда и не сразу заметно.

В роли подходящего материала нередко воспринимаются данные промышленных переписей (анкетных обследований), проведенных правительством в 1900 и 1908 гг. Высказывалось убеждение, что это «надежная источниковая основа» и что в освоении ее — «единственно возможный путь исследования»⁸. Такая оценка порождает заблуждения. Как известно, деятельность большинства важнейших военных предприятий вообще не отражена в статистике. Переписи 1908 и 1912 гг. не содержат данных о казенных заводах⁹, так как военные ведомства лишили статистиков доступа к исходным документам. Опубликованные же в статистических сборниках сведения, хотя они и выглядят как общие для всей отрасли показатели, на деле говорят о стоимости продукции лишь частных предприятий и, кроме того, в прин-

⁸ Бовыкин В.И. Динамика промышленного производства в России (1896–1910 гг.) // История СССР. 1983. № 3. С. 22; Бовыкин В.И. Концентрация промышленного производства в России в конце XIX — начале XX в. // Исторические записки. Т. 110. М., 1984. С. 173; Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. — 1908 г. М., 1984. С. 20–21.

⁹ Кафенгауз А.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 139, 151–153.

цпипе не пригодны для сопоставлений или суммирования с данными, относящимися к казенным заводам и верфям, ввиду особенностей их стоимостного учета.

Заслуживает изучения практический опыт обращения к переписям, отображенный в одном из последних трудов В.И. Бовыкина. Он установил, что в 1908–1912 гг. наблюдался «рост судостроения» — «главным образом за счет военного судостроения, продукция которого возросла более чем в 2,5 раза». Соответственно, «резко вырос удельный вес» судостроения «в общей сумме продукции машиностроения»¹⁰.

Отмеченное здесь изменение весомости судостроения не противоречит фактическим сведениям разнообразных и многочисленных источников. Приведенная же в этом труде таблица № 8, которую Бовыкин составил по материалам переписей 1908 и 1912 гг., показывает как раз противоположную картину. Судостроение *в целом* (по «сумме производства») сократилось на 35%, а судостроение *военное*, согласно таблице № 8, уменьшилось почти в 4 раза (соответственно, доля его в машиностроении не возросла, а снизилась с 15,4% в 1908 г. до 3,7% в 1912 г. — это «убыль» на 71,9%).

Корень недоразумения заключается в том, что автор не видел зияющего пробела в используемом источнике, полагая, что предприятия морского ведомства в нем учтены. Но в действительности взятые из переписей показатели (падение производства) относятся только к частной судостроительной промышленности, не получавшей крупных заказов на военные корабли, а о главных морских заводах, казенных, переписи молчат. Тот реально происходивший рост военного судостроения, на который указывает Бовыкин («более чем в 2,5 раза») и который противоречит таблице № 8, составленной им по переписям, подразумевает главным образом развертывание деятельности заводов морского ведомства (но его невозможно отобразить в конкретных стоимостных показателях): эти заводы достраивали ранее начатые броненосцы и принялись за новые гигантские дредноуты — линкоры и линейные крейсера.

Значительная часть промышленного производства была сосредоточена в руках государства. Для микроэкономического анализа существенно, что принадлежавшие казне предприятия действовали не на товарно-рыночной основе, а по «обряду канцелярскому» либо «обряду коммерческо-

¹⁰ Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001. С. 80–81, 113–114. См. также: Россия. 1913 год. С. 51.

му», причем даже и «коммерческий» порядок, принятый в некоторых казенных заведениях и внешне копирующий методы управления частными заводами, радикально отличался от обычной деловой практики. По заключению Шацилло, ведомственные предприятия «действовали не на капиталистическом, а на полуфеодальных и феодальных основаниях». Такие понятия, как бухгалтерский учет, себестоимость, амортизация, прибыль, трактовались самодержавными «хозяйственниками» «весьма своеобразно, сплошь и рядом различно... иной раз и на однородных предприятиях одного и того же ведомства». «Коммерческие основания» в этих условиях являлись фикцией¹¹.

Способ назначения «цены» изготавливаемой продукции не имел здесь ничего общего со стихийным формированием цен на вольном рынке. Но поскольку казенным предприятиям все же приходилось обращаться к рынку и расплачиваться по рыночным ценам за топливо, сырье, механизмы, материалы, рабочую силу, то получается, что казенное производство использовало — параллельно и одновременно — две системы ценообразования: административную и рыночную. Подобное раздвоение денежного измерителя¹² представляло собой механизм, препятствовавший разрушительному влиянию рыночных отношений на традиционный внутренний строй казенного хозяйства, вовлечению капиталов казенных предприятий в нормальный кругооборот. Да и едва ли правильно рассматривать имущество казенных военных предприятий как капитал в политэкономическом смысле. Когда военные материалы изготавливает на своих предприятиях государство, из обращения исключается «весь продукт, потребляемый непосредственно самим производителем»¹³, — такого рода «капитал» жизнедействует в своем мире, не знающем обращения стоимостей, в натуральном хозяйстве фиска. Как писал А.И. Буковецкий, государственный бюджет, «финансовое хозяйство есть хозяйство принудительное»¹⁴.

«Псевдостатистикой, составленной для нужд примитивной администрации, исследователь может воспользоваться только на собствен-

¹¹ Шацилло К.Ф. Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906—1914 гг.). М., 1968. С. 174—175, 216, 219; Шацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1992. С. 28—29.

¹² «Двойственность меры стоимости противоречит ее функции», — утверждал К. Маркс (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М., 1960. С. 106).

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 24. М., 1961. С. 543.

¹⁴ Буковецкий А.И. Введение в финансовую науку. Л., 1929. С. 15, 17—18, 178.

ную погибель», если «мы даже не знаем, что именно подсчитывалось»¹⁵. Однако именно источники, относящиеся к военной промышленности, особенно полезны для уяснения картины хозяйственного развития страны в самом широком охвате, пусть при этом и не приходится рассчитывать на изобилие статистических показателей и эконометрических индексов.

Производство вооружений опиралось на совокупность высших для своего времени завоеваний мировой научной мысли, техники, постановки производства. Военное могущество империи, любимое детище власти, поглощая колоссальные ресурсы, подытоживало хозяйственный, финансовый, культурный потенциал страны. Если задаться целью как-то оценить ее развитие в царский период, то едва ли найдется более определенное, материально выраженное мерило, чем успехи военно-промышленного аппарата в снабжении вооруженных сил боевыми средствами.

Способность развивать производство на основе передовых достижений научно-технической мысли, самостоятельно выдвигать производственно-технические идеи «довольно хорошо отражает уровень развития производительных сил» и место страны в мировой экономике¹⁶. Там, где военно-промышленная деятельность наталкивалась на непреодолимые трудности, как раз и пролегает граница, указывающая достигнутый действительный предельный на данный момент уровень развития. Этот рубеж может рассматриваться как база для объективной оценки итогового состояния столь показательной сферы. Важно лишь использовать с этой целью истинные результаты в освоении новейших и перспективных направлений инженерной мысли и заводской техники, не смешивая их с выдвинутыми в разное время проектами и программами, оставшимися лишь памятниками широких намерений, произвольных увлечений.

Такой подход, описательный по своей сути, предполагает терпеливое накопление фактических сведений, основанное на «штучной» работе с источниками о предприятиях и изделиях. Применение его встречает иногда возражения со стороны «квантитативной» историографии. П. Грегори прав, когда указывает на недопустимость обобщений, опирающихся лишь на «единичные свидетельства» и «микроэкономиче-

¹⁵ *Oblin G. No Safety in Numbers: Some Pitfalls of Historical Statistics // Industrialization in Two Systems. Essays in Honor of Alexander Gerschenkron. New York, 1966. P. 68–69.*

¹⁶ *Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001. С. 41.*

ские факты», отмечает «ненадежность единичных источников»¹⁷. Но в научной историографии решающее значение имеют формальные процедуры проверки и доказательность проведенной интерпретации, а какая-либо абсолютистская претензия на выбор метода неприемлема¹⁸. Правы В. Кирхнер, С.В. Ильин и С.В. Воронкова, полагающие, что исторический анализ требует не противопоставления, а сочетания статистических и описательных методов исследования: «Использование разнообразных методов познания и всех доступных источников позволит избежать ошибок преждевременной систематизации на основе скудных данных»; «вряд ли возможно игнорировать микроэкономические факты и даже “единичные свидетельства”»¹⁹. В частности, нельзя (вместе с Грегори) сказать, что «единичные свидетельства не описывают долговременные тенденции». Определенный итог весьма долговременной тенденции выразился, к примеру, в единичном наблюдении большого знатока русского машиностроения академика А.Н. Крылова. Ему бросилось в глаза различие в постановке судостроительной техники в Англии и России: «Изготовление турбинного ротора для больших турбин при проковке имеющимися на наших заводах средствами требует от 6 до 8 месяцев. На заводе Дж. Брауна в Англии... установлены специальные прокатные станы, на которых ротор прокатывается с одного нагрева в 12 минут»²⁰.

Разумеется, такое свидетельство отображает всего лишь микроэкономический (микротехнологический?) факт, вряд ли более доказательный, чем сравнительные статистические показатели о технологическом состоянии отрасли в начале XX в. в Англии и России (которых, впрочем, нет). Убедительный результат получится лишь в том случае, если построить систему сопоставлений, охватывающую совокупность технологий, которые опираются на высшие успехи научного прогресса, особенно в тех областях, где государство, преследуя свои военно-политические цели, проявляло готовность не считаться ни с какими финансовыми потерями

¹⁷ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 16–17.

¹⁸ Гудков А., Дубин Б. Невозможность истории // Vittorio. Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторико Страды. М., 2005. С. 324, 326.

¹⁹ Ильин С.В. Промышленное развитие России от конца XIX в. и до начала сталинского «Великого перелома» // Экономический журнал. 2002. № 5. С. 198—199; Воронкова С.В. О материалах обсуждения и поступивших отзывах на лекцию С.В. Ильина // Конференции, дискуссии, материалы. 2004. Сб. научных трудов Кафедры истории России РУДН. М., 2004. С. 165.

²⁰ Крылов А.Н. Воспоминания и очерки. М., 1956. С. 573.

и создавало предельное напряжение народных сил, как это было накануне и во время Первой мировой войны.

В 1912–1914 гг. на заготовление вооружений правительство направило средства, собранные благодаря удачным урожаям при высоких мировых ценах на хлеб, а также путем внешних займов, что вызвало промышленное оживление и рост. Так истолковывали движение «конъюнктуры» сами промышленники. «Россия в 1910–11 гг. быстро вступила в период экономического подъема как под влиянием благоприятного урожая двух лет подряд, так и вследствие начавшихся в эти годы громадных правительственных ассигновок на флот, на военные потребности, на портостроительство», — говорилось в записке Совета съездов представителей промышленности и торговли, поданной правительству 12 июня 1914 г.²¹

Согласно другому объяснению, «главным стимулом», «основой», «решающим фактором» промышленного оживления этих лет были не военные приготовления, а «экономический рост страны, успехи сельского хозяйства и промышленности», «стихийный и всесторонний» подъем, «рост народного потребления, который отражал экономические успехи страны»²².

Статистическое обоснование мнения о блестящем положении и радужных перспективах российской экономики дал в 1914 г. французский журналист Э. Тэри. Его работа в последнее время не раз переиздана в русском переводе и пользуется успехом. «Тот, кто внимательно прочтет этот беспристрастный анализ, поймет, что Россия перед революцией экономически была здоровой, богатой страной, стремительно идущей вперед. Революция — не естественный итог предшествующего развития, а несчастье, постигшее Россию вследствие затянувшейся непопулярной войны», — разъясняет злободневность этого труда издательство²³. Неудивительно, что при стремлении оценить «общие

²¹ О мерах к развитию производительных сил России и к улучшению торгового баланса. Пг., Би., 1914. С. 3; *Каннегисер И.С.* Задачи протекционизма в металлообрабатывающей промышленности. Пг.: Луч, 1915. С. 4 (доклад в Русском техническом обществе 7 ноября 1914 г.).

²² *Сметанин С.И.* Второй этап индустриализации России // Экономическая история России XIX—XX вв.: Современный взгляд. М., 2001. С. 279; *Конотопов М.В., Сметанин С.И.* Развитие экономики России в XVI—XX веках. Избр. труды. В 4 т. К 65-летию М.В. Конотопова. Т. 1. Из тупика: Экономический опыт мира и путь России. СПб., 2018. С. 203; Т. 4. История черной металлургии России: Правда о прошлом и будущем. СПб., 2018. С. 151—152.

²³ *Тэри Э.* Россия в 1914 г. Экономический обзор. Paris, 1986. P. 1. Фондом изучения наследия П.А. Столыпина книга была переиздана под ее оригинальным названием «Экономическое преобразование России» (М.: РОССПЭН, 2008).

тенденции развития страны в начале XX в. и особенно в предвоенное пятилетие»²⁴ велик соблазн воспользоваться плодами этого «беспристрастного анализа».

Автор «исследования» не скрывал, что он всего лишь излагает сведения, предоставленные ему директором Кредитной канцелярии Министерства финансов России Л.Ф. Давыдовым и министром земледелия А.В. Кривошеиным. Вместе с тем Э. Тэри таким путем не просто «знакомился по заданию своего правительства с состоянием российской экономики»²⁵. Еще в 1901 г. он был в прямом смысле слова нанят С.Ю. Витте, по согласованию с французским Министерством финансов, как ловкий умелец, способный организовать во Франции газетную кампанию в поддержку пошатнувшейся репутации российских финансов. Требовалось облегчить размещение русских займов путем «обмана публики», «обворовывания» (по выражению А.А. Рафаловича — агента Витте) французских обывателей. Эта его работа стоила правительству Николая II немалых денег и была продолжена в 1913–1914 гг., когда русское правительство, готовясь к войне, вновь испытывало затруднения с очередным займом во Франции. Появлению произведения Тэри предшествовал визит в Петербург председателя Палаты парижских биржевых маклеров М. Вернейля для переговоров об условиях предоставления России очередного займа²⁶. Издание в Париже брошюры Тэри ставило целью внушить французскому мелкому рантье («солидному отцу семейства») веру в надежность и доходность русских ценных бумаг. В современной литературе этот автор предстает как «французский ученый», «независимый источник» о «феноменальном росте российской промышленности и сельского хозяйства».

Сопоставимое статистическое исследование об «истории успеха экономики Российской империи», воплотившее «высочайший образец профессионализма»²⁷, принадлежит П. Грегори. Представитель «концепции исторического оптимизма»²⁸, он, подобно ряду отечественных исследователей, полагает, что военные расходы бюджета «были относительно не-

²⁴ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 5.

²⁵ Там же. С. 4.

²⁶ *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал. 1907–1914. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 75–80, 272.

²⁷ *Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001. С. 20.

²⁸ *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 7, 248.

велики и... не играли значительной роли», «не могли служить серьезным двигателем для скрытого финансирования промышленности»; «государственные инвестиции... сыграли сравнительно малую роль» в промышленном развитии²⁹.

По свидетельству Грегори, ныне в области статистических исследований по экономической истории принят определенный *modus operandi*: «После того как один из исследователей завершает работу над временными рядами каких-либо показателей, у других ученых пропадают сколь-либо значительные научные стимулы повторять его путь или пытаться осуществить альтернативные оценки»³⁰. Интересно, что у самого Грегори обобщениям о незначительности военных статей бюджета как раз сопутствуют (и противоречат им) именно альтернативные, по сути, данные: перед войной, в 1913 г., на нужды армии и флота власть направила треть бюджета (свыше 900 млн руб.). Приводимые им показатели, далее, говорят о том, что и на протяжении предшествовавших 30 лет, по неполному подсчету, правительство уделяло на военные цели из года в год от 21 до 31% бюджета³¹. Военные приготовления не исчерпывались поставками, оплачиваемыми по линии Военного и Морского министерств. Помимо этой трети имперского бюджета, работы военного характера возлагались и на другие ведомства, а сверх того, ежегодных платежей требовало обслуживание внешних займов, употребленных на те же военные цели. «Расходы российского правительства шли в основном на оборону и управление, а не на здравоохранение и образование»³². (Для сравнения: на нужды образования государство уделяло примерно 2% в общей системе своих расходов³³.) Очевидно, что

²⁹ Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001. С. 39; Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 29, 39.

³⁰ Грегори П. Поиск истины в исторических данных // Экономическая история. Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 472.

³¹ Gregory P. Russian National Income, 1885–1913. Cambridge, 1982. P. 250, 253, 256; Jones D.R. Imperial Russia's Forces at War // Military Effectiveness. Vol. 1. The First World War. New Edition. Cambridge, 2010. P. 258–259.

³² Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 28, 146; Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001. С. 27.

³³ Загребин С.С. Культурная политика Российского государства в конце XIX — первой трети XX в. (Общенациональные доминанты и региональные особенности). Челябинск, 2006. С. 31.

статистика в руках одного и того же изощренного специалиста получает разнонаправленные истолкования.

Последний этап экономического развития старой России, время войны 1914–1917 гг., оставил историкам мало возможностей для наиболее тонких и точных статистических оценок. Неудивительно, что современные практики, заинтересованные в опоре на исторический опыт, стараясь составить себе представление о народно-хозяйственной стороне Первой мировой войны, извлечь какие-то уроки, теряются в противоречиях. С одной стороны, сведения, приведенные в новом «военно-теоретическом труде», изданном Министерством обороны РФ, говорят о том, что «так называемая “военная промышленность”» России, «слабая сама по себе, когда началась мировая война, оказалась совершенно не подготовленной к ней в военном отношении», что «хозяйственная разруха в России... была наиболее глубокой», по сравнению с другими воюющими странами, и что в результате «царское правительство оказалось в полнейшей кредитной кабале» у союзников. Но, с другой стороны, этот же труд начинается с заявления, что так писать нехорошо, так пишут в «учебниках по истории в ряде западных стран», что подобные суждения — «в корне неверная трактовка»: в ней проявляется влияние «современных событий геополитики» «на оценку исторических событий вековой давности»³⁴. Приведенному соображению о роли современной враждебной «геополитики» недостает убедительности в свете изложенного в самой же этой книге материала.

В 1930 г. А.Б. Кафенгауз подготовил к изданию исследование «Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.)». На основе статистических и всевозможных отчетных ведомственных материалов Кафенгауз построил ряды, показывающие динамику производства в натуральных единицах, прибегая, когда не хватало источников, к косвенным подсчетам. Раскрыть движение промышленного производства в условиях Первой мировой войны ему в конце концов не удалось, что он и признал с полной определенностью. «Для характеристики этих [военных, 1914–1917] лет наш индекс физического объема не годится, — писал он в источниковедческом очерке «Индекс физического объема за 1887–1927 гг. и методология его составления». — Что же касается всех остальных лет, когда таких исклю-

³⁴ Материально-техническое обеспечение русской армии накануне и в период Первой мировой войны. Военно-теоретический труд. СПб., 2015. С. 157–158, 136, 133, 10.

чительных событий не было, то можно полагать, что наш индекс незначительно отклоняется от действительной динамики»³⁵. Предпринятый Ю.П. Бокаревым источниковедческий анализ работы Л.Б. Кафенгауза дал все же иной результат: обнаружилась тенденция к более общему существенному и систематическому отклонению расчетного индекса в сторону преувеличения, да и базой для расчетов послужили Кафенгаузу не «66% всей валовой продукции», как он полагал, а вдвое меньше³⁶. Принципиально важно, однако, то, что и сам Кафенгауз недвусмысленно указал на пределы допустимого в использовании полученных им рядов.

Сложнейшая методически и источниковедчески задача, оставленная нерешенной Кафенгаузом и другими исследователями из-за нехватки материалов, привлекла внимание А.М. Маркевича и М. Харрисона. Они заявляют, что им удалось преодолеть затруднение в виде «отсутствия непрерывного и сопоставимого массива статистических данных о национальном доходе» за 1914–1917 гг.³⁷ Если же все-таки рассмотреть полученный результат с точки зрения исторического источниковедения, то обнаружится, что предложенные новые данные основаны именно на тех показателях Кафенгауза, которые сам он считал непригодными, а о критических наблюдениях Бокарева авторы не упоминают. В вопросе о методологии расчета национального дохода, таким образом, не всегда принимают во внимание спорный характер применимости используемого источника.

Замечательный прогресс в применении вычислительной техники для историко-экономических изысканий, своего рода американизация этой деятельности, порождает понятное влечение, обращаясь к реальности прошлого, построить ту или иную эконометрическую модель, вообще что-либо подсчитать, если отыскиваются хоть какие-нибудь цифровые данные, тем более когда складывается впечатление о «богатстве», — как утверждает Грегори, «обилии» первичной статистической информации³⁸.

³⁵ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 288.

³⁶ Бокарев Ю.П. Темпы роста промышленного производства в России в конце XIX — начале XX в. // Экономический журнал. 2006. № 11. С. 162—163, 173.

³⁷ Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013. С. 6, 7, 43.

³⁸ Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001. С. 12; Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 18, 56.

В то же время он пишет, что не считает достоверными основные официальные статистические публикации, кроме внешнеторговых³⁹. Вообще, по словам этого эксперта, тем, кто работает с материалами исторической статистики, «хорошо известна ее главная слабость: реконструкции временных рядов по валовому национальному продукту или промышленному производству основываются на скудных первичных данных, предположениях и догадках»⁴⁰.

Если действительно обилия, богатства достоверных статистических материалов нет, то, по-видимому, тем более существенное значение для оценок индустриального роста должна приобрести работа с источниками описательного характера. Безграничный объем и разнообразие подобного материала диктуют избрать критерий для его отбора. Практически, поскольку речь идет об исторической действительности России начала XX в., целесообразно привлечь внимание к той проблеме, которая как раз и заявила о себе в противоречивых построениях Грегори. Речь идет о системном использовании данных, касающихся производства вооружений. Во-первых, эта часть народного хозяйства в рассматриваемых условиях пользовалась преимущественным вниманием государственной власти (и поглощала соответствующую часть бюджета). Во-вторых, те возможности, которые здесь существовали, не были беспредельными. Наоборот, поддаются изучению проявлявшиеся материально в повседневной деятельности военно-хозяйственного аппарата империи (включая частную индустрию) ограничения со стороны финансовой, промышленной, технологической, научной сфер. В-третьих, достигнутые в этой области фактические результаты отображают разносторонние усилия общества в интегрированном, подытоженном виде вследствие естественной политэкономической и хозяйственной взаимосвязанности производственных процессов.

Перспективность такого направления работы обусловлена действительным обилием (по сравнению со статистическими материалами) источников, благодаря неплохо сохранившимся и в целом уже давно доступным документам, содержащимся в архивных фондах в России

³⁹ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 209. Между тем специальный анализ официальных публикаций по определенным категориям товаров приводит к заключению, что и таможенные сборники «не дают правильного освещения» предмета (см.: Саввин Н.Н. Русская машиностроительная промышленность // Записки Русского технического общества. 1914. № 11. С. 243).

⁴⁰ Грегори П. Поиск истины в исторических данных // Экономическая история. Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 472.

и за рубежом. Об этом свидетельствует весьма значительная научная литература по истории военной техники, особенно флота. Обширные возможности работы с надежными источниками имеются также и в отношении промышленности, обслуживавшей армию, — артиллерийских, авиационных, автомобильных, оптических, химических и других производств.

К преодолению существующих у исследователей разногласий, обусловленных в значительной мере идеологическими расхождениями, таким путем не прийти, да это и не нужно. Важно лишь избегать односторонности в выборе имеющихся источников и, используя статистические материалы при решении конкретных задач, больше внимания уделять их критическому анализу, сочетать эту работу с другими методами исследования.

REFERENCES

1. *Anan'ich B.V.* Rossiia i mezhdunarodnyi kapital. Ocherki finansovykh otnoshenii. L., 1970 [*Anan'ich B.V.* Russia and international capital. Essays on the history of financial relations. Leningrad: Nauka, 1970]. 316 s.
2. *Bokarev Yu.P.* Ekonomicheskaiia istoriia i ekonomicheskaiia teoriia. Nauchnyi doklad [Economic History and Economic Theory. A Scholar paper]. Moscow: Institut ekonomiki RAN. 2007. 52 p.
3. *Bokarev Yu.P.* Tempy rosta promyshlennogo proizvodstva v Rossii v kontse XIX — nachale XX v. [The growth rate of industrial production in Russia in the late XIX — early XX century] // *Ekonomicheskii zhurnal*. 2006. № 11. S. 158–190.
4. *Bokarev Yu.P.* Tempy rosta promyshlennogo proizvodstva v Rossii v kontse XIX — nachale XX v. [The growth rate of industrial production in Russia in the late XIX — early XX century] Vyp.13 // *Ekonomicheskaiia istoriia. Obzrenie*. Moscow: Moscow State University Publishers, 2007. S. 170–179.
5. *Bovykin V.I.* Dinamika promyshlennogo proizvodstva v Rossii (1896–1910 gg.) [Dynamics of industrial production in Russia (1896–1910)] // *Istoriia SSSR*. 1983. № 3. S. 20–52.
6. *Bovykin V.I.* Finansovyi kapital v Rossii nakanune Pervoi mirovoi voiny [Financial capital in Russia on the eve of the First World War]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 320 s.
7. *Bovykin V.I.* Formirovanie finansovogo kapitala v Rossii. Konets XIX v. — 1908 g. [Formation of financial capital in Russia. The end of XIX century — 1908]. Moscow: Nauka, 1984. 287 s.
8. *Bovykin V.I.* Kontsentratsiia promyshlennogo proizvodstva v Rossii v kontse XIX — nachale XX v. [Concentration of industrial production in Russia in the late XIX — early XX century] // *Istoricheskie zapiski*. Vol. 110. Moscow: Nauka, 1984. S. 154–195.
9. *Bukovetskiy A.I.* Vvedenie v finansovuiu nauku [Introduction to financial science]. Leningrad: Gosudarstvennoe finansovoe izdatel'stvo SSSR. Leningradskoe otdelenie, 1929. 253 s.
10. *Diakin V.S.* Germanskie kapitaly v Rossii. Elektroindustriia i elektricheskii transport [German Capitals in Russia. Electro-industry and electric transport]. Leningrad: Nauka, 1971. 288 s.
11. *Gregory P.* Ekonomicheskaiia istoriia Rossii: chto my o nei znaem i chego ne znaem. Otsenka ekonomista [Russian economic history: What we know and what we don't know. An economist's assessment]. Moscow: Rossiya, 2002. 288 s.

- and do not know. An economic appraisal] // *Ekonomicheskaiia istoriya. Iezhegodnik*. 2000. Moscow: ROSSPEN, 2001. S. 7–97.
12. *Gregory P.* Ekonomicheskii rost Rossiyskoi imperii (konets XIX — nachalo XX v.). *Novye pods'chety i otsenki* [Economic growth of the Russian Empire (the end of XIX century — the beginning of the 20th century). New calculations and estimates]. Moscow: ROSSPEN, 2003. 255 s.
  13. *Gregory P.* Poisk istiny v istoricheskikh dannyykh [The search for Truth in historical data] // *Ekonomicheskaiia istoriia. Iezhegodnik*. 1999. Moscow: ROSSPEN, 1999. S. 471–492.
  14. *Gregory P.* Russian National Income, 1885–1913. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982. 359 p.
  15. *Gudkov L., Dubin B.* Nevozmozhnost' istorii [The impossibility of history] // Vittorio. *Mezhdunarodnyi nauchnyi sbornik, posvyashchennyi 75-letiiu Vittorio Strady*. [Vittorio. International scholar anthology dedicated to Vittorio Strada's 75th Birthday] Moscow: Tri kvadrata, 2005. S. 302–355.
  16. *Il'in S.V.* Promyshlennoie razvitie Rossii ot kontsa XIX v. i do nachala stalinskogo «Velikogo pereloma» [Industrial development of Russia from the end of the XIX century and up to the Stalin «Great Breakthrough»] // *Ekonomicheskii zhurnal*. 2002. № 5. P. 198–215.
  17. *Izmest'ieva T.F.* [Vystuplenie pri obsuzhdenii lektsii S.V. Il'ina o promyshlennom razvitiu Rossii] [Speech during the discussion of the lecture of S.V. Il'in on the industrial development of Russia] // *Konferentsii, diskussii, materialy*. 2004. Sb. nauchnykh trudov Kafedry istorii Rossii. [Conferences, discussions, materials. 2004. A Collection of scholar works of The Department of Russian History.] Moscow: RUDN, 2004. S. 149–153.
  18. *Jones D.R.* Imperial Russia's Forces at War // *Military Effectiveness*. Vol. 1. The First World War. New Edition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 249–328.
  19. *Kafengauz L.B.* Evoliutsiia promyshlennogo proizvodstva Rossii (posledniaia tret' XIX v. — 30-e gody XX v.) [Evolution of industrial production in Russia (the last third of the nineteenth century — the 30s of the 20th century)]. Moscow: Epifaniya, 1994. 845 s.
  20. *Kannegiser I.S.* Zadachi protektsionizma v metalloobrabatyvaiuchshei promyshlennosti [The Tasks of Protectionism in Metal-working Industry]. Saint-Petersburg: Luch, 1915. 44 s.
  21. *Khvostova K.V.* Aktual'nye problemy sovremennoi epistemologii i metodologii istorii [Actual problems of contemporary epistemology and methodology of history] // *Dialog so vremenem*. [Dialogue with Time] 59. Moscow: IVI RAN, 2017. S. 3–17.

22. *Kirchner W.* One Hundred Years. Krupp and Russia. 1818–1918 // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1982. Band 69. Heft 1. 1. Quartal. S. 75–100.
23. *Konotopov M.V., Smetanin S.I.* Razvitie ekonomiki Rossii v XVI–XX vekakh. Izbrannye trudy. V 4-kh tomakh. K 65-letiiu M.V. Konotopa. T. 1. Iz tupika. [The development of economy of Russia in 16th — 20th centuries. Selected works. 4 vols. On M.V. Konotop's 65th Birthday. Vol. 1. Out of the impasse: Economic experience of the world and the path of Russia.] Saint-Petersburg: Aleteia, 2018. 374 s.; Vol. 4. Istoriia chernoi metallurgii Rossii; Pravda o proshlom i buduchshem [A History of Russian Metallurgy: Truth on the Past and Future]. Saint-Petersburg: Aleteia, 2018. 188 s.
24. *Krylov A.N.* Vospominaniia i ocherki [Memoirs and essays]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishers, 1956. 884 s.
25. *Markevich A., Harrison M.* Pervaia mirovaia voina, Grazhdanskaia voyna i vosstanovlenie: natsional'nyi dokhod Rossii v 1913–1928 gg. [First World War, Civil War and Recovery: Russia's National Income in 1913–1928]. Moscow: Mysl', 2013. 109 s.
26. *Marks K., Engels F.* Sochineniia [Works]. Vol. 23. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1960. 907 p.
27. *Marks K., Engels F.* Sochineniia [Works]. Vol. 24. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961. 648 p.
28. Material'no-tekhnicheskoe obespechenie russkoi armii nakanune i v period Pervoi mirovoi voiny. Voiennno-teoreticheskii trud [Matériel and technical support of the Russian army on the eve and during the First World War. Military theoretical study]. Saint-Petersburg: VAMTO, 2015. 348 s.
29. *Ohlin G.* No Safety in Numbers: Some Pitfalls of Historical Statistics // Industrialization in Two Systems. Essays in Honor of Alexander Gerschenkron. New York, 1966. P. 68–90.
30. *Ostrovskii A.V.* Rossiyskaia derevnia na istoricheskom pereput'e. Konets XIX — nachalo XX v. [Russian village at the historical crossroads. Late XIX — early XX century]. Moscow: Tovarichestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2016. 431 s.
31. Rossiia. 1913 god. Statistiko-dokumental'nyi spravochnik. [Russia. 1913. Statistical and documentary reference book]. Saint-Petersburg: Blits, 1995. 416 s.
32. *Savvin N.N.* Russkaia mashinostroitel'naia promyshlennost' [Russian machine-building industry] // Zapiski Imperatorskogo Russkogo Tekhnicheskogo obshchestva [Papers of Imperial Russian Technical Society]. 1914. № 11. P. 243–246.
33. *Shatsillo K.F.* Gosudarstvo i monopolii v voennoi promyshlennosti Rossii. Konets XIX v. — 1914 g. [State and monopolies in military industry of Russia. Late 19th century — 1914]. Moscow: Nauka, 1992. 270 s.

34. *Shatsillo K.F.* Russkii imperializm i razvitie flota nakanune Pervoi mirovoi voiny (1906–1914 gg.) [Russian imperialism and the development of the Navy]. Moscow: Nauka, 1968. 397 s.
35. *Shepelev L.E.* Tsarizm i burzhuaziia v 1904–1914 gg. Problemy torgovo-promyshlennoi politiki [Tsarism and bourgeoisie in 1904–1914. Problems of trade and industrial policy]. Leningrad: Nauka, 1987. 272 p.
36. *Smetanin S.I.* Vtoroi etap industrializatsii Rossii [The Second Stage of Russia's Industrialization] // Ekonomicheskaiia istoriia Rossii XIX–XX vv. Sovremennyi vzgliad [Economical history of Russia of XIX–XX centuries. Modern view]. M.: ROSSPEN, 2001. S. 279–282.
37. *Théry Ed.* Rossiia v 1914 g. Ekonomicheskii obzor [Russia in 1914. Economic review]. Paris: IMCA-PRESS, 1986. 158 s.
38. *Théry Ed.* Ekonomicheskoe preobrazovanie Rossii [Economic review]. Moscow: ROSSPEN, 2008. 183 p.
39. *Voronkova S.V.* Otsenka dinamiki promyshlennogo potentsiala Rossii v 1913–1920-kh gg. (nekotorye metodologicheskie i istochnikovedcheskie aspekty temy) [Estimation of the dynamics of industrial potential of Russia in 1913–1920s. (some methodological and source-research aspects of the topic)] // Industrializatsiia v Rossii. Informatsionnyi biulleten' nauchnogo seminarana [Industrialization in Russia. Information bulletin of the Scholar Seminar]. 1998. № 5. S. 5–22.
40. *Voronkova S.V.* O materialakh obsuzhdeniia i postupivshikh otzyvakh na lektiuiu S.V. Il'ina [On materials of discussion of S.V. Il'in's lecture and delivered comments] // Konferentsii, diskussii, materialy. 2004. Sb. nauchnykh trudov Kafedry istorii Rossii [Conferences, discussions, materials. 2004. A Collection of scholar works of The Department of Russian History]. Moscow: RUDN, 2004. S. 165–167.
41. *Zagrebin S.S.* Kul'turnaia politika Rossiiskogo gosudarstva v kontse XIX — pervoi treti XX v. [Cultural policy of the Russian state in late 19th — the first third of the 20th century]. Cheliabinsk: Abris, 2006. 376 s.

Ключевые слова:

Россия, военная промышленность, сравнительно-исторические оценки; эконометрический и микроэкономический методы, Л.Б. Кафенгауз, В.И. Бовыкин, П. Грегори, К.Ф. Шаццлло.

Vladimir V. Polikarpov

MEASUREMENTS OF RUSSIA'S ECONOMIC GROWTH IN THE EARLY 20TH CENTURY AND THE PROBLEM OF SOURCES

While disputing whether the late Russian Empire experienced a crisis or lived in prosperity, historians are either pessimists or optimists. To confirm their point of view they refer to statistic data, but the resulting quality of both statistical and macroeconomic methods is much lowered by the lack of sources and the specifics

of economic life in Russia.

The most rational approach could be to combine quantitative methods with analysis of descriptive materials.

Industrial, scientific and technical preparations for war, which was of the top interest for authorities and therefore has a vast documentary base could be the key areas of investigation.

The state of affairs in this area shows the limits and opportunities of the country and therefore this information is essential for understanding the general tendencies of its development.

The cumulative experience of historians and economists should be critically analyzed.

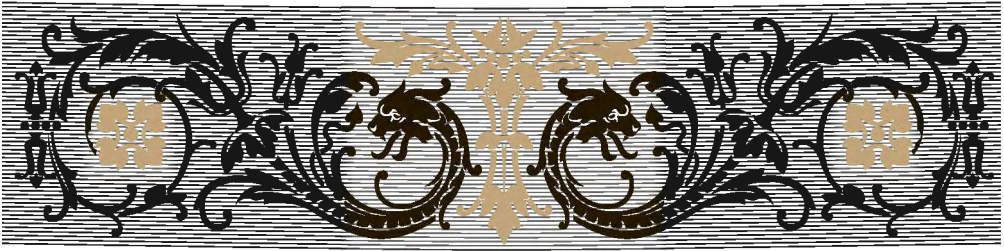
Key words: Russian Empire, military industry; comparative historical estimates, econometric and microeconomic methods, L.B. Kafengauz, V.I. Bovykin, P. Gregory, K.F. Shatsillo.

Vladimir V. Polikarpov — Candidate of Historical Sciences, Member of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History.

 Поликарпов Владимир Васильевич

кандидат исторических наук

член Бюро Секции «История социальных реформ, движений
и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам
русской и зарубежной истории

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.32.002

В.А. Пархоменко

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА 1920 г. : УКРАИНСКИЙ ФАКТОР

аключительным, но важным этапом Украинской революции 1917–1921 гг. и вооруженной борьбы за украинскую государственность стал военно-политический союз, заключенный между Украинской Народной Республикой (УНР) и Польшей в апреле 1920 г. Оценке этого со-

бытия уделяется значительное место в современной украинской историографии. В отличие от советской историографии, украинские ученые не характеризуют Варшавское соглашение 1920 г. исключительно в негативных тонах, стараясь выявить истоки украино-польского союза и его позитивные моменты для Украины. Так, например, Ю. Терещенко отмечал, что договор был определенным успехом украинской дипломатии, позволившим получить военно-политическую поддержку у Польши. Вместе с тем для Варшавы новый союзник был без территории, армии, широкой народной поддержки и это определяло неравноправность условий данного соглашения¹. Оценивая причины, побудившие

¹ Терещенко Ю. Варшавський договір 1920 і його оцінка українською дипломатією // Симон Петлюра у контексті українських національно-визвольних змагань. Фастів, 1999. С.135–137.

С. Петлюру подписать Варшавский договор, С. Литвин делает вывод, что на этот шаг его подтолкнули угроза войны с большевиками и отсутствие реальной поддержки со стороны Антанты². А. Павлюк называет ряд факторов, предопределивших неудачу реализации Варшавского соглашения: во-первых, личностный характер договора (Пилсудский—Петлюра). Оба лидера не смогли убедить свои политические элиты и общество в необходимости данного союза; во-вторых, преувеличение повстанческого размаха крестьянского движения в Украине, как фактора мощной поддержки для наступления украино-польских войск в 1920 г.; в-третьих, отсутствие ожидаемой помощи со стороны стран Антанты³. В. Литвин утверждает, что польско-украинский союз был единственным шансом продолжить борьбу за украинскую государственность в 1920 г., так как позволил еще на год продлить политическую историю УНР⁴. Такого же мнения придерживается и В. Солдатенко: поскольку альтернативные варианты оказались для Петлюры в то время исчерпанными, союз с Польшей был единственно возможным способом для самосохранения УНР⁵. Геополитическая борьба на постимперском пространстве для Польши означала борьбу за свою независимость и «историческое» территориальное наследство; для советской России это была попытка распространить идеи мировой революции в Европе; для Украины — поиск надежного союзника в сложившейся, не простой для нее, международной ситуации начала 1920 г.⁶ Такова общая точка зрения современных украинских историков на взаимоотношения Украины, Польши и России в первые постимперские годы.

Важным источником для понимания процессов, происходивших в 1920 г., служит мемуарная литература участников указанных событий. Мемуарные свидетельства по своей сути не могут быть вполне объективными. Ведь каждый из авторов, так или иначе, пытается показать свое видение причин и последствий. Поддержка и осуждения, нередко откровенная ирония относительно действий оппонентов — эти существенные

² Литвин С. Суд історії: Симон Петлюра і петлюріана. Київ, 2001. С. 374.

³ Павлюк О. Дипломатія незалежних українських урядів (1917–1920) // Нариси з історії дипломатії України. Київ, 2001. С. 386–387.

⁴ Литвин В.М. Україна: доба війн і революцій (1914–1920). Київ, 2003. С. 328.

⁵ Солдатенко В.Ф. Новітні тенденції й актуальні проблеми історіографічного освоєння процесів революційної доби 1917–1920 рр. в Україні // Український історичний журнал. 2008. № 1. С. 83.

⁶ Рудь М.С. Сучасний погляд на витоки польсько-радянської війни 1920 року // Військово-науковий вісник. 2008. Вип. 10. С. 161–162.

признаки мемуарной литературы усиливаются с ростом исторической значимости описываемых процессов. Например, довольно информативным источником есть воспоминания премьер-министра УНР И.П. Мазепы, который негативно оцінював условия Варшавского соглашения для Украины⁷. Из числа украинских военных, принимавших непосредственное участие в боевых действиях в 1920 г., отметим мемуары М.В. Омеляновича-Павленко⁸ и Ю.О. Тютюнника⁹. Сам председатель Директории и Главный атаман армии УНР С.В. Петлюра не оставил воспоминаний, однако его статьи и личная переписка позволяют понять мотивацию многих поступков¹⁰.

Переговоры между УНР и Польшей активно начались еще весной 1919 г., фактически в состоянии войны — польские войска вели тогда борьбу против Западноукраинской Народной Республики (ЗУНР), провозглашенной в ноябре 1918 г. в Восточной Галиции. Так, полковник армии УНР Б. Курдиновский 24 мая 1919 г. подписал с польским министром иностранных дел И. Падеревским военно-политическое соглашение, как основу будущего украино-польского союза. В обмен на западноукраинские земли Польша обещала УНР военную помощь. Тогда это соглашение не вступило в силу и вызвало конфликт между политическими элитами УНР и ЗУНР¹¹.

В июле 1919 г. территория ЗУНР оккупирована поляками. Руководство Директории снова вернулось к идее военного союза с Польшей. 1 сентября военная делегация УНР во главе с полковником П. Липком подписала с поляками перемирие сроком на 1 месяц. Между реками Збруч и Жванчик возникла нейтральная зона, разделившая украинские и польские силы. С октября в Варшаве украинский министр иностранных дел А. Ливицкий вел тайные переговоры с польскими дипломатами. 2 декабря 1919 г. подписано предварительное соглашение, согласно которому граница между Польшей и Украиной устанавливалась по р. Збруч.

В этот период армия УНР оказалась в критическом положении. После тяжелых боев украинские войска оказались в «треугольнике смерти»: Любар — Чорторыя — Острополь, окруженные поляками, большевиками, белогвардейцами. Однако среди украинского генералитета по-преж-

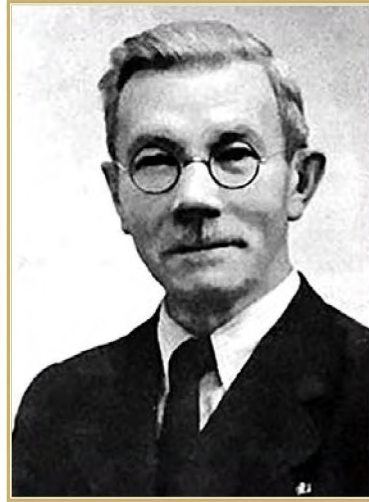
⁷ Мазепа І. Україна в огні й бурі революції 1917–1921 рр. Київ, 2003.

⁸ Омелянович-Павленко М.В. Спогади командарма (1917–1920). Київ, 2007.

⁹ Тютюнник Ю. Записки генерал-хорунжого. Київ, 2008.

¹⁰ Петлюра С.В. Статті. Київ, 1993.

¹¹ Галаган М. З моїх споми́нів (1880-ті — 1920). Київ, 2005. С. 629.

Премьер-министр
УНР (1919–1920)
И.П. Мазепа. 1940-е гг.

нему высказывались надежды, что Антанта «наконец должна заметить нас и не дать погибнуть в Волынских лесах»¹².

В ночь с 5 на 6 декабря Петлюра выехал в Варшаву. На совещании украинских военных принято решение: не переходить на польскую территорию в качестве интернированных лиц, а перейти к партизанским формам вооруженной борьбы. И 6 декабря 1919 г. соединения УНР под руководством генерала М. Омеляновича-Павленко отправились белогвардейскими тылами в свой Первый зимний поход. Мазепа в мемуарах приводит интересный факт: в эти дни Петлюра передал ему проект письма правительству, в котором он как председатель Директории и Главный атаман вооруженных сил складывал свои полномочия и передавал их Совету министров.

В частной беседе он объяснил Мазепе, что, возможно, еще есть шанс договориться с большевиками, а его личность станет этому помехой. Мемуарист ответил, что уход Петлюры от активной борьбы только деморализует армию, а с большевиками в этой ситуации вряд ли удастся договориться о чем-то полезном. После этого Петлюра отказался от своего предложения. На прощание Петлюра передал Мазепе свою шинель, которую считал «счастливой», она была прострелена пулей, еще во время боев за киевский «Арсенал» в январе 1918 г. «Отъехал спокойный, молчаливый. Ни слова не сказал, ни о том, что должны делать в Украине, ни о том, какая именно цель его путешествия за границу»¹³.

¹² Пархоменко В.А. Директорія УНР та Західноукраїнська Народна Республіка в історико-мемуарній літературі. Миколаїв, 2019. С. 94.

¹³ Там же. С. 112.

Но уже 9 декабря состоялась первая личная встреча Петлюры с Ю. Пилсудским, последний заявил, что заинтересован в стабильной Украинской державе, как гаранта и для сильной Польши. Пилсудский не удержался и от «настоятельных рекомендаций» по поводу будущего состава украинского правительства. Он предложил отстранить от членства в Директории А. Макаренко и Ф. Швеца и хотел видеть только власть одного вождя — Петлюры. В министерства УНР Пилсудский предложил трех министров-поляков, чтобы этим «успокоить польские круги». Однако после протестов Петлюры Пилсудский согласился на одного министра-поляка С. Стемповского в качестве кандидата на пост министра земельных дел Украины. Расчет был на то, что министр земледелия поляк не допустит реквизиции польских имений в Украине. Находясь в двойственном положении единственного представителя Директории (номинально еще оставались Ф. Швец и А. Макаренко, которые находились за границей), Петлюра продолжал делать вид, что Директория в форме коллективной власти продолжает функционировать, хотя по существу установилась власть Главного атамана. Название «Директория» придавало его диктатуре видимость законности и преемственности. Но политическая жизнь показала недееспособность существования этого коллективного органа власти. Правда, Мазепа в воспоминаниях отметил о подготовке правительством 14 февраля 1920 г. «Временного закона о государственном устройстве и порядке законодательства УНР», по которому полномочия Директории уже значительно ограничивались. В воспоминаниях, опубликованных в 1930 г., Мазепа по этому поводу приводит отрывок своего письма Петлюре, где писал: «Директория, как верховная власть, среди населения потеряла свою популярность, никто ее не знает, популярно только Ваше имя»¹⁴.

В январе 1920 г. С. Петлюра вновь обращается к Совету Антанты с просьбой помочь вооружением украинскому войску и передачи военнопленных-украинцев из лагерей Италии, Германии, Румынии для воссоздания новой армии УНР. Но положительного ответа так и не получил. Несколько позднее Петлюра писал: «Очарованная воспоминаниями о былой могучей России, великодержавная Европа не хотела помочь чрезмерной борьбе народов, которые создавали собственные демократические государства»¹⁵. Исходя из сложившейся ситуации, Петлюра

¹⁴ Там же. С. 112.

¹⁵ Петлюра С.В. Указ. соч. С. 229.

Слева направо: польский генерал А. Листовский, Главный атаман УНР С. Петлюра, военный министр УНР В. Сальский, командир 6-й Сечевой дивизии М. Безручко. Бердичев. Апрель 1920 г.

принял решение пойти на территориальные уступки Пилсудскому — в обмен на признание им украинской государственности и оказание военной помощи.

Лидер Польской республики пообещал Петлюре сформировать боеспособную армию в составе трех дивизий (в количестве 12 тыс. человек), однако к началу военных действий против большевиков подготовлена одна треть от обещанного количества. Части двух первых дивизий УНР формировались из украинских военнослужащих, интернированных в лагерях Ровно, Луцка, Любара, где находилось до 7 тыс. человек. Однако тяжелые условия содержания, тиф и голод приводили к тому, что ежедневно там умирало по 15–20 человек. Например, в лагере Брест-Литовска за 38 дней (с 27 июля по 4 сентября 1919 г.) умерло 724 украинца¹⁶.

В феврале 1920 г. было начато формирование первой украинской дивизии, которая получила название 6-й Сечевой стрелецкой дивизии, в ее составе находилось 2250 бойцов. В апреле 1920 г. она располагалась в Бердичеве, там Главный атаман осмотрел ее и признал боеспособной.

Вторая дивизия, которая получила название 3-й Железной стрелецкой дивизии, формировалась в Каменец-Подольском и насчитывала около 2 тыс. солдат.

¹⁶ Кривава книга. Дрогобич, 1994. С. 57.

В апреле началась новая фаза переговоров между УНР и Польшей. 3 апреля 1920 г. Варшава предоставила свой проект политического договора и потребовала от делегации УНР немедленного ответа. На тот момент позиции польских войск проходили западнее Коростеня, Житомира, Жмеринки, Ямполья. Ими была оккупирована территория бывшей ЗУНР — Восточная Галиция, а также почти вся Вольнь и Подолье. У Петлюры же фактически не было контролируемой территории. 21 апреля 1920 г. подписано Варшавское соглашение между УНР и Польшей. В начале министр иностранных дел УНР А. Ливицкий подписал с польскими дипломатами политическую конвенцию, которая определяла новую государственную границу¹⁷.

По Варшавскому договору Польша признала Директорию УНР во главе с Петлюрой как Временное правительство Украины. Руководство УНР соглашалось на то, что в составе Польши остаются Холмщина, Галиция и Западная Вольнь с 11 млн жителей, из которых 7 млн были украинцами. Спорным оставался вопрос о Каменецком, Ровенском и Дубенском уездах Волыни.

24 апреля генерал В. Синклер и подполковник М. Дидковский с украинской стороны и майор В. Славек и капитан В. Енджеевич с польской подписали военную конвенцию. Подписание документов сопровождалось соглашением о полной тайне этого договора. Согласно военной конвенции, состоящей из 17 пунктов и предусматривающей совместные действия против советских войск в Украине, польское командование обязывалось провести наступление, но не далее лишь Правобережной Украины (в границах бывшей Речи Посполитой 1772 г.). Договор предполагал подчинение польскому командованию всех украинских частей и полное обеспечение поляками трех украинских дивизий. Украинская сторона обязалась поставлять продовольствие польским частям, а при невозможности этого соглашалась на реквизиции продовольствия и коней у украинского населения. Железные дороги переходили под контроль польского командования. Местом пребывания правительства УНР определялся г. Каменец-Подольский¹⁸.

Заключение договора стало неожиданностью и для правительства УНР, и для представителей украинской политической элиты. Мазепа в воспоминаниях отмечал, что он ничего не знал о подготовке и условиях

¹⁷ Мазепа И. Указ. соч. С. 400–401.

¹⁸ Там же. 546–549.

Варшавского соглашения. Он заявил Петлюре о непопулярности подобного договора в украинском обществе и в связи с этим о сложении с себя полномочий премьер-министра правительства УНР¹⁹.

Глава украинской дипломатической миссии в Будапеште Н. Галаган также писал, что он ничего не знал о подготовке договора и его содержании. По его мнению, не вызывало сомнений, что Польша воспользовалась тяжелым положением Украины и добилась для себя территориальных и экономических приоритетов. 30 июня, после получения подробностей Варшавского соглашения, Галаган подал в отставку²⁰.

Договор осудили различные политические силы. Так, наиболее влиятельные украинские эсеры на своей конференции в Праге (22–24 мая 1920 г.) под председательством М.С. Грушевского заявили, что условия соглашения не отвечают интересам Украины²¹. Реакция галицких политиков (Е. Петрушевич, А. Цегельский и др.) была еще более резкой — Петлюре, согласившегося на передачу территории бывшей ЗУНР Польше, обвинили в предательстве.

Сам Петлюра оправдывал договор с поляками безвыходностью положения УНР, отсутствием боеспособной армии и контролируемой территории. У него был выбор: уйти с политической арены и оказаться в эмиграции. Или же пойти на уступки полякам, попытавшись превратить временный проигрыш в перспективную победу. Природный оптимизм, мистическая уверенность в победе, вера в собственную правоту толкали Главного атамана на продолжение вооруженной борьбы против большевиков.

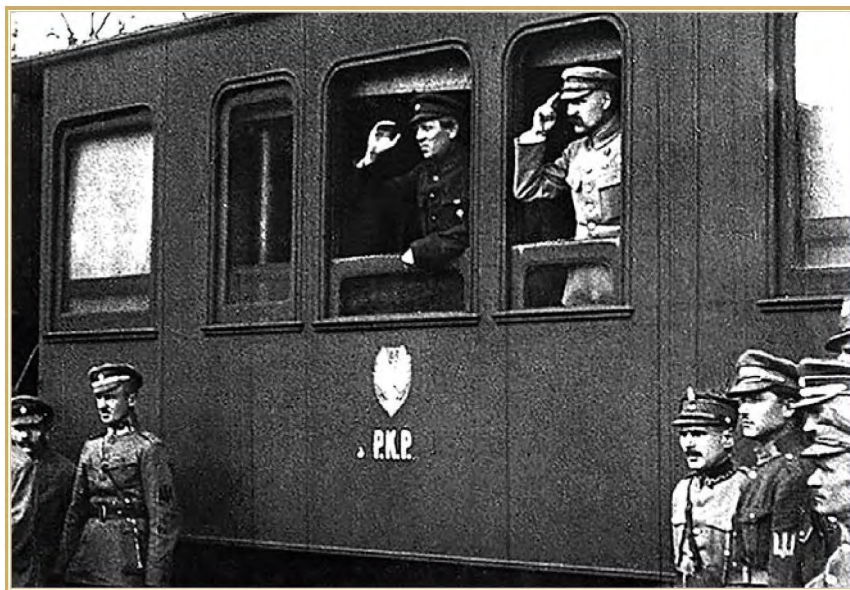
Позднее, находясь в 1926 г. в эмиграции, Петлюра в письме Ю. Гуменюку писал: «Только нечестный демагог может позволить себе говорить о том, что “Петлюра продал” Галичину, Волынь и т.д. Петлюра, если уже говорить правду, несет на себе ответственность за исторические “грехи” и недостатки украинской неорганизованности... путь для украинской государственности пролегает через Киев, а не через Львов... Я уверен, что правильность избранной мной линии оправдывает история»²². Один из немногих современников, кто оправдал Петлюру за союз с Пилсудским в своих мемуарах, был генерал УНР А.П. Греков.

¹⁹ Там же. С. 408–409.

²⁰ Галаган М. Указ. соч. С. 535–537.

²¹ Мазепа И. Указ. соч. С. 417.

²² Петлюра С.В. Указ. соч. С. 330.

С. Петлюра (слева) и Ю. Пилсудский (справа) в окнах вагона.
Винница. Май 1920 г.

Он назвал жизненным для украинской идеи в тех реалиях союз Украины и Польши²³.

На подобный компромисс с украинцами и поляками пошел и сторонник «великой и неделимой России» Б.В. Савинков, возглавлявший Русский политический комитет в Варшаве. Он организовал формирование белогвардейских частей для совместных действий с Пилсудским и Петлюрой против большевиков.

25 апреля 1920 г. началась полномасштабная советско-польская война. Наступление польско-украинских сил против большевиков проходило под лозунгом «За нашу и вашу свободу!». В Украине польские войска наступали силами трех (2, 3, 6-й) армий на Винницу, Бердичев, Коростень. Украинские дивизии наступали на Житомир и Могилев-Подольский, численность этих двух дивизий составляла вначале всего только 3800 человек.

7 мая Киев был занят польскими войсками. Приход в Киев польских войск восьмилетний киевлянин много лет спустя описывал так: «Польские войска недолго занимали Киев. Мальчишек поразил грандиозный парад. Маршировали колонны одинаково обмундированных серо-ли-

²³ Греков А.П. Переговоры украинской директории с французским командованием в Одессе в 1919 году (1918 и 1919 гг. на Украине) // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2004. № 1–2. С. 189.

ловых солдат. Они согласно топали под музыку, высоко задирая ноги... Солдаты кричали дружно, громко и непривычно, вместо “ура” “виват”»²⁴. Украинское население настороженно встретило приход польских войск. Польские коменданты проводили широкие реквизиции продовольствия, расправляясь с «саботажниками». Такое поведение союзников вызвало резкие протесты украинской стороны.

Мазепа в воспоминаниях указывал, что во время личной встречи 16 мая с Пилсудским в Виннице он передал ему ноту протеста на поведение польских войск. Лидер Польши признал жалобы справедливыми и пообещал во всем разобраться. По свидетельству мемуариста, Пилсудский произвел на него впечатление политика способного к компромиссам. «После разговора с Пилсудским я начал склоняться к мысли, что наши представители в Варшаве были слишком уступчивы при переговорах с поляками, и при другой тактике польско-украинский договор мог бы выглядеть иначе»²⁵.

В Виннице также состоялась торжественная встреча Петлюры и Пилсудского, в ходе которой оба лидера отметили схожесть исторических судеб польского и украинского народов, борющихся за свою независимость. Винница стала новым политическим центром — сюда из Каменец-Подольского переехало правительство УНР.

Не сдержала Варшава своего обещания и относительно формирования и комплектации армии УНР. Мобилизация местного населения Вольни и Подолья всячески срывалась. Украинский генерал В.П. Сальский жаловался, что «польская местная власть на каждом шагу чинила препятствия и разгоняла мобилизованных, выступая перед ними в роли защитников от нас, что страшно унижало наше достоинство»²⁶. Не оправдались надежды руководства УНР и на создание местного аппарата украинской администрации. По существу украинские комиссары ничего не решали, а вся полнота власти находилась в руках польского военного командования. Только в Каменец-Подольском, Могилеве-Подольском и Виннице функционировали структуры УНР. Однако традиционное обвинение в узурпации всей власти польским командованием оспаривали в мемуарах представители украинского генералитета — А.П. Греков и Ю.О. Тютюнник. Так, Греков считал, что вина лежит не только на вмешательстве поляков. «За спиной польской армии

²⁴ Копелев Л. И сотворил себе кумира. Харьков, 2010. С. 28.

²⁵ Мазепа И. Указ. соч. С. 411.

²⁶ Там же. С. 423.

Генерал армии УНР Ю.О. Тютюнник
Рисунок 1919–1920 гг.

Генерал армии УНР
М.В. Омелянович-Павленко. 1920-е гг.

Петлюре по обычаю не удалось создать ничего мало-мальски серьезного ни в военном, ни в политическом отношении, и когда ... польские войска были вынуждены покинуть Украину, Петлюра остался все в том же беспомощном положении, как и перед началом наступления на Украину весной 1920 г.»²⁷.

По свидетельству Тютюнника, «даже на три уезда Подолии не хватало уездных чиновников. Зато кандидатов на министров было столько, что всю Европу можно обеспечить. А простых канцеляристов, регистраторов и даже уездных комиссаров на три уезда не хватало»²⁸.

В начале мая с востока с тяжелыми боями к линии фронта приближалась украинская группа генерала М.В. Омеляновича-Павленко (4300 штыков и сабель).

Эта армия, начав в декабре 1919 г. Зимний поход, прошла за 180 дней по тылам деникинцев и большевиков 2500 км. 6 мая войска Омеляновича-Павленко прорвали советский фронт в районе Ямполья и вышли в расположение 3-й украинской Железной дивизии. К этому времени украинская армия уже насчитывала 20 тыс. солдат. Однако по-прежнему испытывала постоянный недостаток амуниции и боеприпасов.

Большие надежды в начале наступления Петлюра возлагал на повстанческое крестьянское движение, которое должно было «взорвать» советский тыл. Европейские эмигрантские газеты с восторгом сообщали

²⁷ Греков А.П. Указ. соч. С. 189.

²⁸ Тютюнник Ю. Указ. соч. С. 230.

о грядущем падении большевистского режима, преувеличивая масштабы повстанческого движения в Украине. «Из Станиславова сообщает комитет повстанческого движения: восставшие овладели Полтавской и Екатеринославской губерниями, частью Харьковской и Херсонской до Одессы. После упорных боев с большевиками вся Средняя Украина в руках повстанцев»²⁹. Однако повстанцы действовали хаотично и значительной помощи войскам УНР не оказали.

В мае 1920 г. Петлюра побывал в Каменец-Подольском, Могилеве-Подольском, Виннице.

Священник 6-й Сечевой стрелецкой дивизии П.П. Билон в мемуарах привел забавный эпизод: когда Петлюра прибыл в Каменец-Подольский, начался торжественный молебен, и переволновавшийся священник П. Табинский, приветствуя Петлюру словами «благочестивейшего, самодержавнейшего, великого государя императора», вызвал в храме оживление и смех среди присутствующих³⁰. Однако реальная власть принадлежала в городах польским комендантам, а распоряжения правительства УНР часто ими игнорировались.

К лету 1920 г. польско-украинская армия утрачивает инициативу и переходит к обороне. Войска УНР завязли в боях у Ямполья. В начале июня под Умань, на Польский фронт, была переброшена советская 1-я Конная армия под командованием С.М. Буденного. Ей удалось прорвать фронт и выйти в тыл польских войск в районе Житомира. Польская армия, опасаясь окружения, начала отступление на линию Коростень—Житомир—Бердичев—Винница. 12 июня большевики заняли Киев. Красная армия отбила у войск Директории Вапнярку и Тульчин. Правительство УНР 7 июня вынуждено было переехать из Винницы в Жмеринку, затем в Проскуров и, наконец, 18 июня в Каменец-Подольский. Под натиском советских войск в начале июля началась эвакуация украинской армии и правительства за р. Збруч уже в «польскую» Галицию. С 14 июля украинские войска удерживали позиции между Днестром и Гусятином³¹.

26 июля украинская кавалерия разгромила 366-й советский полк, в боях отличились бронепоезда «Запорожец», «Кармалюк», «Черноморец». Однако длительное отступление и неудачи на Польском фронте деморализовали войска УНР. В середине августа 1-я Конная армия Бу-

²⁹ Русское дело (Прага). 1920. 26 августа.

³⁰ Билон П. Спогади. Ч. 1. Пітсбург, 1952. С. 52.

³¹ Омелянович-Павленко М. Указ. соч. С. 414—415.

Торжественная встреча С. Петлюры в Каменец-Подольском. Май 1920 г.

денного, преследуя поляков, начала штурм Львова. Но в районе Замостье успешно отразила атаки советских войск 6-я Сечева стрелецкая украинская дивизия³².

В те августовские дни, когда советские войска штурмовали Львов и Варшаву, Петлюра начал переговоры о переходе, в случае разгрома Польши, своих частей в Румынию. Получив информацию о начатых контактах по ведению мирных переговоров между Польшей и советской Россией, Петлюра отсылает возмущенную телеграмму Пилсудскому, заявив, что он самостоятельно также обратится с предложением начать мирные переговоры УНР с Москвой. Но нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин отказался принять главу украинской дипломатической миссии в Варшаве А. Ливицкого и вести переговоры с делегацией УНР, заявив, что большевики признают только Украинскую советскую республику³³.

В этот период УНР ведет также переговоры с представителями генерала П. Врангеля. С большим опозданием, только летом 1920 г. Врангель, в отличие от Деникина, «заинтересовался» украинским вопросом, надеясь объединить действия своих войск с повстанческими отрядами в Украине против большевиков. По мемуарным свидетельствам генерала Я. Слащева, был разработан проект о предоставлении

³² Там же. С. 419, 420, 424, 426.

³³ Мазена И. Указ. соч. С. 428.

автономии Украины в составе Российской Федерации; планировалось создать национальный орган — Украинскую народную громаду; дать разрешение на формирование украинской армии. Однако дальнейшие неудачные для Врангеля военно-политические события нивелировали этот проект³⁴. Представитель украинской дипломатической миссии Л.Е. Чикаленко в Крыму встретился с Врангелем. Тот заявил украинской делегации, что пролитая кровь между петлюровцами и деникинцами не должна помешать общей цели — освобождения родины от большевиков, но политических вопросов предпочел не касаться³⁵. Сам Петлюра был против подписания широкомасштабного политического договора с Врангелем, так как довольно скептически смотрел на возможность признания белогвардейским генералом государственной независимости Украины.

В конце августа случилось «чудо на Висле» — поляки у стен Варшавы разгромили большевиков и сами перешли в контрнаступление. В начале сентября польские войска продвинулись в Украине, заняв Западную Вольнь. Однако Пилсудский информировал Главного атамана УНР, что Польский сейм уже выступил против нового похода на Киев и продолжения войны с Россией, что Петлюре теперь самостоятельно придется вести борьбу. Но если армия УНР сможет самостоятельно взять Винницу, Жмеринку и если украинскую армию поддержит мощное повстанческое движение, то в таком случае Пилсудский пообещал Петлюре вооруженную помощь Польши.

14 сентября украинский Штаб принимает решение начать наступление с целью выхода на р. Збруч³⁶. 16 сентября украинские подразделения перешли Днестр, взяли Чертков, а уже через неделю переправились через Збруч и овладели Каменец-Подольским и Проскуровом. Но в начале октября сильные контрудары Красной армии остановили это продвижение. 12 октября Петлюра отдал приказ перейти в общее наступление на Вапнярку и Жмеринку. Но 18 октября получено известие о заключении предварительного перемирия поляков с большевиками. Следуя указаниям Пилсудского, Петлюра приказал прекратить бои. Перемирие истекало через 20 дней. Весть о перемирии окончательно испортила отношения Петлюры с Пилсудским. Лидер УНР был возмущен тем, что Варшава не

³⁴ Слащев Я.А. Белый Крым. 1920. М., 2013. С. 260–262.

³⁵ Пархоменко В.А. Историко-мемуарна спадщина Л. Чикаленка про події 1919 р. в Україні // Науковий вісник Миколаївського національного університету ім. В.О. Сухомлинського. Історичні науки. 2019. №1 (47). С. 97.

³⁶ Омелянович-Павленко М. Указ. соч. С. 434–435.

сдержала ни одного своего обещания, данного в апреле 1920 г., и не настояла, чтобы вместо делегации советской Украины в переговорах приняла участие делегация УНР. Он убежден, что польский лидер его предал³⁷.

Главный атаман принял решение продолжать борьбу самостоятельно. Он приказал провести широкую мобилизацию в армию УНР в уездах Подолья. Однако войску катастрофически не хватало вооружения, медикаментов и теплой одежды. Известие о подписании перемирия между поляками и РСФСР за счет Украины очень угнетало Петлюру. Мазепа в мемуарах отмечал, что с конца октября Петлюра потерял присущие ему энтузиазм и веру в будущее³⁸.

7 ноября украинские военные, собравшиеся в Ялгущкове на совещание с участием Петлюры, приняли решение, что единственный выход — продолжение борьбы. Предполагалось, собрав все силы, ударить на Винницу, прорвать фронт и устремиться вглубь украинской территории, поднимая крестьянские восстания.

Наступление назначалось на 12 ноября — время окончания перемирия между поляками и большевиками. Украинская армия должна была пробиваться на Жмеринку—Винницу. Общая численность вооруженных сил едва превышала 20 тыс.: в состав армии Петлюры влились 3-я Российская армия генерала Перемыкина (около 3500 бойцов), а также казачья дивизия есаула Яковлева (около 2 тыс. бойцов)³⁹. Эти формирования перешли под командование Петлюры после успешных переговоров Ливицкого с Савинковым. В результате было достигнуто соглашение о признании независимости УНР со стороны той части русской эмиграции, которая ориентировалась на Савинкова.

Однако советское командование решило предупредить наступление армии УНР. 10 ноября части Конного корпуса Червоного казачества прорвали фронт у Шаргорода и двинулись на Могилев-Подольский. Несмотря на прорыв советской кавалерии, Петлюра начал наступление. Украинским частям удалось взять г. Литин в 20 км от Винницы. При взятии станции Котюжаны украинцами было взято 600 пленных⁴⁰. Но на этом наступление закончилось.

14–16 ноября ведутся тяжелые бои за Деражню и Бар. 18 ноября советская бригада Г. Котовского, прорвав фронт, захватила Проскуров.

³⁷ Мазепа И. Указ. соч. С. 433.

³⁸ Там же. С. 432.

³⁹ Там же. С. 436.

⁴⁰ Омелянович-Павленко М. Указ. соч. С. 454.

В этот день состоялось последнее заседание Совета министров УНР. На нем Петлюра выдвинул план отхода войск на Волынь, занятую поляками, чтобы там, на украинской территории, продолжали действовать правительство и армия. Однако Варшава сообщила, что армия УНР может быть только интернирована и размещена в лагерях для военнопленных. Идея некоторых военных начать новый зимний рейд по красным тылам поддержана не была. Петлюра надеялся, что польское правительство все-таки сохранит армию УНР на своей территории как военную единицу. 21 ноября большая часть армии УНР перешла р. Збруч и оказалась на территории, контролируемой поляками. Фактически это означало конец вооруженной борьбы за украинскую государственность.

Последовавшее подписание Рижского мирного договора (18 марта 1921 г.) между Варшавой и Москвой предусматривало запрещение функционирования на территориях обоих государств враждебных другой стороне вооруженных формирований. И польское правительство вынуждено формально запретить деятельность Совета министров УНР, Директории, украинских подразделений на своей территории. Соответственно это означало прекращение и военно-политического союза УНР и Польши, заключенного в апреле 1920 г.

REFERENCES

1. *Lyitvyin V. M.* Ukraina: doba viyn i revolyutsiy (1914–1920) [Ukraine: era of wars and revolutions (1914–1920)]. Kyiv: Alternatyvy, 2003. 488 s.
2. *Lyitvyin S.* Sud istorii: Simon Petlyura i petlyuriana [The Tribunal of History: Simon Petlyura and Petlyuriana]. Kyiv: Vydavnytstvo im. O. Telihy, 2001. 640 s.
3. *Parkhomenko V.A.* Dyirektoriya UNR ta Zakhidnoukrainska Narodna Respublika v istoryiko-memuarniy literaturi [Directory of the UPR and the Western Ukrainian People's Republic in historical and memoir literature]. Mykolaiv: Ilion, 2019. 212 s.
4. *Parkhomenko V.A.* Istoryiko-memuarna spadshchyina L. Chyikalenka pro podii 1919 r. v Ukraini [Historical and memorial heritage of L. Chikalenko about the events of 1919 in Ukraine] // Naukovyy visnyk Mykolaivskoho natsionalnoho universytetu im. V.O. Sukhomlyinskoho. Istoryichni nauky. 2019. № 1 (47). S. 95–97.
5. *Pavlyuk O.* Diplomatiya nezalezhnykh ukrainskykh uryadiv (1917–1920) [Diplomacy of independent Ukrainian governments (1917–1920)] // Essays on the history of diplomacy of Ukraine] // Naryisy z istorii dyiplomatii Ukrainyi. Kyiv: Alternatyvy, 2001. S. 386–387.
6. *Rud M.S.* Suchasnyy pohlyad na vyitoky polsko-radyanskoj viiny 1920 roku [A modern view of the origins of the Polish-Soviet war 1920] // Viiskovo-naukovyy visnyk. 2008. Vyip. 10. S. 152–163.
7. *Soldatenko V.F.* Novitni tendentsii y aktualni problemy istoriohrafichnoho osvoyennya protsesiv revolyutsiynoi doby 1917–1920 rr. v Ukraini [The latest trends and current problems of the historiographic comprehending of the processes of the revolutionary era of 1917–1920 in Ukraine] // Ukrainskyiy istoryichnyiy zhurnal. 2008. № 1. S. 75–88.
8. *Tereshchenko Yu.* Varshavskiy dohovir 1920 i yoho otsinka ukrainskoyu dyiplomatiyeyu // Syimon Petlyura u konteksti ukrainskykh natsionalno-vyzvolnyikh zmahan [Warsaw Pact of 1920 and its assessment by Ukrainian diplomacy // Simon Petliura in the context of Ukrainian national and liberation competitions]. Fastiv: Polifast, 1999. S. 130–139.

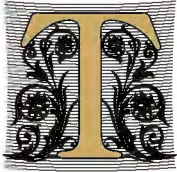
Ключевые слова:

Варшавское соглашение 1920 г., Петлюра, Пилсудский, украинско-польский союз, боевые действия.

Vladislav A. Parkhomenko

POLISH—SOVIET WAR IN 1920: UKRANIAN FACTOR

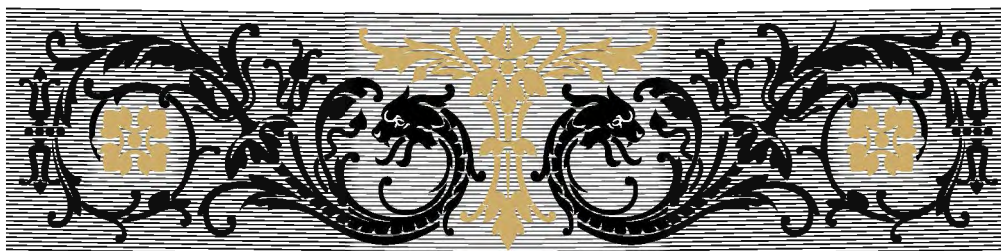
The article analyses the impact of the Ukrainian front on the course of the Polish-Soviet War. Highlighted are the participation of the Ukrainian troops in the 1920 Spring-Autumn campaign and the circumstances which led to the signing of the Treaty of Warsaw (1920). Marked are the factors of political reality in 1917–1920 which led to the failure of the Polish-Ukrainian Alliance.

Key words: Treaty of Warsaw (1920), Symon Petliura, J zef Pi sudski, Polish-Ukrainian alliance, military development.

Vladislav A. Parhomenko — Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of History of Mykolaiv V.O. Sukhomlynskyi National University (Ukraine).

 Пархоменко Владислав Анатольевич

доктор исторических наук, профессор Кафедры истории
Николаевского национального университета им. В.А. Сухомлинского
(Украина)

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.32.003

А.В. Венков

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА: КАЗАЧИЙ ФАКТОР

Одним из важных факторов самоопределения народов (а это актуальная современная мировая проблема) является их историческая память, историческое сознание. Особенно сильно это проявляется в такие общественные кризисы, как революции, гражданские войны, войны между соседними странами. Наиболее воинственное сообщество России — казаки — в полной мере ощутило важность исторической памяти, прибегая к ней на поворотных пунктах своей истории: доказывая право на автономию своих земель во время революции и Гражданской войны или требуя реабилитационных благ в начале 1990-х гг. Но особенностью исторической памяти является и способность «намертво» забывать некие неудобные факты из своей истории. Так, вследствие особенностей нынешнего патриотического воспитания студенты помнят войны и сражения на территории нашей страны, но практически не могут назвать сражения, выигранные А.В. Суворовым на территории Польши, Румынии, Болгарии, Италии, Швейцарии. Проблема памяти донских казаков о своем полиэтничном происхождении зачастую напоминает ситуацию с памятью о победах Суворова.

Происхождение донских казаков — вопрос сложный, достаточно отметить, что верхушка донских казаков имела полиэтнический характер, включая выходцев из разных народов, в том числе армян, грузин, греков, мадьяр, немцев, поляков, татар. После падения самодержавия в 1917 г. об этом вспомнили. Донской историк Е. Савельев писал: «Встречающиеся в настоящее время на Дону чисто польские фамилии: Венцович, Лашкевич, Облакевич, Вансецкий, Ляхницкий и др. произошли от принятых при атамане М.И. Платове в казачье сословие польских разночинцев, сражавшихся в донских полках в качестве добровольцев с врагами России и за свои подвиги удостоившихся получения звания казаков»¹.

Действительно, поляки появились на Дону в XVIII в. и на стыке XVIII и XIX вв. После погрома 1708 г., устроенного царскими войсками на Дону, когда донских казаков погибло больше, чем в живых осталось, населения было мало, казаки записали в Войско привезенных из Польши пленных. Вскрылось это в 1732–1733 гг., когда набирали из казаков переселенцев на Царицынскую линию. И показали тогда некоторые из переселенцев следующее: Раздорской станицы Тимофей Левонтьев «вывезен ис Польши з города Аршавы на Дон и по указу и розыску леты зажил по [1]710 году», т.е. записали его коренным донским казаком; другой поляк был вывезен из Варшавы казаком Митрофаном Константиновым в 1703 г., в службу записан в 1709 г., от роду ему (в 1732 г.) 35 лет, т.е. вывезли его в пятилетнем возрасте, а служить записали с 11 лет; Бабинской станицы Микита Иванов вывезен в семилетнем возрасте из Польши казаком Михаилом Глатким в 1710 г.; Мелеховской станицы Григорий Петров вывезен казаком из Польши «в малых летах» в 1708 г., в казачью службу записан в 1720 г.; Кочетовской станицы Родион Лукьянов «вывезен ис Польши казаком Иваном Кисляковым, а по силе указу [1]710 году на Дону лета зажил»².

Следующий прилив поляков в Войско Донское связан с периодом разделов Польши, присоединения ее территории к Российской империи. Наиболее яркий пример — род Малчевских, служивший в Донском войске и получивший здесь крупные земельные наделы. До сих пор на Дону есть населенный пункт и железнодорожная станция Мальчевская. Малчевские принимали участие в конфедерации в 1768–1772 гг., затем один из представителей этого рода перешел на службу в Войско Донское из

¹ Савельев Е. Правда о происхождении донских казаков // Донской край. 1918. 9 августа.

² О происхождении донских казаков: материалы по истории и генеалогии казачества. Вып. 2. Волгоград, 2013. С. 71, 130, 145, 147, 152, 160, 163 и др.

армии молдавского господаря. Федор Иванович Малчевский, из польских шляхтичей, поступил на службу в Войско Донское с 6 сентября 1782 г., в 44-летнем возрасте, и через год службы, 24 октября 1783 г., был произведен в сотники. Воевал он в составе Донского Войска на Кавказе, на реках Кубань и Лаба³.

Как образец доблестной службы поляков в русской армии приводим выдержку из послужного списка за 1817 г. есаула Николая Федоровича Малчевского 6-го, Войска Донского из штаб-офицерских детей, 1789 г. рождения, в службу вступил с 1 января 1806 г., с 16 лет. В 1807 г. участвовал в кампании в Восточной Пруссии. «За храбрость в сию кампанию против неприятеля оказанную получил знак отличия военного ордена св. Георгия» и в начале 1812 г. был произведен в офицеры. «...При местечке Мире, по храбрости своей, врубаясь в неприятельские эскадроны, наносил им великий вред и, подавая собой пример другим, много служил в совершенном разбитии оногo, причем тяжело ранен в голову два раза сабельными ударами и (в) обе руки по два раза, за что награжден орденом св. Анны 3 класса в сабле»⁴. За полтора года кампании он выслужился из хорунжих до есаула (из лейтенантов до майора) — и получил обилие ран в рукопашных схватках, причем раны ему нанесли такие же поляки, только служившие у Наполеона.

Еще типичный пример: Семен Семенович Поляков (родился около 1770 г., умер в 1810 г.), записанный как «сын шляхтича»⁵, дослужился до квартирмейстера. Участвовал в Русско-турецкой войне и в двух кампаниях по разделу Польши, во время которых взял в плен польского полковника и майора. Стал основателем донского дворянского рода Мигулинской станицы.

Вступившие в Войско поляки (или те, кого считали поляками и дали фамилию «Поляков») несколько отличались от коренных донских казаков по стереотипу военного поведения. Наиболее известные воинские подвиги польской конницы — всегда стремительная лобовая атака с большими потерями, но неизменной победой.

Донские казаки воевали иначе. Они неизменно добивались численно-го превосходства над противником и только тогда атаковали. Казаки старались не нести потерь. Поляк полковник К.А. Бискупский, воевавший в

³ *Корягин С.В.* Малчевские и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 89. М., 2009. С. 5.

⁴ Государственный архив Ростовской области. Ф. 344. Оп. 1. Д. 234. Л. 207–208, 213.

⁵ *Корягин С.В.* Поляковы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 71. М., 2007. С. 81.

1812 г. в партизанском отряде А.С. Фигнера, писал о них: «удивительно как самосохранны всегда и везде»⁶.

В XIX — начале XX в. контакты между казаками и поляками поддерживались постоянно. Казачьи полки постоянно стояли на территории Царства Польского. Так, с 80-х гг. XIX в. и до начала Первой мировой войны из 19 донских полков, несущих службу на постоянной основе, 8 стояли в Польше, в Замостье, Томашове, Бендине, Августове. Следует отметить, что и на подавление польских восстаний XIX в. в первую очередь бросали казаков.

Иметь жену-польку считалось среди казаков престижным. Однако в XIX — начале XX в. местные женщины, родившиеся на Дону, увидели в польских девушках своего рода конкуренток, и на Дону были распространены слухи, что польки — женщины скандальные и самовольные, а хозяйством заниматься не хотят. Но в песенном фольклоре можно усмотреть некое чувство вины казаков по отношению к польским женщинам. Речь идет об известной песне, сложенной, видимо, в XVIII в. и модифицированной в XIX в.:

Говорили нам — Польша богатая,

А узнали мы — голь проклятая...

Сюжет песни следующий: в польской «королевской» корчме пьют три молодых человека — пруссак, поляк и донской казак. Пруссак и поляк расплачиваются за выпитое деньгами, а казак пьет в долг — «по стенке мелит», т.е. чертит на стене мелом количество выпитого и зовет корчмарку с собой на Тихий Дон, где очень хорошая жизнь. Корчмарка соглашается. Казак доводит ее до ближайшего леса, привязывает к сосне, а сосну поджигает. Сосенка горит, корчмарка кричит:

Ой, не верьте вы, девушки, донским казакам.

Донские казаки все обманщики...

Кстати, на Украине и в Польше тоже есть народные песни, где казаки обманом увозят девушек. И не обязательно речь идет о донских казаках, герои там просто «казаки».

К началу XX в. ярких представителей польских родов среди донских казаков становится все меньше. Представители польских родов среди донского казачества уже не играли заметной роли. Последний яркий представитель, оказавшийся «на виду» — Сергей Васильевич Ляхницкий, Семикаракорской станицы, сотник 26-го Донского пол-

⁶ Письма полковника К.А. Бискупского // Наполеон. Альманах за 2008 г. М., 2008. С. 102.

ка, впоследствии депутат Войскового Круга, член военно-следственной комиссии.

Определенную роль в Гражданской войне на Дону сыграл генерал Дмитрий Николаевич Потоцкий (1880–1949), хотя он и не происходил из донских казаков. Потоцкий окончил Пажеский корпус в 1900 г. и Академию Генерального штаба (1909 г.). Из Пажеского корпуса был выпущен хорунжим в Лейб-гвардии Казачий Его Величества полк. После окончания Академии Генерального штаба по Генеральному штабу не служил и вернулся в строй. На фронт Первой мировой войны вышел в составе своего полка, имея чин полковника. В 1915 г. был назначен командиром 25-го Донского казачьего полка, стал георгиевским кавалером. В 1916 г. — генерал-майор и командир бригады 4-й Донской казачьей дивизии.

В начале ноября 1917 г. он прибыл на Дон и был назначен Донским атаманом генералом Калединым командующим Ростовским округом. В конце ноября 1917 г. после четырехдневного сопротивления и осады в Ростовском вокзале сдался Военно-революционному комитету и был отвезен на вспомогательный крейсер «Колхида» в распоряжение матросского отряда, прибывшего из Севастополя. Был обменян на пленных матросов и освобожден. В январе 1918 г. возглавил белый партизанский отряд, который был разбит отрядом Донского военно-революционного комитета. Был взят в плен и доставлен в Петроград, где был заключен в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Весной 1918 г. бежал из заключения и добрался до занятого немцами Киева, где вскоре командование Добровольческой армии назначило его председателем Комиссии по вопросу о военнопленных. Выехал из Киева в Берлин вместе с германскими оккупационными войсками в конце 1918 г.⁷

Все эти факты свидетельствуют, что выходцы из Польши стали основателями ряда донских казачьих родов. Время возникновения этих родов — XVIII и начало XIX в. Процесс «вписывания» поляков в донское казачье сообщество не был одномоментным. Казаки, происходившие из поляков, отличались стереотипом поведения на поле боя. К началу XX в. каких-либо отличий в этих стереотипах не наблюдалось. На территории Войска Донского не было населенных пунктов, где были бы сконцентрированы выходцы из Польши.

Новый этап общения донских казаков с поляками состоялся в годы Гражданской войны и советско-польской войны 1919–1921 гг. Зимой

---

⁷ http://www.hrono.ru/biograf/bio_p/potocki.php

Красные казаки на советско-польской войне. *Первая конная*. Альбом. М., 1938. С. 4

1918/19 г., во время наступления Красной армии на Южном фронте, многие белые казаки бросили оружие и разошлись по домам, остались в тылу наступающих большевиков. Однако проводимая большевиками политика «расказачивания» настроила этих казаков резко против советской власти. Одни восстали, и большевикам пришлось подавлять в тылу Южного фронта знаменитое Верхне-Донское восстание, другие пока что сохраняли нейтралитет, но ждали прихода войск генерала Деникина.

Большевистское руководство приняло решение мобилизовать колеблющихся казаков севера Донской области, пока этого не сделали перешедшие в наступление деникинцы. Однако постановление РВСР о мобилизации казаков на Севере Дона вышло лишь 26 мая 1919 г., когда войска Деникина были практически «на подходе». Первым днем мобилизации объявлялось 15 июня, последним — 22 июня⁸. Впоследствии советские органы признавали, что мобилизованные казаки пошли на сборные пункты не из-за симпатий к советской власти, а «скорее убоялись гражданской войны на своей земле»⁹. Так как мобилизуемые казаки колебались и в Красную армию шли неохотно, советское руководство решило использовать авторитет признанного лидера красных донских казаков Ф.К. Миронова.

Тот в это время командовал Белорусско-Литовской армией, которая вела бои против поляков. 29 мая главнокомандующий Вооруженными

⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 7875. Оп. 1. Д. 15. Л. 25.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1235. Оп. 82. Д. 15. Л. 177.

силами Республики И.И. Вацетис сообщил на Южный фронт, что цель мобилизации казаков сводится к формированию одной кавалерийской дивизии в составе Белорусско-Литовской армии, общее руководство возлагалось на командующего армией, к которому в район Смоленска и надлежало направлять всех мобилизованных казаков «с лошадьми и обмундированием, но безоружных». Штаб новой казачьей дивизии предстояло сформировать там же за счет местных сил¹⁰.

На фронте Белорусско-Литовской армии, с 9 июня 1919 г. переименованной в 16-ю армию, в мае установилось относительное затишье. 23 июня 1919 г. 1253 казака прибыли в район Борисова под Смоленском. Однако Миронов, который должен был формировать казачью дивизию, уже получил новое назначение — формировать Советский казачий корпус — и отбыл в район Саранска. Туда же отныне направлялись все мобилизованные казаки (таковых удалось собрать до 5,5 тысячи)¹¹, которых не успели направить под Смоленск.

Тем не менее формирование дивизии началось. Командовать дивизией был назначен П.М. Боревиц, польский интернационалист, военным комиссаром дивизии стал К.А. Жгун. Дивизии даже было присвоено название «3-я казачья»¹². Дело в том, что в состав 16-й армии входили всего две дивизии — Западная стрелковая, состоявшая из польских интернационалистов, и 17-я стрелковая, включавшая в себя бывшие 1-ю Витебскую и 2-ю Смоленскую дивизии.

Прибывшие казаки представляли собой хороший боевой контингент. Прибывший с ними младший командный состав тоже состоял из казаков, которые в царской армии были взводными командирами, а в революционное время командовали сотнями. Некоторые из мобилизованных успели послужить в Красной армии. Настроение прибывших было, как отмечалось в политсводках, бодрое. Довольно высок был и уровень грамотности. Казаки охотно пользовались библиотекой дивизионного политотдела¹³.

Прибывших казаков хватало на формирование бригады в два полка. Бригаду сформировали, ее возглавил «красный академик» (закончивший военную академию уже при советской власти) Измайлов. Из казаков, прибывших со своими лошадьми, образовали 1-й полк, остальных свели

¹⁰ РГВА. Ф. 7875. Оп. 1. Д. 15. Л. 25.

¹¹ *Воскобойников Г.А., Прилепский Д.К.* Борьба партии за трудовое казачество. Грозный, 1980. С. 70.

¹² РГВА. Ф. 7875. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 12 об.; Д. 5. Л. 35; Д. 7. Л. 29 об.

во 2-й. Тем самым зажиточные и середняки были отделены от бедноты. Однако приток пополнений с Дона прекратился, мобилизованные казаки теперь направлялись в Саранск. И из казаков, прибывших на Западный фронт, было решено формировать не дивизию, а отдельную бригаду. 14 июля командиром бригады был назначен А.А. Дмуховский. Вскоре упали настроение и дисциплина. Политработники объясняли это тем, что казаки «прибыли в голодный центр с хороших вольных хлебов». Мобилизованные по 2–3 дня не видели хлеба. Обмундирование износилось. Вдобавок ко всему в бригаде началась эпидемия сыпного тифа¹⁴.

Агитации политработников казаки не поддавались, так как на практике испытали у себя дома политику «расказачивания». В политсводках отмечалось, что казаки все время интересовались положением на Южном фронте, т.е. тем, что творилось на Дону. Окончательно настроение казаков 1-го полка испортилось из-за отсутствия обмундирования. В полку начались антисоветские разговоры, и три казака даже были убраны из полка за антисоветскую агитацию¹⁵.

1 июля 1919 г. планомерное формирование казачьей бригады было прервано, так как поляки развернули наступление на Минск, Борисов, Бобруйск и далее до р. Березины. 5 июля 1919 г. 1-й полк бригады (командир Мосесов, комиссар Одак), состоявший из мобилизованных, прибывших на своих лошадях, был послан на фронт. Личный состав полка насчитывал 450 казаков.

Когда советские войска 17 июля 1919 г. перешли в наступление, 1-й Донской полк перешел к полякам. В ночь с 17 на 18 июля 1919 г. к ним перешел также полк атамана Лазарева в количестве 620 казаков¹⁶. Возможно, речь идет об одном и том же формировании, а Лазарев возглавил переход и был объявлен атаманом. Всех казаков, кто не ушел к полякам, разоружили и направили в Саранск к Миронову, где они вскоре взбунтовались вместе со всем формируемым корпусом.

Очередной переход казаков к полякам произошел 12 февраля 1920 г., когда группа деникинских войск под командованием генерала Н. Бредова, отступая от советских войск, ушла на контролируемые поляками территорию. В состав бредовских войск входили Отдельная казачья бригада 3-го армейского корпуса Новороссийской войсковой области Вооруженных сил Юга России под командой генерал-майора Спярова (42-й Дон-

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 57; Д. 5. Л. 6; Д. 18. Л.10.

¹⁵ Там же. Д. 1. Л. 58; Д. 6. Л. 6.

¹⁶ <https://voencomuezd.livejournal.com/591967.html>

ской пеший, 2-й Таманский и 2-й Лабинский казачьи конные полки), а также 2-я Терская пластунская отдельная бригада (из состава войск Киевской области Вооруженных сил Юга России).

17 февраля 1920 г. между Бредовым и делегатами Польского Главного командования был заключен договор об интернировании бредовских войск для последующей отправки на подконтрольную Вооруженным силам Юга России территорию. Казакам сохранили холодное оружие (но оно должно было храниться в цейхгаузе) и выкупили у них лошадей, однако разбросали интернированных по трем основным лагерям: Пикулица, Дембия и Щалкув¹⁷. В августе 1920 г. 42-й Донской пеший полк был переброшен в Крым через румынскую границу и принял участие в рядах «Русской армии» П.Н. Врангеля в боях против большевиков.

Вопрос о привлечении казаков в ряды польской армии встал перед польским командованием в июне 1920 г., после начала Киевской операции, начатой Красной армией. В конце мая — начале июня 1920 г. польские войска на Украине начали бои с 1-й Конной армией. В этом крупном кавалерийском соединении служили многие казаки, которые были вынуждены перейти в Красную армию после разгрома на Черноморском побережье Вооруженных сил Юга России. Целые полки и даже бригады и дивизии казаков служили и в других частях Красной армии, наступавшей на поляков.

Всего на Черноморском побережье в марте — мае 1920 г. большевики взяли в плен более 40 тысяч казаков. Подавляющему большинству из них была объявлена амнистия. Казаки моложе 34 лет записывались в Красную армию. Их хотели вовлечь в поход на запад, воплощать в жизнь идею мировой революции. Знаменитый пролетарский поэт Демьян Бедный в стихотворении «Казак Бубнов» писал:

Бубнов, чрез месяц—два с тобой
Я обнимусь в Советской Польше¹⁸.

М.И. Калинин, глава ВЦИКа, посетил летом Дон и Кубань. Он отметил: «Мобилизация прошла хорошо, процент дезертиров небывало мал... Наконец, заключительным благоприятным аккордом был ответ на призыв к борьбе с поляками. Он дал в Донской области довольно большое количество добровольцев. Например, верхнедонской Вёшенский округ дал

¹⁷ Венков А.В. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Вып. 4. Донские казаки в Крыму в рядах «Русской армии» П.Н. Врангеля. Ростов н/Д., 2018. С. 223.

¹⁸ Бедный Д. Казак Бубнов // Трудовая жизнь. 1920. 16 мая.

цельный полк добровольцев (между тем, в прошлом это был самый контр-революционный округ)»¹⁹.

Однако польское командование считало конфликт между казачеством и советской властью на Дону и Кубани неразрешимым и ожидало переход хотя бы некоторой части казаков из Красной армии на сторону Польши. Первые попытки поляков привлечь казаков на свою сторону имели место после первых же боев, когда в конце мая 1920 г. части 1-й Конной армии столкнулись с поляками. 31 мая в районе Бела Церковь к полякам ушла 3-я Донская бригада из 14-й советской кавалерийской дивизии 1-й Конной армии — всего около 800 человек. 20 июля из той же Конной армии к полякам перешел Кубанский полк под командованием есаула И.Я. Лаштабеги (14 августа полк по просьбе казаков был переведен в интернированный корпус генерала Бредова, чтобы присоединиться к войскам Врангеля в Крыму)²⁰.

13 августа 1920 г. в районе Белостока на сторону польской армии перешел эскадрон в 50 казаков из 21-й советской дивизии. Оставшиеся в рядах Красной армии казаки из этого эскадрона вспоминали, что к полякам бежали бывшие офицеры²¹. Вместе с донцами к полякам уходили кубанцы, уральцы и оренбургцы. Из 10-й кавалерийской дивизии 3-го конного корпуса Г. Гая к полякам ушел 59-й Оренбургский полк, сформированный из бывших белых казаков атамана Дутова. Командный состав полка имел родственников в Польше, и это сыграло важную роль при переходе полка на сторону поляков²².

Однако перешедших все же было недостаточно для создания крупных казачьих частей, и поляки обратили внимание на интернированный корпус Бредова. Считалось, что в составе корпуса находятся более 5500 кавалеристов. В корпусе поляки вели вербовку украинцев, латышей, эстонцев, румын и казаков. Кроме поляков, вербовку казаков вели сторонники Петлюры из армии Украинской Народной Республики.

В конце июня 1920 г. польские власти запланировали создание трех казачьих полков — Донского, Кубанского и Терского. Позже решили со-

¹⁹ Калинин М.И. На Дону и на Кубани // Избранные произведения. Т.1. М., 1960. С. 228.

²⁰ Казаки на стороне поляков. 1920. Часть 1 // Kawaleria Przeciwnik w i Sojuznik w Wojska Polskiego w Latach 1918–1921. Toru 2003: <https://beloe-dvijenie.livejournal.com/537965.html>.

²¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 12. Оп. 2. Д. 79. Л. 79.

²² Плюцов В.А. Николай Томин. М., 1966. С. 101.

здать две казачьи бригады — Донскую и Кубанскую (каждая в составе двух кавалерийских полков и артдивизиона).

Во второй половине июля 1920 г. после переговоров между маршалом Ю. Пилсудским и Б. Савинковым было принято решение о формировании на территории Польши казачьей дивизии из желающих принять участие в общей борьбе против большевиков.

В середине июля 1920 г. началось формирование бригады есаула Александра Сальникова в Хрубешуве и бригады есаула Михаила Яковлева в Калише. Затем обе бригады предполагалось слить в дивизию. В бригады записывали казаков, перешедших на сторону поляков, а также завербованных из числа военнопленных и интернированных. Командный состав раздирали противоречия. Перешедший значительно позже с полком на сторону поляков полковник Духопельников хотел присоединить к себе Донскую бригаду есаула Сальникова, мотивируя это своим более высоким воинским званием. Того же хотелось и командиру бригады есаулу Яковлеву, а делегаты терских казаков, служивших в бригаде Яковлева, просили присоединиться к бригаде Сальникова. В конце сентября 1920 г. на территории Польши в общей сложности было около 6—7 тысяч казаков.

В Польше из казаков были созданы, согласно польским данным, следующие части: Отдельная Донская казачья бригада есаула Сальникова (около 900 казаков); Отдельная (Кубанская) Казачья бригада есаула Яковлева (1,7 — 1,9 тыс. казаков); Донской полк полковника Духопельникова (около 900 казаков) в войсках Балаховича; Донской казачий полк (около 600 казаков) в 3-й русской армии; Уральский казачий полк в 3-й русской армии; Терский казачий полк в 3-й русской армии; Оренбургский казачий полк в 3-й русской армии; Кубанский казачий полк в армии Украинской Народной Республики²³.

Эти части приняли участие в боях против Красной армии в рядах польской армии. Согласно советским источникам, 27 августа 1920 г. 4-я кавалерийская дивизия С.М. Буденного в районе местечка Тышовцы вступила в ожесточенный бой с казачьей бригадой есаула Яковлева в 750 шашек и к вечеру этого дня конной атакой разбила ее, захватив 120 пленных, 3 орудия и 200 лошадей. Вот как описывал этот бой Буденный: «...При подходе к Тышовцам разъезды 4-й дивизии завязали перестрелку с разъездами белогвардейской казачьей бригады есаула Яковлева. Казаки стали разбрасывать листовки, в которых содержался призыв к конармейцам переходить на сторону белых и бороться против боль-

²³ Казаки на стороне поляков. 1920...

«Победа была за нами. Полки Красной конницы преследовали отступающих с большими потерями белополяков». *Первая конная. Альбом. М., 1938. С. 54*

шевиков “за самостийность” Дона и Кубани. В момент, когда, преследуя этих агитаторов, разъезды дивизии столкнулись в Тышовцах с бригадой Яковлева, около батальона польской пехоты перешло в наступление из Лацува. Хорошо, что подошли главные силы 4-й дивизии. 2-я бригада с ходу развернулась против пехоты, а белоказаков атаковала 1-я бригада»²⁴. Орудий в казачьей бригаде на тот момент не было, а авангард 13-й польской пехотной дивизии не успел подтянуть артиллерию, потому и не устоял против красной конницы. После сабельного боя казаки из бригады Яковлева под огнем пулеметных тачанок противника откатились за р. Хучва (приток Западного Буга).

29 августа, по советским источникам, у Шевня 11-я кавалерийская дивизия разбила остатки казачьей бригады. После боя у Шевня казаки есаула Яковлева 29 августа отступили в Замостье. Бригада была подчинена командованию группы армий генерала Люциана Желиговского для содействия 10-й пехотной дивизии. 30 августа бригада привела в порядок сотни и в пешем порядке заняла оборону на восточных окраинах города. В Замостье держали оборону 31-й пехотный полк и другие разрозненные подразделения 10-й пехотной дивизии Войска Польского.

31 августа до вечера казаки принимали участие в обороне города. На подступах к нему стали концентрироваться для решающей атаки

²⁴ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2. М., 1965. С. 210.

большие массы конницы одной из сильнейших в Конармии 6-й кавдивизии (начдив И.Р. Апанасенко). Есаул Яковлев двинул несколько сотен уцелевших казаков в конном строю навстречу противнику. Официальная историография 31-го пехотного полка Войска Польского отмечает, что его командир капитан Миколай Болтуц заметил Яковлеву, что приказа на контратаку из штаба 10-й дивизии не поступало. Казачий офицер ответил: «Мне приказ — только Бог, а моим казакам — только я!»²⁵

Выстроив своих малочисленных казаков практически в парадном строю на возвышенности у Чесников, Яковлев заманил конармейцев под огонь своих пулеметов. Передовые эскадроны 6-й кавдивизии были расстреляны с близкого расстояния и пришли в полное расстройство. Буденновцы, прорвавшиеся сквозь огонь пулеметов, были встречены казаками в шашки и также отброшены. Казаки благоразумно удержались от преследования.

Вот как отражен этот бой в дневниках писателя И. Бабеля. Запись от 31 августа 1920 г.: «Наш эскадрон идет в атаку. Скачем версты четыре. Они колоннами ждут нас на холме. Чудо — никто не пошевелился. Выдержка, дисциплина. Офицер с черной бородой... Бегство. Военкомы заворачивают. Ничего не помогает. К счастью, они не преследуют, иначе была бы катастрофа»²⁶.

После подписания предварительного мирного договора между Советской Россией и поляками в армии Украинской Народной Республики, находившейся под контролем Польши, появилась казачья дивизия. Эта сводная казачья дивизия была сформирована в октябре 1920 г. из бригад Яковлева и Сальникова, а также из полка есаула Фролова.

В конце сентября 1920 г., согласно приказу генерала Врангеля от 20 сентября 1920 г. о создании 3-й Русской армии, на польской территории было начато формирование российских, в том числе казачьих частей, подчинявшихся непосредственно Врангелю. Армия создавалась из бредовской группировки, часть которой не успела эвакуироваться в Крым, из остатков Северо-Западной армии белых (вывезенных из Прибалтики) и военнопленных красноармейцев. Командующим армией был назначен генерал Б.С. Пермикин. Армия не успела сформироваться до завершения советско-польских боевых действий. Однако к моменту подписания перемирия в составе 3-й армии была сформирована Сводная казачья дивизия генерала В.А. Трусова.

²⁵ Казаки на стороне поляков. 1920. Часть 1...

²⁶ Бабель И.Э. Конармия. Рассказы, дневники, публицистика. М., 1990. С. 199.

В Русской народной добровольческой армии Булак-Балаховича на октябрь 1920 г. насчитывалось 428 оренбургских казаков. Согласно условиям прелиминарного советско-польского мирного соглашения российские и украинские соединения в польской армии подлежали разоружению, интернированию и последующей демобилизации как иностранные войска. Однако в Крыму и Таврии все еще сражались войска Врангеля, и подлежащие разоружению «иностранные войска» польской армии начали собственное наступление по трем направлениям — на Черкассы, Житомир и Гомель-Речица-Мозырь в рядах армии Украинской Народной Республики и армии Булак-Балаховича.

Казачьи части этой республики, 3-й Русской армии и балаховцев приняли участие в этом октябрьском походе на советскую территорию, который завершился полным провалом. После первых незначительных успехов 3-я Русская армия и украинские войска потерпели ряд серьезных поражений. В декабре 1920 г. казачьи части вынужденно отошли на территорию Польши, после чего в связи с миром, заключенным между Польшей и РСФСР, в начале 1921 г. были интернированы в крепости Торн, а 3-я армия разоружена и расформирована. В мае — июне 1921 г. казачьи части были расформированы, и казакам было предложено либо покинуть Польшу, либо остаться на правах беженцев.

Важнейшей отличительной чертой всех описанных выше событий является то, что нигде ни разу не говорится, что кто-то из перешедших к полякам казаков имеет польские корни, что кого-то из них потянуло на историческую родину. И интернированные части генерала Бредова предпочитали сидеть в лагерях, а не искать родственников. По крайней мере, сведений о таких поисках нет. В тяжелые времена сообщество спланивалось под эгидой своего устоявшегося статуса — вольные казаки, имеющие собственные административные структуры, коллективные собственники общей для всего казачьего войска земли. Память об индивидуальном происхождении каждого в таком случае блокировалась.

REFERENCES

1. *Babel I.E.* Konarmiya. Rasskazy, dnevniki, publicistika [Conarmy. Stories, diaries, journalism]. M.: Pravda, 1990. 480 s.
2. *Budenny S.M.* Projdennyj put' [Traversed path]. Vol. 2. M.: Voenizdat, 1965. 392 s.
3. *Kalinin M.I.* Na Donu i na Kubani [On Don and Kuban] // Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Vol. 1. M.: Gospolitizdat, 1960. S. 227–230.
4. *Koryagin S.V.* Polyakovy i drugie. Genealogiya i semejnaya istoriya donskogo kazachestva [Poles and others]. Vol. 71. M.: Rusaky, 2007. 128 s.
5. *Koryagin S.V.* Malchevskie i drugie. Genealogiya i semejnaya istoriya donskogo kazachestva [Malchevsky and others. Genealogy and family history of the don Cossacks]. Vol. 89. M.: Rusaky, 2009. 128 s.
6. *Plyushchov V.A.* Nikolaj Tomin [Nikolai Tomin]. M.: Voenizdat, 1966. 148 s.
7. *Venkov A.V.* Donskaya armiya. Organizacionnaya struktura i komandnyj sostav. 1917–1920. Vyp. 4. Donskie kazaki v Krymu v ryadah «Russkoj armii» P.N. Vranegelya [Don army. Organizational structure and command structure. 1917–1920. Issue 2. Don Cossacks in the Crimea in the ranks of the «Russian army» of P.N. Vrangell]. Rostov-on-Don: Altair, 2018. 252 s.
8. *Voskobojnikov G.L., Prilepskij D.K.* Bor'ba partii za trudovoe kazachestvo. [The struggle of the party for the labor Cossacks]. Grozny: Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1980. 151 s.

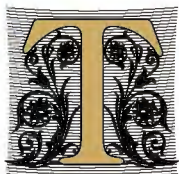
Ключевые слова:

казаки, поляки, происхождение, историческая память, Гражданская война.

Andrey V. Venkov

THE POLISH-SOVIET WAR: THE COSSACK FACTOR

he Don Cossack Host, historically sustaining a complex polyethnic character, included Poles or expats from Rzeczpospolita.

The Cossacks showed a predisposition towards the recruitment of Polish nobles — due to the latter's military experience. Yet there were also cases of Polish townfolk and peasants being accepted into the Cossack Host.

Several Don Cossack families had Polish roots.

With the start of the Soviet-Polish War, there were several cases of Cossacks deserting the Red Army and joining the Polish forces.

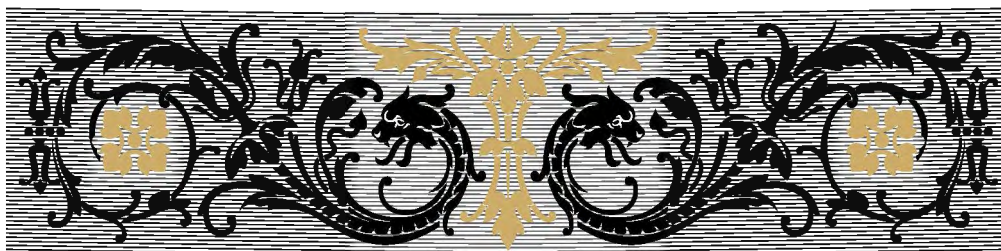
The greatest number of such cases was in 1920. Yet among the Cossack deserters that joined the Poles, we find no descendants of the Polish Cossack families. For the Cossacks in question, switching sides and joining the Poles was seen as a continuation of the Russian Civil War and the fight against the Bolsheviks.

Key words: Cossacks, Poles, origin, Historical Memory, Civil War

Andrey V. Venkov — Doctor of Sciences (History), Professor, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Laboratory of the Cossacks, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS), Rostov-on-Don, Russian Federation.

 Венков Андрей Вадимович

доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией казачества Южного научного центра РАН, член Бюро Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории

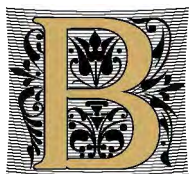

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.32.004

Н.В. Усманов

«БАБЫ С ПЛАЧЕМ УМОЛЯЮТ ЗАЧИСЛИТЬ НА ПАЕК ИХ ДЕТЕЙ»

Газеты Урала 1921–1923 гг. о деятельности
Американской администрации помощи

1921–1923 гг. в Советской России, переживавшей небывалый голод, со спасательной миссией находились несколько зарубежных благотворительных организаций. Среди них наиболее мощной была Американская администрация помощи, известная под аббревиатурой АРА (от английского ARA — American Relief Administration). Кроме Поволжья АРА активно работала на территории Южного и Среднего Урала, также пострадавшей от последствий неурожая и Гражданской войны. Сотрудничая с центральными и местными властями, она обеспечивала продовольствием и медикаментами несколько миллионов советских граждан. Во время пика своей работы она кормила около 10 млн человек¹.

Деятельность Американской администрации помощи в голодающих регионах России долгое время замалчивалась или подавалась с крайне негативными оценками. Попытки объективно осветить работу АРА отечественные историки предприняли лишь с конца 80-х — начала 90-х гг. XX в., когда стали доступны ранее закрытые материалы о продоволь-

¹ Большая советская энциклопедия. Т. 3. М., 1926. С. 191.

ственной поддержке иностранцами граждан Советской страны². Удалось также использовать документы из американских архивов. В целом, однако, история деятельности АРА в Советской России, на мой взгляд, в научной литературе освещена еще недостаточно. Авторы, писавшие о работе иностранных благотворительных миссий в местах голода, игнорировали публикации о них в местной прессе начала 1920-х гг. Не все номера губернских, а тем более уездных газет того времени сохранились. Сами эти издания в это тяжелое для страны время печатались на некачественной бумаге, а шрифт зачастую был нечетким. Из-за этого текст таких газет местами невозможно прочесть. Тем не менее из уральской периодической печати тех лет можно почерпнуть информацию, позволяющую более полно и объективно воспроизвести картину деятельности АРА в данном регионе. Цель данной статьи — показать, как газеты Урала освещали деятельность в регионе этой американской благотворительной организации.

Вопрос о возможности работы благотворительной организации из США в Советской России обсуждался на встречах советских дипломатов с представителями АРА в августе 1921 г. в Риге. Так как исход переговоров не был ясен, руководитель Советского государства В.И. Ленин в письме членам Политбюро ЦК РКП(б) рекомендовал не помещать в печати сообщений о встречах с представителями американской организации, «пока не будет закончена, по крайней мере, первая стадия этих переговоров»³. Однако еще до подписания итогового соглашения не только в центральных газетах, но и в губернских изданиях стала появляться информация о возможных поставках продовольствия для голодающих из-за рубежа. Так, издававшаяся в Оренбурге газета сообщала: «Если переговоры в Риге приведут к благоприятному результату, то запасы продовольствия из Америки, сосредоточенные в Гамбурге, Данциге, Ревеле и Риге, будут немедленно отправлены в Россию»⁴. Согласно заключенному 20 августа 1921 г. Рижскому договору американская сторона обязывалась в течение года кормить горячими обедами в Советской России один миллион голодающих детей. Позднее масштабы работы АРА были существенно расширены, а с весны 1922 г. продовольственная помощь стала оказываться и взрослым. Среди обязательств, которые брала на себя советская

² Обзор публикаций об АРА см.: Усманов Н.В. Помощь американцев голодающим в Советской России в 1921–1923 гг. (по материалам Урала) // Исторический вестник. 2013. Т. 4. С. 158–183.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 98.

⁴ Степная правда. 1921. 19 августа.

сторона по Рижскому договору, было следующее: «Советские власти ознакомят русский народ с целями и методами работы АРА по оказанию помощи с тем, чтобы облегчить быстрое и эффективное развитие таковой»⁵. Это, прежде всего, подразумевало, что деятельность американской благотворительной организации получит освещение в советской прессе.

В Центральной Европе, организуя после Первой мировой войны помощь детям, американцы проводили их медицинское обследование, чтобы выявить действительно нуждающихся в продовольственной поддержке. В России же степень истощенности многих детей была такова, что не требовалось привлекать специалистов-медиков, да их в стране и не хватало.

АРА начала работать на Урале в ноябре 1921 г. В начале этого месяца в Уфу и Оренбург приехали первые сотрудники АРА и почти одновременно здесь были открыты конторы территориальных (окружных) ее подразделений — так называемой Русской миссии. Предполагалось, что из этих городов заграничное продовольствие будет переправляться голодающему населению Уфимской и Оренбургской губерний и двух автономных республик — Башкирской (Малой Башкирии) и Киргизской (Казахской). В зону действия Уфимского отделения АРА с весны 1922 г. вошли также Челябинская и Екатеринбургская губернии, а также часть Пермской губернии. С этого времени оно стало называться «Уфимско-Уральским отделением».

Накануне развертывания работы АРА на Урале полномочный представитель правительства РСФСР при этой организации, член коллегии ВЧК А. В. Эйдук направил в Уфу и Оренбург телеграммы, в которых сообщалось, сколько человек АРА планирует кормить через отделения, открывающиеся в этих городах. Перед местными властями ставилась задача подготовить помещения для складов и столовых. Население призывалось «оказать самое широкое содействие местным подразделениям АРА при осуществлении задачи в короткие сроки открыть столовые для детей». Вскоре в местных газетах было опубликовано это послание⁶. Оренбургские власти через прессу также объявили о сборе среди городского населения посуды и кухонных принадлежностей для организуемых американцами детских питательных пунктов. Каждая семья должна была сдать, по меньшей мере, одну тарелку, ложку и полотенце⁷.

⁵ Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960. С. 284.

⁶ Степная правда. 1921. 4 ноября; Бюллетень Наркомпрода БашССР. 1921. 17 ноября.

⁷ Степная правда. 1921. 11 ноября.

Директор Уфимско-Уральского отделения АРА Уолтер Белл среди мусульманских священнослужителей. Уфа, 1923 г.

Перед началом непосредственной работы американцев в регионе в газетах стали размещаться сведения о том, какая именно помощь будет предоставляться населению и в каком объеме. Информация о прибытии миссии АРА на Урал и открытии ее окружной конторы в Уфе была опубликована в губернской газете. Там же приводились цифры, касающиеся распределения пайков по уездам⁸. Вскоре в Уфе встречали поезд с заграничным продовольствием. Правительственная газета соседней Башкирской АССР (ее столица тогда — г. Стерлитамак) сообщила о том, что первые 20 тыс. пайков предназначены для населения этой республики⁹. В начале ноября 1921 г. директор Уфимской конторы АРА отставной американский полковник У. Белл побывал в Башкирской республике.

Встретившись с ее руководством, он информировал его, что для местных голодающих выделено 30 тыс. пайков из Уфимско-Уральского отделения и 10 тыс. пайков из Оренбурга¹⁰. Информацию о планах по развертыванию иностранной помощи помещали и уездные газеты. Златоустовская газета сообщала читателям, что 1000 американских пайков передаются Златоусту и еще столько же решено «перебросить» в наиболее голодные селения этого уезда¹¹. Оренбургская пресса также информировала жителей о планах американцев по питанию голодающих

⁸ Деревенская газета. 1921. 18 ноября.

⁹ Бюллетень Наркомпрода БашССР. 1921. 12 ноября.

¹⁰ Там же. 1921. 17 ноября.

¹¹ Пролетарская мысль. 1921. 15 декабря.

детей губернии. Сообщалось, что в город прибыл руководитель Оренбургского отделения АРА 27-летний Ф. Лайн, который планировал организовать здесь питание до 12 тыс. человек. Две столовые были готовы принять детей¹².

Информация о завершении подготовительно-организационной работы АРА в Уфе и начале питания детей, беременных женщин и кормящих матерей была помещена в местном партийном офицозе. Там же сообщалось, что на Уфимскую губернию предполагалось выдать 35 тыс. пайков, но затем американцы решили увеличить количество выдаваемых пайков на эту губернию до 45 тыс. Для оказания содействия американцам в их работе на местах создавались общественные так называемые Российско-американские комитеты помощи детям (РАКПД)¹³.

По мере расширения помощи в городах, где имелись врачи и фельдшеры, американцы, как и в Европе, стали проводить медицинский осмотр детей. Объявления об обследовании проживающих в Оренбурге детей и подростков в возрасте от 5 до 14 лет на предмет прикрепления их к столовым АРА для получения «подсобного питания» появились в местной газете¹⁴. В Уфе через месяц после начала деятельности американской организации в печати была размещена информация о создании особых врачебных комиссий для обследования всех заявлений на питание¹⁵.

В местных газетах сообщалось о первых положительных результатах работы АРА. Так, один из инспекторов Уфимско-Уральского отделения этой организации в январе 1922 г. дал следующие сведения о посещении столовой АРА в одной из деревень Стерлитамакского кантона Башкирской АССР: «Дети, которые первое время были не в силах сами ходить в столовые и по истечении семи-десятидневного срока, вполне оправились и бегают уже сами в американскую столовую»¹⁶.

Продовольственная поддержка, предоставляемая иностранцами, не могла охватить всех нуждающихся. В «Известиях БашЦИК», издававшихся в Стерлитамаке, 24 января 1922 г. была напечатана информация о том, что местная конференция РКП(б), состоявшаяся в январе 1922 г., констатируя тяжелое положение жителей автономной республики, выразила надежду на то, что американская организация «не ограничится одной только помощью детям, а также окажет помощь и взрослым, дошед-

¹² Степная правда. 1921. 19 ноября.

¹³ Известия Уфимского губкома РКП(б). 1921. 22, 30 ноября.

¹⁴ Степная правда. 1921. 3, 9 декабря.

¹⁵ Известия Уфимского губкома РКП(б). 1921. 15 декабря.

¹⁶ Известия БашЦИК. 1922. 31 января.

Голодающие дети. Башкирская АССР. 1922 г.

шим до людоедства и трупоедства». Уфимская газета сообщала: «В контору АРА поступает масса постановлений от волисполкомов и селькомов с просьбой усилить помощь»¹⁷. В следующем номере корреспондент этого издания обрисовал такую типичную картину, которую видел у столовой АРА в одной из деревень Уфимского уезда: «Здесь ежедневно расспрашивают, не увеличено ли число пайков для детей, не предвидится ли выдача пайков для взрослых. Бабы наперебой с плачем умоляют зачислить на паек их детей. Они не принимают ссылки на комплект и нормы и повторяют свое “где 450 ест, там всегда может быть сытым [еще] один”»¹⁸.

Американская сторона положительно ответила на многочисленные просьбы с мест о расширении продовольственной помощи России и распространении ее на взрослых. После того как американский Конгресс в самом конце 1921 г. решил оказать содействие Русской миссии АРА в ее работе по поддержке голодающих, советская пресса стала размещать информацию об этом жизненно важном для многих событии. К примеру, оренбургская и пермская газеты сообщали, что Эйдуком получена телеграмма, в которой глава АРА Г. Гувер уведомляет, что президентом США У. Гардингом было пожертвовано голодающим Поволжья 36 млн пудов зерна, а также значительное количество молока¹⁹. Екатеринбург-

¹⁷ Власть труда. 1922. 15 февраля.

¹⁸ Там же. 1922. 16 февраля.

¹⁹ Степная правда. 1922. 1 января; Звезда. 1922. 4 января.

ская газета 6 января 1922 г. вышла с размещенным на первой странице крупным заголовком «Америка пожертвовала Поволжью 40 миллионов пудов хлеба». «В числе 40 миллионов пудов, — уточняла газета, — 36 миллионов пудов хлеба, один миллион пудов семян, а остальное — другие продукты». По данным газеты, Наркомат путей сообщения обязался произвести перевозку продовольствия «аккуратнейшим образом в ударном темпе». Челябинская газета информировала читателей: «Конгресс Соединенных Штатов ассигновал на помощь нам 20 млн долларов или 40 млн рублей, сумма, которая при нашем голодном бюджете должна занять видное место»²⁰. В «Известиях БашЦИК» 24 января 1922 г. была размещена статья под заголовком «Американский подарок и наши задачи», где было сказано: «Помощь американского народа поставлена на широкую ногу, и от нас самих зависит суметь воспользоваться этой помощью». В этом же номере один из руководителей башкирской комиссии помощи голодающим призывал «все население Башреспублики, органы и представителей власти сейчас же приняться за реализацию американского подарка». Новые возможности, появившиеся у американских филантропов, позволили Уфимско-Уральскому отделению АРА распространить распределение помощи еще на три соседние губернии. В связи с этим решением челябинская газета писала: «Расширение работы АРА на Челябинскую губернию следует только приветствовать. Хотя поле деятельности для АРА не узко и в Уфимской губернии и Башреспублике, но было бы неправильно, если бы дар американского народа был распределен неравномерно»²¹.

На деньги, выделенные Конгрессом США, у американских фермеров была закуплена кукуруза. В России ее раздавали голодающим в виде сухих пайков зерна. На Урале кукуруза была преимущественно неизвестным продуктом, поэтому населению сообщались способы приготовления из нее приемлемой пищи. Для этого печатались специальные листовки. Информация о том, как из самостоятельно смолотого зерна кукурузы приготовить кашу, хлеб или суп, размещалась и в некоторых местных газетах²². Население предупреждалось о том, что зерно нельзя есть в сыром виде (такие случаи были, и они нередко приводили к трагическому исходу). Здесь же сообщалось, что рецепты приготовления горячей пищи из кукурузы можно получить во всех комитетах АРА. Так

---

²⁰ Советская правда. 1922. 18 января.

²¹ Там же. 24 марта.

²² Степная правда. 1922. 22 февраля.

как паек все же был невелик, то оренбургская газета, например, давала следующие рекомендации: «Если у кого имеется мука или лебеда, их можно подмешивать к зерновым продуктам для изготовления хлеба»²³. Для ознакомления сельских жителей с содержанием этих полезных советов организовывалось их публичное чтение. В связи с расширением функций РАКПД они были реорганизованы в комитеты содействия АРА. В их состав вводились выборные граждане от местного населения. В Оренбурге контора АРА через газету сообщила об организации 8 городских районных комитетов при их отделении. Было также опубликовано обращение к горожанам с просьбой «сообщить в ближайшие дни фамилии и адреса, изъявивших согласие и достойных лиц, могущих и желающих отдать свой труд комитету»²⁴.

Вместе с кукурузой весной 1922 г. в Россию начали прибывать семена, купленные советским правительством в США за золото через посредничество АРА. В Оренбургскую губернию на 24 мая 1922 г. только пшеницы было привезено 1 203 729 пудов и 12 фунтов, овса — 23 873 пуда²⁵. На начало того же месяца в Екатеринбург прибыли 416 вагонов с пшеницей. Ожидалось прибытие еще 140 вагонов. В екатеринбургской газете, где была опубликована эта информация, сообщалось, что в отличие от зерна, полученного из Сибири, американский семенной материал «очень хорош»²⁶. Пермская газета весной 1922 г. поместила заметку под названием «Мериканский мешок». Ее автор с некоторой долей юмора описывал то, как местные не вполне грамотные крестьяне с изумлением принимали в дар мешки с семенами, помеченные незнакомыми буквами. Они обсуждали далекую и загадочную страну «Мерику», выдвигая фантастические предположения о ее несметном богатстве²⁷.

Продовольственная помощь АРА голодающим России существенно увеличилась летом 1922 г., так как американцы рассчитывали осенью этого года завершить свою деятельность в России. По сведениям оренбургской газеты, на 15 июня АРА кормила в губернии только через детские столовые 193 тыс. человек²⁸. Деятельность АРА через Уфимско-Уральское отделение на 1 августа характеризовалась следующими цифрами, приведенными в местной прессе: в Уфимской губернии американскими пайка-

²³ Там же. 17 марта.

²⁴ Там же. 1 марта.

²⁵ Там же. 27 мая.

²⁶ Уральский рабочий. 1922. 10 мая.

²⁷ Звезда. 1922. 24 мая.

²⁸ Степная правда. 1922. 27 мая.

Открытка АРА для запроса на получение посылки

ми снабжали 502 766 человек, в Башкирской республике — 644 149, в Челябинской губернии — 382 167, в Екатеринбургской губернии — 141 154, в Кустанайской губернии — 60 463, в Перми — 10 тыс. человек²⁹.

Между тем значительная часть трудоспособного населения начинала привыкать к получению бесплатного продовольствия, что беспокоило руководство уральских территорий. «Относительно столовых АРА надо сказать, что их развернули слишком много. Туда ходили и голодные, и ходили ради развлечения, на это тратились колоссальные средства», — отмечалось, в частности, в оренбургской газете³⁰. Партийная пресса с тревогой писала о том, что после сбора урожая 1922 г. сельское население, «забыв перенесенные страдания, начало мотать хлеб направо и налево». Крестьяне значительную часть собранного зерна переводили на изготовление самогона. Когда же зимой 1922/23 г. в деревнях вновь появились признаки надвигающегося голода, то там, как и прежде, стали питать надежды на американскую помощь. «Начинают поговаривать относительно столовых АРА», — с некоторым беспокойством отмечалось, например, одним из ответственных партийных работников в уфимской газете³¹.

Весьма существенной была и медико-санитарная помощь АРА жителям Урала. Газеты информировали население о масштабах поставок

²⁹ Власть труда. 1922. 9 августа.

³⁰ Завод и пашня. 1922. 14 октября.

³¹ Власть труда. 1923. 3 марта.

Содержимое продовольственной посылки от АРА (мука, сахар, жиры, рис, консервированное молоко, чай) — всего весом около 50 кг

заграничных лекарств и госпитального оборудования. В марте 1922 г. в Оренбург прибыл «громадный транспорт патентованных медикаментов». Причем газета, опубликовавшая эту новость, подчеркивала, что таких лекарств в России не было свыше четырех лет³². Весной того же года через миссию АРА началась вакцинация населения от инфекционных болезней. Американцы, используя местную печать, предупреждали, что те, кто попытается уклониться от прививок, лишатся права на получение взрослого пайка АРА³³.

Через американскую организацию некоторые жители Урала имели возможность индивидуально получать продовольственные и одежные посылки. Информация о возможности отправить запрос на специальных открытках АРА за границу своим родственникам или знакомым размещалась в 1922 г. в нескольких уральских газетах. Там же местным профессиональным союзам рекомендовалось обращаться за помощью к подобным объединениям за рубежом. Например, подробная информация о том, как оформить заявку, была помещена в оренбургских и уфимских газетах³⁴.

Газеты время от времени размещали сведения о получении этих посылок. В начале мая 1923 г. в Екатеринбургской губернии, например,

³² Степная правда. 1922. 17 марта.

³³ Завод и пашня. 1922. 13 июня.

³⁴ Степная правда. 1922. 22 февраля; Власть труда. 1922. 9 декабря.

Г.Н. Штальберг.
Екатеринбург. 1922 г.

было выдано 260 вещевых и 500 продовольственных посылок, которые были распределены профсоюзом работников просвещения по всем уездам пропорционально количеству учителей³⁵.

Большую роль в содействии работе Американской администрации помощи играли местные уполномоченные при этой организации. Как правило, это были проверенные партийные работники, бывшие или действующие чекисты. Именно они через прессу разъясняли, что собой представляет американская организация, какие мероприятия она планирует для оказания помощи голодным и больным людям и в какой поддержке нуждается. В качестве примера можно привести обширное интервью, данное екатеринбургской газете уполномоченным представителем от Екатеринбургской губернии при АРА, бывшей сотрудницей ВЧК Г.Н. Штальберг.

Рассказав о работе американцев в Екатеринбургской губернии, она сообщила, что продовольственная помощь будет вскоре увеличена и что, кроме того, они собираются снабдить местные больницы и детские учреждения «возможно большим количеством одежды, обуви и мыла». В заключение она упрекнула местные организации в том, что с их стороны не было того понимания, на которое она была вправе рассчитывать. Она призвала оказать АРА «полное содействие» и «самую активную поддержку»³⁶.

По всей территории своей деятельности АРА выдавала горячие обеды в детских столовых совершенно бесплатно. Однако кое-где со

³⁵ Уральский рабочий. 1923. 9 мая.

³⁶ Там же. 1922. 23 мая.

стороны сотрудников этой организации, набираемых из числа советских граждан, были замечены случаи вымогательства денег у родителей. В связи с этим уполномоченные представители АРА через местную печать оповещали население, что «никакой оплаты за кормление детей взиматься не будет». Оренбургский уполномоченный предупреждал также, что он со своей стороны примет «весьма репрессивные меры против распространяющих эти слухи, вплоть до предания суду Ревтрибунала»³⁷.

Весной 1922 г. в некоторых уральских газетах начали помещаться критические материалы о практике работ питательных пунктов, снабжаемых продовольствием из США. Так, оренбургская газета в апреле опубликовала ряд критических писем по поводу организации питания в столовых АРА в своей губернии. Один из местных жителей жаловался: «В зимний холод, в весеннюю распутицу дети имущих родителей, одетые и обутые, посещают столовые АРА, а действительно голодные дети, не имеющие ни одежды, ни обуви, а также больные, то есть именно те, которым хочет помочь АРА и которых надо спасать от голодной смерти, не могут посещать столовые и обрекаются на муки и смерть». Другой читатель газеты обращал внимание на следующие вопиющие факты: «Хотя ребенок и болен, но ему все равно приходится идти или быть принесенным кем-либо из старших в семье и таким образом ясно, что здоровье ребенка окончательно подрывается. Если ребенок заразно болен, то эта зараза переносится на других детей». Как отмечала редакция газеты, другие письма были «в том же духе». В связи с этим американцам предлагалось разрешить отпускать пайки на дом больным детям и тем из них, кто не имел обуви³⁸. Руководство Русской миссии АРА прислушивалось к подобным замечаниям советской прессы и старалось исправить некоторые недостатки в своей работе.

Летом 1922 г. критический материал о столовых и распределительных пунктах АРА, которые обслуживались местным персоналом, увеличился. Вот что писал в оренбургскую газету о выдаче кукурузы в Оренбурге один из ее читателей: «Почти половина всех выдающихся пайков попадает не по прямому назначению голодающим и больным, а разным домовладельцам, спекулянтам и прочей публике, которая не брезгует даже и тем, что вырывает кусок хлеба у голодных умирающих детей»³⁹.

³⁷ Степная правда. 1922. 10 января.

³⁸ Там же. 7 апреля.

³⁹ Там же. 5 июля.

В пермской газете под рубрикой «Письма читателей» сообщалось, что в «первую очередь» в столовые АРА зачисляются дети по персональным заявлениям граждан. Списки же, представленные профсоюзами, откладывают во «вторую очередь», когда будут даны дополнительные пайки. В результате этого «дети торговцев-спекулянтов получают обеды», а дети из «второй очереди» «ни разу не могут пообедать». Другой автор упрекал американцев в том, что вопрос об открытии столовых они решают с местной интеллигенцией. Это письмо от читателя одной из волостей было опубликовано под саркастическим заголовком «Нашли кого спросить!»⁴⁰. В екатеринбургской газете также отмечалось, что «попы, кулаки и иные, более чем подозрительные “типы” кормятся вокруг и около уч-

Карикатура на организацию питания в ряде столовых АРА. 2 августа 1922 г.

реждений АРА». Правда, автор заметки оговаривался, что сама американская организация «имеет доброе намерение помочь голодающим»⁴¹. В этой же газете под заголовком «Этого ли хочет АРА?» была помещена карикатура, касающаяся работы некоторых питательных пунктов.

На рисунке изображено, как в столовую входят священник и кулак с упитанной дочерью в нарядном платье, а у порога в напрасном

⁴⁰ Звезда. 1922. 21 июля.

⁴¹ Уральский рабочий. 1922. 2 августа.

Плакат АРА. 1922 г.

ожидании помощи стоят и лежат истощенные бедняки. Внизу размещался комментарий: «Столовые АРА в Каслях, Верхнем Уфалее и других местах кормят совсем не тех, кто голодает»⁴². Такие случаи имели место, но их виновниками были местные служащие иностранной организации. На территории Урала, по моим данным, за все время работы АРА находилось всего 25 человек, приехавших из США для организации помощи голодающим. Им, конечно, было невозможно уследить за действиями всех своих работников. Видимо, по просьбе американцев газеты Урала не раз подчеркивали, что иностранцы приехали именно с целью оказания помощи бедствующим жителям. В одном из номеров оренбургской газеты, например, отмечалось: «Организация АРА приехала сюда исключительно с целью поддержать голодающее население, и если бывают случаи, когда некоторые из инспекторов или других служащих нарушают общие правила, это делается тоже без ведома дирекции АРА»⁴³.

По мере расширения американской помощи популярность АРА среди населения росла. Это вызывало определенное беспокойство как цен-

⁴² Там же. 16 августа.

⁴³ Оренбургский рабочий. 1923. 16 февраля.

тральных, так и местных властей. Партийным пропагандистам предписывалось формировать «правильный взгляд» на «буржуазную» организацию. Так, газета Сарапульского уезда Пермской губернии «Красное Прикамье» сообщала, что во время встречи американских сотрудников АРА с трудящимися Сарапула председатель местного исполкома, поблагодарив их за помощь (городу и уезду было предоставлено 27 тыс. пайков), все же указал, что в «организации этой помощи есть большая доля и американского пролетариата». Он же, как сообщила газета, не скрыл от представителей АРА, что «в неисчисляемых бедствиях Советской Республики виновата политика удушения Советской России, которую вели буржуазные страны». Этот материал был перепечатан в пермской газете⁴⁴. Позднее в последней указывалось: «Американская буржуазия совершенно свободно могла бы прокормить и в десять и в двадцать раз больше того количества, которое находится у нее на иждивении сейчас»⁴⁵. Корреспондент газеты, побывавший в нескольких местах Пермской губернии, с некоторым недоумением отмечал: «Где только не знают слово “АРА”? Даже в тех районах, где вовсе АРА не работает, а кормит детей наш Помгол, или какая-либо другая организация, и если вы там спросите обывателя, кто им помогает, то получите ответ: “АРА какая-то”»⁴⁶.

Летом 1922 г. в стране был собран неплохой урожай. Однако значительная часть населения, особенно дети, все еще нуждалась в помощи. Поэтому благотворительные зарубежные организации решили не прекращать свою работу. Продолжалась деятельность АРА и на Урале. Американская организация работала здесь во второй половине 1922 г. и первой половине 1923 г. При этом размеры продовольственной помощи были существенно сокращены. В основном поддержку получали детские дома и приюты, некоторые стационарные больницы. В это время информация о работе американской организации в уральских газетах появлялась уже крайне редко.

Для американцев, базировавшихся в Уфе и Оренбурге, за счет губернских властей выписывались как центральные, так и местные советские газеты. Сотрудники АРА внимательно следили за тем, чтобы их деятельность правильно освещалась в прессе. Особенно тщательно местную периодическую печать читал новый руководитель Оренбургского отделения АРА У. Колеман, заменивший менее опытного Ф. Лайна.

⁴⁴ Звезда. 1922. 23 июня.

⁴⁵ Там же. 17 августа.

⁴⁶ Там же. 24 сентября.

Директор Оренбургского отделения АРА Уолтер Колеман. Москва, 1922 г.

Он не раз посылал письма в редакцию оренбургской «Степной правды» по поводу тех или иных публикаций на ее страницах. Стоило только этой газете, например, в одном из номеров допустить небольшой пропуск в перечне американских продуктов, поступивших для голодающих оренбургского округа АРА, как Колеман тут же попросил редактора внести поправку: «Позвольте обратить Ваше внимание на то, что в Вашей статье от 10 апреля Вы упустили важное сведение о 4986 пудов муки. Не будете ли любезны исправить это?»⁴⁷ В другой раз его возмутила заметка о работе бригады по очистке улиц Оренбурга от мусора и грязи. Он отметил, что газета забыла упомянуть о том, что этот коллектив был создан по предложению местного отделения АРА и занятые в нем рабочие получали американский паек⁴⁸. Особенное негодование американца вызвала публикация в «Степной правде», в которой утверждалось, что «только дети состоятельных родителей в состоянии пользоваться привилегией столовых АРА». По этому поводу Колеман заявил: «Кто думает это, пусть посетит одну из 186 столовых, которые действуют в Оренбурге, и переменит свое мнение. АРА теперь кормит в Оренбурге 31 718 детей и больных и, по нашим наблюдениям, только очень незначительный процент может быть назван детьми состоятельных родителей»⁴⁹.

⁴⁷ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 277. Л. 1.

⁴⁸ Hoover Institution Archive (HIA). Russian Unit. Box 67. Folder 1.

⁴⁹ ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 277. Л. 257.

В советских газетах не часто помещались материалы, в которых выражалась открытая благодарность Американской администрации помощи. Так, в челябинской газете была размещена короткая заметка о работе столовой АРА на 150 человек в деревне Кораблево Челябинского уезда. Автор, подписавшийся как «Крестьянин», похвалив «светлую, чистую» столовую и приготовленную в ней еду, сделал следующее заключение: «Для кораблевских крестьян эта столовая оказала большую помощь»⁵⁰. В заметке другого сельского корреспондента, опубликованной 6 января 1923 г. в уфимской газете, шла речь о помощи американцев жителям его родного села Лагерево в 1922 г. В этом селе с семьями жили 280 хозяев-башкир, и от голода умерло 130 человек. «Остальные, — писал корреспондент, — питались кошачьим, собачьим мясом, ожидали последние минуты жизни на белом свете. Вот как раз в это время пошли слухи, [что] организованы комиссии помощи голодающим, через которые получено много хлеба, и действительно, через несколько дней видны были вывески “Столовая Ара № 1, № 2” и около них толпами толкались массы». «Вот эти-то столовые, — делал вывод селькор, — спасли остатки крестьянства».

Подобных публикаций в советской прессе того времени, так высоко оценивающих вклад американцев в борьбу с голодом, было немного. Большевистское руководство Советской России предписывало местным властям быть осторожными в отношениях с зарубежной организацией. Газетам же давалось прямое указание, с одной стороны, не допускать серьезных выпадов против АРА, которые могли бы помешать ее работе, а с другой стороны, не позволять себе излишнего ее восхваления. В январе 1922 г. через органы ВЧК в местные партийные организации была направлена шифрованная телеграмма секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова, в которой указывалось: «Ввиду огромного значения предъявляемого американскими общественными кругами выступления прессы ... предлагается всем провинциальным газетам воздерживаться от самостоятельных работ». Изданиям рекомендовалось сосредоточиться «исключительно на перепечатывании столичных газет». «Что касается информации и хроники о деятельности АРА, — отмечалось в телеграмме, — предлагается провинциальным газетам освещать наиболее полно и объективно, без придирчивости со стороны газет»⁵¹.

⁵⁰ Советская правда. 1922. 5 сентября.

⁵¹ Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 77. Оп. 1. Д. 500. Л. 11–11 об.

Перед окончанием миссии АРА в России руководитель ее Уфимско-Уральского отделения У. Белл написал прощальную статью для уфимской газеты. В ней он подвел итоги почти двухлетней работы руководимого им территориального подразделения АРА⁵². Однако редакция газеты не стала ее размещать, ограничившись лишь краткой сухой информацией за подписью Белла, где читателям сообщалось о завершении работы АРА в округе. Там же было помещено объявление, что те, кто имеет неоплаченные счета и претензии к американской организации, должны обратиться в ее контору не позднее 30 июня 1923 г.⁵³ Оренбургские газеты также никак не отметили отъезд окружной миссии АРА, так много сделавшей для спасения жителей губернии. Зато в народе появились частушки, которые по-доброму освещали деятельность АРА⁵⁴.

Советская пресса Урала, следуя указаниям Москвы, освещала работу Американской администрации помощи в регионе, которая оказала неоценимую помощь по спасению голодающих местных жителей, оставив в душах их и в памяти их потомков глубочайшую благодарность далекой стране и ее людям.

⁵² НИА. Russian Unit. Box 129. Folder 5.

⁵³ Власть труда. 1923. 28 июня.

⁵⁴ Там же. 1922. 11 августа.

REFERENCES

Usmanov N.V. The assistance of Americans during the Famine of Soviet Russia in 1921–1923 (using resources of the Urals) [Pomoshch' amerikancev golodayushchim v Sovetskoj Rossii v 1921–1923 gg. (po materialam Urala)] // Historical Bulletin. 2013. V. 4. P. 158–183.

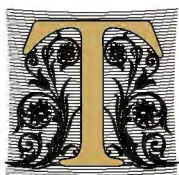
Ключевые слова:

год 1921–1923 гг., Американская администрация помощи, Урал,
Башкирская АССР, советские газеты.

Nael V. Usmanov

«WOMEN IN TEARS PLEADED TO ENLIST THEIR CHILDREN FOR A FOOD RATION»

(Ural Newspaper about the Operation of the American Relief Administration in 1921–1923)

The article examines the operation of the American Relief Administration (ARA) during the 1921–1923 famine in Russia as it was depicted by local newspapers. Cited are the records published in Ufa, Orenburg, Chelyabinsk, Yekaterinburg, Perm provinces and Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, about the scale of food and medical supplies, and other help provided by ARA.

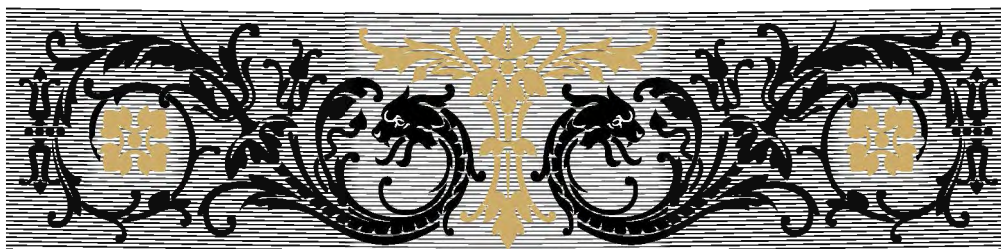
Altogether the operation of that foreign organization was highlighted by Soviet Newspapers objectively. Publications in the Ural periodical press have been quite supportive. The ARA's famine relief operation had saved millions of lives.

Key words: Famine, American Relief Administration, Ural, Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, Soviet Newspapers.

Nael V. Usmanov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of History, Philosophy, Social and Humanitarian Sciences of Bashkir State University branch Birsky, Member of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History.

 Усманов Наиль Вакилович

кандидат исторических наук, доцент Кафедры истории, философии и социально-гуманитарных наук Бирского филиала Башкирского государственного университета, член Бюро Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.32.005

Й. Шнелле

«ВРАГ МОЕГО ВРАГА»: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПАРТИИ «МУСАВАТ» В ГЕРМАНИИ (1933—1939)

ного сказано и написано об азербайджанской политической эмиграции особенно с тех пор, как распался Советский Союз и Азербайджан восстановил свою независимость¹. Однако взаимоотношения между азербайджанской политической эмиграцией и правящим режимом в Германии в межвоенный период рассмотрены всё же поверхностно. Этот факт примечателен тем, что после немецкого вторжения в СССР ряд видных азербайджанских политиков, находившихся в изгнании, немедленно согласились сотрудничать с руководством Германии в надежде на восстановление собственной государственной независимости. Этот шаг являлся не только результатом радикального изменения

¹ См., напр.: *Oruçlu M. Azərbaycanca və mühacirətdə Müsavat partiyasının fəaliyyəti. 1911–1992.* Bakı, 2001; *Qasımlı M. Azərbaycan Türklərinin millî mücadələ tarixi. 1920–1945.* İstanbul, 2006; Из истории азербайджанской эмиграции. Сборник документов, произведений, писем. М., 2011; *Мамулла Г., Абуталыбов А.* Страна огней. В борьбе за свободу и независимость. Политическая история азербайджанской эмиграции 1920–1945 гг. Париж; Баку, 2014; *İbrahimli X. Azərbaycan mühacirəti tarixi.* Bakı, 2015; *Balayev A. Məmməd Əmin Rəsulzadə. Qürbətdə Vətən Davası 1923–1943.* Bakı, 2019.

геополитической ситуации, но и кульминацией отношений, начавшихся уже в 1930-х гг.

По имеющейся на сегодняшний день литературе можно выделить два противоречащих друг друга нарратива, касающихся связи азербайджанской эмиграции с Германией до 1941 г. Особенно в кавказской и азербайджанской историографии подчеркивается демократическая ориентация видных азербайджанских деятелей и, следовательно, утверждается, что они отрицательно относились к тоталитарному немецкому режиму². Типичным для этого специфического дискурса является, к примеру, следующее пояснение известного азербайджанского историка Дж. Гасанлы: «The leaders of the Caucasian emigrants, who played an active role in the Prométhée movement had a negative attitude toward Hitler. As Noe Jordania (one of its leaders) noted, Germany [...] could not restore the independence of Georgia. He made it clear that the fate of the Caucasian emigrants was linked with the democratic forces of the world. Jordania's views were shared by Rasулzade. After the fascists came to power in Germany, he expressed his opposition to Hitler, accusing him of ignoring democratic principles and establishing a dictatorship»³.

Если в данных книгах вообще упоминается о том, что азербайджанские политические эмигранты с середины 1930-х гг. пытались привлечь интерес представителей власти Германии к своей освободительной борьбе, то делается ссылка на то, что это было сделано исключительно по прагматическим соображениям. И в этом случае отрицается возможность того, что представления об идеологической близости или симпатии к национал-социализму как таковому тоже могли играть роль в этом деле. Политические симпатии азербайджанской эмиграции до начала германо-советской войны, по мнению Г. Мамулия и Р. Абуталыбова, «были всецело на стороне западных демократий»⁴.

В трудах ряда российских историков налицо обратная тенденция — попытка реабилитировать советский миф о политических эмигрантах как послушных пособниках немецких или фашистских интересов. Опираясь на пресловутые ненадежные донесения советских

² *Yaqublu N. Azərbaycan milli istiqlal mübarizəsi və Məhəmməd Əmin Rəsulzadə. Bakı, 2001. S. 98; Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде. На чужих берегах 1922–1943. М., 2013. С. 220–221.*

³ *Hasanli J. Leadership and Nationalism in Azerbaijan. Ali Mardan bey Topchibashov, Founder and Creator. London; New York, 2018. S. 212–213.*

⁴ *Мамулия Г., Абуталыбов Р. Указ. соч. С. 413, 426, 429, 539–540.*

агентов, здесь утверждается, что уже в 1930-х гг. существовали тесные связи между азербайджанскими политическими деятелями в эмиграции и немецкими ведомствами, в частности с военной разведкой — абвером. Согласно этой версии, коллаборация началась не после 1941 г., а уже в 1930-е гг.⁵

Данная статья посвящена довоенным отношениям «Мусават», бывшей правящей партии Азербайджанской республики (1918–1920 гг.) и самой активной азербайджанской партии в эмиграции, с представителями власти в Германии в 1933–1939 гг.: какую роль играл Берлин как возможный союзник «Мусавата» в данное время? Был ли поворот этой партии в сторону Германии, произошедший в середине 1930-х гг., основан исключительно на прагматических или также на идеологических соображениях? С чем обращался «Мусават» к соответствующим государственным и партийным учреждениям Германии? Как относились они к этой партии?

Третий рейх во внешнеполитической тактике партии «Мусават»

Веймарская республика играла как союзник лишь несущественную роль для партии «Мусават». Причиной этого было, во-первых, что Германия после подписания Версальского договора перестала быть значительным международным актером, а во-вторых, что немецко-советские отношения после Рапальского договора (1922 г.) не только нормализовались, но и перешли в тесное экономическое и военное сотрудничество⁶. При таких обстоятельствах мусаватистам нельзя было рассчитывать на эффективную поддержку со стороны немецкого государства. Эта картина кардинально изменилась с приходом к власти НСДАП в январе 1933 г. Ее радикальный антибольшевизм и национализм являлись для антибольшевистских и национальных освободительных движений факторами того, чтобы рассматривать новое правительство Германии как многообещающего союзника. Впоследствии целый ряд из них вступил в контакт с немецкими ведомствами в надежде на политическое сотрудничество. Среди них с середины 1930-х гг. находилась и партия «Мусават».

⁵ Соцков А.Ф. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. М., 2003. С. 114–127; Зданович А.А. Польский крест советской контрразведки. Польская линия в работе ВЧК-НКВД, 1918–1938. М., 2017. С. 385–389.

⁶ Laqueur W. Russia and Germany. A Century of Conflict. London, 1965. P. 126–144.

Ее поворот к Германии был обусловлен разными причинами, как прагматическими, так и идеологическими.

После вторжения 11-й Красной армии в Азербайджан весной 1920 г. и вслед за тем установлением советской власти политические надежды азербайджанской эмиграции возлагались в основном на западные демократии и на Турцию. Но с растущей интеграцией СССР в западную систему дипломатии и союзов, выражающейся в первой половине 1930-х гг., между прочим, в франко-советском сближении и вступлении СССР в Лигу Наций, все больше и больше стало ясно, что эти надежды едва ли сбудутся. Турция, являющаяся в 1920-е гг. политическим центром партии «Мусават», уже в 1925 г. заключила пакт о ненападении и нейтралитете с СССР. С этого момента турецкие ведомства под советским давлением начали чинить препятствия политическим эмигрантам⁷. В связи с продлением пакта в 1931 г. Турция взяла на себя обязательство «депортировать из страны наиболее активных политэмигрантов из СССР и полностью прекратить любую антисоветскую пропаганду с их стороны». Впоследствии была приостановлена деятельность руководящего органа партии «Мусават» и возглавляемого им Азербайджанского национального центра. Кроме этого, были закрыты и выходящие в Стамбуле партийные органы печати. Лидер партии М.Э. Расул-заде уже с 1930 г. не мог получить визу в Турцию после поездки в Европу⁸.

Вслед за этим событием Варшава, где тогда поселился Расул-заде, стала новым политическим центром его партии. С 1926 г. «Мусават» являлся членом курирующего польским Генштабом движения «Прометей». Целью данного объединения эмигрантских партий нерусских народов СССР являлось восстановление независимости государств Кавказа, Идель-Урала, Украины и Туркестана, завоеванных большевиками в 1918–1921 гг. Кавказская секция прометейского движения состояла из уже упомянутого азербайджанского и грузинского национальных центров, возглавляемых соответственно мусаватистами и грузинскими социал-демократами. К ним присоединились представители северокавказской эмиграции, которые в 1930-е гг. создали собственный национальный центр. Их общая цель — воссоздание национальных республик под эгидой Кавказской Конфедерации — была зафиксирована в 1934 г. в

⁷ Мамулия Г., Абуталыбов Р. Указ. соч. С. 305, 316, 340, 349, 353, 361–362.

⁸ Балаев А. Указ. соч. С. 129–131.

так называемом Пакте Кавказской Конфедерации⁹. Но Варшава в 1932 г. также подписала с Москвой договор о ненападении, который исключал враждебную деятельность против СССР. Несмотря на это польский Генштаб продолжал оказывать секретную поддержку эмигрантам. Однако после бюджетных сокращений и отказа реформы в 1934 г. прометейское движение перешло в период стагнации¹⁰.

На этом фоне и в тени растущей международной напряженности в начале августа 1936 г. в Варшаве состоялась партийная конференция «Мусавата», на которой делегаты обсудили, в частности, будущую внешнеполитическую ориентацию партии. В итоге была принята резолюция, отмечавшая перспективу новой большой войны. Эта война здесь представлялась как конфликт между двумя враждебными системами, с одной стороны, «созидательным национализмом», а с другой — «всеразрушающим коммунизмом». Мусаватские политики видели в такой войне прежде всего шанс на национальное освобождение для «порабощенных русским империализмом» народов. В дальнейшем внешнеполитический курс партии должен был следовать холодному прагматизму. Соответственно было решено, что в случае войны «симпатия партии будет на стороне международных сил, стоящих в противном лагере Советов». В подготовке к этому сценарию следовало усилить собственную пропаганду «путем вхождения в связь с общественно-политическими кругами и через мировую прессу». При этом основное внимание должно было быть уделено тем странам «по своим политическим позициям и национальным интересам, а также идеологическим базам, находящимся во вражде с Советами, или же могущими в таковом положении»¹¹.

Под этой формулировкой подразумевалась в первую очередь Германия. С начала 1936 г. представители «Мусавата» выступали на заседаниях Совета Кавказской Конфедерации — высшего кавказского органа прометейского движения — за более активную работу в этой стране. Так, на заседании 8 марта 1936 г. Расул-заде доложил, что из тех стран, в которых прометейские «симпатии имеются и держатся непоколебимо», Германия «пока что» стоит на втором месте после Польши. На заседании 7 апреля его партийный коллега М. Векилов сумел убедить Совет

⁹ Мамулия Г., Абуталыбов Р. Указ. соч. С. 379–382.

¹⁰ *Libera P.*: Polish authorities and the attempt to create the Caucasian Confederation (1917–1940) // *Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 2018. Vol. 52 (3). P. 245.

¹¹ Из истории азербайджанской эмиграции... С. 222–228.

в необходимости направления в Берлин кавказского представителя для выяснения политической ситуации¹². Подобная активизация кавказских прометейцев в Германии отвечала и интересам польских кураторов, которые в то время еще надеялись на осуществление германо-польской коалиции против СССР¹³.

Руководители «Мусавата», однако, считали Третий рейх многообещающим союзником не только по прагматическим соображениям. Они все тверже верили в наличие тесной идеологической связи между национально-освободительными движениями в СССР и национал-социализмом. Это стало особенно ясно из доклада, прочитанного Расул-заде 7 апреля 1938 г. в Варшавском клубе «Прометей» во время большой политической дискуссии, в которой приняло участие почти все руководство этого движения. Обсуждался вопрос о будущей внешнеполитической ориентации эмигрантского объединения: стоит ли и впредь возлагать надежды на западные демократии, или нужно форсировать сотрудничество с тоталитарными государствами, которые недавно заключили Антикоминтерновский пакт против СССР? Для Расул-заде вопрос был ясен. В отличие от внешнеполитической резолюции «Мусавата» 1936 г., он больше не разделял мир на националистический и коммунистический лагеря, а на лагерь революционного национализма и лагерь интернационализма и космополитизма. К последним он причислял как представителей коммунизма, так и представителей либеральной демократии. По мнению Расул-заде, освободительные движения, собранные в движении «Прометей», однозначно относились вместе с итальянским фашизмом и немецким национал-социализмом к «национальной революции». Он описывал идеологические основы данной «революции», используя социальную концепцию, включенную под названием «национальный солидаризм» в новую программу «Мусавата» 1936 г. Отрицая марксизм и либерализм, эта концепция требовала создания крепкого национального единства и примирения социальных противоречий путем гармонического и солидарного сотрудничества всех сил нации. Интересы национального государства должны занимать первое место. Расул-заде в своем докладе также проявлял себя сторонником авторитарного правления, аргументируя, что «в эпоху жесточайшей борьбы международных сил, каковую являет переживаемый момент, достигнуть цели и успешно бо-

¹² Мамулия Г. Кавказская Конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». Сборник документов. М., 2012. С. 139, 142–143.

¹³ Мамулия Г., Абуталыбов Р. Указ. соч. С. 415.

роться могут только те народы, которые сумеют подчинить все свои активные силы одному руководящему водительству». Помимо практических аспектов, именно эти идеологические соображения заставили его призвать присутствующих на дискуссии больше не возлагать надежд на западные демократии и их учреждения, а делать ставку на «все более усиливающийся антикоммунистический фронт тоталитарных держав с национальной идеологией, ведущих явную антисоветскую и антиросийскую политику, основы которой входят в идеологическую систему их мировоззрения»¹⁴. К такому выводу пришел Расул-заде, хотя попытки его партии убедить немецкий режим в необходимости сотрудничества пока не дали конкретных результатов.

В рядах антибольшевистского всемирного движения. Антикоминтерн и «Мусават»

В Германии партия «Мусават» с 1924 г. располагала собственной организационной структурой в виде Азербайджанского комитета независимости в Германии. Х. Мунши¹⁵, бывшему стипендиату Азербайдж-

¹⁴ О духе новых времен. Дискуссия в клубе «Прометей» // Северный Кавказ. 1938. № 47–48. С. 23–25.

¹⁵ Хилаал Мунши (Мюнши) родился 24 апреля 1899 г. в Шуше. В 1918 г. окончил Шушинское реальное училище. В 1919 г. служащий в Министерстве земледелия и государственных имуществ Азербайджанской республики. В числе 102 студентов был послан в начале 1920 г. азербайджанским правительством на учебу в Европу. Учился на горнопромышленном отделении Берлинской высшей технической школы (1920–1930) и в Немецком институте газетоведения (1930). С 1928 г. вел политическую работу партии «Мусават» в Германии, став председателем Комитета независимости Азербайджана в Германии. В начале 1930-х гг. работал журналистом для преимущественно немецко-национальных газет в Берлине и опубликовал в 1930 г. первую немецкоязычную историю Азербайджана «Die Republik Aserbeidschan» («Азербайджанская республика»). С 1932 г. член редакции и технический редактор мусаватской прессы, выходящей в Берлине. После прихода к власти национал-социалистов эксперт по Кавказу и Ближнему Востоку в разных учреждениях Министерства народного просвещения и пропаганды: сотрудник в отделении прессы Антикоминтерна (1935–1936 гг.), доцент в Имперской школе прессы (1937–1939 гг.). С 1936 г. член «Дивана», руководящего органа партии «Мусават». С октября 1939 г. по февраль 1945 г. ответственный редактор турецкой службы Имперского радиовещания и переводчик в МИДе. В феврале 1945 г. сбежал из Берлина в Констанц, приняв псевдоним Мехмет Лутфи Субатай, чтобы избежать высылки в СССР. В 1948–1949 гг. создал и возглавлял азербайджанскую группу, работающую вместе с другими советскими эмигрантами над вопросами национальных меньшинств в СССР для разведки Великобритании. В 1950 г. стал гражданином ФРГ. В 1951–1969 гг. переводчик в западногерманских представительствах в Турции. Умер 22 августа 1994 г. в Бад-Хоннефе.

Х. Мунши.
 Германия. 1950 г.
 Публикуется впервые

жанской республики и с 1928 г. председателю комитета, уже в начале 1930-х гг. удалось привлечь интерес немецкой общественности к деятельности азербайджанского и кавказских освободительных движений. Работая журналистом для преимущественно немецко-национальных газет и опубликовав брошюру об истории Азербайджана, он с некоторым успехом внедрял мусаватский нарратив в общественный дискурс Веймарской республики о Кавказе и СССР. Мунши до 1933 г. в первую очередь поддерживал отношения с правым крылом политического спектра Германии, в частности с деятелями из среды Немецкой национальной народной партии, а также, согласно данным Управления стратегических служб США, с НСДАП¹⁶.

Приход к власти в январе 1933 г. НСДАП не повлек за собой активизацию политической эмиграции из СССР. Начиная с 1933 г. в Германии разные и часто конкурирующие друг с другом ведомства были заняты политикой относительно эмигрантов и Востока. Важную роль играли в первую очередь Министерство иностранных дел, Министерство народного просвещения и пропаганды вместе с подчиненной ему организацией Антикоминтерн, Внешнеполитическое управление НСДАП и гестапо. Консервативное в отношении восточной политики Министерство иностранных дел категорически отказалось поддерживать официальные контакты с политическими движениями советских эмигрантов в довоенный период и призвало другие немецкие ведомства последовать собственному примеру, ссылаясь на

¹⁶ Central Intelligence Agency's Freedom of Information Act Electronic Reading Room. CREST, General CIA Records, OSS Note Cards (CIA-RDP82-00038R001000160037-5).

возможные негативные последствия для отношений Берлина и Москвы¹⁷. Министерство пропаганды и Внешнеполитическое управление НСДАП тоже проявляли сдержанность в отношении эмигрантов¹⁸. Позиция гестапо, в круг обязанностей которого входило наблюдение за «советской» эмиграцией и ее политическими организациями, характеризовалась глубоким недоверием к эмигрантам. В глазах шефа гестапо Р. Гейдриха каждый эмигрант, выступающий против правительства своей страны происхождения, принципиально представлял собой угрозу примату государственных и партийных учреждений в области внешней политики¹⁹.

В связи с новым законодательством о печати и собраниях публичное пространство для таких эмигрантов, как Мунши, даже сокращалось. Так, в начале 1934 г. обычная журналистская деятельность для немецких изданий стала невозможной без свидетельства об арийском происхождении. После 1934 г. для проведения публичных политических мероприятий эмигрантов требовалось разрешение со стороны гестапо. В итоге традиционные торжественные собрания по поводу годовщин основания и падения Азербайджанской республики, которые до этого ежегодно отмечались в общественных местах, теперь переместились в квартиру, в которой Мунши снимал комнату.

В первые годы своего существования представители новой власти проявляли интерес к сотрудничеству с эмигрантами лишь в одной специфической области — в антикоммунистической пропаганде. Именно в этом контексте «Мусават» начал сотрудничество с Антикоминтерном.

Основанный в 1933 г. Антикоминтерн являлся замаскированным учреждением Министерства пропаганды, ответственным за осуществление антикоммунистической пропаганды в Германии и за рубежом²⁰.

¹⁷ Bundesarchiv (BArch). R 1501/125779. Bl. 15; Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA). R 104428. Б.п.

¹⁸ BArch. R 55/21057a. Bl. 17; *Jdanoff D. Sympathie für den Feind. Faschistische und nationalsozialistische Gruppierungen der russischen Emigration im Dritten Reich.* Berlin, 1999. S. 59; *Садыхова Б. Türkistan Milli Birligi.* Алматы, 2016. С. 174–175.

¹⁹ Landesarchiv Berlin. A. Pr. Br. Rep. 057. Nr. 368. Б.п.

²⁰ *Friedel M. Der Volksbund für Frieden und Freiheit (VFF). Eine Teiluntersuchung über westdeutsche antikommunistische Propaganda im Kalten Krieg und deren Wurzeln im Nationalsozialismus.* St. Augustin, 2001. S. 15–41; *Waddington L. Hitler's Crusade. Bolshevism and the Myth of the International Jewish Conspiracy.* London, 2007. P. 98–110; *Waddington L. The Anti-Komintern and Nazi Anti-Bolshevik Propaganda in the 1930s // Journal of Contemporary History.* 2007. № 4. P. 573–594.

Его деятельность была нацелена и на внутреннюю и на международную мобилизацию против СССР. С этой целью постоянно собиралась информация о СССР и международном коммунизме. На основе этой информации создавался поток пропагандистских материалов и кампаний. Пытаясь инициировать антибольшевистское всемирное движение в качестве аналога Коминтерна, Антикоминтерн в то же время связался с другими международными антисоветскими и антикоммунистическими объединениями.

В середине 1930-х гг. в связи с этим в поле зрения Антикоминтерна попало и прометейское движение. Так, в 1936 г. председатель Антикоминтерна, волжский немец А. Эрт, во время командировки в Варшаву встретился с представителями прометеизма для переговоров о кооперации в борьбе против коммунизма. Предложение Антикоминтерна о сотрудничестве явно не было основано на симпатиях к целям движения меньшинств. Эрт заявил собравшимся представителям «Прометей», что он против расчленения СССР²¹. В том же духе откликнулся и заместитель председателя Антикоминтерна фон Дерингер в разговоре с польским прометейцем В. Бончковским в августе 1938 г.²²

Начинающееся не позже 1935 г. сотрудничество между Антикоминтерном и «Мусаватом» осуществлялось в трех областях, а именно: в организации азербайджанских мероприятий Антикоминтерном, в перепечатке пропагандистских материалов Антикоминтерна в мусаватском органе «Kurtuluş» (Освобождение)²³, а также в трудоустройстве Мунши как ответственного за информацию по Кавказу и Ближнему Востоку в отделении прессы этой организации. Здесь издавались два бюллетеня — «Nachrichtendienst» (Служба новостей), печатающий подробные статьи о международном коммунизме, и «UdSSR-Dienst» (Служба СССР), содержание которого опиралось на краткие сообщения из советских газет. Кроме ряда статей, принадлежащих перу Мунши в журнале

²¹ Былинкин В.К., Зданович А.А., Коротаев В.И. Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2007. Вып. 3. С. 342, 345.

²² ВArch. NS 8/217. Bl. 186.

²³ Antikomintern'in beyannamesi // Kurtuluş. 1935. № 10. S. 278—279; Alman matbuatında Azərbaycan hadiseleri. Antikomintern'in mühim neşriyatı // Kurtuluş. 1935. № 12. S. 353—354; Antikomintern organlarında Azərbaycan hadiseleri // Kurtuluş. 1936. № 16. S. 467—468; M[ünsi] H. Alman matbuatında Azərbaycan // Kurtuluş. 1937. № 35. S. 20—23; M[ünsi] H. Alman matbuatında Azərbaycan // Kurtuluş. 1938. № 39. S. 23—24.

«Nachrichtendienst»²⁴, он, по всей видимости, был занят и отбором, переводом и комментированием статей из южнокавказских советских органов для «UdSSR-Dienst»²⁵. Кроме этого, он подготовил статью об Азербайджане для изданного Антикоминтерном в 1936 г. сборника «Der Weltbolschewismus», который должен был документировать — как говорилось в подзаголовке — «подрывную деятельность и попытки переворота Коминтерна»²⁶.

Антикоминтерн пытался всему миру доказать, что большевизм и СССР являлись средствами международного еврейства, стремящегося к мировому господству. Его сотрудники были непрерывно заняты изготовлением картинок, изображающих СССР как ужасное государство, несущее террор и угнетение во все сферы жизни своих граждан и преследующее цель территориальной экспансии и мировой революции. При этом имидж СССР как русской империи, пропагандируемый партией «Мусават» и прометейским движением, не только не играл никакой роли, но явно отвергался. Так, во время беседы в Берлине в мае 1937 г. фон Дерингер упрекнул Расул-заде в том, что насчет СССР надо «поносить не “русский империализм”, а жидовско-большевицкий бандитизм». Он настаивал на том, что антисоветская пропаганда должна представлять господство большевиков не как национальную, а как социальную проблему²⁷.

Мунши, разумеется, был обязан придерживаться концепции пропаганды Антикоминтерна. Соответственно, его статьи в органах этой

²⁴ *Munschi H.* 15 Jahre unter roter Herrschaft. Der Leidensweg Aserbeidschans // Nachrichtendienst. Herausgegeben von der «Antikomintern». 1935. № 3. S. 3–5; *Он же.* Die Komintern im Orient // Nachrichtendienst. Herausgegeben von der «Antikomintern». 1935. № 20. S. 2–4; *Он же.* Die Tragödie des georgischen Volkes. 15 Jahre unter dem roten Imperialismus // Nachrichtendienst. Herausgegeben von der «Antikomintern». 1936. № 5. S. 4–6.

²⁵ См., напр.: Die Gärung in der Sowjetrepublik Aserbeidschan. 13 Aserbeidschaner erschossen // UdSSR-Dienst der Antikomintern. 1935. № 59. S. 3; Ein niedergeknüppeltes Volk. Der Kampf der aserbeidschaner Bauern gegen Moskau — Blutiger Terror der GPU — Schauprozesse und Todesurteile // UdSSR-Dienst der Antikomintern. 1935. № 88. S. 1–3; Die aserbeidschanische Bevölkerung unter dem roten Joch. Schlechte Ernährung der Kollektivbauern — Ausbeutung der mohammedanischen Frauen — Verwaarlöste Säuglinge // UdSSR-Dienst der Antikomintern. 1936. № 84. S. 1–2; Die Bevölkerung im Nord-Kaukasus und in Sowjetaserbeidschan muss Hunger leiden. Lange Menschenschlangen vor leeren Lebensmittelgeschäften // UdSSR-Dienst der Antikomintern. 1936. № 116. S. 2–3.

²⁶ *Munschi H.* Aserbeidschan // Antikomintern. Der Weltbolschewismus. Ein internationales Gemeinschaftswerk über die bolschewistische Wühlarbeit und die Umsturzversuche der Komintern in allen Ländern. Berlin, 1936. S. 447–449.

²⁷ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 75. Л. 9, 10.

организации о судьбе кавказских республик и политике Советов на Востоке преследовали цель убедить читателя в деспотическом характере советской власти внутри страны и агрессивных намерениях советской внешней политики. Мунши также не упускал в своих текстах антисемитский лексикон НСДАП, утверждая, к примеру, что русские крестьяне страдают «под кнутом космополитического жидо-марксистского сброда»²⁸.

В то же время он использовал свои статьи для пропаганды целей «Мусавата». Мунши не раз отмечал, что советская власть в контексте Южного Кавказа носила характер иностранного господства. По его словам, в Азербайджане большевистскими захватчиками было установлено «чужеземное владычество севера»²⁹, а Коммунистическая партия Азербайджана «состоит в основном из чужеземцев, намеренно поселенных в Азербайджане Москвой»³⁰. Мунши охарактеризовал отношения азербайджанского народа с Советским государством как ситуацию постоянного активного и пассивного сопротивления «ненавистным» правителям³¹. В качестве источников этого сопротивления он назвал непрекращающиеся «национальный дух»³² и «волю к свободе»³³ азербайджанцев, а также их культурно, религиозно и социально-экономически обоснованное отрицание марксистской идеологии³⁴. В то же время он обратил внимание читателя на способность кавказских народов строить функционирующие и процветающие национальные государства. Так, по словам Мунши, провозглашенные в 1918 г. на Кавказе республики вели «упорядоченное существование при суверенном национальном режиме»³⁵. В Азербайджане, по его словам, «до 1920 г., т.е. до уничтожения национальной независимости, царили мир и порядок, процветание и национальный дух»³⁶. Мунши напрямую лоббировав свою партию, подчеркивая выдающуюся роль «Мусавата» в истории Азербайджанской республики и народном сопротивлении со-

²⁸ *Munschi H. Aserbeidschan...* S. 448.

²⁹ Там же.

³⁰ *Munschi H. 15 Jahre unter roter...* S. 4.

³¹ См., напр.: *Munschi H. 15 Jahre unter roter...; Die Gärung in der Sowjetrepublik...; Ein niedergeknüppeltes Volk...; Munschi H. Aserbeidschan...*

³² *Munschi H. 15 Jahre unter roter...* S. 4.

³³ *Munschi H. Aserbeidschan...* S. 449.

³⁴ *Munschi H. 15 Jahre unter roter...* S. 4.

³⁵ Там же. S. 3.

³⁶ *Munschi H. Aserbeidschan...* S. 447.

ветской власти и провозглашая ее «носителем воли азербайджанского народа»³⁷.

Мунши в своей работе в пресс-службе Антиккоминтерна достиг широкой аудитории. Публикации Антиккоминтерна не только направлялись в редакции газет по всей Германии, которые затем перепечатывали соответствующие статьи и сообщения, но они рассылались и в разные министерства и ведомства, в том числе и в те, которые занимались вопросами восточной политики.

При помощи Антиккоминтерна партия «Мусават» могла после 1934 г. провести еще два масштабных публичных мероприятия в Германии: траурное мероприятие по поводу 15-й годовщины советизации Азербайджана 3 мая 1935 г. и доклад Расул-заде о «проблеме Азербайджана» 21 мая 1937 г. Оба мероприятия состоялись в уважаемом Берлинском доме Гумбольдта. Антиккоминтерн их организовал за кулисами, хотя давая помощь, например, о разрешении перед гестапо, но отказывался проявить себя официальным организатором³⁸. И в этом случае поддержка Антиккоминтерна была вызвана не симпатией к целям партии «Мусават», а тем, что подобные события можно было использовать в качестве свежего топлива для антисоветской пропагандистской машины НСДАП. Среди приглашенных гостей, число которых достигло до двухсот, находились не только представители государственных и партийных ведомств, но и многочисленные журналисты, которые затем опубликовали соответствующие сообщения в разных немецких газетах, в том числе в партийном органе НСДАП «*Völkischer Beobachter*»³⁹.

Контакт с Антиккоминтерном позволил партии «Мусават» хотя бы частично обойти существующие в немецком государстве ограничения, предусмотренные законодательством о печати и собраниях. На короткое время она, таким образом, стала винтиком в пропагандистской машине Третьего рейха. Однако «Мусават» и Антиккоминтерн имели разные представления о характере СССР и роли национальных движений. Руководство Антиккоминтерна ничуть не сочувствовало делу мусаватистов. После 1937 г. никаких свидетельств продолжения подобного сотрудничества не обнаружено.

³⁷ *Munshi H. 15 Jahre unter roter... S. 4.*

³⁸ РА АА. Р 84340. Б.п.; РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 75. Л. 11.

³⁹ 27 Nisan Milli Matem Günü. Berlin'de büyük bir içtima // *Kurtuluş*. 1938. № 7–8. S. 212–213; H.K. Resul-zade Mehmed Emin Bey Berlin'de («Azerbaycan Problemi» üzerinde mühim bir konfrans) // *Kurtuluş*. 1937. № 31. S. 17–20.

В бесконечном ожидании.

Поездки Расул-заде в Берлин и контакты с Внешнеполитическим управлением НСДАП

С 2 по 22 мая 1937 г., а затем снова в декабре 1938 г. Расул-заде находился в Берлине, чтобы зондировать почву для сотрудничества с ведомствами немецкого государства с целью получить его поддержку плана освобождения Азербайджана от советской власти. Во время первой поездки он встретился с разными представителями, в том числе из Министерства пропаганды, Антикоминтерна и Внешнеполитического управления НСДАП⁴⁰. Результат был отрезвляющим для него. Хотя все собеседники выразили общий интерес к «Мусавату» и к другими национальным движениям в СССР, какое-либо кратковременное и тем более долговременное сотрудничество не обсуждалось.

Руководитель Внешнеполитического управления НСДАП балтийский немец А. Розенберг уже в середине 1920-х гг. очертил политическую программу в отношении СССР, которая связала известный боевой клич о «жизненном пространстве на востоке» с требованием расчленения СССР на этнические части, при котором нерусские народы должны были восстановить свою независимость и самостоятельность и поддерживать как союзники Германии войну против России, которая, по мнению Розенберга, являлась расово неполноценной. Еще в 1927 г. он для этой цели предложил в книге о будущей внешней политике Германии сотрудничать с «сильными сепаратистскими движениями на Украине и на Кавказе»⁴¹.

Создавая после 1933 г. Внешнеполитическое управление НСДАП, Розенберг назначил единомышленника украинского немца Г. Лейббрандта начальником Отдела Ближнего Востока, отвечающего, в частности, за СССР и его эмигрантов. Поскольку Розенберг и Лейббрандт планировали создать собственное эмигрантское объединение для реализации своих политических замыслов, они относились с интересом к прометейскому движению⁴². Об этом, в частности, свидетельствуют визиты в Берлин разных национальных лидеров движения, в том числе

⁴⁰ РГВА.Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 75. Л. 5–13.

⁴¹ Zellhuber A. «Unsere Verwaltung treibt einer Katastrophe zu ...»: das Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete und die deutsche Besatzungsherrschaft in der Sowjetunion 1941–1945. München, 2006. S. 39–48.

⁴² Kuusisto S. Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Aussenpolitik 1933–1939. Helsinki, 1984. S. 135.

с Кавказа, начиная с середины 1930-х гг. В августе 1938 г. Лейббрандт даже предложил польскому представителю «Прометея» Бончковскому более тесное немецко-польское сотрудничество «на основе решения задач “прометейско-антироссийских”»⁴³. Однако интерес Внешнеполитического управления вплоть до 1939 г. характеризовался выжидательной позицией и исчерпывался личными контактами с эмигрантами, изучением их публикаций и посещений их мероприятий. Только в отношении издательской деятельности отдельных национальных организаций из прометейского движения доказана прямая поддержка со стороны Внешнеполитического управления в финансовом и организационном плане⁴⁴.

«Мусават» не был исключением в этом отношении. В ходе первых двух бесед, которые Расул-заде провел с Лейббрандтом и его сотрудником Е. Дюрксеном в мае 1937 г., он по собственным данным давал объяснения на целый ряд вопросов, касающихся, в частности, истории и современного состояния национального движения Азербайджана, расово-культурных и национально-исторических различий между Азербайджаном и Россией, отношения Турции к кавказской проблеме, а также «участия еврейского элемента в советизации Кавказа»⁴⁵. Когда мусаватский лидер выразил разочарование из-за противоречивого отношения Германии к национальным движениям нерусских народов Советского Союза, Лейббрандт дал ему понять, что немецкая политика в этом отношении играет лишь пассивную роль и интерес к ним имеет «чисто информационные цели». Соответственно, единственное соглашение, к которому привели данные беседы, заключалось в обещании Расул-заде держать Внешнеполитическое управление в курсе дела. Когда он снова встретился с Лейббрандтом и Дюрксеном в декабре 1938 г., позиция Внешнеполитического управления НСДАП оказалась неизменной⁴⁶.

Однако Розенберг и его сотрудники должны были пересмотреть свою позицию лишь чуть позже в связи с тем, что в ходе зарождающейся подготовки к войне против СССР другое немецкое ведомство перешло

⁴³ Цит. по: Былинкин В.К., Зданович А.А., Коротяев В.И. Указ. соч. С. 342–345.

⁴⁴ Так, в конце 1936 г. Лейббрандт обратился в берлинскую полицию с просьбой об ускорении предоставления разрешения в порядке исключения для татарского органа «Yaña milli yul» («Новый национальный путь») (РГВА. Ф. 519-к. Оп. 4. Д. 34. Л. 9). Туркестанский орган «Yaş Turkestan» («Молодой Туркестан») получил финансовую поддержку от Внешнеполитического управления с мая 1938 г. (ВАrchNS 43/52. Вл. 71).

⁴⁵ РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 75. Л. 6–7.

⁴⁶ РГВА. Ф. 1358-к. Оп. 4. Д. 541. Л. 4, 6.

З. Эфендиев.
Германия. 1915 г.
Публикуется
впервые

к активному сотрудничеству с «советскими» эмигрантами, в том числе с группой кавказцев, и открыто подорвало претензии Внешнеполитического управления НСДАП на руководство восточной и эмигрантской политикой в Рейхе.

Конкурирующие группы.

От Комитета кавказской молодежи до группы «Кавказ»

Мусаватский Комитет независимости Азербайджана, разумеется, не являлся единственной эмигрантской организацией, претендующей в Германии на представление интересов Азербайджана. В конце 1932 г. в Берлине был создан Комитет кавказской молодежи, объединяющий главным образом бывших студентов из республик Южного Кавказа. Кроме этого, в Германии с 1934 г. начало действовать Азербайджано-северокавказское объединение, сформированное в Стамбуле оппозиционной к Расул-заде ячейкой «Мусавата» вокруг Х. Хасмамедова и Ш. Рустамбейли вместе с бывшими прометейцами из Северного Кавказа⁴⁷. Берлинский представитель объединения азербайджанцев З. Эфендиев⁴⁸ тесно сотруд-

⁴⁷ Ibrahimli X. Op. cit. S. 134.

⁴⁸ Захид бей Эфендиев родился 28 марта 1882 г. в Нухе Елизаветпольской губернии. С 1913 г. в Германии, где по прибытии открыл пушной магазин в Лейпциге. Во время Первой мировой войны служил сотрудником в Татарском отделении Службы информации по Востоку МИДа и Генштаба в Берлине и пропагандистом в Вайнбергском лагере для мусульманских военнопленных из России. После войны член ряда восточных объединений в Берлине, в том числе Азербайджанской колонии, Турецкого клуба, Немецко-персидского общества и Общества исламского поклонения

начал с грузином Ш. Карумидзе, который являлся соучредителем Организации грузинских националистов в Германии. Эта организация сразу после своего образования в 1933 г. безуспешно пыталась быть признанной Имперским и Прусским МВД как официальный представитель грузинского народа и всего Кавказа в Германии⁴⁹. Совместная деятельность Карумидзе и Эфендиева вскоре привела к развалу единства движения «Прометей» в Берлине, так как туркестанский представитель Т. Шакир, отказавшись от дальнейшего сотрудничества с Мунши, стал поддерживать их⁵⁰.

Но в итоге все эти группы оказались недолговечными. Комитет кавказской молодежи распался уже в 1933 г. после того, как его азербайджанский представитель С. Гусейн-заде⁵¹ был арестован за кражу, осужден и выслан. Ряд арестов и высылки, сотрясающий кавказский Берлин в 1934–1936 гг. и, по всей видимости, вызванный тем, что конкурирующие группы пытались одержать победу друг над другом с помощью гестапо, привел к концу деятельности и Карумидзе, и Эфендиева. Карумидзе был арестован гестапо 3 августа 1934 г. на основании слухов, связывающих его с Лубянской. Два месяца спустя он оказался на свободе, однако был выслан из Германии в 1936 г.⁵² Его Организация грузинских националистов в Германии была распущена в 1937 г.⁵³ 25 марта 1935 г. Эфендиев тоже был арестован гестапо по обвинению в нелегальной до-

---

богу, в котором представлял интересы кавказских мусульман. В 1934–1935 гг. представитель антисоветского Азербайджано-северокавказского объединения в Берлине. Арестован гестапо 25 марта 1935 г. по подозрению в причастности к нелегальной доставке в Германию коммунистических пропагандистских материалов и выслан. Покинул Берлин лишь в 1936 г., скорее всего, в Турцию, гражданином которой являлся с Первой мировой войны. Дальнейшая его судьба неизвестна.

⁴⁹ VArch. R 1501/125779. Bl. 2–5, 15, 68.

⁵⁰ Из истории азербайджанской эмиграции... С. 285–289.

⁵¹ Салман Гусейн-заде родился 17 января 1901 г. в Исфахане (Иран), в 1918 г. окончил Тифлисскую гимназию И.М. Мачаидзе и поступил в местное коммерческое училище. В числе 102 студентов послан в начале 1920 г. правительством Азербайджанской республики на учебу в Европу. В 1920–1922 гг. учился на философском, затем на медицинском факультете Берлинского университета. Продолжил учебу в Грейфсвальде (1922–1923 гг.), Вюрцбурге (1923–1924 гг.) и Флоренции (1924–1926 гг.). Бросив учебу в 1927 г., он вернулся в Германию. В конце 1932 г. соучредитель антисоветской организации Комитет кавказской молодежи, в которой являлся представителем Азербайджана. В 1933 г. арестован в Берлине за кражу, приговорен к полугоду лишения свободы и впоследствии выслан. Дальнейшая его судьба неизвестна.

⁵² РААА. Р 72564. Б.п.; РГВА. Ф. 519-к. Оп. 3. Д. 76. Л. 30, 32; Мамулия Г., Вацагаев М., Доного Х.-М. Гайдар Баммат и журнал «Кавказ». Махачкала; Париж, 2010. С. 464.

⁵³ VArch. R 58 Nr. 3016a. Bl. 87; NS 43/9, Bl. 241.

С. Гусейн-заде.
 Германия. 1923 г.
 Публикуется впервые

ставке коммунистических пропагандистских материалов из Чехословакии и был выслан после семи недель ареста⁵⁴. Мунши, в свою очередь, подвергся допросу гестапо после того, как сотрудники Карумидзе обвинили его в большевизме, но ему удалось опровергнуть выдвинутые ему подозрения и избежать высылки⁵⁵.

В отличие от этих организаций, группа «Кавказ», сформированная в 1934 г. в Париже вокруг Г. Баммата, бывшего министра иностранных дел Горской республики, представляла собой существенную угрозу для «Мусавата» в Германии. В идеологическом плане она принципиально не отличалась от кавказских представителей прометейского движения, также выступая за освобождение Кавказа от большевиков и за идею Кавказской Конфедерации. Тем не менее кавказцы с самого начала находились в определенной оппозиции к ней и ориентировались исключительно на страны будущей оси «Рим–Берлин–Токио». С 1935 г. группа поддерживала связи с японской разведкой, которая взяла на себя финансирование ее печатных органов. Согласно двум секретным протоколам к Антикоминтерновскому пакту, подписанным 11 мая 1937 г. в Берлине начальником абвера Канарисом и военным атташе Японии в Германии Ошима, группе «Кавказ» досталась ключевая роль на кавказском участке в немецко-японской подготовке к войне против СССР. С этого момента абвер, принявший Баммата как собственного агента, стал выступать в качестве покровителя кавказцев. Прометейское движение, которое считалось идеологически нена-

⁵⁴ Там же. R 58/9678.

⁵⁵ Из истории азербайджанской эмиграции... С. 276–277.

дежным, согласно немецко-японским планам должно было находиться под наблюдением.

Параллельно с этим в гестапо были приняты меры, нацеленные на объединение местных колоний «советских» эмигрантов «на основе антибольшевизма и под строгим наблюдением государства»⁵⁶. В связи с этим предусматривалось учреждение так называемых управлений по делам беженцев, которые должны были выполнять посреднические функции между эмигрантами и официальными структурами и способствовать лучшему контролю над беженцами со стороны гестапо. По согласованию с абвером предусматривалось объединить кавказских эмигрантов под руководством именно Баммата. Соответственно летом 1938 г. на пост директора созданного Управления по делам кавказских беженцев был назначен его представитель в Берлине, бывший посол Грузинской Демократической Республики В. Ахметели⁵⁷.

Мунши, не переставая публично выступать против группы «Кавказ», при этом пользуясь поддержкой ряда немецких специалистов по Востоку и СССР, стал серьезной помехой для осуществления совместной политики абвера и гестапо. Отказываясь подчиниться Управлению по делам кавказских беженцев и распусшив слухи про его директора Ахметели во Внешнеполитическом управлении НСДАП осенью 1938 г., он дал повод для повторной подготовки высылки⁵⁸. Но дело до этого не дошло, так как подключилось Внешнеполитическое управление. Ввиду решительных действий абвера и гестапо Внешнеполитическое управление, опасаясь потери влияния на политику в отношении к кавказским эмигрантам, было вынуждено занять определенную позицию. По указанию Розенберга срочно были выработаны конкретные планы о привлечении нерусских народов, в том числе и с Кавказа, к предстоящей войне против СССР⁵⁹. В этих целях Внешнеполитическое управление встало на защиту кавказских представителей прометейского движения и в частности Мунши. В результате ему опять удалось избежать высылки. Однако 10 мая 1939 г. на очередном допросе в управлении гестапо он был вынужден подписать письменное соглашение, обязывающее его вступить в Управление по делам кавказских беженцев и представлять для

⁵⁶ Jdanoff D. Op. cit. S. 75.

⁵⁷ РА АА. R 101202. Б.п.; 101378. Б.п.

⁵⁸ РГВА. Ф. 1358-к. Оп. 1. Д. 238. Л. 18–19.

⁵⁹ Rosenberg A. Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs. 1934/35 und 1939/40. München, 1964. S. 86.

проверки гестапо все предназначенные для публикации материалы⁶⁰. Второй пункт, в частности, касался периодических изданий «Мусавата», которые с 1932 г. печатались в Берлине.

Осознав, что ведение эффективной политики в отношении кавказской эмиграции невозможно при существовании противоречащих друг другу концепций в ведущих ведомствах, гестапо потребовало урегулировать данный вопрос между абвером и Внешнеполитическим управлением НСДАП. Соответствующая встреча состоялась 15 августа 1939 г., но прошла безуспешно. Присутствующий представитель Внешнеполитического управления Лейббрандт высказался за перетягивание в Германию всех группировок, работающих на освобождение Кавказского региона, включая представителей прометейского движения, чтобы их таким образом отрезать от зарубежного воздействия и иметь в распоряжении для собственных целей. Абвер же по-прежнему настаивал на поддержке лишь кавказцев⁶¹. Таково было положение дел незадолго до германо-советского сближения и начала Второй мировой войны, радикально изменившее отношение немецкого режима к эмигрантам.

В борьбе против «русского» большевизма. Пропаганда партии «Мусават» в Германии

Во второй половине 1930-х гг. Германия находилась в центре пропагандистских усилий «Мусавата» в соответствии с важной ролью возможного союзника, приписанной стране партией. При этом большое значение придавалось немецкой прессе. Так, Расул-заде в ходе своего визита в Берлине 1937 г. посетил руководителя внешнеполитического отдела газеты «Völkischer Beobachter» В. Шмитта, который, по словам азербайджанского лидера, «обещал опубликовать материалы, которые мы им доставим»⁶². Мунши, в свою очередь, в 1937–1939 гг. смог прочитать серию лекций по азербайджанскому вопросу в качестве лектора в Имперской школе прессы, учрежденной немецким режимом с целью подготовки журналистов в духе национал-социализма⁶³.

⁶⁰ РГВА. Ф. 1358-к. Оп. 1. Д. 238. Л. 20.

⁶¹ Там же. Л. 20–22; Ф. 500-к. Оп. 3. Д. 243. Л. 35.

⁶² РГВА. Ф. 461-к. Оп. 2. Д. 75. Л. 11.

⁶³ К. Н. Azerbaijan hakkında bir konfrans // Kurtuluş. 1937. № 28. S. 16–19; Reichspreseschule'de 28 Mayıs hakkında konfrans // Kurtuluş. 1938. № 43. S. 19–20; Azerbaijan hakkında konfranslar // Kurtuluş. 1938. № 49. 1938. S. 31.

DIE BEFREIUNG

Die deutsche Ausgabe der Zeitschrift „Kurtulusch“,
das Organ der nationalen Verteidigung Aserbeidschans

Nr. 1   Januar - Februar - März 1939   Jahrg. 1

Von der Redaktion der Zeitschrift „Kurtulusch“

Die von uns herausgegebene deutsche Ausgabe des Zentralorgans der nationalen Bewegung von Aserbeidschan „Kurtulusch“ (Befreiung), das monatlich in Berlin in türkischer Sprache erscheint, konnte aus rein technischen Gründen seit ihrer dritten Nummer nicht mehr erscheinen. Jetzt, nach der Beseitigung dieser Gründe, erneuern wir unsere deutsche Ausgabe in der Form einer Vierteljahrszeitschrift und hoffen, daß es uns gelingen wird, die uns vorgenommene Aufgabe künftighin regelmäßig auszuführen. Wir geben unserer Hoffnung Ausdruck, daß die freundliche Aufmerksamkeit des deutschen Leserkreises für unsere Publikation uns bei der übernommenen Arbeit ermutigen wird.

Редакционная статья № 1 журнала «Die Befreiung». 1939 г.

В то же время «Мусават» вел пропаганду за свои цели в Германии и с помощью собственных публикаций и материалов. Первоначально это было сделано в сотрудничестве с кавказскими союзниками из движения «Прометей». Так, в конце 1936 г. Советом Кавказской Конфедерации было принято решение издавать орган на немецком языке в Берлине. Этот проект был реализован небольшим журналом «Die Befreiung» (Освобождение), который стал выходить с марта 1937 г. тиражом 1000 экземпляров в месяц как приложение к азербайджанскому журналу «Kurtuluş», издаваемому в Берлине с 1934 г. Азербайджанский, грузинский и северокавказский национальные центры на паритетной основе отвечали как за содержание, так и за финансирование. Издание было прекращено уже после третьего номера, поскольку финансирование прекратилось⁶⁴.

Впоследствии «Мусават» продолжил свою печатную деятельность в Германии без кавказских союзников. Так, в 1938 г. партия выпустила брошюру под названием «Das Problem Aserbeidschan» (Проблема Азербайджана), содержащую расширенный и иллюстрированный вариант доклада, прочитанного Расул-заде в Берлинском доме Гумбольдта в 1937 г.⁶⁵ В начале 1939 г. был возобновлен журнал «Die Befreiung».

⁶⁴ Мамулия Г., Абуталыбов Р. Указ. соч. С. 419–420.

⁶⁵ Resul-zade M.E. Das Problem Aserbeidschan. Berlin, 1938.

Он явно отличался от своего предшественника. Журнал, выходящий ежеквартально, имел гораздо больший объем и лучшее типографское качество. По содержанию он больше не являлся общекавказским, а сугубо азербайджанским изданием, заключая в себе, в основном, переводы из «Kurtuluş». Деньги на журнал, вероятно, поступили из Внешнеполитического управления НСДАП, выступающего с 1939 г. в качестве покровителя мусаватистов и курирующего и другие издания национальных движений из «Прометей».

«Мусават» стремился в данных публикациях доказать, что он является истинным и единственным носителем воли азербайджанского народа, подвергнутого советскому угнетению, и что его программа — восстановление национальных республик под эгидой Кавказской Конфедерации — отвечает желаниям широких масс. При этом большевизм был охарактеризован как агрессивная и жестокая форма русского империализма и поставлен в контекст с историей угнетения, начавшегося с территориальной экспансии царской империи в конце XVII в. Вывод, как утверждалось мусаватскими идеологами, однозначен: эффективная борьба с большевистской угрозой может быть достигнута только на основе солидарности с национальными движениями «советских» народов, объединенными в движении «Прометей».

В отношении большевизма Расул-заде и его партийные коллеги, правда, противоречили нацистскому убеждению о еврейском большевизме и тем самым нарушали дискурсивные ожидания национал-социалистической аудитории. Однако в других областях они пытались их соблюдать. Это замечается на риторическом, как и на содержательном уровне. Так, например, были использованы типичные для нацистского дискурса о большевизме топоры чудовища и болезни («большевизм [...] как наиболее опасная палочка», «мировая чума Москвы», «красные вампиры», «ядовитая змея»⁶⁶), и Расул-заде, в свою очередь, применил длинную цитату Гитлера для подкрепления своей аргументации⁶⁷. Учитывая расизм национал-социалистов, партийный лидер отмечал, что разница между Азербайджаном и Россией обоснована, в частности, и на расовых различиях и что Азербайджан на самом деле является частью «сообщества культуры и крови» тюркских народов⁶⁸. В то же время в немецкоязычных публикациях «Мусавата» местами подчеркивалось идеологи-

⁶⁶ Unser Ziel! // Die Befreiung. 1937. № 1. S. 4.

⁶⁷ Resul-zade M.E. Das Problem... S. 62.

⁶⁸ Там же. S. 53–55.

ческое сходство мусаватизма с национал-социализмом. Так, Расул-заде отмечал, что социальная программа своей партии якобы несет «национал-социалистический характер»⁶⁹. В «Die Befreiung» был перепечатан перевод его вышеупомянутого доклада от апреля 1938 г., в котором он заявил о принадлежности объединенных в движении «Прометей» организаций к лагерю антимарксистской и антилиберальной «национальной революции» вокруг немецкого национал-социализма и итальянского фашизма⁷⁰. «Мусават» на страницах журнала и не скрывал тот факт, что он относился с симпатией к агрессивной внешней политике Гитлера, восхваляя аннексию Австрии и Судет в 1938 г. как начало всемирного «триумфа национальной идеи»⁷¹.

Кроме официальных печатных изданий сохранились и документы, доказывающие, что Мунши за кулисами снабжал учреждения Германии материалами в целях пропаганды своей партии и прометейского движения. Небольшая коллекция подобных документов поступила осенью 1936 г. в ответственное за надзор за «советскими» эмигрантами отделение Берлинского управления гестапо. Согласно записи в деле, она была получена конфиденциальным путем. Самый интересный документ из этой коллекции представляет собой текст о новой программе «Мусавата» 1936 г. Текст машинописный и не подписан, но авторство Мунши подтверждается и содержанием, и стилистическими признаками. Излагая здесь идеологические основы своей партии, Мунши особо подчеркнул сходство мусаватизма с нацизмом. Признав, что партийная программа 1919 г. все еще имела «некоторые демократические тенденции в старом либеральном смысле», он отмечал, что «Мусават» теперь отрицает либерализм и выступает за «явно авторитарное государство». Ее социальная программа якобы «почти такая же, как у фашистских и национал-социалистических партий». В своем ответе на вопрос, кем является враг «Мусавата», Мунши остался верен понятию большевизма как «русского империализма». Ведь для «нерусских народов, угнетенных в Советском Союзе, не существует советского империализма, а русский империализм, возрожденный под коммунистической маской». Следовательно, он аргументировал, что верного союзника «Мусават» увидит только в тех силах, намеревающихся не

⁶⁹ *Resul-zade M.E. Die ideologische Entwicklung der nationalen Bewegung von Aserbeidschan // Die Befreiung. 1939. № 2. S. 9.*

⁷⁰ *Der Geist neuer Zeiten // Die Befreiung. 1939. № 1. S. 4–9.*

⁷¹ *Triumph der nationalen Idee // Die Befreiung. 1939. № 1. S. 1.*

только свергнуть большевиков, но и разделить СССР на национальные республики. Однако в обосновании этой позиции он и сделал реверанс нацистскому антисемитизму, утверждая, что для угнетенных народов ничего бы не изменилось, если бы «их тюремщиком был не Сталин или Каганович-Литвинов-Собельсон, а другой русский или еврей»⁷². Это, разумеется, не соответствовало официальной позиции его партии, но показывает, как Мунши хотел наладить свои отношения с представителями власти.

Заключение

После заключения пакта Молотова–Риббентропа 23 августа 1939 г. и немецкого нападения на Польшу несколько дней спустя положение политической эмиграции в Рейхе резко изменилось. Деятельность антисоветских эмигрантов теперь рассматривалась как препятствие для немецко-советского сближения и соответственно была сильно ограничена⁷³. Согласно указу гестапо от 25 октября 1939 г., зарегистрированным эмигрантским организациям и их печатным органам было разрешено продолжать свое существование, но в то же время запрещалась всякая антисоветская или публичная деятельность⁷⁴. Вопреки этому уже через неделю после начала Второй мировой войны гестапо запретило дальнейшую политическую деятельность Мунши и периодические издания «Мусавата»⁷⁵. С этим закончились попытки этой партии наладить сотрудничество с немецким государством.

Таким образом, с середины 1930-х гг. Третий рейх сыграл большую роль в поисках новых союзников для партии «Мусават». Для ее руководителей фашизм и национал-социализм олицетворяли собой авангард антикоммунистической и антилиберальной национальной революции, частью которой они считали сами себя. Лидер партии М.Э. Расул-заде не сомневался в том, что мусаватизм и национал-социализм идеологически тесно связаны. Это представление нашло свое отражение и в мусаватской пропаганде, предназначенной для немецкой аудитории. Помимо риторических и идеологических элементов, типичных для

⁷² РГВА. Ф. 500-к. Оп. 3. Д. 243. Л. 2–6.

⁷³ *Jdanoff D.* Op. cit. S. 88.

⁷⁴ ВArch. R 58/1031. Bl. 25–26.

⁷⁵ Landesarchiv Nordrhein-Westfalen D1 Nr. 13555. Б.п.

национал-социалистического дискурса, и нарочитого одобрения агрессивной и экспансионистской внешней политики Германии, здесь также были сделаны попытки охарактеризовать партию «Мусават» как идеологически схожую с НСДАП. Однако за исключением антикоммунистической пропаганды режим национал-социалистов на начальном этапе своего правления не был заинтересован в прямом сотрудничестве с антисоветскими эмигрантскими организациями. Ситуация изменилась только в конце 1930-х гг., когда началась активная подготовка к войне против СССР. Абвер и Внешнеполитическое управление НСДАП рассматривали национальные движения меньшинств как важный фактор в этом отношении, но не смогли договориться между собой о том, каким группам отдавать предпочтение. Хотя некоторое время «Мусават» сотрудничал с Антикоминтерном в области антикоммунистической пропаганды и в 1939 г. вместе с другими кавказскими представителями прометейского движения был под покровительством Внешнеполитического управления НСДАП, положение мусаватистов в Германии оставалось неопределенным до начала Второй мировой войны. Их единственный постоянный представитель в Берлине Х. Мунши не раз был на грани высылки из страны, а с 1939 г. партийные органы «Мусават» подвергались цензуре со стороны гестапо. Надежды мусаватистов на эффективную поддержку азербайджанской освободительной борьбы со стороны правящих кругов Германии до начала Второй мировой войны не оправдались.

REFERENCES

1. *Balaev A.* Mamed Emin Rasulzade. Na chuzhikh beregah 1922–1943 [Mammad Amin Rasulzade. On Foreign Shores. 1922–1943]. M.: Maska, 2013. 266 s.
2. *Balaev A.* Məmməd Əmin Rəsulzadə. Qürbətdə Vətən Davası 1923–1943 [Mammad Amin Rasulzade. The Struggle for the Fatherland in Foreign Countries 1922–1943]. Bakı: Pergament Y.E., 2019. 200 s.
3. *Bylinin V.K., Zdanovich A.A., Korotaev V.I.* Organizaciya «Prometej» i «prometejskoe» dvizhenie v planah pol'skoj razvedki po razvalu Rossii/SSSR [The «Prometheus» Organisation and the «Promethean» Movement in the Plans of Polish Intelligence] // Trudy Obshchestva izucheniya istorii otechestvennyh specsluzhb. M., 2007. Vyp. 3. S. 318–414.
4. *Friedel M.* Der Volksbund für Frieden und Freiheit (VFF). Eine Teiluntersuchung über westdeutsche antikommunistische Propaganda im Kalten Krieg und deren Wurzeln im Nationalsozialismus [The People's Union for Peace and Freedom (VFF). A Case Study of West German Anticommunist Propaganda During the Cold War and its National Socialist Roots]. St. Augustin: Gardez-Verlag, 2001. 195 s.
5. *Hasanli J.* Leadership and Nationalism in Azerbaijan. Ali Mardan bey Topchibashov, Founder and Creator. London; New York: Routledge, 2018. 248 p.
6. *İbrahimli X.* Azərbaycan mühacirəti tarixi [History of the Azerbaijani Emigration]. Bakı: Elm və təhsil, 2015. 372 s.
7. *Jdanoff D.* Sympathie für den Feind. Faschistische und nationalsozialistische Gruppierungen der russischen Emigration im Dritten Reich [Sympathy for the Enemy. Fascist and National Socialist Groups of the Russian Emigration in the Third Reich]. Berlin: Humboldt-Univ., 1999. 118 s.
8. *Kuusisto S.* Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Aussenpolitik 1933–1939 [Alfred Rosenberg in National Socialist Foreign Policy 1933–1939]. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1984. 436 s.
9. *Laqueur W.* Russia and Germany. A Century of Conflict. London: Weidenfeld & Nicolson, 1965. 367 p.
10. *Libera P.* Polish authorities and the attempt to create the Caucasian Confederation (1917–1940) // Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. 2018. Vol. 52 (3). P. 231–252.

11. *Mamulia G., Abutalybov A.* Strana ognj. V bor'be za svobodu i nezavisimost. Politicheskaya istoriya azerbajdzhanskoj emigracii 1920–1945 gg. [Land of Fire. In the Struggle for Freedom and Independence. A Political History of the Azerbaijani Emigration 1920–1945]. Parizh-Baku: CBS, 2014. 578 s.
12. *Mamulia G., Vachagaev M., Donogo H.-M.* Gajdar Bammət i žurnal «Kavkaz» [Haydar Bammət and the Journal «Kavkaz»]. Mahachkala-Parizh: Biblioteka žurnala «Ahul'go», 2010. 468 s.
13. *Oruclu M.* Azərbaycanda və mühacirətdə Müsavat partiyasının fəaliyyəti. 1911–1992 [The Activity of the Musavat Party in Azerbaijan and in Exile]. Bakı: Azərnəşr, 2001. 271 s.
14. *Qasımlı M.* Azərbaycan Türklərinin millî mücadele tarixi. 1920–1945 [History of the National Struggle of the Azerbaijani Turks]. İstanbul: Kaknüs Yayınları, 2006. 704 s.
15. *Sadykova B.* Türkistan Milli Birliğı [Turkistani National Unity]. Almaty: Mezhdunarodnyj Fond «Er ZHənbek», 2016. 298 s.
16. *Sockov L.F.* Neizvestnyj separatizm. Na sluzhbe SD i Abvera [Unknown Separatism. In the Service of SD and Abwehr]. M.: Ripol klassik, 2003. 336 s.
17. *Waddington L.* Hitler's Crusade. Bolshevism and the Myth of the International Jewish Conspiracy. London: Tauris Academic Studies, 2007. 294 p.
18. *Waddington L.* The Anti-Komintern and Nazi Anti-Bolshevik Propaganda in the 1930s // Journal of Contemporary History. 2007. № 4. P. 573–594.
19. *Yaqublı N.* Azərbaycan milli istiqlal mübarizəsi və Məhəmməd Əmin Rəsulzadə [The Struggle for Azerbaijani National Independence and Mammad Amin Rasulzadeh]. Bakı, 2001. 194 s.
20. *Zdanovich A.A.* Pol'skij krest sovetsoj kontrrazvedki. Pol'skaya liniya v rabote VCHK-NKVD. 1918–1938 [The Polish Cross of Soviet Counter Espionage. The Polish Line of Work of the VChK-NKVD. 1918–1938]. M.: Kraft+, 2017. 480 s.
21. *Zellhuber A.* «Unsere Verwaltung treibt einer Katastrophe zu...»: das Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete und die deutsche Besatzungsherrschaft in der Sowjetunion 1941–1945 [«Our administration is drifting towards disaster...» The Reich Ministry for the Occupied Eastern Territories and German Occupation in the Soviet Union 1941–1945]. München: Vogel, 2006. 414 s.

Ключевые слова:

Азербайджан, Германия, немецко-азербайджанские отношения, партия «Мусават», политическая эмиграция, коллаборация, прометейское движение

Johannes Schnelle

«THE ENEMY OF MY ENEMY»:
ACTIONS OF AZERBAIJAN «MUSAVAT»
PARTY IN GERMANY (1933–1939)

The article examines relations between «Musavat», the former leading party of the Azerbaijan Democratic Republic and the most active party of Azerbaijan immigrants, and the Third Reich during the pre-war period. In 1933–1939 Germany helped the party in search for anti-Soviet allies. Members of «Musavat» collaborated with the Anti-Comintern in Anti-Bolshevik Propaganda activities in 1939, they were under the NSDAP Office of Foreign Affairs protection.

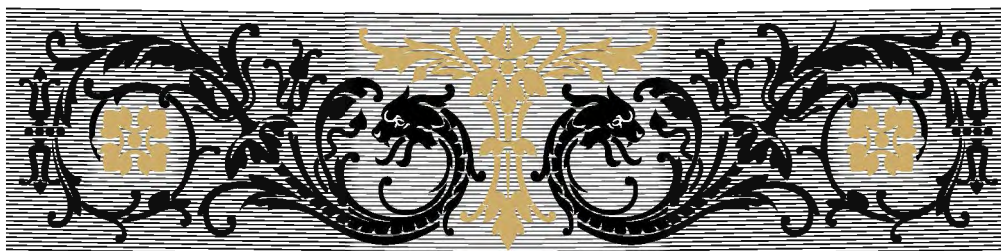
Never the less «Musavat» party haven't gained a steady position till the beginning of the Second World War, it's hopes for effective help and support from Berlin were not realized.

Key words: Azerbaijan, Germany, «Musavat» party, relations, Political Immigration, collaboration, Prometheism.

Johannes Schnelle — Humboldt University of Berlin.

Йоханнес Шнелле

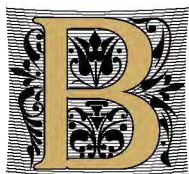
Берлинский университет им. Гумбольдта

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.32.006

С.М. Исхаков

ПОЛИТИКА ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1982—1991 гг.)¹

Взаимодействие Центра и регионов — комплекс различных проблем, которые имеют первостепенное значение для любых государств со сложной социальной, национальной, религиозной структурой, обусловленной историческим многообразием тех или иных составных их частей. С этой трудной ситуацией, как общеизвестно, столкнулось и руководство Советского государства, поставленное перед необходимостью управлять многомиллионным мусульманским населением, которое составляло подавляющее большинство населения Центральной Азии при возникновении СССР. Последнее десятилетие его существования — важный период не только для раскрытия причин его исчезновения, но и для освещения предыстории постсоветских государств, где нынешние политические элиты крайне волнует все, что связано с их собственной историей, особенно с освещением тех событий, которые привели их представителей к власти. Эти сюжеты, относясь к сфере важнейших интересов современных элит, откладывают заметный отпечаток на но-

¹ Статья подготовлена на основе неопубликованного доклада на Международной конференции «The History of Perestroika in Central Asia», которая состоялась в Бишкеке 30 мая — 1 июня 2013 г.

вейшую историографию соответствующих стран. На нее также оказывает сильное влияние геоэкономическая и геополитическая конкуренция между Россией, США, Европой и Китаем за доминирование в постсоветской Центральной Азии, в том числе в историческом пространстве и особенно в крайне чувствительной сфере национальных проблем.

Взгляды обществоведов

В последнее десятилетие СССР обществоведы проделали значительную исследовательскую работу по изучению национальных отношений, чтобы, как было принято тогда писать, «убедительно» подтвердить «правоту ленинской национальной политики». Характерными примерами освещения изучения наций и национальных отношений в 60–80-е гг. XX в. в Центральной Азии являются выпущенная в Москве книга, подготовленная Научным советом по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР и Институтом истории СССР, в которой имеются разделы о Казахской и Киргизской ССР², и сборник, который вышел в Казахстане³, где утверждалось, что он за годы советской власти превратился в передовую социалистическую республику с развитой промышленностью.

Однако уже через несколько месяцев после выхода в свет этого сборника в историографии произошли резкие перемены в оценке политики союзного руководства и местных руководителей, что явилось следствием драматических событий в декабре 1986 г. в Алма-Ате. Обществоведы, следуя партийным оценкам, стали указывать, что они произошли вследствие продолжавшегося десятилетиями «ослабления идеологической, воспитательной работы», когда «порой эта деятельность шла вспять, когда люди, облеченные властью, говорили с трибуны одно, а на деле совершали другое. Двуличие деформировало идеологическое воздействие на умы и сердца людей»⁴. В представленной к защите в 1987 г. в Москве

² См.: Национальные отношения в СССР в трудах ученых союзных республик. М., 1986. С. 125–153, 245–272.

³ См.: Вопросы сотрудничества народов СССР в области экономики (на материалах Казахстана). Сборник научных трудов (междуведомственных). Караганда, 1986.

⁴ Сужиков М.М. Некоторые вопросы развития национальных отношений на современном этапе. Причины проявления местничества, национального эгоизма, кичливости, тщеславия и пути их преодоления // Ленинские принципы национальной политики КПСС и актуальные задачи интернационального воспитания: Материалы республиканской научно-практической конференции, состоявшейся 11 апреля 1987 г. в г. Алма-Ате. Алма-Ата, 1987. С. 35.

диссертации отмечалось, что усилия исследователей концентрировались на освещении только «положительных результатов ленинской национальной политики. Однако ничего или почти ничего не говорилось о противодействующих интернационализации тенденциях — различных формах местничества и проявлений национальной ограниченности»⁵. Национальные конфликты 1986—1988 гг. в Казахстане и других регионах, как отмечали в 1988 г. советские экономисты, упирались в экономические проблемы, в несправедливое решение социально-экономических вопросов как в сфере производства, так и в сфере распределения⁶. Ситуации в КазССР была посвящена диссертация, защита которой первоначально была намечена на 19 сентября 1991 г. в Академии общественных наук при ЦК КПСС в Москве. В диссертации декабрьские события в Алма-Ате объяснялись «неверными управленческими решениями» в экономической, политической, духовно-нравственной сферах, которые привели к «ухудшению условий существования» народа, вызвали «реакцию национальной самозащиты». В итоге делался вывод, что сложные процессы в социально-экономическом развитии КазССР являлись следствием «нерационального размещения производственных сил, сверхцентрализации, диктата союзных министерств и ведомств, необоснованного перераспределения средств между регионами»⁷. Но защита была отложена из-за событий 19—21 августа 1991 г., когда в СССР произошел политический кризис. В новом варианте диссертации, защита которой была намечена на 22 октября 1991 г., отмечались не только неверные управленческие решения в экономической, политической, духовной сферах, но и «односторонняя идеологическая работа, нацеленная на сближение и стирание различий между нациями при игнорировании особенностей национального развития, унификаторская политика союзного руководства, выхолостившая принципы национального самоопределения», и другие ошибки, которые привели к «тяжелым деформациям и резко отрицательно» сказались на политической ситуации в КазССР⁸.

⁵ Свириденко Ю.П. Историография проблемы национальной политики КПСС в условиях совершенствования социализма: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1987. С. 31—32.

⁶ Экономические проблемы межнациональных отношений в СССР на современном этапе (за «круглым столом» журнала «Вопросы экономики») // Вопросы экономики. 1989. № 5. С. 14.

⁷ Адилова А.Ф. Национальная политика Компартии Казахстана: опыт, проблемы (1985—1991 годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 17, 18.

⁸ Адилова А.Ф. Национальная политика в Казахстане: историко-политический анализ (1985—1991 годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 2.

Одним из популярных объяснений межэтнических конфликтов было также то, что их связывали с влиянием «буржуазной советологии», в которой так или иначе проводился тезис о дискриминации мусульман в СССР, в республиках Центральной Азии в частности. Отмечалось, что только за 80-е гг. на Западе, по далеко не полным подсчетам, появилось более ста книг и статей, содержание которых с предельной ясностью выражено в заглавиях двух книг по этой теме — «Исламская угроза советскому государству» и «Мусульманский вызов Москве», рассчитанных, как считали советские аналитики, на то, чтобы инспирировать в Центральной Азии религиозный экстремизм и тем самым подорвать морально-политическое единство советского общества⁹. Подобные публикации действительно оказывали заметное влияние, но не на рядовых граждан, которым они, как правило, не были доступны, а на самих советских ученых. Как общеизвестно, во время перестройки начались массовые заимствования советскими обществоведами давно отживших схем западной советологии. «Исламский фактор, который мы, — писал, к примеру, сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г.Е. Трапезников, — долго недооценивали, настолько упрочил свои позиции, что многие» жители Центральной Азии отождествляют себя не этнически, конфессионально. Далее он заявил, что в условиях Средней Азии, Казахстана «панисламизм всегда шел рука об руку с пантюркизмом»¹⁰.

Мифы о «панисламизме» и «пантюркизме» оказались востребованными и в условиях начинавшейся в СССР перестройки, они имеют до сих пор весьма широкое распространение в современной российской исторической науке. Почему? Вот замечательное наблюдение выдающегося исламоведа В.В. Бартольда, который еще в 1924 г. заметил: «Россия имеет сношения с мусульманским миром постоянно, а если возьмем литературу об исламе, то оригинальных русских произведений почти не найдем. Русские ученые следуют большею частью по стопам европейских и большею же частью принимают взгляды, установившиеся на Западе, которые долгое время держатся у нас, иногда даже после того, как они были оставлены там»¹¹. Для соответствующих исследований по истории

⁹ Шадиев К.К. К критике концепции буржуазных «советологов»-исламоведов // Общественные науки в Узбекистане. 1987. № 5. С. 47, 48, 50.

¹⁰ Трапезников Г.Е. Некоторые проблемы развития межнациональных отношений в Средней Азии, Казахстане и Закавказье // Национальные проблемы в современных условиях. М., 1988. С. 196–197.

¹¹ Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 718.

XX в. по-прежнему характерны компилятивизм, заимствования обветшалых взглядов, воспроизведение устарелых политологических схем из зарубежных публикаций, тиражирование рассуждений и оценок, лишенных какого-либо научного содержания.

Истории перестройки в российской историографии, как верно отметил в 2001 г. А.С. Барсенков, «не повезло». С одной стороны, в 1985–1991 гг. имелись профессиональные кадры, предметом занятий которых была история современности, ранее достаточно хорошо представленная в общем потоке исторической литературы. С другой стороны, стремительное изменение общественно-политической ситуации, резкая смена еще недавно казавшихся незыблемыми идеологических постулатов, нарастание конфликтного потенциала общества как следствие борьбы за власть между различными сегментами политической элиты — все это вызвало «методологический шок» у ученых-гуманитариев, который отрицательно сказался на изучении событий тех лет. Громадный поток «перестроечной литературы» обслуживал преимущественно определенные «партийные» тенденции¹².

Методологическая и теоретическая неразбериха, эклектика, откровенный субъективизм, скрытый догматизм стали характерными чертами перестроечного «плюрализма мнений», который превратился в набор разнообразных мнений, взглядов, оценок, уводя все дальше от реального исторического процесса, смешивая «все лучшее» из «мировой историографии» и местную конкретику, что приводило к самым противоречивым суждениям, которые касаются и Центральной Азии. К примеру, роль КПСС и ее руководящих органов в осуществлении национальной политики оценивается, как правило, низко, что отражается даже в названиях публикаций¹³; принято считать, что во второй половине 1980-х гг. в СССР «постепенно нарастает напряженность в сфере межнациональных отношений», а первым сигналом стало выступление казахской молодежи в Алма-Ате, «потребовавшей уважения к национальным кадрам»¹⁴; ко времени распада СССР в правящих кругах

¹² Барсенков А.С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991. М., 2001. С. 16.

¹³ См., напр.: Суверов В.М. Политика КПСС в национально-государственном строительстве и ее крах // Сибирь: XX век: Межвузовский сборник научных трудов. Кемерово, 2007. Вып. 5. С. 173–180.

¹⁴ Некрасова Г.С. Проблемы национальной политики КПСС в общественно-политической мысли первого этапа перестройки (1985–1989) // Актуальные проблемы отечественной истории XX века: Сборник научных трудов. Кемерово, 2005. С. 107.

тюркоязычных стран якобы имелись тенденции к пантюркизму, чему была посвящена диссертация, в которой ставилась цель «выявить и исследовать идеи пантюркизма во взглядах руководства этих государств». В итоге делался вывод, что пантюркистские тенденции в той или иной степени присутствуют во взглядах руководителей всех этих государств, в том числе Казахстана и Кыргызстана¹⁵.

Согласно весьма распространенной точке зрения, централизованная плановая экономика, способствовавшая перераспределению материальных и финансовых ресурсов в пользу менее развитых регионов, за счет чего это отставание и преодолевалось, одновременно способствовала формированию противоречий между республиками и союзным руководством. Национальные республики, окрепнув экономически, объективно уже не нуждались в его опеке. К середине 1980-х гг. удельный вес продукции промышленных предприятий, полностью находившихся в ведении самих республик, составил: в РСФСР — 4%, Украинской ССР — 5%, Белорусской ССР — 7%, республиках Прибалтики — 7–9%, Средней Азии и Казахстана — 7–10%. Такое положение, согласно данному взгляду, постепенно было использовано для обоснования экономической основы для этнонационализма. Этому в немалой степени способствовала политика союзного руководства. Наглядным примером считается то, как отчислялись налог с оборота и подоходный налог с населения в союзный бюджет. Если РСФСР в 1975 г. имела право оставить 42,3% собранного на ее территории налога с оборота, то Киргизия — 93,2%. Эти отчисления для Казахстана в 1981 г. составляли более 40% доходной части его бюджета. Кроме того, в бюджеты Казахстана и Киргизии поступило 100% подоходного налога с населения.

В 1960–1980-е гг. в национальном вопросе, как ныне обычно считается, параллельно развивались две тенденции: с одной стороны, стремление к централизации государственного устройства, унификации и интернационализации национальной жизни, с другой — пробуждение национального самосознания, национализма, стремление к обособлению, сепаратизму. Первая тенденция была связана с политикой союзного руководства, вторая — с национальной (и националистической) интеллигенцией, частью местной бюрократии. Как отмечается в

¹⁵ Чесноков А.В. Пантюркизм в общественно-политической жизни Азербайджана и тюркоязычных стран Центральной Азии (90-е годы XX — начало XXI в.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005. С. 17, 18.

различных публикациях, рост национального самосознания сопровождался ростом антирусских настроений практически во всех союзных республиках, что привело к тому, что со второй половины 1970-х гг. численность русских стала сокращаться во всех республиках Центральной Азии. Сокращение численности русского населения (и то не во всех регионах) было связано с политикой внутренней миграции в СССР и изменениями в темпах индустриального развития, ради которого и осуществлялся в основном приток населения из европейской части страны. В 1980-х гг. относительное снижение удельного веса русских объясняется (для такой республики, как Казахстан) простым увеличением удельного веса квалифицированных специалистов «титупного» этноса. В итоге, как правило, делался вывод, что СССР тюрьмой народов никогда не был, что русский народ никогда не эксплуатировал в своих интересах другие народы, что было как раз наоборот. Курс выравнивания социально-экономического развития регионов осуществлялся главным образом за счет русского народа¹⁶.

Эта точка зрения разделяется и в академической среде. Показательны рассуждения исследователя распада СССР А.В. Шубина (Институт всеобщей истории РАН), который пишет, что поскольку «с 1990 г. республики стали ограничивать перечисления в союзный бюджет и осуществлять собственную эмиссионную политику», это, «собственно, и привело к банкротству СССР — результату, который США тщетно пытались достичь в 1981–1986 гг. Даже падение цен на нефть не имело такого сокрушительного значения, как самостоятельность региональных бюрократических кланов...»¹⁷. Известный специалист по национальным проблемам XX в. Н.Ф. Бугай (Институт российской истории РАН) полагает, что «ленинская концепция выравнивания (“подтягивания”) уровня социально-экономического развития национальных окраин к Центру за счет перераспределения финансовых ресурсов от русских к нерусским способствовала формированию паразитических и сепаратистских настроений национальных (региональных) элит»¹⁸. Во время перестройки, по словам тогдашнего директора этого инсти-

¹⁶ *Польнов М.Ф.* Национальный вопрос в СССР в 1960-х — первой половине 1980-х годов: достижения, проблемы, противоречия // Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11–13 октября 2007 года). В 3 т. Т. 1. СПб., 2010. С. 723–725, 728, 730.

¹⁷ *Шубин А.В.* Распад СССР: роль субъективных факторов // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2007. № 2. С. 15.

¹⁸ *Бугай Н.Ф.* Проект «Губернизация» // Литературная газета. 2013. 27 марта.

тута А.Н. Сахарова, происходило развитие сепаратизма, национализма, процветала коррупция, в том числе в Казахстане при первом секретаре ЦК КПК Д.А. Кунаеве¹⁹. Когда в год 20-летия дезинтеграции СССР в июне 2011 г. на берегу о. Иссык-Куль состоялся представительный «круглый стол» из ученых стран СНГ, один из его участников А.М. Филитов (Институт всеобщей истории РАН) заявил, что Советский Союз обеспечивал «достаточно комфортные условия жизни для своих составных частей — особенно же для “титульных” наций в союзных республиках». Союзное руководство «субсидировало периферию, имея в виду не насаждение какой-то национальной цивилизации, а интернациональный синтез, взаимное сближение и взаимное обогащение различных цивилизаций»²⁰.

В современной экономической литературе доминирует взгляд, что «межнациональные конфликты в СССР, возникшие уже в первые годы перестройки, были дополнены усилением сепаратистских настроений как в союзных республиках, так и в отдельных автономных образованиях. Тому было несколько причин... Прежде всего сам факт ослабления союзного Центра, его неспособность преодолевать экономические сложности трансформационного процесса подталкивали союзные республики искать выход из кризиса самостоятельно... Существенным моментом было принципиально разное понимание союзными республиками (и их руководителями) перспектив экономических и политических реформ, будущего общественного устройства, которое должно прийти на смену советскому тоталитаризму»²¹.

К началу 1980-х гг. СССР, как утверждается, столкнулся с системными проблемами, которые были предопределены всей предшествующей логикой развития социалистического государства, основанной на марксистской утопии и не имеющей эффективных внутренних механизмов адаптации к переменам. «Поддерживая неизменность идеи социалистического выбора, архитекторы перестройки предложили вернуть в практику правильное понимание основ и механизмов советской

¹⁹ Сахаров А.Н. Исторические этапы современной России: перестройка — революция — «лихие 90-е годы» // История современной России: проблемы, документы, факты (1985–1999) / Материалы Международной конференции, 25 ноября 2010 года: В 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 75–76.

²⁰ Филитов А.М. Конец холодной войны и распад СССР: проблема закономерности и альтернативности // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2011. С. 253.

²¹ История экономики СССР и России в конце XX века (1985–1999). М., 2011. С. 59.

демократии, а также ленинских принципов “новой экономической политики”... Однако сама неизбежность перемен пришла в противоречие с отлаженным образом жизни советской бюрократии, которая попыталась их блокировать... В итоге затягивание реформ привело к углублению экономического кризиса и распространению вширь... На фоне развала бюджетной и денежной систем происходит постепенная потеря управляемости экономикой СССР, нарастают центробежные процессы среди союзных республик... Демонтаж коммунистического партийного аппарата контроля и принуждения привел к полному ослаблению идеологических и экономических скреп некогда единого союза: национальные элиты больше не видели никаких рациональных аргументов в пользу дальнейшего нахождения своих республик в составе СССР и приступили к практической реализации планов на отделение»²².

Одной из самых сложных проблем, с которой столкнулось последнее советское руководство во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым, стали «негативные последствия национальной политики СССР». Ее основным содержанием был тезис об «ускоренном развитии», как тогда говорили, «бывших национальных окраин». С одной стороны, во многом благодаря этой политике были сбалансированы уровни социально-экономического развития союзных республик. С другой стороны, в начале 1980-х гг. в условиях демократизации политических режимов ряда государств Восточной Европы и набравшего обороты кризиса союзной экономики стала крепнуть уверенность в неэквивалентном характере экономического обмена между союзным руководством и союзными республиками²³. Горбачев сделал попытку привлечь на свою сторону политические элиты союзных республик и регионов, поддержав их стремление к самостоятельности и повышению статуса. Как следствие, политическая линия руководства СССР оказалась половинчатой и противоречивой: систематическое «заигрывание» с республиками перемежалось с попытками ограничить рост авторитета их новых лидеров и купировать наиболее серьезные проявления центробежных тенденций²⁴. По мнению Д.А. Аманжоловой (Москва), «именно партийные органы

---

²² Яник А.А. История современной России: Истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999). М., 2012. С. 25–27.

²³ Там же. С. 154.

²⁴ Там же. С. 156.

республик, приобретая все большее ощущение самодостаточности, не смогли одновременно обрести необходимую ответственность за сохранение межэтнического согласия и недооценили скопившийся к середине 1980-х гг. на местах конфликтный потенциал». Руководство же КПСС не учло «адаптивной способности местных элит трансформировать содержание управленческих структур и использовать механизмы этносоциальной иерархии в их деятельности»²⁵. Такова в общих чертах позиция «пессимистов», которые считают, что СССР был обречен, его крах был неизбежен из-за «местных элит». Об этом еще раз заявил М.С. Горбачев в приветствии собравшимся в Стокгольме участникам VIII Всемирного конгресса Международного совета по исследованиям Центральной и Восточной Европы (21 июля 2010 г.), отмечая, что хотел реформировать, децентрализовать союз республик, но «радикальные силы», вопреки «воле граждан, выраженной на референдуме в марте 1991 г., пошли на ликвидацию союзного центра и добились одобрения этого решения верховными советами республик»²⁶.

Другие исследователи — «оптимисты» полагают, что СССР мог продолжать существовать и развиваться, проведя необходимые преобразования, которые касались и отношений с союзными республиками. В 2001 г. даже главный идеолог перестройки А.Н. Яковлев неожиданно заявил: «В принципе, доперестроечное общество могло бы жить и дальше... И существовать так годы, десятилетия и дольше...»²⁷ В монографии коллектива экономистов, историков, политологов и страноведов Отделения международных экономических и политических исследований Института экономики РАН, вышедшей в 2011 г., сказано, что в истории Евразии наблюдается наличие определенной закономерности — чередование двух сменяющих одна другую геополитических форм организации — единой государственной системы и системы государств. Евразийское пространство, как считают эти неоевразийцы, то собиралось воедино скифами, гуннами, хазарами, монголами, славянами, советскими коммунистами, то распадалось. По мнению авторов этой книги, развал СССР можно рассматривать

²⁵ Аманжолова Д. Советский народ — историческая реальность или фантом? // Вестник Российской нации. 2014. № 4. С. 23.

²⁶ Горбачев М. Участникам VIII Всемирного конгресса Международного совета по исследованиям Центральной и Восточной Европы. С. 3 // Личный архив.

²⁷ Яковлев А.Н. Большевизм — социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма / Пер. с фр. М., 2001. С. 16.

как процесс смены исторического ритма организации евразийского пространства — ритма, звучавшего на протяжении почти 500 лет и нарушенного за считанные годы²⁸.

Когда 11 сентября 2009 г. британская газета «The Times» опубликовала сенсационные документы о переговорах 1989 г. между М.С. Горбачевым и премьер-министром Великобритании М. Тэтчер, то выяснилось, что Лондон был против развала СССР. Значит, Горбачев тогда с глазу на глаз выяснял отношение британского правительства к подобной перспективе. Но факт подобных переговоров о судьбе СССР, которые вызывают сомнения в истинных мотивах национальной политики Горбачева, по существу, замалчивается в исследованиях как «пессимистов», так и «оптимистов».

Таким образом, по истории перестройки в Центральной Азии имеется ряд противоречащих друг другу интерпретаций среди российских обществоведов, испытывающих при этом влияние националистических, имперских, неоимперских, неоколониалистских и евразийских взглядов. В поисках ответа, почему рухнул СССР, политологи, историки, экономисты из Российской Федерации, как правило, обвиняют в этом бывшие союзные республики, которые, на их взгляд, стремились к сепаратизму и стали главными виновниками краха Союза, а центральноазиатские ученые обвиняют в этом союзное руководство.

В данной статье поставлена цель — рассмотреть в самом общем виде взаимоотношения союзного руководства (Политбюро ЦК КПСС) и руководителей республик советской Центральной Азии в 1982–1991 гг., показать, как при этом происходила выработка соотношения общегосударственных и регионально-национальных интересов и как решались соответствующие проблемы. Изучение данной темы, необходимо подчеркнуть, осложняется тем, что партийные документы, прежде всего материалы Политбюро ЦК КПСС, этого периода до сих пор недоступны для исследователей, в значительной своей части остаются нерассекреченными. Значительная часть документации Совета министров СССР периода перестройки также имеет грифы секретности²⁹. Статья основана преимущественно на впервые вводимых в научный оборот рассекреченных документах.

²⁸ См.: Евразия в поисках идентичности. М.; СПб., 2011.

²⁹ См.: *Мироненко С.В.* Архивные источники о распаде СССР // История современной России: проблемы, документы, факты (1985–1999): В 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 80–82.

Экономика и уровень жизни в канун перестройки

Мусульманские народы СССР к началу 1980-х гг., как известно из научной литературы, переживали период подъема, который отчетливо прослеживался по следующим основным направлениям: демографический бум (к тому времени насчитывалось, по официальным данным, свыше 50 млн человек, что составляло примерно четверть населения страны), улучшение уровня жизни, повышение образовательно-квалификационного уровня, рост самосознания.

Как показывали расчеты советских экономистов, социально-экономические условия жизни изменили ее уровень, что выразилось в таком показателе, как естественный прирост населения, который в Средней Азии в 1985 г. значительно вырос по сравнению с 1940 г.³⁰ Уровень рождаемости в регионе был почти в 2 раза выше среднесоюзного, а естественный прирост населения — более чем в 3 раза³¹. Численность населения Средней Азии на начало 1979 г. достигла 25,5 млн человек, в 1986 г. — 30,5 млн человек³², т.е. увеличивалась каждый год почти на 0,5 млн человек.

В 1987 г. эксперты из Госплана СССР и правительств всех республик Центральной Азии составили прогноз, что тенденция быстрого роста населения здесь сохранится и в перспективе, хотя его темпы после 2000 г. несколько снизятся. К 2010 г. население региона возрастет на 58% по сравнению с 1985 г. и составит 72,6 млн человек. Прирост численности трудоспособного населения в регионе за 1986–2010 гг. превысит 16 млн человек³³. Иначе говоря, за 15 лет население Центральной Азии возрастет более чем вдвое. Ничего подобного не наблюдалось и не ожидалось в других частях СССР.

Средняя Азия и Южный Казахстан, как отмечалось в другом прогнозе развития экономики Приаралья на 2000–2020 гг., подготовленном в июле 1983 г. Отделом региональной экономики Средней Азии и Казахстана Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР,

³⁰ Развитие народонаселения и проблемы трудовых ресурсов республик Средней Азии (социально-демографический анализ). Ташкент, 1988. С. 4.

³¹ Оразмурадov Б., Зюзин Д.И. Молодежь республик Средней Азии: труд, образование, профессия, быт. Ашхабад, 1987. С. 250.

³² Развитие народонаселения и проблемы трудовых ресурсов республик Средней Азии... С. 7.

³³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 222. Л. 7–8.

располагали такими ресурсами, которые обуславливали непереносимое развитие производительных сил, создание новых рабочих мест. Речь шла, сказано далее в этом документе, о значительном приросте трудовых ресурсов, об огромных площадях плодородных земель, отличающихся наиболее высокими в стране биоклиматическими возможностями³⁴. Эти оптимистические прогнозы делались на фоне существующих в научной литературе взглядов, что структурные изменения в народном хозяйстве, происшедшие в республиках Средней Азии, были менее благоприятны, чем в целом по стране, и значительно менее благоприятны, чем в наиболее развитых в экономическом отношении республиках — Российской Федерации и прибалтийских³⁵.

Об улучшении уровня жизни населения Центральной Азии, согласно расчетам советских специалистов, свидетельствовало то, что произведенный доход на душу населения в республиках Средней Азии, в том числе в КирССР, в 1985 г. составлял чуть больше среднего по Союзу³⁶. В 1985 г. в КазССР жизненный уровень населения также повысился, о чем докладывал в союзное правительство 14 января 1986 г. председатель республиканского правительства Н.А. Назарбаев³⁷. Уровень жизни, как считали местные эксперты, во многом определялся удельным весом взрослого самодеятельного населения и его общей численности. Этот показатель зависел также от того, сколько детей и вообще иждивенцев приходилось на занятое население, т.е. от распределения населения по источникам средств существования. По данным выборочного социально-демографического обследования в 1985 г. в общей численности населения СССР 28,6% составили иждивенцы отдельных лиц, а также занятые в личном подсобном хозяйстве; в КирССР этот показатель равнялся 40,6%. На основе всех этих показателей делался вывод, что в региональных условиях республик Средней Азии «убедительно проявляются преимущества социализма в обеспечении повышения уровня жизни народа при высоких темпах увеличения его численности»³⁸.

Жизненный уровень людей зависел во многом от действий не только центрального, но и республиканского правительства. Наряду с несо-

³⁴ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 41. Д. 1. Л. 1, 4.

³⁵ Подробнее см.: *Оразмурадов Б., Зюзин Д.И.* Указ. соч. С. 27.

³⁶ Там же. С. 17.

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 147. Д. 345. Л. 15.

³⁸ Развитие народонаселения и проблемы трудовых ресурсов республик Средней Азии... С. 71.

мненными успехами, о которых часто писалось и говорилось с трибун, в социально-культурных сферах всех республик Центральной Азии были серьезные проблемы. Основная их причина — нехватка средств. Так, в письме председателя правительства КирССР А.Д. Дуйшеева в союзное правительство от 8 декабря 1982 г. отмечалось крайне неудовлетворительное обеспечение культурно-просветительными учреждениями населения республики, особенно в сельской местности. Из 225 сельских населенных пунктов с численностью населения 300–500 человек в 179 пунктах (или более 60%) не имелось библиотек, в 236 пунктах (или 80%) не было клубов³⁹. Однако когда вопрос касался идеологии и пропаганды, то деньги находились. Так, в апреле 1984 г. в Совмин СССР поступило письмо Дуйшеева о том, что в связи с подготовкой юбилейных мероприятий, посвященных 60-летию образования республики и ее компартии, потребуется 1,3 млн руб. из республиканского бюджета. Эта просьба была поддержана, и в мае председатель правительства Н.А. Тихонов подписал соответствующее распоряжение⁴⁰. Когда в результате проведения Всесоюзного коммунистического субботника в Киргизской ССР 19 апреля 1986 г. на счета Киргизской конторы Госбанка СССР поступило 1,5 млн руб., то союзное руководство разрешило использовать их в республике⁴¹.

К этому времени выяснилось, что состояние здравоохранения, важнейшего показателя уровня жизни населения, вызвало такое сильное недовольство жителей этих республик, что привело к вмешательству союзного руководства. Так, в постановлении Президиума Верховного Совета СССР «О работе Советов народных депутатов Киргизской ССР по организации медицинского обслуживания населения» от 12 сентября 1986 г. была высказана критика в адрес руководства этой республики. При этом указывалось, что здесь к вопросам здравоохранения относились как к второстепенному делу, между тем, к примеру, высоким остался уровень детской и материнской смертности, заболеваемость туберкулезом превышала общесоюзные показатели, серьезные недостатки имелись в борьбе с венерическими заболеваниями, острой проблемой являлась распространенность наркомании, особенно среди несовершеннолетних, и др.⁴² Все эти отрицательные показатели не во-

³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 142. Д. 268. Л. 10–11.

⁴⁰ Там же. Оп. 144. Д. 317. Л. 10, 12, 13.

⁴¹ Там же. Оп. 147. Д. 357. Л. 30.

⁴² Там же. Л. 32–35.

шли в опубликованный текст этого постановления⁴³. Власть скрывала от общественности свои просчеты и реальную ситуацию.

Духовная жизнь и национальное самосознание

Большие индустриальные успехи советской власти в экономике Центральной Азии были налицо, но модернизация, пришедшая из России, с точки зрения местного населения, сводилась к насаждению в их обществе чуждых взглядов, а под видом формирования новой исторической общности — советского народа шла ассимиляция местных народов, что у них вызывало не только недовольство, но и сопротивление. Так, еще в 1964–1965 гг. на территории КазССР отмечались, как сказано в письме председателя КГБ СССР В.Е. Семичастного в ЦК КПСС 23 декабря 1965 г., «националистические проявления среди студенческой молодежи и интеллигенции», которые приводили, в частности, к групповым дракам между казахами и русскими. Кроме того, были зафиксированы случаи распространения рукописей и анонимных писем «националистического характера». Например, автором двух анонимных писем, как выяснили чекисты, оказался 26-летний электрик из Павлодара, казах Т. Аменов, который, ссылаясь на то, что русские жители республики презирают казахов, требовал образования самостоятельного казахского государства. Другой казах 55-летний коммунист А.Ж. Бектасов, заместитель начальника Управления по делам колхозов Министерства сельского хозяйства КазССР, направил письмо в ЦК КПК и правительство республики о положении в сельском хозяйстве и других вопросах, также отмечая наличие в Казахстане скрытого великодержавного шовинизма и оборонительного местного национализма. Так, автор многочисленных анонимных писем, направленных в редакции алма-атинских газет, шофер автобазы Академии наук КазССР, 28-летний украинец И.М. Скобельский допускал в них шовинистические суждения в адрес казахского народа.

Среди казахской интеллигенции и казахских студентов, отмечал далее Семичастный, имелось недовольство тем, что делопроизводство в учреждениях и преподавание во всех высших учебных заведениях и большинстве школ Казахстана ведутся на русском языке, что многие руководящие посты в партийно-государственном аппарате и других уч-

⁴³ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. 17 сентября. С. 752–755.

реждениях занимали русские. Это недовольство порой воплощалось в конкретные действия против власти. Так, в ночь с 6 на 7 ноября 1965 г. (накануне общегосударственного праздника — дня Великой Октябрьской социалистической революции) в Алма-Ате неизвестными были разбиты вывески с русским текстом на зданиях Алма-Атинского обкома Компартии Казахстана, горисполкома, приемной Президиума Верховного Совета Казахской ССР, Комиссии партийно-государственного контроля ЦК Компартии Казахстана, Совета министров Казахской ССР, ряда других учреждений и вузов города⁴⁴.

В Казахской, Киргизской, Таджикской и Узбекской республиках из года в год, как отмечалось в информации Совета по делам религий при Совете министров СССР в ЦК КПСС от 27 мая 1968 г., увеличилось количество молящихся в мечетях в дни мусульманского поста и религиозных праздников. Причем молодежь в религиозные праздники составляла от 10 до 25% к общему числу молящихся в мечетях. В отдельных местностях (Таджикская ССР, Андижанская, Бухарская области УзССР) в 1968 г. на богослужениях молодежи было больше, чем в прошлые годы. Кроме того, в последние годы на моления стали ходить и женщины, веками не допускавшиеся в мечети. В 1971 г., согласно докладу этого ведомства в ЦК КПСС, в богослужениях, связанных с мусульманским праздником, 6–8 февраля 1971 г. приняло участие больше людей, чем в 1970 г. Так, например, только в 64 зарегистрированных мечетях Узбекской ССР собралось более 100 тыс. человек, что было на 10% больше, чем в 1970 г. Причем в мечетях, в частности Казахской ССР, из года в год росло количество женщин, участвующих в молениях⁴⁵.

Происходило все это на фоне того, что сельское население в Центральной Азии в указанный период, как отмечается в научной литературе, росло быстрее, чем городское, в отличие от остального Союза. На мой взгляд, усиление рурализации было обусловлено глубинным нежеланием коренных народов идти по тому пути, который им навязывался. Приобщение местных народов к строительству социализма на деле привело к сворачиванию их культуры, национального образования и др. Так, к началу 1980-х гг. в Казахстане было закрыто свыше 500 казахских школ, а в Алма-Ате осталась единственная школа с казахским языком обуче-

⁴⁴ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 6. Д. 29. Л. 1–3.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 147. Л. 22; Д. 361. Л. 38.

ния⁴⁶. Привнесение такого «прогресса» не столько подрывало массовое религиозное сознание, сколько стимулировало его, о чем свидетельствовал рост молящихся в мечетях во всех республиках.

Практика советской системы вызывала у местного населения, как отмечали исламоведы, возмущение поведением не только их национальных, но и религиозных чувств. В недрах «центральноазиатского социалистического общества» вызревали очень важные процессы, которые, с одной стороны, выражались в стремлении мусульман сохранить собственные религиозные традиции, ощущении себя как верующих людей вопреки государственной идеологии. В массовом сознании сохранялись преимущественно исламские нравственно-этические нормы и повседневная обрядность, связанная с исламскими предписаниями, сферами индивидуальной и коллективной психологии. С другой стороны, налицо устремления нового поколения мусульманского духовенства в СССР, которое не соглашалось с консервативными принципами старшего поколения религиозных ученых и их квиетизмом, представители которого все более настойчиво стали говорить о «реформе», «очищении», «исправлении» местного ислама. Местные «реформаторы» в значительной степени предпочли заимствовать учения и идеологию разных мусульманских фундаменталистов Египта, Пакистана или Саудовской Аравии во второй половине XX в.⁴⁷

Самый влиятельный из пакистанских реформаторов-фундаменталистов Абу-л-‘Ала’ ал-Маудуди (1903–1979) полагал: «Фактически мы не в состоянии даже представить, сколько адских средств было применено в... России, чтоб из мусульман сделать немусульман...»⁴⁸ Взгляды этого богослова были известны среди мусульман Центральной Азии. Так, уполномоченный Совета по делам религий при Совете министров СССР по Туркменской ССР Н.А. Овезов 27 февраля 1989 г. сообщал в Москву, что уроженец и житель кишлака Шуламак Гармского района Таджикской ССР 22-летний И. Ходжиев передал некоторым мусульманам самиздатовскую книгу под названием «Джихад», изданную нелегально еще в 1983 г., автором которой является Маудуди. В ней, по мнению Овезова, содержались призывы к мусульманам бороться с местной властью за распространение идей ислама. При встрече с тур-

⁴⁶ Хидоятов Г.А. Национальный вопрос в СССР. Вып. 1. Ташкент, 1994. С. 196.

⁴⁷ Бабаджанов Б.М., Муминов А.К., Кюгельген А. фон. Диспуты мусульманских религиозных авторитетов в Центральной Азии в XX веке. Алматы, 2007. С. 20–25.

⁴⁸ Абу аль-Аля аль-Маудуди. Ислам сегодня / Пер. с араб. М., 1992. С. 32.

кменами Ходжиев советовал им распространять идеи, содержащиеся в этой книге. Он рекомендовал им перевести ее на туркменский язык, размножить и распространить ее в Туркмении⁴⁹. Недовольство советской национальной политикой в религиозной сфере основывалось не на внешней пропаганде, а на том реальном курсе, который с давних времен проводился центральным и местным руководством.

В Центральной Азии дискуссии и идеи о реформации и «обновлении/очищении» ислама оживились, как считают специалисты, примерно в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Это оживление связано преимущественно с деятельностью молодого поколения религиозно и традиционно воспитанных людей. По сути, молодое поколение религиозных ученых к спорам подвигли не только их личные амбиции или неблагоприятная атмосфера атеистической идеологии. Серьезное влияние на молодежь оказали идеи реформаторов и модернистов разных направлений исламского мира. Несмотря на фактически полную международную изоляцию советского периода, все-таки существовали легитимные способы проникновения этих идей в республики Центральной Азии. Первый из них связан с общением со студентами из арабских стран, обучавшихся в учебных заведениях, к примеру, Узбекской ССР. Эти студенты привозили религиозно-политическую литературу, которая стала вторым источником влияния на идеи молодых религиозных ученых новой волны. Среди этих книг были сочинения реформаторов-фундаменталистов, которые резко критиковали как западный империализм, так и коммунизм, призывали к борьбе с ними. Третьим источником стала религиозная и религиозно-политическая литература, привозимая официальными делегациями, которые посещали мусульманские страны Ближнего и Среднего Востока. Четвертым источником внешнего влияния на местных реформаторов стали передачи радиостанций из Западной Европы и Среднего Востока, вещавшие на территорию СССР, уделяя очень много времени религиозной тематике. Как считают специалисты, нет сомнений, что именно эти идеи стали догматической и идеологической основой того движения, которое возникло среди молодых религиозных ученых в Центральной Азии. В результате они решили бороться за «чистый ислам», полагая, что многие ритуалы и обычаи местных мусульман являются непозволительным новшеством. Однако нельзя сказать, что их идеи и смутные политические порывы полностью копировали идеологию фундамента-

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 4088. Л. 6–8.

листских реформаторов арабского мира. Местные традиции реформаторства тоже повлияли на позиции местных молодых реформаторов⁵⁰. Здесьние исламисты-модернисты полагали, что обряды ислама — это традиции и обычаи мусульманской нации, что нет разницы между национальными традициями, обычаями и обрядами ислама, отмечал, к примеру, уполномоченный Совета по делам религий при Совете министров СССР по Хорезмской области Узбекской ССР К. Атаев 8 декабря 1972 г. в своем сообщении в Москву. За последние три года в Ошской области Киргизской ССР, как отмечалось в докладе уполномоченного этого Совета Э.Т. Ташматова в Москву 4 августа 1983 г., были зарегистрированы несколько молодых служителей культа, которые, хорошо разбираясь в окружающей обстановке, приспособлявали ислам к современным условиям, шли на всевозможные уступки тем, кто уже давно отказался от выполнения многих предписаний шариата, вплоть до того, что отождествляли шариат с моральным кодексом строителя коммунизма⁵¹. Все это влияло и на коммунистов и комсомольцев. Так, в религиозных мероприятиях, проходивших в период мусульманского поста с 28 сентября по 27 октября 1973 г., в ряде мест в Центральной Азии принимали участие и члены ВЛКСМ и КПСС. Только в Ташкентской области в коллективных богослужениях участвовали 11 коммунистов⁵².

Анализ общей ситуации в этом регионе был проведен в Москве. «Высокий уровень религиозной обрядности в районах традиционного распространения ислама и наличия большого количества нарушений законодательства о культах во многом объясняется двумя причинами», — отмечал 19 декабря 1975 г. член Совета по делам религий при Совете министров СССР А.А. Нуруллаев, выходец из Центральной Азии, в докладе в Отдел пропаганды ЦК КПСС. «Во-первых, значительная часть населения, включая немалую долю представителей интеллигенции (особенно на селе), воспринимает религиозные обряды и ритуалы (а нередко религиозные организации и ислам в целом) в качестве национальных, народных, чему способствуют нередко и должностные лица... Во-вторых, весьма распространенным является примиренческое отношение к религии со стороны части лиц, призванных бороться с религиозными пережитками и нарушениями законодательства о культах

⁵⁰ Бабаджанов Б.М., Муминов А.К., Кюгельген А. фон. Указ. соч. С. 29.

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 470. Л. 165–166; Д. 4691. Л. 186, 189.

⁵² Там же. Д. 622. Л. 10.

(не случайно в последнее время о примиренческом отношении к исламу, допускаемом не только рядовыми коммунистами, но и партийными работниками, говорили и писали член Политбюро ЦК КПСС Д.А. Кунаев и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Ш.Р. Рашидов). Нередко такое примиренчество прикрывается показной воинственностью и грубым администрированием по отношению к верующим и сопровождается... заведомо неправдивой информацией о религиозной обстановке, направленной в областные и республиканские руководящие инстанции. Изучение положения дел на местах и многочисленные встречи с партийно-советским активом республик Советского Востока позволяют сделать вывод о том, что ненормальность существующей ситуации осознается практически каждым...»⁵³ В среднеазиатском регионе, как позже признавалось в российской историографии, оппозиция советской власти принимала форму социокультурного и мировоззренческого противостояния традиционного уклада русскоязычной этнической культуре и коммунистической идеологии⁵⁴. Другими словами, ислам в Центральной Азии продолжал быть сдерживающим фактором против русской культуры и общей модернизации этих республик по советской модели модернизации.

Это противостояние усилилось в связи со значительным повышением роли исламского фактора в общественно-политической жизни как сопредельных с СССР мусульманских стран, так и мусульманского Востока в целом, получившее в мировой печати и в научной литературе название «исламский бум» или «возрождение ислама», что наиболее ярко проявилось в начавшейся 9 января 1978 г. антишахской революции в Иране, в результате которой у власти в этой стране встали представители шиитского духовенства. В том же 1978 г. в Алма-Ате произошли выступления казахских студентов под лозунгами расширения доступа к университетскому образованию для казахской молодежи и столкновения их с русскими студентами⁵⁵.

Исламская революция в Иране, победившая 11 февраля 1979 г., способствовала пробуждению интереса к исламу, который сохранял значительные позиции в советской Средней Азии. Вторжение советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. также привело к заметному

⁵³ Там же. Д. 715. Л. 48–51.

⁵⁴ Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 209.

⁵⁵ Halbach U. Perestrojka und Nationalitätenproblematik: der Schock von Alma-Ata und Moskaus gespanntes Verhältnis zu Mittelasien. Köln, 1987. S. 7.

усилению в жизни Центральной Азии исламского фактора. В Афганистане народные массы поднялись на защиту своей страны под лозунгом защиты своей религии и нанесли в конечном итоге поражение Советской армии, несмотря на все ее военно-техническое превосходство. Во время этой войны в кишлаках и городах советских республик Центральной Азии были убиты и искалечены. Слухи о злоупотреблениях и коррупции среди офицеров и генералов вызывали резко отрицательное отношение к самой войне и недоверие к руководству страной⁵⁶. В 1980 г. в Алма-Ате произошли массовые беспорядки из-за того, что местные руководители устроили похороны казахских солдат, погибших в Афганистане, на военном, а не на мусульманском кладбище⁵⁷. Подобные факты в Москве расценивали как следствие влияния зарубежных сил. В сентябре 1981 г. Политбюро приняло инициированное КГБ постановление «О мероприятиях по противодействию попыткам противника использовать “исламский фактор” во враждебных Советскому Союзу целях»⁵⁸. Одной из действенных мер считалось использование в этой контрпропаганде мусульманских священнослужителей. Так, в той же Алма-Ате во время мусульманского праздника, который отмечался 12–14 июля 1983 г., в первый день в мечети побывало около 3,7 тыс. верующих, в том числе из других населенных пунктов, а также из Узбекской и Киргизской ССР. Перед ними выступил кази Р. Нысанбаев, казах, который говорил о достижениях Советской страны, о благах, какими пользовались советские люди, в том числе верующие-мусульмане, призывал присутствовавших хорошо трудиться⁵⁹. Но эти слова не действовали. В начале 1980-х гг. обнаружился, вспоминал сотрудник Международного отдела ЦК КПСС А.С. Черняев, полный провал политики «искоренения ислама с помощью окультуривания на европейско-русский манер и насаждения интернационалистской атеистической идеологии»⁶⁰.

Несмотря на то, что власти пытались поставить под свой контроль саму систему мусульманского культа, несмотря на большие усилия со стороны государственных советских и партийных органов, неподкон-

⁵⁶ Хидоятов Г.А. Национальный вопрос в СССР. Вып. 1. Ташкент, 1994. С. 242.

⁵⁷ Halbach U. Op. cit. S. 7.

⁵⁸ «Принимая во внимание усиление враждебной Советскому Союзу деятельности реакционных иранских кругов». Реакция СССР на «экспорт исламской революции». 1979–1990 гг. // Исторический архив. 2012. № 1. С. 22.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 4691. Л. 54–55.

⁶⁰ Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. М., 2008. С. 590.

трольная религиозная практика, связанная с сакральной сферой шарията, продолжала существовать, принимая различные формы и проявляясь в настроениях населения, мгновенно поднимая их в случае необходимости выразить свое недовольство.

Замыслы Ю.А. Андропова и действия М.С. Горбачева

С приходом в 1982 г. нового генерального секретаря ЦК КПСС Ю.А. Андропова, бывшего руководителя КГБ СССР, в Центральной Азии началась масштабная чистка партийных рядов от «коррумпированных элементов», решительная борьба с «негативными тенденциями». У Андропова, когда он занял этот пост, была «идея фикс — ликвидировать построение СССР по национальному принципу... Как-то генсек меня, — вспоминал его помощник по экономике А.И. Вольский, — вызвал: “Давайте кончать с национальным делением страны. Представьте соображения об организации в Советском Союзе штатов на основе численности населения, производственной целесообразности и чтобы образующая нация была погашена. Нарисуйте новую карту СССР”». У группы сотрудников, получивших подобное указание партийного лидера, получился 41 штат. Но Андропов тяжело заболел и вскоре умер. «Успей он одобрить “проект”... секретари ЦК, ставшие впоследствии главами независимых государств, бурно аплодировали бы мудрому решению партии», — уверенно говорил Вольский⁶¹. О том, что Андропов вынашивал идею разделения Союза на 40–45 административно-территориальных единиц (наподобие штатов), вспомнил и генерал-лейтенант Н.С. Леонов, один из руководителей КГБ СССР. Андропов, по его словам, считал нужным «покончить с национальным дроблением» и пойти на новое устройство Союза⁶². Но что мешало планам Андропова по «погашению» этнообразующих республик, по мнению историков? Трудно, если вообще возможно, писал, например, тогдашний главный редактор академического исторического журнала А.Н. Медушевский, «отобрать однажды предоставленные национальным регионам права. Повернуть ситуацию дезинтеграции вспять можно было, следовательно, лишь приняв совершенно иную концепцию гражданской (а не национально ориентированной) федерации и выстроив всю политику по

⁶¹ Вольский А. Четыре генсека // Коммерсантъ. 2006. 12 сентября.

⁶² В потёмках // Литературная газета. 2013. 20 февраля.

общегражданским приоритетам, что не удалось сделать в масштабах СССР...»⁶³. В Центральной Азии этому мог помешать ислам, с которым решили бороться жесткими мерами, о чем свидетельствуют, в частности, следующие документы.

Постановление ЦК КПСС от 5 апреля 1984 г. «О мерах по идеологической изоляции реакционной части мусульманского духовенства» было направлено в первую очередь против упомянутой выше группы молодых религиозных реформаторов в Центральной Азии, против тех духовных лиц, которые не были подконтрольны власти. 24 октября 1984 г. было принято постановление Президиума Верховного Совета СССР «О политико-воспитательной и культурно-массовой работе Советов народных депутатов Казахской ССР в свете решений XXVI съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС». В документе требовалось «вести решительную борьбу с различного рода пережитками, устаревшими обычаями, с проявлениями чуждой идеологии и морали»⁶⁴. Эти документы фактически констатировали наличие накануне перестройки в Центральной Азии мультисекторной оппозиции, состоявшей из молодых религиозных реформаторов, которые вызывали сильную тревогу у местных руководителей.

Республиканское руководство в условиях начавшейся перестройки

Исполнение решений союзного руководства зависело во многом от региональной партийно-административной номенклатуры. В 1981 г., например, казахи, составлявшие чуть более 36% населения Казахской ССР, в Бюро Компартии Казахстана составляли 45% членов, в ЦК КПК — 51,9%, в Совете министров — 60%. Казахи занимали ключевые позиции в партийном и государственном аппарате республики, за исключением некоторых экономических ведомств⁶⁵. Весьма показательна в плане подлинных взаимоотношений союзного руководства и республик ситуация с Токтогульской ГЭС в КирССР. Ее руководство на протяжении ряда лет обращалось в союзное правительство с пред-

⁶³ Медушевский А.Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история. 2011. № 6. С. 18.

⁶⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1984. 31 октября. С. 815–817.

⁶⁵ Halbach U. Op. cit. S. 35.

ложением увеличить затраты на переселение населения и перенос из зоны затопления строений и сооружений, а также освоение новых земель взамен изымаемых. По результатам изучения этих предложений в Москве общие затраты на подготовку водохранилища были увеличены на 52 млн руб. (с 73,7 до 125,7 млн руб., т.е. в 1,7 раза). В мае 1985 г., когда в Москве была начата перестройка, республиканское руководство вновь обратилось с просьбой увеличить компенсационные затраты еще на 75,7 млн руб. В республиканском правительстве считали, что эта ГЭС работает уже 10 лет, и за это время более 5 млрд кВт·ч дешевой электроэнергии ежегодно подавалось для снабжения предприятий, включенных в среднеазиатскую энергетическую систему, а водохранилище дало возможность освоить 800 тыс. га новых земель и повысить водообеспеченность существующих земель на площади более 2 млн га в Узбекской, Таджикской и Казахской ССР, затраты на сооружение этой ГЭС уже дважды окупились, как отмечалось в письме председателя правительства КирССР А.Д. Дуйшеева от 20 мая 1985 г. в Совет министров СССР. В то же время потери, которые понесла КирССР при ее сооружении, по расчетам ее правительства (в мае 1985 г.), не были компенсированы полностью. Токтогульский район лишился 32 тыс. га лучших земель, из них орошаемых 12,4 тыс. га, 24 населенных пункта и районный центр были перенесены из благоустроенной обжитой долины в горную местность с тяжелыми условиями, многие перемещенные населенные пункты до сих пор не были обеспечены питьевой водой и т.п. Однако в союзном правительстве посчитали, что оснований на выделение еще 75,7 млн руб. не имеется⁶⁶. Никакого понимания подобных проблем в союзном руководстве не было, возникло лишь недовольство такими требованиями с мест и последовала реакция.

В ноябре 1985 г. первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т.У. Усубалиев был снят под предлогом «нарушения принципа коллективного руководства, за недостатки в идеологической и организационной работе партии и за отклонение от ленинских принципов кадровой политики». Между 1983 и 1986 гг. все первые секретари партийных организаций в Центральной Азии были заменены. Этот курс продолжился усилиями нового генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева. 15 мая 1986 г. он на заседании Политбюро сообщил о «потоке» жалоб из КазССР на действия Кунаева, которого обвиняли в коррупции, в вы-

⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 147. Д. 357. Л. 17–19, 21, 23.

движении на государственные посты своих родственников⁶⁷. Происходило все это на фоне острых социальных проблем. В апреле 1986 г. в союзное правительство был направлен проект плана экономического и социального развития КазССР на 1986–1990 гг., подписанный Назарбаевым. В документе отмечалось, что в республике мало строится учреждений социального и культурно-бытового назначения: одна треть центральных усадеб совхозов не имели типовых школ и клубов, половина — детских садов и яслей, каждая шестая — медицинских учреждений, недостает магазинов, учреждений бытового обслуживания. Аварийный и ветхий фонд в республике составлял 9,4 млн кв. м, много имелось сейсмоопасных жилых домов. В таких домах проживало более одного миллиона человек⁶⁸, что составляло около 7% населения республики. Фактически эти цифры были скрытой критикой, направленной Назарбаевым против политики, проводимой Кунаевым. Серьезные проблемы в социально-культурной сфере были присущи всему региону, что грозило социальной нестабильностью. Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 14 августа 1986 г. № 978 Госплану СССР было поручено разработать «Комплексную программу развития производительных сил республик Средней Азии и Казахстана на период до 2010 года»⁶⁹.

Одной из целей программы было противодействие влиянию «исламской религии», особенно в Центральной Азии. С этим связано постановление ЦК КПСС от 21 октября 1985 г. «О дополнительных мероприятиях в связи с активизацией в странах Азии и Африки так называемого воинствующего ислама». Вот что сказал Горбачев на заседании Политбюро 16 июля 1986 г. в отношении ислама: религия «темная», тем не менее ее влияние растет. Постановление Политбюро не должно выглядеть так, что «мы начинаем борьбу с исламом, с верующими людьми. Бороться надо с антисоветскими последствиями ислама... Надо стараться снизить религиозность, перевести эту потребность в другое русло. Иначе нас обвинят, что мы против собственных законов о свободе вероисповедания»⁷⁰. Политбюро боролось с этой религией, несмотря на все громкие публичные заявления Горбачева, уверявшего, что в СССР никакой дискриминации ислама нет.

⁶⁷ Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х — 1991 г. М., 2008. С. 163.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 147. Д. 345. Л. 29, 30.

⁶⁹ Там же. Оп. 150. Д. 222. Л. 3.

⁷⁰ Черняев А. Указ. соч. С. 694–695.

Борьба против этой религии объяснялась, как обычно, угрозой со стороны ваххабитов и международной организации «Братья-мусульмане». Типичный случай: один из местных жителей А. Нурматов из г. Шахристана Андижанской области Узбекской ССР в январе 1985 г. был задержан в г. Фергане, когда он занимался нелегальным обучением религии. На него как на ваххабита было заведено уголовное дело, но ему удалось убежать в Ташкент, где он два года скрывался в мечети в старой части города и занимался распространением религиозной литературы, которую издавало Среднеазиатское духовное управление мусульман⁷¹.

ЦК КПСС 18 августа 1986 г. принял закрытое постановление под красноречивым названием «Об усилении борьбы с влиянием ислама». В нем была поставлена цель — «активизация борьбы с различного рода обычаями и традициями под прикрытием ислама» и «ослабление влияния на население представителей мусульманского духовенства, выступавших с экстремистских и националистических позиций». Принятие данного постановления было связано с «обострением религиозной ситуации в регионах традиционного распространения ислама. Оно ориентировало местные партийные органы на разработку комплексных мер и долгосрочных мер, направленных на усиление идеологической работы по формированию научно-материалистического мировоззрения трудящихся, борьбы с религиозными предрассудками в районах компактного проживания мусульман»⁷². После этого постановления началась очередная кампания против этой религии, за искоренение ее влияния в массах, в том числе среди жителей Центральной Азии. Борьба против ислама смешивалась с борьбой против национальных традиций, когда под видом искоренения религиозных пережитков стремились ликвидировать и те традиции, обряды, празднества, которые ничего общего с религией не имели⁷³. Когда 24 ноября 1986 г. Горбачев прибыл в Ташкент, он выступил перед руководством Узбекской ССР, призвав вести решительную и бескомпромиссную борьбу с религиозными проявлениями, со всеми, кто на деле потворствует «отсталым» взглядам, принимает участие в религиозных обрядах⁷⁴. Эти слова, особенно об «отсталой» религии, были,

⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 4089. Л. 60.

⁷² Исхаков С.М. «Перестройка» и советские мусульмане // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 487–488.

⁷³ Хидоятов Г.А. Указ. соч. С. 245.

⁷⁴ Правда Востока (Ташкент). 1986. 25 ноября; Halbach U. Op. cit. S. 3–4.

в сущности, оскорблением верующих и еще сильнее накаляли межнациональные и межконфессиональные отношения во всем регионе, что вскоре и проявилось.

Алма-атинский кризис

В декабре 1986 г. в Алма-Ате, перед зданием ЦК КП Казахстана, прошли массовые митинги казахской молодежи из-за решения Политбюро отстранить от должности Кунаева и заменить его Г.В. Колбиным. Как отмечают некоторые авторы, Горбачев, довольно негативно относившийся к местным «национальным кадрам», в частности к председателю правительства КазССР Назарбаеву, заявил, что «сейчас некого ставить на пост первого секретаря республики из местных казахов», и в «этой сложной ситуации на посту первого секретаря должен быть русский»⁷⁵. Действия властей, вооруживших прутьями и арматурой русских рабочих фабрик и заводов Алма-Аты и бросивших их на подавление беспорядков, придали событиям характер межнационального конфликта.

Чтобы урегулировать конфликт, Политбюро направило вскоре в Алма-Ату в качестве своего представителя М.С. Соломенцева, который имел широкие полномочия, его оценки и суждения воспринимались как политические установки Политбюро. На заседании Бюро ЦК КПК 23 декабря 1986 г. он заявил, что эти события — не случайное явление, это организованное дело. «Кто организатор, нам неизвестно, удастся ли нам его найти, нет ли, мне трудно сказать. Но во всяком случае совершенно четко вырисовывается такая оценка, что это дело организованное...» Что касается недовольства казахского населения сферой образования, то Соломенцев заявил: «Я знаю, тут дискуссия шла насчет открытия казахских школ, где на казахском языке шло бы обучение... А что же дальше? Все обучение и воспитание... будет вестись на казахском языке»⁷⁶, — недовольно говорил он, не допуская подобного хода развития. Новый партийный лидер Казахстана первый секретарь КПК Колбин обратил большое внимание на социальную сферу. 1 февраля 1987 г. он писал председателю союзного правительства Н.И. Рыжко-

⁷⁵ Пихоя Р.Г., Соколов А.К. Указ. соч. С. 212.

⁷⁶ Пономарев В.А., Джукеева С. Документы и материалы о событиях 1986 года в Казахстане. М., 1993. С. 41–42.

ву, что «декабрьский инцидент в Алма-Ате вскрыл и целый ряд нерешенных социальных вопросов, которые годами не получали своего развития в Казахстане... Некоторые проблемы требуют поддержки союзных органов». Так, вузы и техникумы в Казахстане были обеспечены общежитиями лишь на 50%. Чтобы решить эту проблему, Колбин предложил союзному руководству приостановить на 2–3 года строительство в Казахстане 32 административных и других зданий союзных министерств и ведомств, а выделенные на эти цели средства передать на строительство студенческих общежитий. Рыжков согласился и 11 апреля 1987 г. подписал соответствующее распоряжение о строительстве общежитий на 20 тыс. кв. м. Кроме того, чтобы существенно улучшить ситуацию с жильем, Колбин вместе с Назарбаевым обратились 18 февраля 1987 г. к Рыжкову с предложением к плану этого года (5452 тыс. кв. м) ввести дополнительно около 1700 тыс. кв. м жилья, для чего разрешить оставить в республике все количество произведенных здешними промышленными предприятиями сверх установленных планов проката черных металлов, строительных и лесных материалов и другой продукции. Рыжков в апреле согласился и с этой инициативой, в виде исключения, на 1987 г.⁷⁷

Между тем Горбачев, который много ездил по Союзу, однако не нашел времени, чтобы приехать в встревоженную после декабрьских событий Алма-Ату, проявив тем самым внимание высшего руководства страны к сложной ситуации здесь. Вместо этого он отправился в г. Ленинск Кзыл-Ординской области, который был связан с работой космодрома Байконур, где пробыл 11–13 мая 1987 г. Здесь он высказал руководству республики самые серьезные замечания по социально-экономическому развитию этого города, в связи с этим были приняты постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 23 марта 1987 г. и ЦК КПК и Совета министров КазССР от 16 июня 1987 г. о дополнительных мерах по развитию социальной сферы этого города⁷⁸.

Избежал Алма-Аты и секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев, который был не только идеологом перестройки, но и куратором религии. Весной 1987 г., находясь в Душанбе, он сказал на VI пленуме ЦК Компартии Таджикистана так: «События в Алма-Ате в декабре прошлого года достаточно наглядно показали, к чему ведет пассивная позиция... Нельзя не видеть, — отмечал он, намекая на пантюркизм и панисламизм, — сегод-

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 148. Д. 342. Л. 3, 15, 22, 23, 77, 78, 82.

⁷⁸ Там же. Оп. 150. Д. 264. Л. 144.

ня и такой тенденции, как переплетение националистических взглядов с религиозными. Экстремистски настроенные служители культа нередко выступают с националистических позиций, объявляя религию хранительницей национальных традиций и культуры». «...Почему люди, — говорил Яковлев, — со своими заботами, радостями и невзгодами идут за советом к мулле, а не к партийному или советскому работнику? Причем не только по личным вопросам. ...Муллы занимаются даже международной информацией... Если человек не находит поддержки, сострадания, внимания к своим нуждам в партийных комитетах, в Советах, сталкивается с неудовлетворительной работой сфер торговли, здравоохранения, образования, он и обращается к муллам. ...Вот здесь и находится ключевая проблема борьбы за сознание»⁷⁹.

О чем шла речь? В начале 1989 г., анализируя состояние религиозной обстановки в мусульманском культе и взаимосвязь религиозного и национального в Ферганской области Узбекской ССР, сотрудник Совета по делам религий при Совете министров СССР Г.К. Уторбаев сообщал московскому руководству, что мусульманские праздники воспринимаются как религиозно-национальные, о чем свидетельствовали ответы на анкеты более 80 опрошенных из среды городской и сельской интеллигенции. Национальное и религиозное в традициях, обычаях и обрядах среди верующих воспринималось как нечто единое, данное Аллахом, и зачастую основная масса верующих людей, думая, что руководствуется предписаниями Корана, на социально-бытовом уровне без ясно выраженной цели, мотива, смысла того или иного поступка, зачастую смешивала национальное и религиозное, местные обычаи и нормы шариата.

О ком шла речь? Вот характерный пример. Житель г. Коканда М. Кенжаев, сторонник «чистого» ислама (ваххабит), добровольно вышел из рядов КПСС. В мечетях Андижана, Коканда, Маргилана, Намангана, по сведениям компетентных органов, имелись, как сказано в отчете, такие «экстремистски настроенные прихожане». Среди них были и те, кто имел связи с ваххабитами Таджикистана. Так, поборник «чистого» ислама имам мечети в с. Торкуль Избаскентского района Андижанской области Дж. Юлдашев неоднократно приезжал в Коканд, Маргилан и Наманган и выступал с призывами отобрать мечеть у коммунистов и заменить «послушных» имамов на «истинных» поборников ислама⁸⁰.

⁷⁹ Выступление кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева // Коммунист Таджикистана. 1987. № 5. С. 16, 17.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 4089. Л. 56–58, 60, 63.

Все эти факты, которые были известны в Москве, вызывали опасения союзного руководства за свою власть в Центральной Азии, что отразилось и при планировании долгосрочного экономического развития в регионе.

Перспективы Центральной Азии

В июне 1987 г. Госплан СССР представил доклад в правительство о результатах работы над «Комплексной программой развития производительных сил республик Средней Азии и Казахстана на период до 2010 года», в котором указывалось, что наряду с проблемами, характерными для всей страны, в регионе «возник ряд специфических региональных проблем, имеющих негативные последствия. Хозяйственный механизм не обеспечивал соблюдение правильного соотношения в темпах роста производительности и оплаты труда. В Комплексной программе намечены меры, направленные на преодоление застойных процессов, усиление борьбы против проявлений негативных национальных тенденций и местничества. Одной из первоочередных задач является значительное повышение роли интенсивных факторов в развитии экономики региона, быстрее преодоление разрыва между уровнями развития производственной и социальной сфер». Обсуждение программы в правительстве было перенесено на конец 1988 г. в связи с тем, что возникла, как сказано в документе, необходимость продолжить работу по проведению научных исследований и более глубоких проработок узловых проблем развития этого региона. В начале 1989 г. в правительстве решили продолжить работу по уточнению этой программы, учитывая особенности этого региона⁸¹.

Одной из главных причин откладывания принятия решения по этой программе были «негативные национальные тенденции». Чтобы побороть их, в июне 1987 г. на пленуме ЦК КПСС из состава Политбюро был выведен Кунаев. Сначала была зачитана просьба ЦК КПК о выводе его из ЦК КПСС и были изложены претензии к нему. После этого Кунаев попросил слово и, по словам очевидца, нахально стал себя превозносить: это именно он, будучи геологом, открыл геологические недра в Казахстане, это он осудил националистическую книгу «История Казахстана», это он построил черную и цветную металлургию здесь, это

⁸¹ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 222. Л. 4, 187, 190.

он сделал города современными и т.д. А что касается декабрьских событий, сказал Кунаев, «то подумаешь! Мальчишки какие-то выскочили на улицу, и из-за этого его так... Остановитесь, товарищи, не допускайте поспешности». Горбачев пытался его, как отмечал очевидец, «унять», видно было, как он сдерживал свое возмущение. После Кунаева выступили три казаха и «привели факты» против него. Результаты тайного голосования были такими: из 299–298 за его исключение⁸². Между тем Кунаев, как отмечал в августе 1987 г. известный немецкий эксперт по Центральной Азии У. Хальбах в докладе о перестройке, национальных проблемах и отношениях между Москвой и Центральной Азией, был национальным символом, единственным представителем Центральной Азии в Политбюро. В его лице казахи видели гаранта своего более активного участия в политической, культурной и экономической жизни республики⁸³.

В опубликованном в «Правде» 16 июля 1987 г. постановлении ЦК КПСС «О работе Казахской республиканской партийной организации по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся» содержались формулировки, которые вызвали возмущение среди казахов. Но на это в Политбюро не обращали внимания. На его заседании 29 февраля 1988 г. Горбачев характеризовал участников декабрьских событий как хулиганов и экстремистов, а Соломенцев назвал их националистами⁸⁴. Понятно, что это постановление готовилось при участии Колбина.

Нельзя, однако, не учитывать тех изменений, который были сделаны при Колбине в социально-культурной сфере республики. 26 апреля 1988 г. последовало постановление Президиума Верховного Совета СССР «О работе Советов народных депутатов Казахской ССР и их исполнительных и распорядительных органов по преодолению отставания в строительстве жилья и развитию социально-культурной сферы». В этом документе отмечалось, что в республике в предшествующие годы было допущено серьезное отставание в жилищной сфере: в ветхом и аварийном жилье

---

⁸² Черняев А. Указ. соч. С. 714. Имеется в виду: История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней) // Под ред. М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. Алма-Ата, 1943. Книга создавалась в Алма-Ате группой советских ученых в годы Великой Отечественной войны. Под влиянием обрушившейся на нее критики в 1949 г. вышло ее второе издание. В те годы Кунаев являлся заместителем председателя правительства КазССР.

⁸³ Halbach U. Op. cit. S. 37.

⁸⁴ Исхаков С.М. Указ. соч. С. 489; РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 18. Л. 9.

проживали около 600 тыс. человек, жилищная обеспеченность составляла в 1988 г. на 1 жителя 13,2 кв. м при 15,2 кв. м в среднем по стране⁸⁵. Ранее приводилось письмо Назарбаева, в котором указывалось, что к весне 1986 г. в ветхом и аварийном жилье проживали более 1 млн человек. Значит, за два года эта цифра сократилась почти на 40–45%, т.е. ситуация заметно улучшилась. Согласно другим официальным документам, в республике жилищная обеспеченность в 1987 г. составляла на 1 жителя в городах 12,4 кв. м⁸⁶, т.е. за один год рост составил почти 1 кв. м. А в 1989 г. этот показатель составил уже 14,1 кв. м.⁸⁷ Эти цифры также показывают, что ситуация с жильем существенно улучшилась с приходом к власти Колбина, которому союзное руководство почти всегда оказывало всяческую поддержку.

21 мая 1988 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О генеральной схеме управления народным хозяйством Казахской ССР». Отчитываясь о работе, проделанной в связи с этим решением союзного руководства, 16 декабря 1988 г. Колбин и Назарбаев обратились с докладом в ЦК и правительство, отмечая, что в республике завершена работа по переходу на новую схему управления народным хозяйством, разработке положений о министерствах и ведомствах с учетом требований Закона СССР о государственном предприятии, Закона СССР о кооперации, других постановлений союзного правительства, определяющих их деятельность в условиях перехода к экономическим методам управления развитием народного хозяйства. Вот пример сотрудничества этих двух руководителей республики. 24 апреля 1989 г. Колбин и Назарбаев обратились с письмом к Рыжкову с просьбой разрешить республиканскому правительству экспорт цветных, редких и благородных металлов с целью создания валютного фонда для развития производства, а также покупку импортного оборудования для изготовления товаров народного потребления или на их прямое приобретение. С этой инициативой в союзном правительстве не согласились, считая, что она приведет к ликвидации монополии государства на использование ресурсов драгоценных металлов⁸⁸.

Подводя итоги двухлетней работы в Казахстане, Колбин в начале 1989 г. писал: «Основная причина допущенных здесь в недалеком

⁸⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. 4 мая. С. 296.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 222. Л. 14.

⁸⁷ Там же. Оп. 163. Д. 170. Л. 125.

⁸⁸ Там же. Оп. 150. Д. 264. Л. 43, 80, 82, 91.

прошлом ошибок, нагромождения социально-экономических проблем заключается в постепенном размывании классовых подходов к партийно-политической работе, утверждении авторитарных методов руководства. Республика, о которой вздохнули как о крупной индустриальной и аграрной базе страны, лаборатории дружбы народов, пришла в своем развитии к предкризисному состоянию... Существенный урон был нанесен сфере национальных отношений, формированию здорового национального самосознания: все сильнее стала проявляться тенденция родоплеменного, жузового деления, ущемлялись интересы и запросы некоторых национальных групп, процветали кумовство, землячество, а на этой почве — протекционизм, моральное разложение части кадров, коррупция. Все это привело к известным событиям в Алма-Ате в декабре 1986 г.»⁸⁹. Вся вина, таким образом, перекладывалась на местную партийно-административную элиту во главе с Кунаевым, что соответствовало отношению Политбюро к казахскому руководству.

Между тем Колбину пришлось оставить Казахстан. В середине июня 1989 г. в ЦК КПСС и Совете министров СССР было получено коллективное письмо членов Союза писателей Казахстана, направленное I съезду народных депутатов СССР (Москва, 25 мая — 9 июня 1989 г.), в котором отмечалось, что принятое в 1987 г. постановление ЦК КПК об изучении казахского языка не выполняется, так как оно было составлено без должной подготовки, в нем много общих призывов и нет конкретных мероприятий, организаций, лиц, ответственных за исполнение этого постановления. В республике сохраняется отчуждение между местным и неместным населением. В итоге в письме требовалось пересмотреть кадровую политику в республике, выдвигая на руководство ею подготовленных местных кадров, прекратить, как сказано в письме, «десантирование» руководителей из других республик, поскольку в Казахстане есть «честные коммунисты, верные Союзу, перестройке и социализму»⁹⁰. 22 июня 1989 г. пленум ЦК КПК избрал Назарбаева первым секретарем. Собственно, о нем и шла речь в письме казахских литераторов.

25 сентября 1989 г. в ЦК Компартии Казахстана были приняты представители различных конфессий, в том числе кази мусульман Казах-

⁸⁹ Колбин Г.В. Партийный комитет — организатор перестройки // Вопросы истории КПСС. 1989. № 2. С. 3.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 264. Л. 139, 141, 142.

стана Р. Нысанбаев. В беседе с ними Назарбаев отметил важность восстановления в последние годы ленинских принципов отношения к религии. Нысанбаевым в ходе встречи был поставлен, в частности, вопрос об ускорении решения вопроса о создании Духовного управления мусульман в Казахстане⁹¹. Другими словами, Нысанбаев поднял вопрос о реформировании структуры управления мусульманскими общинами Казахстана посредством отделения от Средне-Азиатского Духовного управления мусульман (с центром в Ташкенте). Эта идея была одобрена казахстанскими властями, но не нашла поддержки у многих исламских лидеров республики⁹², недовольных начатым властями расколом мусульман Центральной Азии.

Кто виноват и что делать?

Однако вскоре ситуация в Алма-Ате вновь резко обострилась. Правительство республики 2 октября 1989 г. приняло решение об использовании некоторых домов отдыха, профилакториев, санаториев, пионерских лагерей, принадлежащих трудовым коллективам Алма-Аты, для размещения студентов, досрочно демобилизованных из рядов Советской армии, не затронув при этом такие же объекты, принадлежащие республиканскому правительству, ЦК КПК, различным правительственным учреждениям и ведомствам. Это решение вызвало недовольство в коллективах ряда столичных предприятий, которые выставили пикеты возле своих мест отдыха. 12 октября возмущенные люди потребовали отмены принятого правительством решения. В этой накаленной ситуации народный депутат СССР от КазССР А.М. Крышкин 17 октября написал письмо в Верховный Совет СССР, в котором просил принять меры, ставя риторический вопрос: «Кому это выгодно?!? Столкнуть рабочих и студентов. По подобию декабрьских событий 1986 г. наблюдается определенное желание определенных кругов». По мнению депутата, республиканское правительство приняло неправомерное решение⁹³.

Вопрос о том, кто же виноват в декабрьских конфликтах, стал предметом специального расследования нового республиканского руковод-

⁹¹ Там же. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 4082. Л. 38–39.

⁹² Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 3. М., 2001. С. 49.

⁹³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 265. Л. 75–77.

ства. «Декабрьские события 1986 г. в Алма-Ате стали следствием, — говорил 14 ноября 1989 г. руководитель комиссии Президиума Верховного Совета КазССР по их изучению народный депутат СССР казахский поэт М. Шаханов на сессии Верховного Совета КазССР, — недовольства определенной части населения, и не только коренного. Решение V пленума Компартии Казахстана о смене руководства вызвало общественный протест против укоренившейся практики назначения партийного руководства республики из Центра, без учета демократического волеизъявления коммунистов, без учета накопившихся и нерешаемых в застойные годы проблем межнациональных отношений, языковой политики, должного суверенитета республики, материальных и социально-психологических молодежных проблем в Алма-Ате. Все это привело к взрывоопасной ситуации». Комиссия видела ее причины, с одной стороны, в снижении продолжительности жизни, росте общей смертности «на фоне общего экономического обнищания и падения культуры». С другой стороны, «положения Конституции СССР о государственном суверенитете республик, в т.ч. и Казахстана, оставались пустой декларацией, Центр всегда рассматривал Казахстан как простую административно-территориальную единицу. При ведущей и направляющей роли КПСС политика подбора и расстановка ведущих кадров в стране была прерогативой только КПСС, а точнее Политбюро ЦК КПСС. При этом должность первого секретаря ЦК аккумулировала в себе все виды власти в республике... Фактически Компартия Казахстана была лишена даже элементарного права первичной партийной организации — самой выбирать своего руководителя... Назначенные Центром руководители, не имеющие корней в республике, не связанные с ее народом, культурой, бытом, традициями, подбирали себе кадровую команду по своему образу и подобию и проводили на местах политику Центра во всех ее социально-экономических, политических и идеологических аспектах»⁹⁴. Показательно, что в этих рассуждениях нет ни слова о религии. Вскоре стало ясно, кто будет отвечать за эту важную сферу жизни населения республик.

В январе 1990 г. последовало решение союзного руководства о создании отдельного Духовного управления мусульман Казахстана (во главе с собственным муфтием)⁹⁵. Тем самым союзное руководство показало, что намерено продолжать свою линию на раскол мусульманского мира Центральной Азии.

⁹⁴ Пономарев В.А., Джукеева С. Указ. соч. С. 9, 24–25.

⁹⁵ Ислам на территории бывшей Российской империи... С. 49.

Когда на III съезде народных депутатов СССР в марте 1990 г. произошло учреждение поста президента СССР, Назарбаев, поддержав это решение, высказался за применение той же модели в республиках, чтобы «снять уже наметившиеся противоречия между идеей президентства и стремлением республик к расширению своей самостоятельности». Уже 30 марта 1990 г. — всего через две недели после избрания президентом СССР самого Горбачева — на заседании Совета Федерации стало известно, что пост президента введен в Узбекистане. На вопрос Горбачева, как это произошло, последовал ответ И. Каримова: «Так захотел народ». Узбекского лидера поддержал Назарбаев: «Да, и у нас в Казахстане тоже народ говорит, а почему бы нам не иметь президента»⁹⁶.

В мае 1990 г. ЦК КПК обратился в ЦК КПСС с просьбой устранить ошибочные, по мнению казахских коммунистов, положения из июльского постановления 1987 г., что и было сделано в соответствующем постановлении ЦК КПСС от 18 мая 1990 г. В нем была признана неточность прежней оценки декабрьских событий в Алма-Ате и дана новая — как «противоправные действия части молодежи, подстрекаемой экстремистскими и националистическими элементами»⁹⁷, которая, однако, не устраивала руководство республики.

После XXVIII съезда КПСС (2–13 июля 1990 г.), в условиях кризиса советской государственности, в Политбюро были введены по должности первые секретари ЦК компартий всех союзных республик, в том числе Назарбаев. 11 августа 1990 г. в Крыму состоялась встреча Горбачева с группой партийных и государственных деятелей, среди которых был Назарбаев. Как записал в своем дневнике горбачевский помощник, Назарбаев говорил тогда с подчеркнутой самоуверенностью, много рассуждал о свободном рынке, о том, какими богатствами располагает «его государство» — уникальными, без которых другие в Союзе не проживут⁹⁸. Таким представал теперь и Назарбаев в глазах Горбачева и его окружения, как, впрочем, ранее Кунаев.

В сентябре 1990 г. появилось постановление Президиума Верховного Совета КазССР, которое недавнюю оценку декабрьских событий 1986 г. трактовало как повторение прежних обвинений, только «в более завуалированной и ханжеской форме», и со своей стороны перекладывало ответственность за трагические события полностью на тогдашних

⁹⁶ Барсенков А.С. Указ. соч. С. 158–159.

⁹⁷ Исхаков С.М. Указ. соч. С. 499.

⁹⁸ Черняев А. Указ. соч. С. 867.

членов Политбюро ЦК КПСС и руководителей КазССР, с чем не были согласны в Кремле⁹⁹. Взаимоотношения между союзным руководством и руководством республики по этому ключевому политическому вопросу зашли в тупик.

Мнение о том, что само союзное руководство спровоцировало конфликт в Алма-Ате, возникло сразу. Горбачеву, как писал Яковлев спустя много лет после распада СССР, приписывали кровь в Алма-Ате и в других местах. Не соглашаясь с этим обвинением, Яковлев возлагал всю ответственность на руководителей силовых ведомств, которые, по его словам, «жаждали крови, проливали ее, а потом докладывали, что оружие применялось в качестве ответной меры». Карательные органы «сами провоцировали волнения и конфликтные ситуации, чтобы доказать собственную нужность». Так было в Алма-Ате, Фергане, Сумгаите и др.¹⁰⁰ Все это отрицалось представителями силовиков. Так, генерал-майор В.А. Гусейнов, возглавлявший в 1989–1991 гг. КГБ Азербайджанской ССР, вспоминает: «Горбачев двигал войска на Алма-Ату...»¹⁰¹ Так или иначе, было очевидно, что то, что началось в Москве как реформа (перестройка), закончилось как погром (перестрелка) во многих городах Центральной Азии¹⁰², писал представитель мусульманской страны. В прессе же Пакистана начала 1990 г. эти драматические события характеризовались как начало в СССР джихада, проистекающего из поражения его армии в Афганистане. Конфликты, происходившие в феврале 1990 г. в Таджикистане, виделись как революция, характер которой определялся верой, особенностями истории и культуры народа. Центру при этом вменялось в вину стремление подавить нарастающую волну возрождения ислама, достигшую СССР. Так, в одной газете 22 января 1990 г. отмечалось: «Религиозный выбор Кремля безошибочен, ибо его объектом является беспокойное мусульманское население Азии, павшее жертвой безжалостного подавления». В связи с этим высказывались предупреждения, что конфронтация с 70 миллионами советских мусульман сможет привести к последствиям, превосходящим по своей тяжести вторжение в Афганистан¹⁰³.

⁹⁹ Исхаков С.М. Указ. соч. С. 499.

¹⁰⁰ Яковлев А. Сумерки. М., 2003. С. 519–520, 551.

¹⁰¹ Гусейнов В. Больше, чем одна жизнь. Кн. 2. М., 2013. С. 290.

¹⁰² Abbas N. Present Unrest in the Soviet Central Asia // Central Asia. (Peshawar). 1991. № 28. Summer. P. 116.

¹⁰³ Новоселов Д. Реакция в Пакистане на события в советской Средней Азии и Закавказье (по материалам пакистанской прессы) // Специальный бюллетень. 1991. № 3. С. 147, 148, 151.

Причем у многих очевидцев уже тогда возникали подозрения в отношении самого Яковлева и его истинных мотивов. Так, известный советский и российский историк академик Ю.А. Поляков не сомневался в том, что Яковлев проводил «проамериканскую политическую линию», что он вложил в разрушение КПСС большие усилия, использовал все рычаги, чтобы готовить ее ликвидацию, всячески поощрял всё, что подрывало партийный престиж¹⁰⁴.

Проблемы в экономике и в руководстве

Взаимопонимания между союзным руководством и руководством республик Центральной Азии становилось все меньше, а противоречия усиливались. Об этом свидетельствует, в частности, содержание письма, которое 10 декабря 1990 г. президент КазССР Назарбаев направил президенту СССР Горбачеву. В нем указывалось, что в силу длительной ориентировки экономики республики «на развитие сырьевых, добывающих отраслей народного хозяйства и недостатков системы ценообразования бюджет республики складывается с дефицитом, который покрывался за счет дотации и субвенций, выделяемых из союзного бюджета. Их размер в 1990 г. составил 3,8 млрд руб. Введение новых порядков налогообложения предприятий и организаций, разделения налогов между Союзом и республиками, повышение оптовых, закупочных цен и тарифов поставило республику в еще более невыгодное экономическое положение». В результате передачи в союзный бюджет платежей из прибыли предприятий и организаций, а также изменения порядка поступления налога с оборота доходы бюджета республики сократились на 3,2 млрд руб. Бюджет республики на 1991 г. имел дефицит в 16 млрд руб., что составляло размер субвенции республики из союзного бюджета. Однако в предложенном союзным правительством проекте плана бюджета страны выделение Казахстану субвенции не было предусмотрено. «Тем самым мы, — подчеркивал Назарбаев, — поставлены перед необходимостью резкого сокращения расходов на социальные мероприятия и повышения в 2–3 раза розничных цен на все товары, включая продукты и предметы первой необходимости без возмещения потерь социально незащищенным

¹⁰⁴ Поляков Ю.А. «Понадобится — сократим, нужно будет — расширим». О недописанной истории КПСС // Литературная газета. 2013. 6 февраля.

слоям населения. Не вызывает сомнения, что осуществление этих мер серьезно ухудшит политическую и социально-экономическую обстановку и вряд ли целесообразно их проводить в рамках отдельно взятой республики. В этих условиях республика будет вынуждена искать другие пути выхода из ситуации: путем введения договорных цен на все виды продукции, вывозимой за ее пределы, применения республиканских нормативных актов по налогообложению, поиску зарубежных партнеров для реализации своей продукции. Вместе с тем мы понимаем, что эти меры являются крайними и нежелательными в преддверии подписания Союзного договора». После указания Горбачева изучить это письмо Минфин СССР в январе 1991 г. выделил Казахстану из общесоюзного фонда стабилизации субвенцию в размере 6 млрд руб., т.е. союзное руководство предоставило около трети той суммы, которая запрашивалась Алма-Атой. В КирССР субвенция из этого же фонда на 1991 г. составила 1,8 млрд руб. Между тем нехватка денежных средств в республиках приводила к эмиссии. В феврале 1991 г. Назарбаев написал Горбачеву, что денежная эмиссия в КазССР увеличилась против 1985 г. в 2,3 раза, а ухудшение уровня жизни, кризис экономики и непоследовательность в проведении реформ начали вызывать у населения недоверие к реформам¹⁰⁵. Предоставленные союзным руководством субвенции в пересчете на 1 жителя этих республик составляли около 400 руб. или, согласно курсу того времени, около 200 долларов США, т.е. 16–17 долларов в месяц. Но даже такая мизерная сумма была крайне необходима этим республикам.

Между тем когда речь шла об интересах номенклатуры, то финансовые вопросы решались иначе, несмотря на экономический и финансовый кризис в стране. Так, 14 июня 1991 г. секретарь ЦК КП Кыргызстана Дж. Аманбаев направил письмо в Управление делами ЦК КПСС о том, что Чуйский обком партии планирует создать Продовольственно-коммерческое объединение «Береке», учредителем которого является семхоз им. XXIII партсъезда Аламединского района Чуйской области. В письме отмечалось, что за три года это сельскохозяйственное объединение окупит вложенные затраты в 7,5 млн руб. и принесет прибыль в 3,5 млн руб. Эта просьба была быстро удовлетворена, и ЦК КП Кыргызстана было выделено 4 млн 900 тыс. руб., которые были перечислены 5 августа 1991 г.¹⁰⁶ Этот факт обнаруживает также, что партийные руководители были за-

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 163. Д. 170. Л. 54–56, 58, 124, 126, 127; Д. 178. Л. 68.

¹⁰⁶ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 33. Д. 14. Л. 1, 3.

интересованы в быстрой и большой прибыли. Но политическая ситуация вскоре резко изменилась.

После того как Горбачев 25 августа 1991 г. призвал ЦК КПСС к самороспуску, первым Политбюро покинул Назарбаев, который поставил вопрос о выходе республиканской компартии из КПСС, поскольку, по его словам, получаемые указания из Секретариата ЦК свидетельствовали о поддержке путчистов руководством партии. 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате встретились руководители 11 суверенных государств, бывших союзных республик, которые договорились о ликвидации СССР, который с этого дня с международно-правовой точки зрения прекратил свое существование¹⁰⁷. По этому поводу горбачевский помощник оставил запись в своем дневнике: «Вчера состоялся Алма-Атинский погром. Поворот, видимо, сопоставимый с 25 октября 1917 г. и с такими же неопределенными последствиями. Горбачева просто грубо скинули»¹⁰⁸. На самом же деле отсутствие адекватных представлений о реальностях межнациональных отношений и вытекавшие отсюда теоретическое бесплодие и политическая беспомощность во многом, как верно полагает Барсенков, предопределили предельно болезненные формы разрешения противоречий между основными элитными группами СССР. Неэффективность действий Горбачева на «национальном» направлении была налицо¹⁰⁹.

Каким было к тому времени отношение мусульман Центральной Азии к союзному руководству? Об этом можно судить по результатам Всесоюзного референдума о сохранении СССР, который состоялся 17 марта 1991 г. Почти 95% жителей республик Центральной Азии поддержали сохранение СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик. Перед референдумом, в частности, глава Духовного управления мусульман Таджикистана кази А. Тураджонзода обратился через средства массовой информации к президенту Таджикской ССР К.М. Махкамову с просьбой через союзное правительство организовать помощь в приобретении валюты для направления 500 паломников в хадж в Мекку, заверив при этом от имени всех мусульман республики отдать голоса на референдуме за сохранение СССР¹¹⁰. Так и произошло.

Таким образом, политика Политбюро ЦК КПСС в 1982–1991 гг. была по сути чуждой интересам и устремлениям коренных народов

¹⁰⁷ Барсенков А.С. Указ. соч. С. 232, 352.

¹⁰⁸ Черняев А. Указ. соч. С. 1039.

¹⁰⁹ Барсенков А.С. Указ. соч. С. 135.

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 4668. Л. 49.

советской Центральной Азии, отсюда и возникали все кризисы в таких сферах, как экологическая, экономическая, социальная, политическая, идеологическая, межэтническая, духовная и др. Эти народы давно испытывали неприятие навязываемого им союзным руководством пути общественного развития, который приводил к искоренению религиозного и национального самосознания. Поэтому попытки союзного руководства ассимилировать местное мусульманское население с помощью советской культуры не были успешными, здесь сумели сохранить свою культурную и социальную идентичность. Тенденция к такому осовремениванию общественного сознания, к его секуляризации не только не получила у большинства населения ожидаемого союзным руководством развития, но вызвала обратную тенденцию — усиление религиозного сознания. Так общество оказывало духовное противодействие внешнему воздействию, а надежным щитом стала своя религия. Столкнувшись с таким сопротивлением народов, союзное руководство решило прибегнуть к жестким мерам. Когда генеральным секретарем Политбюро стал Ю.А. Андропов, то при нем было решено изменить национально-территориальное деление Советского Союза посредством создания вместо национальных республик советских «штатов». Этот замысел пытался во время перестройки воплотить его выдвиженец М.С. Горбачев, что сказалось на отношении союзного руководства к руководителям республик Центральной Азии. Но стремление осуществить андроповско-горбачевскую американизацию национально-территориального устройства Советского Союза вызвало сопротивление в руководстве союзных республик и привело в конечном итоге к ликвидации общего государства.

REFERENCES

1. *Abbas N.* Present Unrest in the Soviet Central Asia // *Central Asia*. 1991. № 28. P. 112–120.
2. *Adilova L.F.* National policy in Kazakhstan: historical and political analysis (1985–1991) [*Nacional'naya politika v Kazahstane: istoriko-politicheskij analiz (1985–1991 gody)*]: Author. dis. ... cand. of hist. sciences. M., 1991. 24 p.
3. *Adilova L.F.* National policy of the Communist Party of Kazakhstan: experience, problems (1985–1991) [*Nacional'naya politika Kompartii Kazahstana: opyt, problemy (1985–1991 gody)*]: Author. dis. ... cand. of hist. sciences. M., 1991. 22 p.
4. *Amanzholova D.* Soviet people — historical reality or phantom? [*Sovetskij narod — istoricheskaya real'nost' ili fantom?*] // *Bulletin of the Russian nation*. 2014. No. 4. P. 11–34.
5. *Babadjanov B.M., Muminov A.K., Kugelgen A. von.* Disputes of Muslim religious authorities in Central Asia in the XXth century [*Disputy musul'manskih religioznych avtoritetov v Central'noj Azii v XX veke*]. Almaty: Dyke-press, 2007. 263 p.
6. *Barsenkov A.S.* Gorbachev's reforms and the fate of the union state. 1985–1991 [*Reformy Gorbacheva i sud'ba soyuznogo gosudarstva. 1985–1991*]. M.: Publishing house of Moscow state university, 2001. 362 p.
7. *Burkhanov K.N.* The tablets of independence and the tasks of Kazakh historical science [*Skrizhali nezavisimosti i zadachi kazahskoj istoricheskoy nauki*] // *Historical space. Problems of the history of the CIS countries*. 2007. No. 1. P. 31–40.
8. *Chernyaev A.* Joint outcome. Diary of two eras. 1972–1991 [*Sovmestnyj iskhod. Dnevnik dvuh epoh. 1972–1991*]. M.: ROSSPEN, 2008. 1047 p.
9. *Chesnokov A.V.* Pan-Turkism in the socio-political life of Azerbaijan and the Turkic-speaking countries of Central Asia (90s of the XX — beginning of the XXI century) [*Pantyrkizm v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Azerbajdzhana i tyurkoyazychnyh stran Central'noj Azii (90-e gody XX — nachalo XXI v.)*]: Author. diss. ... cand. of hist. sciences. Ivanovo, 2005. 21 p.
10. *Eurasia in search of identity* [*Evraziya v poiskah identichnosti*]. M.; SPb: Nestor-Istoriya, 2011. 251 p.

11. *Filitov A.M.* The end of the Cold War and the collapse of the USSR: the problem of regularity and alternative [Konec holodnoj vojny i raspad SSSR: problema zakonmernosti i al'ternativnosti] // Historical space. Problems of the history of the CIS countries. M., 2011. P. 245–254.
12. *Halbach U.* Perestrojka und Nationalitätenproblematik: der Schock von Alma-Ata und Moskaus gespanntes Verhältnis zu Mittelasien. Köln: Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien, 1987. 103 s.
13. *Huseynov V.* More than one life [Bol'she, chem odna zhizn']. Book 2. M., 2013. 421 p.
14. *Iskhakov S.M.* «Perestroika» and soviet muslims // The tragedy of a great power: the national question and the collapse of the Soviet Union [«Perestrojka» i sovetskie musul'mane // Tragediya velikoj derzhavy: nacional'nyj vopros i raspad Sovetskogo Soyuza]. M.: Publishing house «Socio-political THOUGHT», 2005. P. 482–506.
15. *Khidoyatov G.A.* The national question in the USSR [Nacional'nyj vopros v SSSR]. Vol. 1. Tashkent: «Uzbekistan», 1994. 153 p.
16. *Kolbin G.V.* The party committee — the organizer of perestroika [Partijnyj komitet — organizator perestrojki] // Questions of the history of the CPSU. 1989. No. 2. P. 3–19.
17. *Medushevsky A.N.* Perestroika and the causes of the collapse of the USSR from the standpoint of analytical history [Perestrojka i prichiny krusheniya SSSR s pozicij analiticheskoy istorii] // Russian History. 2011. No 6. P. 3–30.
18. *Mironenko S.V.* Archival sources about the collapse of the USSR // History of modern Russia: problems, documents, facts (1985–1999) [Arhivnye istochniki o raspade SSSR // Istoriya sovremennoj Rossii: problemy, dokumenty, fakty (1985–1999)] / Materials of the international conference, November 25, 2010: In 2 vols. T. 1. M.: Fund for Contemporary History; Publishing house of Moscow university, 2011. P. 80–85.
19. National relations in the USSR in the works of scientists of the Union republics [Nacional'nye otnosheniya v SSSR v trudah uchenyh soyuznyh respublik]. M.: Nauka, 1986. 348 p.
20. *Nekrasova G.S.* The problems of the national policy of the CPSU in the socio-political thought of the first stage of perestroika (1985–1989) // Actual problems of Russian history of the 20th century [Problemy nacional'noj politiki KPSS v obshchestvenno-politicheskoy mysli pervogo etapa perestrojki (1985–1989) // Aktual'nye problemy otechestvennoj istorii XX veka]: Collection of scientific papers. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005. P. 107–115.
21. *Novoselov D.* The reaction in Pakistan to events in Soviet Central Asia and the Caucasus (based on the materials of the Pakistani press) [Reakciya v

- Pakistane na sobytiya v sovetskoj Srednej Azii i Zakavkaz'e (po materialam pakistanskoj pressy)] // Special Bulletin. 1991. No. 3. P. 146–151.
22. *Orazmuradov B., Zyuzin D.I.* The youth of the republics of Central Asia: labor, education, profession, life [Molodezh' respublik Srednej Azii: trud, obrazovanie, professiya, byt]. Ashgabat: Ylym, 1987. 260 p.
  23. *Pikhoya R.G., Sokolov A.K.* The history of modern Russia: the crisis of communist power in the USSR and the birth of a new Russia. Late 1970s — 1991 [Istoriya sovremennoj Rossii: krizis kommunisticheskoy vlasti v SSSR i rozhdenie novoj Rossii. Konec 1970-h — 1991 g.]. M.: Fund of the first president of Russia B.N. Yeltsin, 2008. 423 p.
  24. *Polynov M.F.* The national question in the USSR in the 1960s — the first half of the 1980s: achievements, problems, contradictions [Nacional'nyj vopros v SSSR v 1960-h — pervoj polovine 1980-h godov: dostizheniya, problemy, protivorechiya] // Proceedings of the First All-Russian congress of regional historians (St. Petersburg, October 11–13, 2007). In three volumes. T. 1. St. Petersburg, 2010. P. 723–732.
  25. *Ponomarev V.A., Dzhukeyeva S.* Documents and materials on the events of 1986 in Kazakhstan [Dokumenty i materialy o sobytyyah 1986 goda v Kazahstane]. M.: Information and expert group «Panorama», 1993. 315 p.
  26. Population development and labor problems of the Central Asian republics (socio-demographic analysis) [Razvitie narodonaseleniya i problemy trudovyh resursov respublik Srednej Azii (social'no-demograficheskij analiz)]. Tashkent: Fan, 1988. 116 p.
  27. *Pyzhikov A.V.* Khrushchev «thaw» [Hrushchevskaya «ottepel'»]. M.: OLMA-press, 2002. 509 p.
  28. Questions of cooperation of the peoples of the USSR in the field of economics (based on Kazakhstan) [Voprosy sotrudnichestva narodov SSSR v oblasti ekonomiki (na materialah Kazahstana)]. Collection of scientific papers. Karaganda: Karaganda state university, 1986. 139 p.
  29. *Sakharov A.N.* The historical stages of modern Russia: perestroika — revolution — «the dashing 90s» [Istoricheskie etapy sovremennoj Rossii: perestrojka — revolyuciya — «lihie 90-e gody»] // History of modern Russia: problems, documents, facts (1985–1999) / Materials of the International Conference, November 25, 2010: Vol. 1. M.: Fund of modern history; Publishing house of Moscow university, 2011. P. 74–80.
  30. *Shadiev K.K.* To criticism of the concept of bourgeois «sovietologists»-Islamic scholars [K kritike koncepcii burzhuznyh «sovetologov»-islamovedov] // Social Sciences in Uzbekistan. 1987. No. 5. P. 47–52.

31. *Shubin A.V.* The collapse of the USSR: the role of subjective factors [Raspad SSSR: rol' sub'ektivnyh faktorov] // Historical space. Problems of the history of the CIS countries. 2007. No. 2. P. 5–37.
32. *Suverov V.M.* The policy of the CPSU in national-state building and its collapse [Politika KPSS v nacional'no-gosudarstvennom stroitel'stve i ee krahe] // Siberia: XX century: Interuniversity collection of scientific papers. Kemerovo: Kemerovo state university, 2007. Issue. 5. P. 173–180.
33. *Suzhikov M.M.* Some issues of the development of national relations at the present stage. Reasons for the manifestation of localism, national egoism, arrogance, vanity and ways to overcome them [Nekotorye voprosy razvitiya nacional'nyh otnoshenij na sovremennom etape. Prichiny proyavleniya mestnichestva, nacional'nogo egoizma, kichlivosti, tshcheslaviya i puti ih preodoleniya] // Leninist principles of the CPSU national policy and the urgent tasks of international education: Materials of the republican scientific and practical conference held on April 11, 1987 in Alma-Ata. Alma-Ata: «Kazakhstan», 1987. 178 p.
34. *Sviridenko Yu.P.* Historiography of the problem of the national policy of the CPSU in the conditions of improving socialism [Istoriografiya problemy nacional'noj politiki KPSS v usloviyah sovershenstvovaniya socializma]: Author. dis. ... dr. of hist. sciences. M., 1987. 32 p.
35. The history of the economy of the USSR and Russia at the end of the 20th century (1985–1999) [Istoriya ekonomiki SSSR i Rossii v konce XX veka (1985–1999)]. M.: Publishing house of Moscow university, 2011. 266 p.
36. *Trapeznikov G.E.* Some problems of the development of interethnic relations in Central Asia, Kazakhstan and the Caucasus [Nekotorye problemy razvitiya mezhnacional'nyh otnoshenij v Srednej Azii, Kazahstane i Zakavkaz'e] // National problems in modern conditions. M.: IML, 1988. 265 p.
37. *Yakovlev A.* Twilight [Sumerki.]. M.: Materik, 2003. 668 p.
38. *Yanik A.A.* History of modern Russia: sources and lessons of the latest Russian modernization (1985–1999) [Istoriya sovremennoj Rossii: Istoki i uroki poslednej rossijskoj modernizacii (1985–1999)]. M.: Publishing house of Moscow university, 2012. 757 p.

Ключевые слова:

СССР, Центральная Азия, Политбюро ЦК КПСС, перестройка, Ю.А. Андропов, М.С. Горбачев, ислам, мусульмане.

Salavat M. Iskhakov

THE POLITBURO'S POLICY IN CENTRAL ASIA (1982–1991)

The article is dedicated to the Central Committee Politburo's policy towards the population of Soviet Central Asia in the last decade of the U.S.S.R.'s existence. The methodological and theoretic chaos, eclecticism, open subjectivism, and concealed dogmatism became characteristic traits of contemporary historiography, which leads us farther and farther away from the real historic process that took place in the region, unraveling under certain factors.

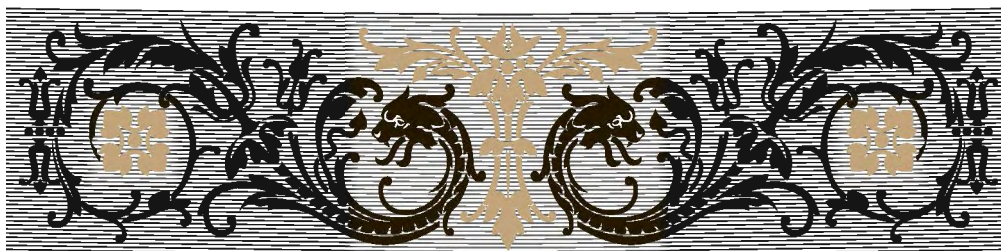
The article characterizes the region's economy and the population's level of life at the dawn of the Perestroika, Central Asia's perspectives, its spiritual life, national self-awareness, Y. Andropov's plans, M. Gorbachev's and the republican leaderships' actions during the Perestroika, as well as the strong inner contention in the Communist Party's top nomenclature.

Key words: U.S.S.R., Central Asia, Central Committee Politburo, Perestroika, Y. Andropov, M. Gorbachev, Islam, Moslems.

Salavat M. Iskhakov — Doctor of Science (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History.

 Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук, заместитель председателя Секции
«История социальных реформ, движений и революций»
Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской
и зарубежной истории

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.32.007

Junbae Jo

TOWARDS A NEW MODERNITY: KOREAN HISTORIOGRAPHY OF PERESTROIKA AND THE COLLAPSE OF THE SOVIET UNION

When the news of Perestroika was first reported in the South Korea in the mid-1980s, Korean people rarely understood what it exactly meant. They did not know well about what was taking place in the Soviet Union and who Gorbachev was. The press merely provided a handful of fragmented information which was far from an in-depth analysis or a systematic explanation. Only a few scholars and relevant government officials could find more specific stories through the foreign journals and newspapers which were seldom circulated among Korean common readers at that time. The Soviet Union itself was such an alien country that its politics and economy were hardly heard or taught in Korean schools and universities, except Russian imperial history or traditional culture. Until the early 1980s, there were just two universities where the department of Russian language and literature was established. Even Seoul National University, a top-class advanced educational institution in Korea, introduced it in 1984, a single year before the rise of Gorbachev.

The main reason for such an ignorance of the Soviet Union in South Korea was presumably the division system of its peninsula in which two con-

flicting regimes had been competing for more than a generation. North Korea employed socialism for its founding ideology under the auspices of the Soviet Union while the Capitalist South established its government based on liberalism and a market economy with the support of the United States in the middle of the 20th century. In 1950 they even went to fratricidal war with each other and fought for three years with an armistice in 1953 which was not followed by a peace treaty until now. Since then, the terms of communism and socialism became a taboo in the South and its open announcement or discussion was severely suppressed. The period of military dictatorship from the 1960s to the 1980s was particularly conspicuous for its escalation as three generals wielded the rule of blood and violence against their dissidents. The so-called red scare spread around so widely that South Koreans could not even conceive of locating and reading the materials on communist countries. The East-West Cold War and anti-democratic regimes gave a strong influence on the limited knowledge and recognition of socialist countries, let alone North Korea, in the South Korean society during the second half of the 20th century¹.

However, reports and comments, albeit irregular, on perestroika began to appear in Korean newspapers and magazines from its inception. Although they largely remained at a rudimentary level, the press played a leading role in reporting, explaining, and spreading the related information. In addition, correspondents, reporters, and specialists widely took part in this process and greatly contribute to making the first impression of Perestroika in Korea. Most of the articles included outlines of the events and cautious prospects with some reservations. They also argued for a necessity to keep an eye on the reform process for the time being because the situation could get worse to change its development in the future. For example, Yeon-su Kim, a professor of politics, recollected the spring of 1985 when he had visited Moscow and experienced Gorbachev's reform at its initial phase. He assessed the early stage of Perestroika as a careful attempt to listen to the voices of the people and praised it with the expression of 'the new democratization of socio-economic policy'².

Especially scholars could suggest relatively clearer views about the significance and prospect of Perestroika because of their major. Tae-Yeon Hwang, a political scientist, interpreted Gorbachev's reform as 'more so-

¹ Jo J. Korean Historiography of the Russian Revolution: Beyond the Cold War Ideology // 1917 год в Евразии. М., 2017. С. 39.

² Kim Y. Gorbachev's Perestroika // The Unified Korea. 1988. Vol. 55. P. 78–80.

cialism' and regarded Perestroika as a strategy with which the Soviet Union was trying to reach an enhancement of global popular movement. Thus the Soviet leadership, according to his argument, wanted to achieve eventual peace by democratizing state enterprises and the government³. Meanwhile, So Young Youn, a radical economist, foresaw a tragic result of Perestroika because the separation of the party from the state would result in a reduced position of Gorbachev's centralists among the party members as the conflict between conservatives and radicals became intensified. His prediction was not based on any specific sources but turned out a reality thereafter⁴. In contrast, Boo-ki Kim, a professor at the Institute of Foreign Affairs and National Security, gave an affirmative prospect that Gorbachev should be successful in strengthening his political base through the power struggle with the conservatives and expanding popular support through the livelihood reform. Despite the paucity of related information as well, he confidently presumed that Perestroika would not collapse at all because the nationality questions and Eastern European issues could be solved by the exertion of governmental power and the enlargement of democracy, which proved completely wrong later⁵.

Opinions of foreign specialists on Perestroika were also introduced in Korean journals and magazines even before the breakup of the Soviet Union. Anatoly Sobchak, Mayor of Leningrad elected in June 1991, had a conversation on Perestroika with a Korean scholar majoring in Soviet politics. He gave positive prospects for the future of the Soviet Union because of the continual growth of democratic citizens and their demand for reform, although the conflict between the federal government and constituent republics went deeper⁶. An article of Stephen Cohen, an American historian, was translated in a monthly to summarize the final stage of Perestroika before the collapse of the Soviet Union. He enumerated various crises with which Gorbachev had been faced, and ensured that Perestroika could finally lead to a success because the lawmaking of

³ *Hwang T.* Soviet Perestroika for More Socialism // The Quarterly Changbi. 1988. Vol. 16. No. 3. P. 274–307.

⁴ *Youn S.* Eradication of Perestroika?: Two Main Issues // Journal of Hanshin University. 1990. Vol. 7. P. 169–184.

⁵ *Kim B.* The Background and Objectives of Perestroika // The Korean Journal of International Studies. 1990. Vol. 29. No. 2. P. 197–205.

⁶ *Sobchak A., Ha Y.* The Destiny of Gorbachev: The Key is Economic Stabilization // Shindonga. April 1991. P. 427–437.

necessary measures for the transition to democracy and a market economy was in steady progress. According to his argument, Gorbachev already made remarkable achievements and the Soviet Union became far closer to democracy than ever before in its whole history⁷.

Korean historiography of Perestroika and the disintegration of the Soviet Union began with the above-mentioned early writings in the 1980s. A significant amount of additional analyses and assessments, often including comparisons, was followed throughout the next decade with certain passion and commitment of those concerned. The new millennium also saw a similarly favorable atmosphere of the 1990s, this time not for the study of Perestroika and the collapse of the Soviet Union but for the history of the Russian revolution and the Stalinist regime. A new generation of history researchers returned to Korea with their Ph.D. degree in the United States, the United Kingdom, and Russia and inherited the intellectual legacy of their predecessors. They showed remarkable achievements in both methodology and empirical studies until the financial crisis of 2008 changed the academic situation in Korean society⁸.

The main body of this article largely consists of four sections in relation to Perestroika and the breakup of the Soviet Union: ideology; politics; the economy; the nationalities question and the Russian orthodox church. Above all, the ideology part includes Marxism, Leninism and Stalinism and examines their continuity and discontinuity in more detail. In addition, the sub-section of historical materialism and dialectics discusses Perestroika in terms of philosophy particularly with respect to their value and usefulness for humanity. In turn, socialism and its history in Europe are explored with reference to the development of the Soviet one, showing how the Soviet Union reached an impasse in 1991. The second and the third address Soviet politics and its economy in which the results of Perestroika were most remarkable as well as controversial. They specifically covered the objectives, courses, and effects of Gorbachev's reform along with its objections and resistances from the opposition including the conservatives. Finally, the nationalities question is touched on because it is the main reason to leave Gorbachev's reform in a vague limbo. By extension, the Russian Orthodox church is another subject to consider together, through which cultural aspects of Perestroika could be revealed.

---

⁷ Cohen S. Perestroika did not fail // Korea Forum Monthly. 1991. Vol. 20. P. 228–229.

⁸ Jo J. Op. cit. P. 46, 53.

I. Soviet Ideology in Perestroika

1. *Marxism, Leninism and Stalinism in Perestroika*

Various criticisms on Perestroika was raised by numerous scholars in many fields of Korean academia. Among them the aspect of ideology came first as it was the intellectual foundation of the Soviet system. Allegedly Soviet ideology included the so-called triumvirate of socialist thoughts: Marxism, Leninism, and Stalinism. Perestroika was regarded as an offspring of its genealogy and thus those three strands were seriously discussed by Korean researchers or commentators. Critics claimed that there was a close relationship or interconnection among the arguments of Marx, Lenin, and Stalin and that all of them equally made light of human factors. Such inattention to humanity in the Soviet ideology led Perestroika to suffer many turbulences and vicissitudes in the course and Gorbachev's reform was destined to fail in the long run.

Yoon-Soo Jang, a researcher on Soviet politics, looked at Perestroika in the context of the development of Marxism. By employing the theory of Louis Althusser, a prominent French philosopher, he contended that there was an inherent contradiction within Marx's thought. According to him, bourgeois and proletariat elements coexisted within Marxism itself and they sometimes came into conflict with each other, presaging forthcoming inevitable ideological crises. In the same vein, Perestroika, an extension of Marxism, accepted a bourgeois democracy to push ahead with the pragmatic reform for the maintenance and strengthening of the existing socialist regime. Yet that allowed the revival of bourgeois state and ideology in the Soviet system, which was diametrically opposite to its proletarian identity. Thus, Perestroika ultimately became an attempt not to reconstruct Soviet socialism but to destruct the Soviet Union itself⁹.

Leninism was also brought under criticism in relation to Perestroika. In 1990 Wonseok Chang, a political scientist, denied that Perestroika was a restoration of genuine Leninist principles although Gorbachev had mentioned it in his speeches many times. He argued that Leninism had already included elements of Stalinism which was regarded as antirevolutionary due to Stalin's personal lust for power rather than goals of the revolution. Thus, when Perestroika was pronounced to overcome Stalin-

⁹ Jang Y. The Crisis of Marxism and the Failure of Perestroika // Korean Political Science Review. 1996. Vol. 30. No. 1. P. 69–88.

ism, it should have also referred to certain criticism on Leninism itself. In addition, it seemed to him that Perestroika was not a strengthening of socialism nor a return to capitalism but a rise of market socialism. Therefore, the Soviet Union could become much closer to the system of Western Europe if Gorbachev's reform would be successful. The acceleration of the transition from the planned economy to market relations at present, in his eyes, could go beyond the boundary that the theory of more socialism had set in advance¹⁰.

As a matter of course, Stalinism was not an exception to ideological criticisms of Korean scholars on Perestroika. Sang-Chul Park, a historian of Russia, examined the movement of Memorial, now an international historical and civil rights society in the post-Soviet states, as a case study of the liquidation of Stalin's legacy in the era of Perestroika and thereafter. According to his argument, there were two competing groups of moderates and hardliners within Memorial in its initial stage and Yuri Samodurov and Vyacheslav Igrunov led each as their head. Yet the Soviet government was not in favor of Memorial as it could become a political force exerting considerable influence on the development of Perestroika. But when the Soviet Union was collapsed and the economic crisis went deeper, Memorial came to suffer many difficulties in operating as a mass organization. Thus, Memorial was severely weakened in the 1990s and stopped short of what it ultimately endeavored to achieve. Though Memorial attained only a short-term success in the late 20th century, Park concluded, it demonstrated a solid truth that criticism on Stalinism gradually extended to the denunciation of the Soviet system itself as its elements were regarded as inherent in the Soviet regime. Furthermore, Memorial also stirred up the authority of the party and the government in which Gorbachev found a strong support base, and finally contributed to the fall of the Soviet Union¹¹.

2. Historical Materialism and Dialectics in Perestroika

Already during the era of Gorbachev, Korean philosophers began to take part in discussing the significance and implications of Perestroika in the Soviet Union as well as in the world. They all looked at the contemporary reform in terms of the universal values of humanity, such as liberty,

¹⁰ Chang W. Perestroika and Reinterpretation of Leninism // Korea and World Politics. 1990. Vol. 6. No. 2. P. 155–182.

¹¹ Park S. Perestroika and the Stalin Question: The Emergence of Memorial // Russian Studies. 2005. Vol. 15. No. 2. P. 129–160.

democracy, autonomy, and peace, and urged the Soviet leadership to go beyond the narrow notions of traditional socialist thought. Vulgar materialism, brutal proletariat dictatorship, prejudiced partisanship, and uncompromising class struggle were listed up as subjects to overcome. And people's everyday life was considered another important factor to weigh up whether Perestroika could succeed or fail. Several foreign articles were also translated with a brief introduction in academic journals and popular magazines to offer various interpretations of international experts to Korean readers. They were all written by western and Russian scholars and helped Koreans understand the background and wider context of Perestroika.

Koo-Byung Yoon, a professor for western philosophy, argued that it was necessary to reflect on the Soviet experience in the 20th century more fundamentally and concretely if Perestroika could be better understood. For example, Stalin's industrialization in the 1930s contributed to the establishment of the regime's material foundation but made light of consumer goods industry while bent on fostering heavy one, which eventually exacerbated the everyday life of the Soviet population. In addition, many people, especially peasants were alienated from the process of socialist construction and suffered a variety of hardships and adversities due to their reluctant or even hostile attitude to the regime or government policy. Furthermore, gradual increase of human and material exchanges with the well-to-do capitalist world gave such a negative impact on the Soviet Union that the populace began to express their grievances unreservedly on their low-level livelihood. Thus, it should be considered that too much focus had been made merely on the development of the materials forces of production while the human factors neglected for a long time. Yoon stated that through the doctrine of Perestroika's new thinking it was necessary to return to genuine partisanship and righteous classness¹².

Meanwhile, a discussion on historical materialism with respect to Perestroika was advanced by a Korean philosopher in more detail. Jae Gi Kim, a professor of social philosophy, started from an assumption that the achievement or prospect of Perestroika was not worthy of notice at all. He claimed that although Perestroika had begun with a view to enhancing the material forces of production to meet the demands of Soviet common people, now more fundamental deliberation was needed. He argued that it includ-

¹² Yoon K., Lee B., Lee H. & Choi J. *Philosophical Reflection on Perestroika: Modern Society and Question of Humanity // Epoch and Philosophy*. 1990. Vol. 1. No. 3. P. 11–38.

ed democracy, universality, values for all mankind, human autonomy, and natural factors, rather than proletariat dictatorship, intolerant partisanship, class struggle, material foundation, and social factors. Moreover, Marxism as a whole and the status of historical materialism in its system should be reexamined as well. In this regard, Perestroika offered a valuable opportunity to take all these into deep consideration. Thus, all the philosophical questions of Perestroika were required to reassess seriously: socialism as an ideology for humanity, organizational principles, the human being as a principal-agent for reform, and re-establishment of philosophy's status as a methodology as well as a world view¹³.

As early as in 1990 foreign scholars' analyses and interpretations were introduced with a translation in Korean academic journals. An article by Vladimir Kozlovskii, a Soviet philosopher, was carried in an academic semi-annually, which had already been published in the renowned Soviet journal, «Вопросы философии» in 1988. He argued that the Soviet Union was currently faced with three contradictions. The first was inherent in socialism itself or inherited the Soviet social formation. The second was originated not from the nature of socialism but from the fallacies of the past. The third emerged in the process of social development and its acceleration. Kozlovskii hoped that as Perestroika was a constructive attempt to resolve those obstacles, the Soviet Communist Party would accomplish Gorbachev's reform and thus bring a promising future of socialism through the creative application of Marx-Leninism, namely Perestroika¹⁴.

3. Socialism and History in Perestroika

Attempts were made to look at Perestroika from the viewpoint of Soviet history of socialism in a wider context. During the era of Gorbachev, Korean political scientists and historians sought to understand Perestroika as an effort to get over a distorted aspect or phase of Soviet socialism and to rethink and sort out what ought to be done in the future. The bone of contention in this discourse of Perestroika was Stalinism all the time and how to liquidate it became the heart of the matter. Yet Korean scholars sometimes made a mistake of reaching an illogical conclusion in their

¹³ Kim J. Perestroika and Historical Materialism Revisited // Silcheon Munhak. 1990. December. P. 64–91.

¹⁴ Kozlovskii V. The Reform of Eastern Europe and Perestroika // Epoch and Philosophy. 1990. Vol. 1. No. 3. P. 275–301.

arguments or even provided an incorrect prediction of the prospect of Perestroika because of the lack of concrete information on its development. Nevertheless, they had a significant effect on the next generation of young historians who would usher in the golden age of Russian studies in the new millennium.

Hongchan Chun, a specialist for Soviet politics, reviewed the history of Soviet development from Marx's communist concepts in the 19th century to the emergence of Perestroika. He looked through the periods of Lenin, Stalin, Khrushchev, and Brezhnev, and concluded that current Soviet socialism in the late 1980s was distorted by bureaucratic inertia. The Soviet bureaucracy had obsessed too much over structural characteristics of the public ownership of production means and never seriously taken other aspects into account. Those deep-rooted irregularities, he argued, were all to clean up: the leading role of the Communist Party; the party control over all the area of society; nationalization of production means and the centrally planned economy; and the proletarian internationalism. In that sense, Perestroika was a chance to correct those fallacies and even meant a break-up with Marx-Leninism as the existing faultiness of Soviet socialism was closely related to the thoughts of Marx and Lenin themselves¹⁵.

A Korean historian also tried to assess the significance of Perestroika in the context of Russian history in general. Hee-Young Kwon, an expert on the Stalin period, regarded Perestroika as a Gorbachev's strategy to declare a sentence of death on Stalinism and block off its revival. For his argument, he cited several cultural works of famous artists such as Anatoly Ryvakov's novel, «Дети Арбата», Tengiz Abuladze's movie, «Покаяние», and Mikhail Shatrov's play, «Брежневский мир» to accuse Stalinism. In addition, Kwon welcomed the decision of the 19th party conference to establish a monument for Stalinist victims and to organize the civil committee for its construction in June 1988. He agreed on Gorbachev's effort to liquidate Stalin's legacy and thus accepted Perestroika as a valuable opportunity to reinterpret the history of Bolsheviks in a completely different way¹⁶.

¹⁵ Chun H. Soviet Socialism and Perestroika // The Korean Journal of Area Studies. 1991. Vol. 3. P. 123–154.

¹⁶ Kwon H. Perestroika and the Reinterpretation of Bolshevik History // Critical Review of History. 1990. No. 8. P. 179–206.

II. Soviet politics in Perestroika

1. *Perestroika in progress*

Politics was a key point to understand the essence of Perestroika, particularly in such a country as most of specialists and journalists suffered the lack of information on communist states. Thus, relatively earlier and more analyses on Soviet politics came out in Korea and they were generally not so far from reality even during Gorbachev's reforms. Eyewitness accounts of important political events such as the August Putsch were published in and after the era of Perestroika and stories of Gorbachev's firm leadership were told from various viewpoints. The Communist Party and the Supreme Soviet came under inspection as the main body of the Soviet political system. Arguments and logics of those writings were somewhat convincing but their prospects and prediction largely wide of the mark. They often revealed their own hopes and expectations for the success of Perestroika, which turned out nothing more than wishful thinking later.

In the midst of Perestroika, a Korean journalist visited Moscow twice to see what was going on in the Soviet Union. The first was in December 1987 when Perestroika was in its early stage and the second in June 1989 when at height. Joo-Hyun Shin, a monthly publisher, intended to introduce the reality of Gorbachev's reform to the Korean population not from the academic viewpoint but in common sense. He interviewed a variety of people from workers and ordinary citizens through Soviet Koreans to even an agent of KGB and came to a firm belief that Perestroika must be successful because it was based on the absolute popular support and leader's strong will and political competence. Thus, he urged that Gorbachev should not hesitate to push ahead with the reform¹⁷. Taeg-Won Ahn, a political scientist, also witnessed the August Putsch of the conservatives in 1991 and made a note of what he had seen and heard on the spot. Several years later he reconstructed the event from his personal records and argued that the coup-d'état became a turning point for the beginning of new Russia¹⁸.

Meanwhile, interim evaluations of Perestroika were performed even before the Thermidorian reaction of the conservatives in the summer of 1991. Eun-Young Nam, a sociologist, reviewed the development of Soviet

¹⁷ Shin J. *Perestroika in the Soviet Union: Politics // The Unified Korea*. 1989. Vol. 65. P. 86–98; vol. 70. P. 40–45.

¹⁸ Ahn T. *The August Putsch: The Collapse of the Soviet Union and the Birth of Russia // The Journal of Northeast Asia Research*. 1995. Vol. 1. No. 1. P. 339–363.

socialism since the October revolution and analyzed the political, economic, and social aspects of Perestroika. Her conclusion was that Perestroika was not a deviation from socialism nor capitalization but a kind of socialist course to make improvements. She foresaw that a breakthrough could be made for the Soviet economy as Gorbachev had a stronger will to reform than any other former leaders, which turned out too optimistic after the collapse of the Soviet Union¹⁹. Yoonja Kim, a radical economist, argued that Perestroika had met conservatives' stiff resistance and was getting much more distorted. Therefore, it was necessary for Soviet common people to intervene directly in the decision-making process of state affairs. In her eyes, a new nomenklatura seemed in the making around the new reformist bureaucrats and thus people should secure related information and decision-rights which the old nomenklatura had monopolized for a long time. Only then, a possibility for real Perestroika and Glasnost could come true, she asserted²⁰.

The role of the main reformers was also examined in the course of Perestroika. Yong Chool Ha, a leading scholar of Soviet politics in Korea, explored the creation and development of the new legislative body, the Congress of People's Deputies since the election of March 1989, and argued that it became a strong supporting base for Gorbachev's reform until Yeltsin formed an opposition group within it²¹. He also researched into the changing role of the Communist Party during the Gorbachev era and asserted that the 27th congress of the party in 1986 and its 19th conference in 1988 each served as main momentums for the launch and progress of Perestroika²². Sung-mo Huang, a sociologist, carried in a monthly article urging a necessity to reform the Communist Party as it fell behind Gorbachev's initiative. The reason for such lagging was, he contended, that Perestroika had begun merely from above and that middle and lower-level members of the party had just followed the leadership unconditionally, which was not helpful for the vigorous advance of Perestroika at all. The heart of the reform was to allow rank-and-files of the party to voice voluntarily and thereby to enhance

¹⁹ Nam E. A Study on Socialist Development Experience and Reforms in U.S.S.R.: Concerning Gorbachev's Perestroika // *Society and History*. 1990. Vol. 18. P. 203–290.

²⁰ Kim Y. Perestroika and Nomenklatura // *Bulletin of Korean History Society*. 1991. No. 8. P. 4–5.

²¹ Ha Y. Perestroika and Political Reform: Around the Reform of Soviets // *A Symposium of Institute of International Studies*. 1989. Vol. 13. P. 35–51.

²² Ha Y. Perestroika and the Role of the Communist Party: Around the Redefinition of Its Identity // *Social Sciences and Policy Review*. 1990. Vol. 12. No. 2. P. 81–105.

internal democracy, especially in the decision-making process. Otherwise, Perestroika would get down to a catastrophe, which would ultimately put the world into tragic turbulence²³.

2. After the Breakup of the Soviet Union

When the Soviet Union was collapsed, the whole picture of Perestroika became much clearer as if Minerva's Owl spread its wings at dusk. Korean specialists on Soviet politics poured out a great number of academic articles and doctoral dissertations about reasons, processes, and prospects of the disintegration of the Soviet Union. The topic of Perestroika reform itself was relatively left behind and gradually discussed in relation to the fall of the Soviet Union. Yet positive efforts, though rare, were made among the Korean scholars. Above all, more detailed and systematic analysis appeared applying western analysis models and theories to the politics of Perestroika. The original research was also carried out using primary Russian sources for the first time at home. Some scholars were very young, ambitious, and competent with their fresh doctoral degrees abroad. They showed completely different methodologies and empirical research and thus became a harbinger of the new generation of social scientists in the field of Soviet politics.

In the early 1990s after the dissolution of the Soviet Union, more solid, and in-depth analyses were offered on its backgrounds and causes by journalists and scholars. Sang Min Lee, a comparative political scientist, tried to explain why Perestroika had failed and the breakup of Soviet regime resulted in by pointing out several factors such as the exclusiveness of the party's leadership, authoritarian nature of democratic centralism, inefficiency of the planned economy, and evils of the conservative bureaucracy²⁴. Seok-won Kwon, another political scientist, also identified similar reasons for the disintegration of the Soviet Union: totalitarian political culture, press control, inefficient bureaucracy, and minority questions. He contended that those elements including the August Putsch imposed serious limitations on the sound development of Perestroika²⁵.

²³ Huang S. Perestroika and the Communist Party of the Soviet Union // Forum. 1990. Vol. 198. P. 1–34.

²⁴ Lee S. The Collapse of the Soviet Union and the Change of the Political System: Around Its Causes and Backgrounds // Journal of Sino-Soviet Studies. 1991. Vol. 17. P. 133–159.

²⁵ Kwon S. A Study on the Process of the Collapse of Soviet Communist System. Unpublished Ph.D. Dissertation. Seoul National University, 1994.

The systematic periodization of Perestroika also appeared through elaborate research of a promising young scholar majoring in Russian statecraft. Gu Ho Eum, a Ph.D. candidate at Moscow State University, showed a systematic understanding of Gorbachev's era. He divided the whole period of Gorbachev's regime into five stages. The first was preliminary years for the political reform from the inauguration of Gorbachev as general secretary to May 1988 before the 19th party conference in June of the same year. The second the phase of full-scale political reform from the 19th party conference to February 1990. The third stage of serious political upheavals from the plenum of the party central committee in February 1990 to the August Putsch in 1991. The fourth a transitional period from September 1991 to the formation of the Commonwealth of Independent States in December 1991. The fifth years after the collapse of the Soviet Union²⁶. Another young scholar, Pyung-kyun Woo conducted an empirical analysis using a variety of Soviet newspapers, which demonstrated the growth of research capacity among Korean scholars. He argued that the reform of the party ultimately led to a weakening of its control over bureaucracy and rank-and-files as it abandoned the principle of the leading role and democratic centralism. Thus, the party-state system was forced to collapse with the fall of Gorbachev's leadership²⁷.

In relation to the long-term perspective of Perestroika a significant analysis turned out immediately after the dissolution of the Soviet Union. Sung Yoon Kim, a political scientist, suggested a negative review of Gorbachev's years that the Soviet Union had already been doomed to fail because the gap between nomenklatura and common people became wider. The living standard steeply declined day by day and the shortage of consumer goods was chronic. He also predicted that the CIS, successor of the USSR, would go through tremendous confusions and disorders because questions of nationalities, religion, and cultural differences were not solved satisfactorily until then. In addition, the CIS would be faced with new difficulties of full-scale economic transition, nuclear weapon control, and diplomatic frictions among former Soviet republics. According to his argument, the conflicts would be like a kind of civil war and possibly drive the CIS into turmoil,

²⁶ Eom G. The Analysis of Political and Administrative System of the Soviet Union after Perestroika // The Korean Journal of Public Administration. 1993. Vol. 2. No. 3. P. 3154–3175; No. 4. P. 4119–4139.

²⁷ Woo P. CPSU's Control over Party Members and the Collapse of the Party // The Journal of Peace Studies. 2018. Vol. 19. No. 3. P. 161–185.

which meant a catastrophe for the population of the former Soviet Union as well as all mankind²⁸.

III. Soviet Economy in Perestroika

The economy was another important aspect of Perestroika, particularly in relation to the transition from the planned economy to market socialism in the late 1980s and capitalism in the 1990s. Many of reform-minded and progressive Korean scholars actively participated in the assessment of the Soviet economy and gave their own solutions for its survival. Their academic results could be divided into two parts according to the year of publication. The first was during the era of Perestroika and the second after the breakup of the Soviet Union. Scholars of the former period reviewed the progress of the economic reform, diagnosed the Soviet economy as a whole, and looked forward to a hopeful future, urging an establishment of a new socialist economic theory. Those of the latter wrote articles and dissertations examining the validity of Soviet economic policy, industrial relations, and economic leadership capacity of Gorbachev. Yet achievements of both times generally fell short of a high standard because of the lack of materials and insufficient academic accumulation.

Economic discussions on Perestroika during the era of Gorbachev was not so systematic nor empirical as Soviet studies had not long history in Korea. Moreover, some scholars projected his own political bent into academic assessments and predictions of Gorbachev's reform. Soo-haeng Kim, a well-known Marxist economist, examined the pros and cons of Perestroika during the Gorbachev' reform and argued that Perestroika had a risk of creating bourgeois economic forces and further leading to imperialism in future as the disparity of income became widened among Soviet people. Thus, workers needed to intervene directly in the reform process to block off that degeneration and strengthen the proletarian state to liberate people from economic shortage and political oppression. Moreover, the key points such as economic reorganization, openness, and democratization should be found not in the expansion of the market economy but in the advancement of workers into politics and economy. He strongly expected Perestroika to

---

²⁸ Kim S. *The Dissolution of the Soviet Union and Gorbachev's Resignation* // *The Unified Korea*. 1992. Vol. 98. P. 66–69.

bear precious and abundant fruits in the future, which turned out completely mistaken afterward²⁹.

Doctrinaire interpretations also appeared merely based on the ideologies of Marxism or Marx-Leninism without any empirical analysis. Young Jin Kim, a Ph.D. candidate, claimed that it was necessary to reexamine the idea of socialism itself although Gorbachev maintained that Perestroika was a return to Leninism. Since Stalinism was a successor of Leninism in a way, he argued, the overcoming of Stalinism should not be a simple recovery of Leninism. Then he reviewed the whole history of the Soviet economy from the early years to the period of Perestroika and concluded that it should be more important to understand Perestroika scientifically, which sounded vague and pointless³⁰. Young Ho Park, another economist, suggested a similarly stereotyped view that the planned economy and the ossification of Marx-Leninism gave rise to a crisis called Perestroika. The solution to that adversity, he asserted, was the introduction of a new theory of the socialist economy and the strengthening of labor movement and production forces. But his judgment proved wrong later³¹.

After the collapse of the Soviet Union, more systematic model studies were introduced by Korean social scientists based on their quantitative and empirical methodology. Dukjoon Chang, a political scientist, analyzed the debate on the Soviet economic reform, using 'a collective learning model'. He argued that the discussion on Gorbachev's economic reform policy in the Soviet Union was carried out differently depending on its issues, scope, and pace. Moreover, he demonstrated how Soviet decision-makers and intellectuals reached an agreement on reform policy in the direction of the market economy. As a result of such convergence, the understanding of market relations was fundamentally changed, and the price reform became influenced by feedback effects of other policy issues in the Soviet Union. In addition, the institution of self-management and incentive systems were quickly introduced in enterprises while agreements on privatization and retail price reform relatively delayed³².

²⁹ Kim S. The Direction of Perestroika and Its Historical Meanings // Korean Journal of Political Economy. 1988. Vol. 1. No. 1. P. 237–252.

³⁰ Kim Y. Soviet Economic Reform and Perestroika // Economy and Society. 1990. Vol. 5. P. 45–81.

³¹ Park Y. Perestroika and a Critical Review on the Theory of Socialist Economy // Koreanische Zeitschrift fuer Wirtschaftswissenschaften. 1991. Vol. 9. P. 97–109.

³² Chang D. An Analysis of Soviet Economic Reform Ideas during the Perestroika Era: From the Perspective of Collective Learning // The Korean Journal of International Studies. 1997. Vol. 37. No. 1. P. 169–209.

Criticisms on specific economic policies of Perestroika were also suggested often with a high-level research and analysis. Ki-bang Jung, a political scientist, examined key economic policies of Gorbachev such as laws addressing state-owned enterprises, private property, a new wage system, and labor productivity. He also tried to assess the important issues of Gorbachev's economic policy: the privatization of production means, expansion of the private sector, economic planning, centralization and decentralization of management, professionalism, and increase and decrease of incentive³³. Wonkyoo Lee, a professor of public administration, focused on Gorbachev's price reform and contended that Perestroika was doomed to fail because all the key issues were very badly performed, such as autonomy of enterprises, improvement of economic performance according to the change of price policy, and optimum allocation of resources. Moreover, communism ideology and political instability aggravated the situation and caused people's resistance to the reform. His argument did not include a great amount of specific data and statistics but showed the significant improvement of academic capacity among Korean social scientists in the 1990s through the concrete and logical analysis³⁴.

Sang Kon Kim, a professor of business administration, provided invaluable empirical research on the industrial relations of Soviet enterprises. Above all, he looked around in detail various issues related to Soviet labor: trade unions, workers, labor management, and industrial relations. Then, he attempted to find a desirable solution to the labor question, for example, the disintegration of centralized control. Kim argued that there were two types of self-management in Soviet enterprises depending on which took charge of the management between the state and the manager. Perestroika had begun with the revival of the related debate on socialist self-management in the early 1980s. The key point, according to him, was that workers' independent organizations should come into existence to operate labor-management communion and guarantee the efficiency and democracy of enterprises³⁵.

---

³³ Jung K. An Assessment of Gorbachev's Reform Policy // Journal of Unification Studies. 1998. Vol. 11. P. 95–117.

³⁴ Lee W. Gorbachev's Economic Reform: Focused on Price Reform and Enterprise Autonomy // Jeonbuk Public Administration Review. 1999. Vol. 13. P. 205–239.

³⁵ Kim S. Study on the Model of Self-managerial Industrial Relations in Socialist Enterprises: Focused on Soviet Enterprises under Perestroika. Unpublished Ph.D. Dissertation. Seoul National University, 1992.

IV. Nationalities Questions and the Russian Orthodox Church in Perestroika

Nationalities questions were a critical trigger for the disintegration of the Soviet Union while the Russian orthodox church was an important factor to maintain and encourage identity and nationalism among the Soviet population. Yet they were not fully explored in Korea during the era of Perestroika and it was not until after the breakup of the Soviet Union that discussion of both aspects was undertaken in earnest. In the field of nationalities questions, Korean scholars addressed the historical origin of Soviet nationality policy, Russian nationalism, and the Communist Party's oppressive control over national minorities. The topic of the Russian orthodox church was analyzed in terms of nationalism, government's measures for religion, and independence movement of the Ukrainian church. Young researchers showed fresh viewpoints and arguments in their doctoral dissertations, using a great number of Russian primary sources that had not been possible in the former generation.

The question of Soviet nationalities was first put on the discussion in Korea after the independence announcement of the Baltic states in 1989. Kwang-kyu Lee, an anthropologist, offered an ethnographic explanation of the conflicts of Soviet nationalities and urged the expansion of their autonomy. Yet he covered not all the Soviet minorities but only three Baltic states, another three states of Southern Caucasus, and five countries of Central Asia with their national ethnic composition and unified history³⁶. Immediately after the collapse of the Soviet Union Heung-sik Han, a researcher, reviewed the history of Soviet nationality policy from the Russian empire to the era of Khrushchev around two areas such as Central Asia and the Baltic states. He concluded that national conflicts were inevitable in the era of Perestroika as it opened the Pandora's box which contained a long-standing origin from the expansionist policy of the Russian empire in the 18th century³⁷.

Stronger arguments on the Soviet national question were suggested long after the dissolution of the Soviet Union. Yun-soo Kee, a political scientist, argued that the maintenance of the Soviet Union was due to the oppression policy of the Communist Party which abused federal nationalism arbitrar-

³⁶ Lee K. Soviet National Question under the Whirlwind of Perestroika // The Unified Korea. 1991. Vol. 89. P. 24–29.

³⁷ Han H. Gorbachev's Perestroika and Nationalities Question in the USSR // Teacher Education Research. 1992. Vol. 25. P. 119–136.

ily for the cause of organic unity. But when Perestroika was launched, such brutal policy over Soviet minorities became impossible and the Union was forced to collapse. The disintegration of Eastern Europe and the breakup of Yugoslavia were, in his eyes, in the same vein³⁸. Ja Jeong Koo, a historian, provided an impressive argument that like the dual system of commanders and commissars in the military, the Soviet Union was a dual state which had individual national republics on the one hand and the central socialist government on the other. Thus, when the control of the party over the constituent republics became weakened the union had no choice but to collapse. That was the disintegration of the Soviet Union in 1991³⁹.

More specific analysis of the nationalities question was provided based on primary sources by a young scholar in the middle of the 1990s. Pyung Kyun Woo looked at the development of Russian nationalism during the Perestroika era in three stages. The first was the rise of nationalism with the introduction of Perestroika. The second the appearance of Russian nationalism against the Unionism, particularly fore and aft the August putsch in the summer of 1991. The third eruption of Russian nationalism from the failure of the August putsch to the collapse of the Soviet Union in the same year. Woo argued that Russian nationalism had two aims in the beginning: the protection of Russian rights and federal preservation. Yet as the former brought about the backlash of other republics and non-Russians especially after Yeltsin played the Russian card from 1989, the latter became hopeless although it had contributed to maintain the union framework for a long time. So, the Soviet Union collapsed⁴⁰.

The Russian orthodox church was not an exception to the academic discussion on various aspects of Perestroika in Korea. Hyun Taek Kim, a professor of Russian literature explored the changes within and without the Russian church during the era of Perestroika to argue that Gorbachev took pro-religious measures to seek the cooperation of the church for his reform policy. According to Kim, Gorbachev's invitations of and talks with the patriarch were an important opportunity for the renaissance of the church. But the Russian Orthodox church lost that chance as it became inwardly

³⁸ Kee Y. *The Collapse of Socialism in the USSR and Eastern Europe and Nationalism* // Korean Studies Quarterly. 1995. Vol. 18. No. 3. P. 81–96.

³⁹ Koo J. *Why the Soviet Union Collapsed: Soviet Nationalities Question and the Invented Pandora's Box* // e-Eurasia. 2010. Vol. 28. P. 14–17.

⁴⁰ Woo P. *Russian Nationalism and the Collapse of the Soviet Union: An Analysis on the Role of Russian Nationalism in the Process of Union Dissolution*. Unpublished Ph.D. Dissertation. Korea University, 1997.

faced with more serious crises: an attempt of the Ukrainian church for independence, a disengagement movement of the Estonian church, and the growth of Presbyterians. Kim's article seemed very significant and impressive in that he made wide use of Russian materials, which was rarely tried among Korean scholars on Russian culture at that time⁴¹.

Young Sarm Hwang, a younger specialist on the Soviet religious question, more deeply reflected on the question of the Russian orthodox church during the Perestroika period than other existing scholars. He analyzed two nationalisms of Russian and Ukrainian in and before the Gorbachev era and argued that it was not the church but nationalist groups or parties that began to stress the nationalistic value of the Russian orthodox church. According to him, «Память» group put forward extreme Russian nationalism in Moscow in 1987 and emphasized the existence of the orthodox church and its religious faith in an equal relationship with the government. Since then, other nationalistic parties followed it and cried out for the tradition of the Russian orthodox church and Russian nationalism. Thus, the status of the church began to go high among the people and the identity of the nationalistic church became strengthened. An example of such changes was the segregation of the Ukrainian church from the Russian orthodox church⁴².

Conclusion

Korean historiography of Perestroika and its resulting dissolution of the Soviet Union shows in what way a country under the dual system of cold war and division tried to understand the historical experience of an alien and even opposing regime in the northern world. Generally, Korean scholars' recognitions and analyses of such history were very partial and did not reach at a high level, although some of them demonstrated fine achievements equipped with fresh methodologies and a lot of various materials. Their conclusions and predictions often went wrong and sometimes wide of the mark. Scarce sources continuously hindered their

⁴¹ Kim H. The Revival of Russian Orthodox Church after Perestroika // Slavic Studies. 1996. Vol. 12. P. 93–124.

⁴² Hwang Y. The Nationalistic Characteristics of the Russian Orthodox Church in the Period of Perestroika // Journal of International Area Studies. 1998. Vol. 2. No. 4. P. 131–150; Hwang Y. The Revival of Ukrainian National Church and the Russian Orthodox Church // Журнал славяноведения. 1998. Vol. 13. No. 1. P. 283–307.

efforts to draw a precise picture and rare contacts with the country in question also hampered their attempts to verify hypotheses and confirm conclusions. However, it is evident that Perestroika provided Koreans with an invaluable opportunity for a full-scale study on the Soviet Union as both countries established diplomatic ties with each other in 1990. In addition, the story of Soviet socialism and its demise allowed Korean intellectuals to look back on the theory of modernization and the notion of modernity in a global sense, rather than in the context of Eurocentrism. For example, a prominent literary critic suggested that it was necessary to adapt to and overcome western modernity in Korea⁴³.

Ideological foundations of the Soviet regime came under inspection in Korea as early as in the middle of Perestroika. Marxism, Leninism, and Stalinism were all reassessed in relation to Gorbachev's reform and Korean scholars sought to find a solution to the questions of their time in discussing the theoretical backgrounds of Perestroika. Marxism was revisited to understand in what philosophical context Perestroika had begun and Leninism critically reviewed to explain in what way Soviet socialism had been distorted to the present. Stalinism was accused of being the main culprit which drove the Soviet Union into a crisis, and thus became most controversial. In addition, Korean philosophers and thinkers examined historical materialism, dialectics, and Soviet socialism itself to confirm that the universal values of mankind took precedence over them and that Perestroika should become a momentum for the enhancement of the popular movement on the globe.

Political analyses of Perestroika in Korea were overwhelming in terms of quantity. As politics was the main stage where Gorbachev's reform was carried out, many social scientists and historians actively jumped into the study of the dynamics of Soviet statecraft. Main events, reform progress, principal agents of the innovation movement, and chief leaders were all addressed in relation to Perestroika. Yet Korean scholars failed to reach a high standard and their academic achievements were largely nothing more than impression criticisms. Hopeful expectations and tragic prospects for the success or failure of Perestroika crossed each other among them, but without concrete evidence. It was not until almost a generation later that solid research on Soviet politics could be undertaken employing a systematic theoretical framework and using a large amount of Russian primary sources.

---

⁴³ Paik N. The Double Project of Modernity // *New Left Review*. 2015. No. 95. P. 65–79.

The changes of the Soviet economy under Perestroika were another subject for Korean scholars to research from its early years as they formed the heart of Gorbachev's reform, especially in the late 1980s. Most of the Korean experts in this area had already been politically progressive and thus strongly expected that Perestroika would bear the fruit of success as a transition model from the authoritarian regime to the more democratic state. For their goals to achieve, scholars investigated the government's economic policy and relevant debates among Soviet economists and tried to weigh up whether Perestroika was providing correct alternatives to the contemporary crises. However, they did not have the capacity enough to precisely assess, measure, and evaluate the real economy of the Soviet Union, not to mention giving professional advice to the governmental authorities. But their effort to draw a rough picture of the Perestroika reform laid a foundation for the next generation to further the study of socialist economies and their transition to capitalism including the case of North Korea in the new millennium.

Nationalities question and the Russian orthodox church of the Perestroika era were the areas in which professional research was undertaken relatively later in Korea, except for several brief reports in the early 1990s. Korean scholars generally discussed the issue of Soviet national minorities in relation to the disintegration of the Soviet Union, rather than their individual histories. Thus, much more illuminated was the role of nationalism in the effort of constituent republics to withdraw from the Union and Gorbachev's measures to arrest its rapid escalation and far-reaching spread. The issue of the Russian Orthodox church was also tackled as late as in the mid-1990s when some scholars delved into the point of the Ukrainian case. Though both topics received belated attention compared to other fields, they revealed a reality that the academic capacity of Korean scholars and their number grew up significantly throughout the 1990s. Such a phenomenon led to the golden age of Russian study in the first decade of the 2000s when a fresh cohort of young historians emerged with their doctoral degrees of Russia and the western countries.

Recently, various academic conferences are being prepared in Korea to revisit the experience of Perestroika and Soviet socialism for the 30th years of the disintegration of the Soviet Union. Scholars of almost all fields would take part in the events and mull over what the Soviet modernization project meant to and left for Koreans as well as all mankind. They also would ponder over what prospect and possibility the humanity could

have for their future lives with reference to the Soviet case. The Soviet times could give an indication of what direction they would take and what efforts they should make. In addition, it could provide an affirmative momentum for them to go beyond present unleashed capitalism and even the division system of the Korean peninsula, a cold war legacy. Re-examination of Perestroika and the fall of the Soviet Union certainly ought to be such an opportunity. There is still a long way to go.

REFERENCES

1. *Ahn T.* The August Putsch: The Collapse of the Soviet Union and the Birth of Russia // *The Journal of Northeast Asia Research*. 1995. Vol. 1. No. 1. P. 339–363.
2. *Chang D.* An Analysis of Soviet Economic Reform Ideas during the Perestroika Era: From the Perspective of Collective Learning // *The Korean Journal of International Studies*. 1997. Vol. 37. No. 1. P. 169–209.
3. *Chang W.* Perestroika and Reinterpretation of Leninism // *Korea and World Politics*. 1990. Vol. 6. No. 2. P. 155–182.
4. *Chun H.* Soviet Socialism and Perestroika // *The Korean Journal of Area Studies*. 1991. Vol. 3. P. 123–154.
5. *Cohen S.* Perestroika did not fail // *Korea Forum Monthly*. 1991. Vol. 20. P. 228–229.
6. *Eom G.* The Analysis of Political and Administrative System of the Soviet Union after Perestroika // *The Korean Journal of Public Administration*. 1993. Vol. 2. No. 3. P. 3154–3175; No. 4. P. 4119–4139.
7. *Ha Y.* Perestroika and Political Reform: Around the Reform of Soviets // *A Symposium of Institute of International Studies*. 1989. Vol. 13. P. 35–51.
8. *Ha Y.* Perestroika and the Role of the Communist Party: Around the Redefinition of Its Identity // *Social Sciences and Policy Review*. 1990. Vol. 12. No. 2. P. 81–105.
9. *Han H.* Gorbachev's Perestroika and Nationalities Question in the USSR // *Teacher Education Research*. 1992. Vol. 25. P. 119–136.
10. *Huang S.* Perestroika and the Communist Party of the Soviet Union // *Forum*. 1990. Vol. 198. P. 1–34.
11. *Hwang T.* Soviet Perestroika for More Socialism // *The Quarterly Changbi*. 1988. Vol. 16. No. 3. P. 274–307.
12. *Hwang Y.* The Nationalistic Characteristics of the Russian Orthodox Church in the Period of Perestroika // *Journal of International Area Studies*. 1998. Vol. 2. No. 4. P. 131–150.
13. *Hwang Y.* The Revival of Ukrainian National Church and the Russian Orthodox Church // *Журнал славяноведения*. 1998. Vol. 13. No. 1. P. 283–307.

14. *Jang Y.* The Crisis of Marxism and the Failure of Perestroika // Korean Political Science Review. 1996. Vol. 30. No. 1. P. 69–88.
15. *Jo J.* Korean Historiography of the Russian Revolution: Beyond the Cold War Ideology // 1917 год в Евразии. М., 2017. С. 39.
16. *Jung K.* An Assessment of Gorbachev's Reform Policy // Journal of Unification Studies. 1998. Vol. 11. P. 95–117.
17. *Kee Y.* The Collapse of Socialism in the USSR and Eastern Europe and Nationalism // Korean Studies Quarterly. 1995. Vol. 18. No. 3. P. 81–96.
18. *Kim B.* The Background and Objectives of Perestroika // The Korean Journal of International Studies. 1990. Vol. 29. No. 2. P. 197–205.
19. *Kim H.* The Revival of Russian Orthodox Church after Perestroika // Slavic Studies. 1996. Vol. 12. P. 93–124.
20. *Kim J.* Perestroika and Historical Materialism Revisited // Silcheon Munhak. 1990. December. P. 64–91.
21. *Kim S.* Study on the Model of Self-managerial Industrial Relations in Socialist Enterprises: Focused on Soviet Enterprises under Perestroika. Unpublished Ph.D. Dissertation. Seoul National University, 1992.
22. *Kim S.* The Direction of Perestroika and Its Historical Meanings // Korean Journal of Political Economy. 1988. Vol. 1. No. 1. P. 237–252.
23. *Kim S.* The Dissolution of the Soviet Union and Gorbachev's Resignation // The Unified Korea. 1992. Vol. 98. P. 66–69.
24. *Kim Y.* Gorbachev's Perestroika // The Unified Korea. 1988. Vol. 55. P. 78–80.
25. *Kim Y.* Perestroika and Nomenklatura // Bulletin of Korean History Society. 1991. No. 8. P. 4–5.
26. *Kim Y.* Soviet Economic Reform and Perestroika // Economy and Society. 1990. Vol. 5. P. 45–81.
27. *Koo J.* Why the Soviet Union Collapsed: Soviet Nationalities Question and the Invented Pandora's Box // e-Eurasia. 2010. Vol. 28. P. 14–17.
28. *Kozlovskii V.* The Reform of Eastern Europe and Perestroika // Epoch and Philosophy. 1990. Vol. 1. No. 3. P. 275–301.
29. *Kwon H.* Perestroika and the Reinterpretation of Bolshevik History // Critical Review of History. 1990. No. 8. P. 179–206.
30. *Kwon S.* A Study on the Process of the Collapse of Soviet Communist System. Unpublished Ph.D. Dissertation. Seoul National University, 1994.
31. *Lee K.* Soviet National Question under the Whirlwind of Perestroika // The Unified Korea. 1991. Vol. 89. P. 24–29.
32. *Lee S.* The Collapse of the Soviet Union and the Change of the Political System: Around Its Causes and Backgrounds // Journal of Sino-Soviet Studies. 1991. Vol. 17. P. 133–159.

33. *Lee W.* Gorbachev's Economic Reform: Focused on Price Reform and Enterprise Autonomy // Jeonbuk Public Administration Review. 1999. Vol. 13. P. 205–239.
34. *Nam E.* A Study on Socialist Development Experience and Reforms in U.S.S.R.: Concerning Gorbachev's Perestroika // Society and History. 1990. Vol. 18. P. 203–290.
35. *Paik N.* The Double Project of Modernity // New Left Review. 2015. No. 95. P. 65–79.
36. *Park S.* Perestroika and the Stalin Question: The Emergence of Memorial // Russian Studies. 2005. Vol. 15. No. 2. P. 129–160.
37. *Park Y.* Perestroika and a Critical Review on the Theory of Socialist Economy // Koreanische Zeitschrift fuer Wirtschaftswissenschaften. 1991. Vol. 9. P. 97–109.
38. *Shin J.* Perestroika in the Soviet Union: Politics // The Unified Korea. 1989. Vol. 65. P. 86–98; vol. 70. P. 40–45.
39. *Sobchak A., Ha Y.* The Destiny of Gorbachev: The Key is Economic Stabilization // Shindonga. April 1991. P. 427–437.
40. *Woo P.* CPSU's Control over Party Members and the Collapse of the Party // The Journal of Peace Studies. 2018. Vol. 19. No. 3. P. 161–185.
41. *Woo P.* Russian Nationalism and the Collapse of the Soviet Union: An Analysis on the Role of Russian Nationalism in the Process of Union Dissolution. Unpublished Ph.D. Dissertation. Korea University, 1997.
42. *Yoon K., Lee B., Lee H. & Choi J.* Philosophical Reflection on Perestroika: Modern Society and the Question of Humanity // Epoch and Philosophy. 1990. Vol. 1. No. 3. P. 11–38.
43. *Youn S.* Eradication of Perestroika?: Two Main Issues // Journal of Hanshin University. 1990. Vol. 7. P. 169–184.

Keywords:

Korea, the Soviet Union, Perestroika, Gorbachev, Reform, Ideology, Politics, Economy, Nationalities Question, Russian Orthodox Church.

Junbae Jo

TOWARDS A NEW MODERNITY: KOREAN HISTORIOGRAPHY OF PERESTROIKA AND THE COLLAPSE OF THE SOVIET UNION

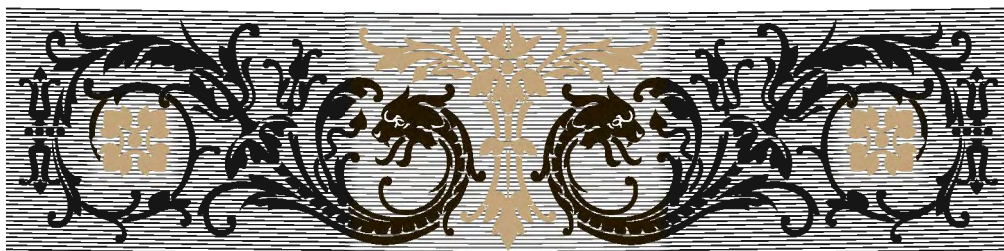

orean historiography of Perestroika and its resulting dissolution of the Soviet Union shows in what way a country under the dual system of cold war and division sought to understand the historical experience of an alien and even opposing regime in the northern world. Generally, Korean scholars' recognitions and analyses of such history were very partial and did not reach at a high level, although some of them demonstrated fine achievements equipped with fresh methodologies and a lot of various materials. Ideological foundations of the Soviet regime came under inspection in Korea as early as in the middle of Perestroika. Many of social scientists and historians actively jumped into the study of the dynamics of Soviet statecraft as politics was the main stage where Gorbachev's reform was vigorously carried out. The changes of the Soviet economy under Perestroika were another subject for Korean scholars to research from its early years as they formed the heart of Gorbachev's reform, especially in the late 1980s. Nationalities question and the Russian orthodox church of the Perestroika era were the area in which professional research was undertaken relatively later in Korea, contrary to their role in maintaining or strengthening identity and nationalism among the Soviet population. However, it is evident that Perestroika provided Koreans with an invaluable opportunity for a full-scale study on the Soviet Union as both countries established diplomatic ties with each other in 1990. In addition, the story of Soviet socialism and its demise allowed Korean intellectuals to think over what prospect and possibility the humanity could have for their future lives. In conclusion, the Soviet times gave an indication about what direction they would take and what efforts they should make.

Junbae Jo — Assistant professor at the Seowon University (Republic of Korea).

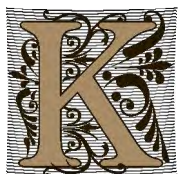
доктор философии, доцент Университета Сэвон, Республика Корея

Дж. Лами

ORLANDO FIGES. CRIMEA. L'ULTIMA CROCIATA

Torino: Einaudi, 2015. 531 p.

нига британского историка О. Файджеса «Крым. Последний крестовый поход» вышла на родине автора в 2010 г., а в итальянском переводе в 2015 г. Издание этого труда в Италии вызвало интерес, поскольку на тему Крымской войны 1853–1856 гг. уже существуют отличные работы, в

том числе написанные и за пределами Великобритании, например в России, во Франции, в Италии и Турции.

Книга Файджеса хорошо написана, это приятное чтение, не отягощенное излишним количеством ссылок на библиографию и документы. С этой точки зрения, вслед за некоторыми другими рецензентами можно упрекнуть автора в некоторой чрезмерной легкости, с которой он обращается с рядом вопросов, заслуживающих более внимательного изучения. Разумеется, труд Файджеса — далеко не первый, посвященный Крымской войне за последние полтора века, и было бы обоснованным ожидать от него явных элементов новизны, привнесенных новыми архивными изысканиями и новаторскими историографическими подходами. Файджес использует российские и турецкие архивные материалы в большем объеме, чем многие другие исследователи, и демонстрирует хорошее знание историографии по теме книги. Но этот труд прежде всего во многом —

продукт синтеза, что является его отличительным достоинством. Это — объемное полотно Крымской войны, затрагивающее многочисленные темы, каждая из которых несомненно заслуживает более углубленного изучения. Исследование Файджеса, занимающее около полутысячи страниц, не ограничивается изучением дипломатической и/или военной истории Крымской войны. Автор пытается совместить военные и дипломатические аспекты с общественными, он рассказывает о коммуникациях и о медицинской помощи, анализирует противоположные мировоззрения действующих лиц конфликта, создавая гладко развивающееся повествование, несомненно идущее навстречу потребностям публики неспециалистов, любящих историю.

Из исследования становится очевидно, что Крымская война не только имела прямую связь с реформами, проведенными в 60-е гг. XIX в. в Российской и Османской империях, но и напрямую способствовала последующим процессам модернизации на разных уровнях и в разных областях во всех странах, участвовавших в конфликте. Прежде всего, для этого конфликта было характерно невиданное ранее участие общественного мнения, благодаря журналистской информации, получившей огромное развитие. Необходимо также подчеркнуть, что Крымская война была страшно жестокой и представляется современному наблюдателю подлинной прелюдией к Первой мировой войне. На основании последних исследований Файджес предполагает, что число погибших составило 750 тысяч, убитых на поле боя или скончавшихся от болезней; две трети павших были русскими. Гигиена и климат сыграли роковую роль в потерях войск: символична судьба экспедиционного корпуса Пьемонта, потерявшего четверть своих 18 тысяч солдат, выкошенных в основном болезнями. Необходимо подчеркнуть, что остается поныне неизвестным количество жертв среди гражданского населения, которое пострадало от обстрелов, осад и кровопролития, в особенности в ходе операций, проводившихся не только в Крыму, но также на Кавказе и на Балканах, традиционно кризисных регионах в отношениях между Российской и Османской империями.

Подзаголовок «Последний крестовый поход» стремится сразу подчеркнуть, что книга предлагает новый ответ на традиционно присутствующий в британской литературе вопрос: а не была ли Крымская война «ненужной войной»? В коллективной памяти символами этих сомнений выступают атака легкой бригады и самоотверженность медсестры Флоренс Найтингейл, чьи образы, однако, не в состоянии компенсировать осознание жестокости войны, количество жертв которой было столь велико, а смысл трудно объяснить.

Это мнение, неоднократно повторяющееся во всех рецензиях, посвященных книге Файджеса в британской прессе, не разделяется в той же степени остальными участниками войны: достаточно обратиться к случаю Италии, где важность этого конфликта для последующего объединения страны вполне очевидна, или к России, где эпопея Севастополя, особенно сегодня, может быть парадоксально прочитана как победа, а не поражение, по крайней мере на первый взгляд.

Будучи исследователем России, Файджес подчеркивает характер «крестового похода», каковым представлялась Крымская война в Российской империи, где особое внимание уделялось ее религиозному аспекту в духе «третьего Рима», защите православных христиан и возрождению славянского духа. Этот подход породил в определенной степени зеркальную реакцию в стане противников, т.е. в Англии и во Франции, которые также поднимали тему защиты христиан, естественно, «своих». Парадоксально, что при этом они являлись союзниками турок и вскоре снова начали обвинять их в отсталости и неспособности обеспечить права христианских меньшинств. Здесь мы, впрочем, уже заходим на известную территорию дискуссии о взаимном представлении образа врага. Эту тему можно детально изучить, в том числе на примере мемуаров или отчетов о путешествиях, обширно цитирующихся в работе Файджеса, или в отличном труде его турецкого коллеги Джандана Бадема, посвященном «османской» войне за Крым (2010 г.).

Я тем не менее не разделяю мнения о значимости этой религиозной составляющей, которая представляется мне скорее орудием пропаганды, с целью вдохновить массы на войну и сыскать поддержку общественного мнения, в то время как в действительности крымский конфликт вписывается в традицию российско-турецкого противостояния за контроль над проливами, прежде всего, и, следовательно, в англо-франко-российское противостояние за доступ в Средиземное море.

Как уже отмечалось, автора, несомненно, гораздо больше интересует культурное измерение войны, чем ее более узкие дипломатические, стратегические и военные аспекты. Файджес, к примеру, не уделяет внимания важности столкновения между Англией и Россией в Балтийском море, глубине противостояния морской империи против империи континентальной, а также экономическому аспекту их соперничества в середине XIX в. Также недостаточно освещается то обстоятельство, что Крымская война окончательно похоронила Венский порядок. Интересно авторское прочтение атаки кавалерии при Балаклаве, обретающей смысл, выходящий за пределы полемики по поводу ее трагической бесполезности. И особенно заслуживает уважения внимание, уделенное автором крым-

ским татарам и черкесам, мусульманским народам Российской империи, пострадавшим от этой войны в большей степени, чем другие народы.

Файджес описывает и отрицательные стороны конфликта, прекрасно иллюстрируя недостатки армий и их командования, экипировки, системы снабжения и подкрепления. Он подробно рассказывает о безжалостной дисциплине, навязанной солдатам, и о безразличии к их страданиям, а также об архаичной и сословной системе кооптации, оказавшейся роковой с точки зрения компетентности и эффективности.

Я позволю себе подчеркнуть, что хотя в этой работе воспроизводятся точки зрения англичан, французов, русских, турок и в определенной степени стран, оставшихся на обочине конфликта, как Пруссия и Австрия, итальянское участие в войне, как всегда, не заслуживает отдельного внимания. Несмотря на это обстоятельство, Файджес дает лестную оценку пьемонтским войскам, которые повели себя «хорошо и смело», и воздерживается от привычного контраргумента в виде замечаний о небольшом количестве погибших на поле боя.

Заключительная глава, посвященная мифологии и исторической памяти о Крымской войне, блестяще исследует влияние конфликта на страны, в нем участвовавшие, проявившееся как немедленно, так и в долгосрочном плане. Крымская война оказала заметное влияние, например, на формирование национального сознания Великобритании и России, чего не можем сказать про Францию, Турцию или Италию, где последующие конфликты вскоре отвлекли внимание от этих событий. В случае Италии, напоминает Файджес, Вторая война за независимость 1859 г. и все то, что случилось впоследствии, вплоть до объединения Италии и взятия Рима в 1870 г., затмили воспоминания о Крымской войне, оставшейся в национальной памяти скорее пьемонтским, а не итальянским событием. Сегодня основное наследие войны проявляется в Италии только в топонимике некоторых городов, например Турина, Милана, Падуи или Рима, где улицы, площади и проспекты носят имена Крыма, Севастополя или Черной...

 Джулия Лами

профессор истории Восточной Европы
Миланского государственного университета

Дж. Кумук

**М.М. ВАЧАГАЕВ. СОЮЗ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА И ГОРСКАЯ РЕСПУБЛИКА.
ИСТОРИЯ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ
ГОСУДАРСТВА (1917—1920).**

М.: Центрполиграф, 2018. 351 с.

The Caucasus attracts many interested in the social sciences with its complex ethnopolitical structure and history of endless wars. Today, this geographical area continues to be one of the world's bleeding wounds. There is a substantial amount of informational material available for the period through the end of the 19th century. However, there is a serious lack of sources on the history of the region for the 20th century. Thanks to the Soviet Iron Curtain, existing resources are either inaccessible or unreliable. Moreover, due to circumstances surrounding non-transparent regimes, political interests, and the destruction of many sources, the reliability of sources has long been one of the biggest challenges facing writers working on this period. Therefore, works concentrating on this period and area of the history of the Caucasus must be evaluated with extra care and sensitivity.

I was very excited when a book came out in Moscow in October 2018 with the title «The Union of the Mountaineers of the North Caucasus and the Mountain Republic: The History of a Failed State (1917–1920)». I tried immediately to obtain the book, hoping that I would find something new in it that had never been said before in the books previously published on this period. The book is only available in Russian, and I think an English translation

would be very useful for non-Russian speakers. Moreover, a Turkish version of the book would be in considerable demand in Turkey where there is a large Caucasian diaspora. Since the printed form of the book is only available for sale in Russia, e-book availability is a great advantage for potential buyers living outside the Russian Federation. I also acquired the book in digital format, as it would take too long to receive a printed copy by post.

As soon as I downloaded the book, I read it through in one breath. Although I had been expecting the usual listing of a chronological flow of events, I discovered that this book is more analytical and critical in nature, evaluating events and individuals. It presents some interesting ideas and new claims. What distinguishes this book from its predecessors is its emphasis on the confrontation between the secular wing of the Mountaineer *intelligentsia* and the spiritual leaders. While I do not agree with all of the author's claims on this issue, I attach importance to his work for its concentration on such distinctions. It would have been useful if the author had analyzed these distinctions in greater depth and given more detail about the nationalists, liberal democrats, socialists, revolutionaries, Bolsheviks, and monarchists in the secular wing. A very detailed study of the factions among the clerics is also required to explain Najmuddin Gotsinsky's idle position during General Denikin's invasion and the alliance of Uzun-Hadji and Ali Hadji Akushinski with the Bolsheviks. Furthermore, events in the northwest Caucasus and the service of some officers of the Caucasian Native Cavalry Division among the Volunteer Army are inadequately analyzed in the book. This may lead the reader to come to mistaken conclusions. Besides, the sequence of global events that brought Tsarist Russia to an end and the contextual factors behind the events under analysis should be made clear to the reader. Otherwise, it will be impossible to produce an accurate analysis of developments in the Caucasus at this time. It seems to me that the author has some personal political views that he wishes to prove with historical arguments. In theory, this is perfectly permissible. However, when not supported by valid proofs and sources, even legitimate arguments become void.

At first glance, a few minor and negligible issues caught my attention. There are spelling mistakes for the names of individuals. For example, the name «Mashitlov» in endnote 294 (page 189) should read «Mashitlev».

Sometimes, the same person is mentioned with his original ethnic name and the Russified version of his name. For example, one of the prominent characters of the Mountaineer *intelligentsia* and member of the All-Russian Muslim Council, the Ossetian Ahmed Tsalikkaty, is mentioned by the Russified version of his name — Tsalikov — throughout the whole work. But the same person is

indicated as «Tsalikaty» [ЦАЛЫКАТЫ] in endnote 122 on page 181 without any notice that the name still refers to Ahmed Tsalikov.

During my first reading of the book, I made some notes on topics, I wanted to look into more deeply. Then, I started doing a second reading for cross-checking citations. I had some difficulty in studying the notes because all the citations and author's remarks were placed together in the endnotes. I wish the author would have put his remarks in the footnotes and the citations in the endnotes. This would have made it easier for the reader to distinguish the author's remarks from citations while going through the text itself.

As I was most interested in discovering the bases for the author's ideas, I focused on the citations. At this point, I came across a striking situation that caught my attention. 421 items, which correspond to 45% of the total 938 endnotes, were based on only 37 sources. I did not differentiate between remarks and sources among the remaining 517 endnotes. If half of them are referring to sources, then the weighted ratio of these 37 sources increases to 62% of the whole work. I think this rate is quite high for scientific research. If the prose style of the work were a long essay consisting of some facts and sources in addition to the writer's own ideas, this book would still be a welcome contribution to the field. But at the very beginning, it is stated while emphasizing the author's academic degree that he analyzed the ups and downs of the short but turbulent history of the Mountaineers' state formation as part of scientific research based on a large collection of archival material, including documents from archives in Azerbaijan, Georgia, Turkey, France, and Russia.

After this, I continued to read the author's statements while checking them with the cited sources. There I was faced with the book's most serious problem. Many of the given citations did not match the author's statements. Thinking perhaps the publisher may have caused this confusion, I tried to find the correct information about some of these mismatches by sending messages directly to the author himself. Unfortunately, I never received any reply.

The following are some examples of such mismatches: The author's statement on page 9 with endnote 26 reads as follows: «Не совсем корректно, видимо, было бы согласиться с утверждением известных исследователей, что следует разделять период существования Союза горцев Северного Кавказа и период Горской республики как двух разных институтов самоорганизации горцев». Briefly, the author claims that famous researchers classify the Union of North Caucasian Mountaineers and Mountain Republic as two different formations and he thinks this is something unacceptable. While making this statement, the author cites page 368 of Timur Muzaev's work (Союз горцев: русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март

1918 г. Нальчик, 2012). However, when we read the page referred to in the given endnote, we cannot find where Muzaev makes any such classification.

The author states on page 27 (endnote 141) of the book that the Mountaineers and Terek Cossacks made the decision to join each other in the same formation. The statement of the author reads as follows: «Стоит также отметить, что это было совместное заседание Первого Горского съезда и Второго войскового круга терского казачества. По инициативе терского казачества предлагалось обсудить территориальное объединение горцев и казаков в рамках единого Союза горцев и казаков. На совместном заседании Горский союз и терское казачество продекларировали решение изменить устройство Терской области и образовать единое территориальное объединение горцев и казаков» (Музаев Т. Союз горцев... с. 62.) For this statement the author again cites a page from Muzaev's work — 62. But when we read the given page of the cited work, we cannot find the statement supporting this claim. On this page, Muzaev discusses some conversations between the Mountaineer political elites during the First Congress of the Mountain Peoples of the Caucasus. This has no direct or indirect relation to certain Mountaineer leaders' later decision to form a union with Terek Cossacks.

Next, the author, for his statement on page 30 with endnote 147, refers to an article written by Pshimaho Kosok (Kotsev) (*Косок П. Исторические эпизоды нашей борьбы // Свободный Кавказ. 1927. № 7. С. 27.*) He cites the Russian-language periodical «Свободный Кавказ» (*Free Caucasus*) number 7, page 27 with the year of publication 1927. But the author does not indicate the place of publication. When we search for this source, we cannot find any periodical called *Free Caucasus* published in 1927. The periodical «Свободный Кавказ» was published in Munich, Germany between 1951 and 1953. Thinking the year of publication could have been indicated incorrectly, I checked issue number 7 of «Свободный Кавказ». Unfortunately, there was no article in it penned by Pshimaho Kosok (Kotsev).

On the same page of the book (page 30), another statement of the author reads as follows: «И наконец, один из видных религиозных деятелей Дагестана того периода М. Дибиров считал, что место было определено специально, чтобы избежать давления со стороны армии и отдельных партий через их сторонников» (*Дибиров М.К. История Дагестана в годы революции и гражданской войны. Махачкала, 1997. С. 20.*) Here, the author claims that one of the prominent religious leaders in Dagestan in that period, Muhammad Kadi Dibirov, believed that the place of the congress in Andi was chosen specifically to avoid pressure from the army and individual parties through their supporters. While claiming this, he cites Dibirov's work pub-

lished in Makhachkala in 1997. When we refer to page 20 of the given work, we read Dibirov's statements about a mass meeting of Mountaineers in Temirhan-Shura, Dagestan on 22 March 1917 and his comments about the regional executive committee of Dagestan.

The author's statement on page 32 (endnote 165) reads as follows: «Прибывший на съезде в Анди председатель ЦК Союза горцев А.М. Чермоев, увидев реальную картину, попытался взять бразды правления в свои руки и не позволить посвятить съезда исключительно выборам духовного лидера. Хотя ему и передали функции председателя, съезд шел своим ходом, а вопрос избрания Н. Гоцинского имамом был явно вне компетенции А.М. Чермоева» (*Кузнецов Б.М. 1918 год в Дагестане. Нью-Йорк, 1960. С. 17*).

He claims that the chairman of the Mountaineers' Central Committee, Abdul-Majid Chermoev, tried to take the reins of government into his own hands and to prevent the spiritual leaders from gaining control of the congress in Andi. While claiming this, he refers to page 17 of Boris Mihailovich Kuznetsov's *The Year 1918 in Dagestan*. However, when we read not only page 17 but the whole book, we cannot find any statement associated with such a claim. On the contrary, the members of the secular wing of the committee gathered on the terrace of a house with a group of 10 clergymen led by Najmuddin Gotsinsky and the dazzling sounds and dances of the *zikrist* groups could be heard. Also, Kuznetsov states that Abdul-Majid Chermoev gave a short thanksgiving speech at the congress to the clergy, the elderly, and the people who trusted the Central Committee.

Another example of these mismatches is the author's statement on page 34 where he claims that Pshimaho Kosok (Kotsev) was present at the congress in Andi. He tries to justify his statement with a citation from a lengthy article by Pshimaho Kosok (Kotsev) called «Revolution and Sovietization in the Northern Caucasus», which was published in Munich in 1956 in the third issue of the periodical *Caucasian Review*. M. Vachagaev wrote: «Данное заявление Г. Баммата странное, в силу того, что о его участии не говорят другие делегаты съезда. Более того, Г. Баммат утверждает, что на съезде не было даже П. Коцева, который якобы так и остался в Ведено с другими делегатами. Хотя об участии Коцева на съезде, говорят разные источники, в том числе и его участники» [endnote 175. Коцев в своих воспоминаниях пишет, где и у кого им был предоставлен дом для ночлега в селе Анди (*Kosok P. Revolution and Sovietization in the Northern Caucasus // Caucasian Review. 1956. № 3. P. 47*)] The author claims that Pshimaho Kosok (Kotsev) himself stated that he was present at the congress in Andi and he gave details where and with whom they were given a house for the overnight stay in the village of Andi. My trans-

lation of the article he refers to by Pshimaho Kosok (Kotsev) was published in the Turkish language many years ago¹. As I could not recall such a statement in that article, I reread the article again from start to finish. My memory did not mislead me. There was no such statement there.

As I found many mismatches at the beginning of the book, I decided to make further random checks for the rest of the book. Endnotes 917 and 919 on pages 166 and 167 refer to a citation from the Russian-language newspaper called «Вольный горец» (*Free Mountaineer*). The issue mentioned is said to have been published on 6 November 1920 [endnote 919. Письмо горцев на имя Ноя Жордания // Вольный горец, 1920. 6 ноября.] When I checked the editions of the referred newspaper, I could not find any issue published on the date 6 November 1920. However, I was able to determine that issue 60 was published on 1 November 1920 and issue 61 was published on 8 November 1920. I scanned both issues from beginning to the end supposing there might be a mistake in typing the date, but I could not find the articles that the author was referring to.

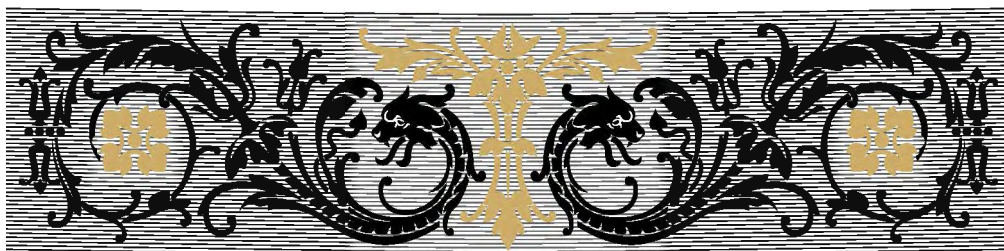
Hence, it seems the most vulnerable aspect of this book is its citation. If these complications in the citations are the fault of the publisher, then the author must take immediate action to urge the publisher to correct these mistakes. Then, the book may begin to resemble real scientific research rather than a polemical essay. As I initially emphasized, understanding this period in the history of the North Caucasus is of utmost importance not only for the comprehension of the past's historical events but also to understand what is happening today. Thus, I hope to read M. Vachagaev's work again when the sources will be easily verifiable.

¹ See: *Sefer E. Berzeg* (Ed.) *Kuzey Kafkasya Cumhuriyeti Devlet Başkanı Pşimaho Kotse (Kosok). Yaşamı ve Gurbet Yazıları*. Ankara, 2011. S. 129–157.

эксперт по истории Кавказа (Стамбул)

М.Ф. Прайс

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

Глава 19. Международная контрреволюция переходит в наступление

Передышка шла к концу быстрее, чем этого ждали даже величайшие пессимисты в Москве. 28 мая я узнал на заседании съезда Советов народного хозяйства, на котором я присутствовал, что серьезные известия поступили из Донской области. Под покровом немецкой военной оккупации ген. Краснов², бывший сановник царского военного министерства, объявил себя атаманом и главой Временного всероссийского правительства и начал поход на Москву. Это известие породило большую подавленность среди всех делегатов съезда, ибо вспоминали, что Краснов, когда он в первые дни Октябрьской революции возглавлял поход против Петрограда, предпринятый Керенским³, был взят в плен красногвардейцами и был

¹ Начало см.: Исторический вестник. 2017. № 21. С. 154–236; 2018. № 25. С. 224–308; № 28. С. 104–245.

² П.Н. Краснов (1869–1947) — генерал-майор, атаман Всевеликого Войска Донского, деятель Белого движения.

³ А.Ф. Керенский (1881–1970) — министр-председатель Временного правительства в 1917 г.

освобожден под честное слово, что он в будущем никогда не поднимет руку против советской республики. Но горькая чаша, которую предстояло испить революции, оказывается, еще не была наполнена доверху. Известия, поступившие на следующий день, говорили о том, что чехословацкие добровольцы, о которых было известно, что они пересекают Россию, направляясь на Дальний Восток, во многих пунктах Сибирской и Рязанской железных дорог подняли мятеж, захватили Пензу и Челябинск и отстранили при этом от власти Советы этих городов.

Никто, казалось, не знал причин этих внезапных мятежей, но то обстоятельство, что они начались одновременно в разных пунктах русской периферии, подтверждало подозрение, что речь идет здесь о широко разветвленном заговоре международного характера. 30 мая было объявлено осадное положение в Москве и в крупных городах юга и юго-востока. Буржуазные газеты были повсюду закрыты, а их типографии заняты красногвардейцами. До этого все хорошо известные буржуазные газеты, которые выходили еще при царизме, такие как «Русское слово», «Речь», «Русские ведомости» и другие, в течение последних пяти месяцев иногда запрещались на несколько дней или подвергались денежному штрафу за распространение ложных или враждебных слухов о советском режиме. Но, за исключением этих мероприятий, право на свободное высказывание мнений в республике не ограничивалось. Теперь, очевидно, наступило время для его ограничения, так как контрреволюция предприняла наступление, и диктатуре пролетариата были необходимы более решительные меры для защиты революции.

В тот же день мы узнали дальнейшие подробности о характере заговора, с которым были связаны выступления Краснова и чехословаков. В официальных «Известиях» появилось сообщение Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, которое пролило много света на обстоятельства, остававшиеся до тех пор неизвестными общественному мнению. Вот к чему сводился кратко смысл этого сообщения: с тех пор, как попытка Керенского совершить поход на Петроград провалилась, а Генеральный штаб Духонина⁴ в Могилеве был распущен, Союз защиты родины и свободы, вокруг которого собирались все противники советского режима, сделал Москву своей тайной штаб-квартирой. Вплоть до первой недели мая он возлагал свои надежды на организацию восстания в Москве, в связи с чем существовал план подкупить командиров отря-

⁴ Н.Н. Духонин (1876–1917) — генерал, исполнял обязанности Верховного главнокомандующего Русской армией в ноябре — декабре 1917 г.

дов латышских добровольцев, которые составляют самый надежный элемент Красной гвардии. Осуществить его оказалось, однако, невозможно, и штаб-квартира комитета была переведена в Киев. Для этого было необходимо, чтобы антисоветские элементы заранее пришли к соглашению с немецкими военными властями, которые являлись там всемогущими. Однако тотчас же начали проявляться разногласия внутри самого комитета. Одна группа его членов вступила в тесное сотрудничество с прусским милитаризмом против Советов, в то время как другая группа отстаивала ту точку зрения, что опасно компрометировать комитет связями с центральными державами, ибо это затруднило бы соглашение с союзниками, в случае их победы в войне. Комитет раскололся поэтому на две группы. Одна из них, которая называла себя «Правый центр», оставалась под контролем немцев в Киеве, а другая, называющая себя «Национальным центром», свое местопребывание под руководством ген. Алексеева⁵ перенесла в Кубанскую область, на Северный Кавказ, в надежде установить связи с союзниками через Персию. Обе группы, однако, сохраняли между собой связь и обменивались отчетами. Расхождения между ними были, в конечном счете, лишь тактическими и были вызваны различной оценкой предполагаемых результатов боев, разыгрывающихся на равнинах Франции. Примерно в это же время выяснилось, что кадеты и определенная часть офицеров царской армии начали приобретать решающее влияние на совещаниях русских контрреволюционеров. Правые эсеры, которые играли такую активную роль в борьбе против Советов в первые дни Октябрьской революции, все больше отступали теперь на задний план. Большевики не оставались более в составе комитета, но соблюдали по отношению к нему нейтралитет. В середине мая кадеты стали движущей силой пронемецкого Правого центра в Киеве. Милюков, который был тогда на Украине, провел разносторонние переговоры с высшими немецкими офицерами в Киеве, и кадетская партия на Украине решила создать национально-русское правительство в Южной России, которое, действуя под защитой немецких военных оккупационных властей, должно было приступить к мобилизации русской армии, чтобы напасть на Северную Россию и свергнуть советское правительство. На Дону сторонники общерусской партии, действовавшие под началом казацких офицеров, одержали верх над всеказацкой партией, главным представителем которой был покойный ген. Каледин. Именно в свете этих решений, при-

⁵ М.В. Алексеев (1857–1918) — генерал, в 1915–1917 гг. начальник штаба Верховного главнокомандующего.

нятых кадетами на Украине, и деятельности, развернутой Правым центром, следовало рассматривать мятеж ген. Краснова. С другой стороны, Национальный центр под руководством проантантовски настроенных кадетов старался завербовать офицеров в Центральной и Северной России, послать их на Северный Кавказ и в губернии Поволжья. Именно в свете этих фактов следует рассматривать мятеж чехословаков на востоке и на юго-востоке.

Опубликование этого заявления Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией было большой сенсацией. Оно подготавливало революционное общественное мнение для борьбы, которая вскоре должна была начаться. Еще важнее была тогда еще неизвестная, но позднее опубликованная корреспонденция о деятельности, развернутой агентами союзников в юго-восточной России⁶. Отдельные важные телеграммы, которыми обменивалась французская военная миссия в Москве со своими агентами в губерниях, были перехвачены ЧК. Шифровка, датированная 17 мая 1918 г., отправленная из Самары в адрес военной миссии в Москве и подписанная «Ванно», гласила: «Прибывшие в Самару делегаты — представители Всеказачьего съезда просят денег и готовы выступить против Советов и немцев. Прошу ответа». Другая, тоже шифрованная, телеграмма, датированная 3 июня 1918 г., из Владикавказа на Северном Кавказе, адресованная миссии и подписанная Шардиньи, гласила: «Нахожусь здесь в особенно благоприятном положении в том, что касается защиты фронта против немцев и магометан, но здесь все же необходимо добиться помощи казаков. Англия все еще не заняла какой-либо позиции. Я такого мнения, что линия Ростов—Кубань должна остаться под нашим контролем в то время, как Англия могла бы остаться на Тереке. В этом случае прошу инструкций и информации о том, на какие кредиты я могу опереться».

Таким образом, было ясно, что французская военная миссия в России предприняла в течение мая шаги, чтобы приобрести поддержку Национального центра на Северном Кавказе для ярко выраженной антинемецкой политики и для восстановления фронта против немцев на востоке, а также для наступления против Москвы. Но этой линии противостояли, с одной стороны, страх Национального центра перед разрывом с немцами и с Правым центром в Киеве, и, с другой стороны, пассивность кубан-

⁶ См.: *Correspondance diplomatique se rapportant aux relations entre la République Russe et les puissances de l'Entente*. 1918. М.: НКВД РСФСР, 1919. С. 19–20. (Прим. авт.)

ских и терских казаков, которые, в сущности, думали только о том, чтобы покончить с давней враждой между ними и магометанскими горными народами из-за земельных владений. Между тем из остатков отряда Корнилова, которые бежали на юг после разгона Генерального штаба в Могилеве⁷, и новичков, которые тайно бежали из Москвы и Петрограда, образовалась армия добровольцев под командованием ген. Алексева, опиравшегося на Екатеринодар. Но и армия добровольцев держалась пассивно и не хотела компрометировать себя открытым выступлением против немцев. Ген. Алексеву также не удалось тогда побудить всех своих сторонников поддержать ярко выраженную великодержавную, общерусскую политику. Для этого надо было найти того, кто создал бы *un fait accompli*⁸. У французской военной миссии такой агент был под руками. Она взяла под свою опеку чехословацких добровольцев — бывших солдат, дезертировавших из австрийской армии, и после некоторых затруднений, возникших при переговорах с царским правительством, организовала их, как боевую воинскую часть против немцев. После Октябрьской революции эти добровольцы сидели, однако, на мели. Две возможности открывались перед французской военной миссией: либо отправить чехословаков на Западный фронт, либо использовать их как орудие для подавления Советов и с их помощью восстановить Восточный фронт.

Изучив все обстоятельства, относящиеся к конфликту между чехословацкими добровольцами и советским правительством, я пришел к убеждению, что эти добровольцы представляли собой не что иное, как бессознательное орудие французского империализма на востоке. Этот империализм использовал в своих интересах сильные антиавстрийские и патриотические чувства этих чехословацких беженцев. В доказательство я могу сослаться на тот факт, что ВЧК обнаружила в Москве в июне 1918 г. важные документы, касающиеся отношений между Чехословацким национальным советом и союзниками в годы войны. После захвата Пензы и Челябинска чехословацкими легионерами советские власти произвели обыск в помещении московского представительства Чехословацкого национального совета. Они обнаружили здесь переписку президента Масарика⁹ и председателя московского Чехословацкого национального

⁷ В 1918 г. при безуспешной попытке освободить Екатеринодар от большевиков Корнилов был убит. (Прим. авт.)

⁸ Совершившийся факт (фр.).

⁹ Т. Г. Масарик (1850—1937) — первый президент Чехословацкой Республики (1918—1935).

совета д-ра Макса, относящуюся к 1917 г. и первой половине 1918 г.¹⁰ Из этой корреспонденции вытекал тот факт, что в течение 1917 г. между правительствами Антанты и Австрией происходили тайные переговоры о сепаратном мире с целью изолировать Германию. Австрия сделала попытку добиться в качестве одного из условий для заключения подобного договора принципиального признания Чехословакии неразрывной составной частью австро-венгерской монархии. Это известие немало испугало Национальный совет в Париже и Москве, ибо там понимали, что их надежды на независимость Чехословакии потерпели бы таким образом неудачу. В течение лета 1917 г. в переписке с Макса, находившимся в Москве, Масарик все время подчеркивал, что положение чрезвычайно опасно для будущего Чехословакии, так как она постоянно подвергается опасности быть принесенной союзниками в жертву ради сепаратного мира с Австрией. После Октябрьской революции французская военная миссия в России, казалось, захватила инициативу в свои руки, начав переговоры с Чехословацким национальным советом. Французские военные агенты в России знали, что независимость Чехословакии является в Париже еще не окончательно решенным делом, так как там все еще питали надежду добиться выхода Австрии из блока центральных держав. Они использовали поэтому это состояние неопределенности и опасения Национального совета в Москве, чтобы оказать влияние на чехословацких добровольцев и их шантажировать. В памятной записке Национального совета, в которой изложены переговоры между д-ром Макса и главой французской военной миссии в Москве, содержится намек последней на то, что чехословацкие добровольцы в России со своей стороны должны что-то сделать для восстановления Восточного фронта, если они хотят видеть гарантированной независимость чехословацкого государства. Получив известие об этом, Масарик, который был тогда в Лондоне, телеграфировал Национальному совету в Москве, призывая его отодвинуть подобные, далеко идущие, решения до тех пор, пока он не получит дальнейшую информацию у союзников. Что сказал Масарик правительствам Антанты на Западе, в письменных материалах не рассказывается, но его усилия

¹⁰ В декабре 1919 г., когда готовился материал для предъявления на намеченном судебном процессе в Праге по обвинению чешского коммунистического лидера в России Муна в государственной измене, я имел возможность прочесть выдержку из этой корреспонденции. Судебное разбирательство так и не состоялось, а Мун по политическим соображениям был освобожден. Текст документов до сих пор еще не стал достоянием читающей публики. Однако короткую выдержку, раскрывающую содержание этих документов, я послал в редакцию газеты «Дейли геральд», где она и была 7 января опубликована. (Прим. авт.)

достичь безоговорочного признания независимости Чехословакии, как это совершенно очевидно, остались безрезультатными. Французские банкиры требовали чехословацкое пушечное мясо для свержения советской республики, которая объявила об аннулировании царских долгов. Если чехословаки хотели получить признание их независимости от правительства, которое боролось за свободу угнетенных народов, то такова была цена за это признание. Патриотизм чехословацких лидеров взял верх над их лучшими человеческими побуждениями и, таким образом, Масарик был вынужден указать Макса на необходимость предпринять все шаги, чтобы добиться признания чехословацкого государства. Вскоре после этого сообщения начались восстания в Пензе и Челябинске.

Дальнейшие доказательства тайного соглашения, к которому пришли союзники и Чехословацкий национальный совет, содержат интересный документ, найденный ЧК в Самаре после освобождения города советскими войсками осенью 1918 г. Речь идет о воззвании сибирской секции Чехословацкого национального совета, обращенном к их воинским частям на фронте в Восточной России. Воззвание имело следующий текст:

«Самара, 9 сентября 1918 г.

Сибирская секция Чехословацкого национального совета сообщает всем братьям на фронте, что она только что получила по телеграфу известие о переговорах между командующим вооруженными силами во Владивостоке ген. Дитерихсом¹¹ и командующим чехословацкими вооруженными силами капитаном Гайда. Профессор Масарик согласен с нашими действиями в Сибири и России, и союзники теперь готовы признать Чехословацкий национальный совет в качестве конституционного правительства Чехословацкой Республики. Одновременно союзники решили нам помочь, и на Дальний Восток прибыли английские, американские, японские и французские войска под верховным командованием японского маршала Отани.

(Подписано от имени Сибирской секции Чехословацкого национального совета:) Д-р Патейдель, секретарь Рихтер».

Французская военная миссия хорошо провела свои мероприятия. Непосредственно перед мятежом французский консул в Москве выплатил Чехословацкому национальному совету 11 млн рублей, а британский консул в Москве со своей стороны выплатил 80 тыс. фунтов стерлингов¹².

¹¹ М.К. Дитерихс (1874–1937) — генерал, один из руководителей Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке.

¹² Этот факт был опубликован чехословацким коммунистическим органом в Москве «Рокорник Inobody» 27 июня 1918 г. на основании документов, найденных в помещении Национального совета. (Прим. авт.)

Деньги были вручены членам Национального совета Шипу и Чермаку, а от них поступили к командирам чехословацких отрядов в различных частях России. Деньги были незамедлительно использованы для повышения окладов офицеров и солдат. Настроение чехословацких солдат было предварительно тщательно обработано французской военной миссией, которая через своих пропагандистов распространяла слухи о том, что советское правительство якобы отказалось разрешить возвращение чехословаков во Францию и планирует их выдачу австрийским военным властям, которыми все они будут повешены как дезертиры. Как затравленные звери чехословацкие добровольцы ринулись в борьбу, и не было случайностью то, что места, где она разгоралась, находились именно на железных дорогах Волги и Сибири: они отрезали Центральную Россию от ее последних резервов зерна. Не хватало еще только союзнических или антибольшевистских вооруженных сил на берегах Белого моря, чтобы почти полностью замкнуть кольцо на востоке, которое охватило территорию Советской России от Крайнего Севера до Северного Кавказа и устья Дона, и тем восстановить Восточный фронт, нацеленный против немцев. Осуществление планов французской военной миссии приближалось. Во всех пунктах, где чехословацкие добровольцы захватили железнодорожные линии, агенты этой миссии собирали вокруг себя членов Национального центра и правых эсеров. Последние к этому времени сплотились в составе независимого комитета депутатов Учредительного собрания, принадлежавших к его правому крылу и принявших название «Союз возрождения России». Правые эсеры получили к этому времени действенную поддержку со стороны зажиточного и влиятельного слоя сельских хозяев и кулаков юго-восточных губерний России и Поволжья. Пункты, в которых было инсценировано выступление чехословаков, были тщательно выбраны французской военной миссией таким образом, чтобы найти самое подходящее политическое обстоятельство для развязывания мятежа против советской власти. Население губерний Западной Сибири, Самарской и Уфимской, а также части Саратовской, расположенных близ железнодорожных путей, в значительной мере относилось к богатому крестьянству, экономические интересы которых, как я уже указывал в другом месте, находились в противоречии с интересами безземельных переселенцев и существовавших на поденный заработок батраков из перенаселенных районов Северной России. Именно они являлись главной опорой правых эсеров при выборах в Учредительное собрание и относились враждебно к тем реквизициям продовольствия и лошадей, какие проводили советские органы власти в их уездах, с це-

люю возместить потери, причиненные германской оккупацией Украины. Здесь поистине можно было вспомнить о Вандее — почва для антисоветской и антибольшевистской пропаганды была благоприятной. Французская военная миссия могла, кроме того, обратить гнев, который питали кулаки против коммунистической Москвы и Петрограда, также против тех, которые подписали Брест-Литовский мирный договор. К этому надо прибавить, что этой богатой крестьянской касте удалось в большой степени овладеть Советами в юго-восточных губерниях. Хотя они численно часто оказывались в меньшинстве, они в силу своего богатства и влияния все же сохраняли контроль над Советами. Таким образом, бедный иммиграционный элемент и местные батраки были почти беззащитны и оказывались в состоянии оказать в этих районах действенную поддержку центральным Советам Москвы и Петрограда.

Восстание чехословаков вдоль поволожско-сибирской железнодорожной линии не осталось без непосредственного влияния на Добровольческую армию Алексева на Северном Кавказе и дало возможность великодержавным, всероссийским элементам, которые стояли за немедленное наступление на Москву, приобрести главенствующую роль. Трудности были, однако, в том, как будет осуществляться подвоз боевой техники при наступлении далеко за пределами кубанских и терских степей. Друзья Антанты в Национальном центре находились в трудном положении, ибо Антанта не могла им послать никакой материальной помощи через Персию, а Черное море было блокировано турками. То, что им нужно было, они могли получить только с помощью немецкого Генерального штаба, на Дону и на Украине. Последний вместе со своими протеже Правым центром в Киеве и ген. Красновым в Новочеркасске подготавливал тогда наступление на север против Москвы, чтобы положить конец «ленинскому режиму», и это несмотря на протесты немецких дипломатов, которые считали, что еще не созрело время для того, чтобы открыто порвать Брест-Литовский мирный договор. То, что немецкая военная партия была готова оказать помощь Добровольческой армии Алексева на Северном Кавказе и что эта армия, несмотря на ее ярко выраженные дружественные отношения к Антанте, решалась принять эту помощь, сохраняя полное душевное спокойствие, надо рассматривать как свершившийся факт¹³. Так, в течение июня 1918 г. можно было наблюдать чрез-

---

¹³ См. статью члена немецкого Генерального штаба на Востоке, которую напечатал выходящий в Берлине орган милитаристов «Der Gad» от 12 декабря 1919 г. (Прим. авт.)

вычайное зрелище: вокруг Советской России сближались вместе немецкие и пронемецкие русские вооруженные силы, а также чехословацкие и проантантовские русские вооруженные силы, образуя большой полукруг, который простирался от Волги до Украины. Проантантовские элементы оправдывали свой поход на Москву утверждением, что они восстанавливают фронт против немецкого элемента этого полукруга. Немецкий элемент оправдывал соответствующим образом собственное наступление, утверждая, что он хотел бы создать фронт против проантантовского элемента полукруга. Хотя они тогда и не хотели этого принимать, союзники и центральные державы оказывали друг другу помощь для достижения своей истинной цели — свержения советской республики. Как писали официальные «Известия» в своей передовой статье от 5 июня, союзники и центральные державы были похожи на двух львов, которые охотились за одной и той же антилопой, и наполовину бессознательно помогали друг другу при дележке добычи. То, что они будут спорить о разделе добычи, если она будет в их руках, было, конечно, чрезвычайно вероятно. Но добычу было не так-то легко получить!

На первой неделе июня началось всеобщее наступление против Советов. Ген. Краснов с оружием, поставленным немцами, и с немецкими офицерами, назначенными для руководства военными операциями, выступал со своими казаками в северном направлении на Царицын, расположенный на Волге. Одновременно под командованием французских офицеров чехословацкие вооруженные силы, которые овладели в последние дни мая Сызранью, начали наступление на Самару. Красная гвардия Самары была, таким образом, отрезана от всякой связи с Центральной Россией и к тому же ей угрожали с тыла части оренбургских казаков, которые наспех были мобилизованы атаманом Дутовым¹⁴ и вооружены французской военной миссией. При первом столкновении с чехословацкими войсками, приближавшимися с запада, они отступили и бежали. Совет в Самаре был немедленно отстранен от власти в то время, как правые эсеры с Союзом возрождения России и депутаты правого крыла Учредительного собрания от юго-восточных губерний объявили себя в Самаре Временным всероссийским правительством. Была объявлена всеобщая мобилизация в Народную армию, которой предстояло продвинуться к Москве и восстановить Восточный фронт против немцев. Консулы

¹⁴ А.И. Дутов (1879–1921) — полковник, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (1917 г.), в ноябре 1917 г. возглавил вооруженное выступление против советской власти в Оренбурге.

стран Антанты в Самаре полностью признали это правительство. Между тем пронемецки настроенный Краснов выступил со своими казаками и немецкими офицерами против Царицына, который с первых дней Февральской революции стал крепостью коммунистов, опиравшихся на многочисленных рабочих волжского речного транспорта. Последние были спешно организованы в красные батальоны и отбили атаку немецких наемников. Таким образом, между вооруженными силами пронемецкого Краснова, с одной стороны, и проантантовскими чехословаками и казаками Дутова — с другой оставалась лишь узкая полоска земли. Эта полоска охватывала Волгу между Царицыном и Камышином, и именно сюда ЦИК Советов в Москве решил послать подкрепления из рабочих батальонов.

6 июня я посетил Комиссариат иностранных дел и разговаривал с Радеком¹⁵, руководителем Отдела Средней Европы. Было видно, что он чрезвычайно хорошо информирован об отношениях между чехословацкими legionерами и военными миссиями союзников. Он сказал, что среди чехословаков было известное количество интернационалистов-социалистов и коммунистов, и некоторые из них присутствовали, когда офицеры французской военной миссии предложили чехословацким офицерам точные планы насильственного свержения советской республики. Эти интернационалисты и коммунисты образовали теперь особые чехословацкие красные батальоны, которые должны быть посланы против их заблуждающихся братьев. «Но, — сказал Радек. — Хотя мы и полны решимости разоружить чехословацких добровольцев прежде, чем мы им разрешим покинуть Россию, мы все же намереваемся сделать это, если это хоть сколько-нибудь возможно, путем мирного переубеждения. Мы поручили нашим чешским друзьям-интернационалистам разъяснить добровольцам положение и предоставить им после разоружения либо в качестве частных лиц уйти за границу, каким путем они хотят, либо остаться в России, где им в этом случае будет предоставлена полезная отвечающая интересам общества работа. Советское правительство также готово обсудить с правительствами Антанты вопрос о том, как быть с чехословаками. Одного только мы никогда не потерпим, а именно того, чтобы Советская Россия стала добычей каких-либо военных авантюристов, которых за граница снабдит достаточным количеством денег и пулеметами.

¹⁵ К.Б. Радек (1885–1939) — с ноября 1917 г. заведующий Отделом внешних сношений ВЦИК, член коллегии Народного комиссариата иностранных дел РСФСР, в декабре 1918 г. в Германии, где в 1919 г. арестован, в январе 1920 г. освобожден и выехал в Москву.

Именно потому, что мы знаем, что военные миссии Антанты предприняли попытку использовать чехословаков в целях переворота, мы решили настаивать на разоружении. Если союзники действительно придают такое значение тому, чтобы выволить чехословаков из России, то почему же они тогда задерживают транспорты во Владивостоке и препятствуют уезду десяткам тысяч чехословаков, которые туда уже прибыли?»

В этот же день я телеграфировал в «Манчестер гардиан» об этой беседе, но отчет был изъят военными цензорами союзников. Между тем слухи, распространяемые агентами военных миссий союзников, достигли Гельсингфорса, а оттуда были переданы по телеграфу прессе стран Антанты. Эти слухи вращались вокруг рассказов о «заговоре» между большевиками и немцами и содержали подробности о мнимых дружественных переговорах между Лениным и кайзером, а также о соглашениях, согласно которым чехословаки должны были быть выданы Австрии. Против такого рода сообщений цензоры Антанты ничего не могли возразить, сети международного заговора против советской республики заплетались все туже.

11 июня чехословаки выступили вдоль Волги в направлении Симбирска; союзники между тем заявили через своих неофициальных представителей в Москве и свои военные миссии, что они берут чехословаков под свое покровительство. Принимая во внимание серьезность положения, я послал следующую телеграмму в «Манчестер гардиан»: «Последние десять дней доказали, что задача поддерживать порядок в стране и подавлять анархию становится для советского правительства с каждым днем все более трудной. События, происходящие на Волге и в различных пунктах Транссибирской железнодорожной магистрали, недвусмысленно доказывают, что чехословацкие вооруженные силы отнюдь не ведут справедливую оправданную борьбу против большевистского террора в целях самозащиты. В этом смысле достаточно показательным, что в каждом городе Восточной России и Сибири, которые им удалось захватить, они арестовывают депутатов местных Советов и ставят на их место власти, опирающиеся на кадетов, правых эсеров и казачьих офицеров. И если в это же самое время здешние французские военные миссии и дипломатические представители стран Антанты берут под свою защиту чехословаков, — а они это делают, — то ясно, что они поддерживают мятеж против советских властей и финансируют разгул анархии в стране. Поэтому они не вправе с благочестивым видом утверждать, будто они не вмешиваются во внутренние дела России и в происходящей борьбе двух противостоящих классов страны не помогают одному классу про-

тив другого. Из поступившей сюда телеграммы из Лондона мы узнали, что союзники не могут признать советское правительство ни де-факто, ни де-юре якобы потому, что оно представляет лишь один из классов общества. Не следует ли, в связи с этим, заключить, что союзники откажутся признать де-факто или де-юре — такое русское правительство, которое состояло бы из помещиков, банкиров, богатых крестьян и интеллигентов, прислуживающих этим классам, — правительство, которое называло бы себя “демократическим” — откажется его признать, поскольку оно также представляло бы собой только один класс? Между тем как раз это они и делают, признавая правительство, поставленное чехословаками в Поволжье. Союзники могут, конечно, утверждать, что их цель — создать некое национальное коалиционное правительство, охватывающее все слои, от помещиков до большевиков включительно, чтобы бороться против германского империализма. Но здесь никто, даже и самый ярый антибольшевик, не принимает подобные утверждения всерьез. Кроме того, достаточным доказательством невозможности формирования подобного правительства служит судьба Керенского. Это выглядело бы точно так же, как если бы Британской социалистической партии приписали намерение вступить в военный кабинет Ллойд Джорджа¹⁶ или предложили немецким независимцам стать коллегами Гинденбурга¹⁷ и Людендорфа¹⁸. С другой стороны, если союзники поставят у власти в России открыто-правое правительство, которое, как это должно делать каждое подобное правительство, станет руководствоваться интересами тех элементов, какие вокруг него группируются, т.е. помещиков, банкиров и состоятельных людей, — то рабочие, недовольные сейчас советским правительством из-за переживаемой ими голодной нужды, и крестьяне, сопротивляющиеся принудительным реквизициям, обратят свои удвоенный гнев против союзников. Так будет создана почва для второй и еще более насильственной революции. Поучительным тому примером служит Украина, где крестьяне после установления германской оккупации, всего лишь несколько недель тому назад, восстали против диктатуры крупных помещиков, олицетворяемой Скоропадским¹⁹. Восстание на Украине является не национальным, а классовым, и подобные явления обнаружат-

¹⁶ Д. Ллойд Джордж (1863–1945) — премьер-министр Великобритании (1916–1922).

¹⁷ П. Гинденбург фон (1847–1934) — главнокомандующий германскими войсками на Восточном фронте (1914–1916).

¹⁸ Э. Людендорф (1865–1937) — генерал, в 1916–1918 гг. фактически руководил действиями всех вооруженных сил Германии.

¹⁹ П.П. Скоропадский (1873–1945) — генерал, гетман всея Украины в 1918 г.

ся в любой части России, где союзники назначат правительство кадетов и помещиков, прикрытое “демократической” вывеской. Времена, когда образование национального коалиционного правительства в России было возможно, миновали, и капиталистический лев более не может мирно растянуться рядом с пролетарской овцой, разве что при том условии, что он ее сожрет. Если союзники преследуют цель создать в России правительство, состоящее из кадетов, помещиков и представителей имущих классов вместе с их прислужниками из среды интеллигенции, то их детище будет, правда, иметь весьма импозантный внешний вид, но подобно поставленному у власти на Украине пруссаками — которым они подражают — правительству Скоропадского, будет представлять собой в действительности колосс на глиняных ногах. Те, чьи интересы связаны с завоеваниями революции, будут только подливать масло в огонь большевизма, а большевизм, обреченный скрыться в подполье, позже вырвется наружу с еще большей яростью».

Эта телеграмма представляла собой отчаянную попытку с моей стороны дать почувствовать социалистическим и демократическим силам в Англии серьезность положения, в которое ввязались союзники в том, что касалось России. Этот мой отчет благодаря счастливой случайности миновал цензуру союзников и появился несколькими днями позже в «Манчестер гардиан». 19 июня я получил телеграмму от главного редактора, который дал мне поручение выяснить, готово ли советское правительство вступить в торговые отношения с Англией, что оно могло бы предложить и каковы были бы его главные требования. 20 июня я разговаривал с Чичериным²⁰ и сообщил ему содержание телеграммы.

Комиссар иностранных дел сделал мне в связи с этим следующее заявление: «В настоящее время советской республике угрожают враждебные силы двух коалиций, которые в действительности, хотя и того или нет, помогают друг другу. Что касается центральных держав, то планы германских дипломатов направлены, по-видимому, к тому, чтобы отрезать хлебную житницу юга от Центральной России в надежде, что голод подкосит власть советского правительства, которое затем будет окончательно свергнуто казаками Краснова. Советское правительство не желает разрывать Брест-Литовский мирный договор, но, если его доведут до крайности, не остановится перед открытым разрывом с Берлином. Если другая коалиция — союзников — серьезно хочет париро-

²⁰ Г.В. Чичерин (1872–1936) — в 1918–1930 гг. нарком иностранных дел РСФСР (СССР).

вать удар, который германский Генеральный штаб намеревается нанести России, то первым практическим шагом, который им следовало бы предпринять, являлось бы признание правительства России. Второй шаг мог бы состоять в том, чтобы прийти нам на помощь в области экономики, оказав действенную поддержку делу восстановления промышленного и сельскохозяйственного производства страны. Мы знаем трудности, какие испытывают союзники в отношении тоннажа, и понимаем, что не можем рассчитывать на посылку пароходов с продовольствием для голодающих губерний севера, но мы могли бы просить их о посылке судов с сельскохозяйственными орудиями и машинами для починки наших железных дорог, советское правительство было бы готово, в качестве ответного шага, в обмен на эти услуги поставить известные виды сырья, большими запасами которого мы еще располагаем, а также передать в концессию лесные массивы и объекты железнодорожного строительства в северных районах, о которых подробнее можно было бы в последующем договориться. Мы уже сделали Германии предложение о переговорах на этой основе, а также передали аналогичное предложение Америке через полковника Робинса²¹, который в настоящее время находится на пути домой. Мы еще не направили предложения подобного рода Англии, ибо не знаем, выражают ли дружественные слова, направленные господином Локкартом²² в наш адрес, взгляды британского правительства или лишь его собственные взгляды. Тем не менее я хотел бы добавить, что условия, которые мы были бы готовы предложить Англии, в принципе не отличаются от тех, которые были сделаны Германии и Соединенным Штатам. Следует, однако, подчеркнуть, мы никогда и ни при каких обстоятельствах не допустим того, чтобы рабочих и крестьян России превратили в пушечное мясо для союзников».

Здесь следует отметить, что предложение советского правительства возобновить торговые отношения с Англией относилось, как это видно из моей беседы с комиссаром по иностранным делам и из упомянутой выше телеграммы в газету «Манчестер гардиан», еще к лету 1918 г. Сколько раз возобновлялось вновь и вновь это предложение в течение того же самого года и двух последующих лет! О том, что большевики делали его вполне искренне и серьезно, говорит и дальнейшее свидетельство тогдашнего британского консула в Архангельске Дугласа Юнга, который

²¹ Р. Робинс (1873–1954) — американский экономист и писатель, сторонник дипломатических отношений между США и Советской Россией.

²² Р. Локкарт (1887–1970) — британский дипломат, журналист и писатель.

в ответ на письмо, направленное адмиралом Кемпом²³ в «Таймс» 14 декабря 1918 г., писал: «Они были до последнего момента готовы достигнуть соглашения с нами на основе принципа обмена товарами, но они не хотели продать свое первородство — право противодействовать нашей высадке, которая произошла не по их приглашению — за чечевичную похлебку союзников, какую бы суровую нужду они ни испытывали сами». Девять дней спустя (23 июня) из Мурманска в Москву прибыла английская экономическая комиссия с полномочиями обсудить возможность заключения торгового соглашения с Советской Россией. Было ясно, что во всяком случае на короткое время в Лондоне победил голос разума. Но бряцание оружием должно было скоро его заглушить. На следующий день я пошел в изысканную гостиницу, чтобы поговорить с одним знакомым мне членом комиссии. Но как я там же узнал, комиссии было через 24 часа после ее прибытия по телеграфу приказано немедленно возвратиться в Мурманск и отложить переговоры на неопределенное время. В ту же ночь мы узнали в Москве, что союзники высадили войска в Мурманске и объявили тамошний Совет «независимым от советских властей в Петрограде и Москве». Это было ясным доказательством того, что тех людей в Лондоне, которые были ответственны за посылку экономической комиссии в Москву, подмяла под себя какая-то другая группа в лагере Антанты. Было нетрудно видеть, что те самые люди, указаниям которых следовала французская военная миссия в Москве, выдвигая на сцену чехословацкий мятеж, несли ответственность за создание этого нового звена в кольце, которым окружили Советскую Россию. Ведь захват побережья в Мурманске отрезал последний ее выход к внешнему миру. Советская республика была теперь совершенно изолирована.

Совершенно ложное впечатление было создано официальными сообщениями союзников о северорусской экспедиции. Депеши лорда Роулинсона, выдержки из которых появились недавно в английской прессе²⁴, пытаются представить дело так, как будто союзники высадились на Мурманском побережье в соответствии с прямой просьбой советского правительства, а затем, после высадки, подверглись-де предательскому нападению со стороны красногвардейцев и были опять удалены Советом народных комиссаров. Правда то, что Совнарком в мае дал свое согласие на заключение соглашения между Советом в Мурман-

²³ Т. У. Кемп (1866—1928) — британский адмирал, один из участников военной интервенции на Севере России.

²⁴ См. «Таймс» от 9 апреля 1920 г. (Прим. авт.)

ске и морскими властями союзников, согласно которому Мурманское побережье должно быть свободно от немецких подводных лодок и белых финских банд. В течение мая я не раз замечал сочувственное отношение в Комиссариате иностранных дел в Москве к идее предоставить британскому флоту охрану нейтралитета Мурманской области. Если бы эта позиция получила поддержку, то союзники могли бы добиться всего того, чего они якобы требовали, а именно предотвращения создания в этих водах базы для немецких подводных лодок. Но как только пришло известие, что войска союзников высадились в Мурманске и движутся вглубь страны в направлении к Кеми и Петрограду, эта позиция тотчас же изменилась.

Вскоре отношения стали все более и более омрачаться, и 11 июня «Известия» опубликовали следующее заявление: «Положение на Мурманском побережье в последние дни превратилось в открытую войну между вооруженными силами союзников и советского правительства. Британские, французские и сербские войска продвинулись вглубь страны и овладели железнодорожной линией между Мурманском и Сорокой. Вчера они продвинулись на 11 верст на юг от Сороки. Вдоль всего пути следования войска Антанты подчинили своей власти занятую ими территорию и расстреливали каждого, кто сопротивлялся их приказам. В Кеми сербские солдаты по приказу британского коменданта расстреляли трех членов местного Совета товарищей Малышева, Каменева и Витсуна. Герасимов, политический комиссар, арестован. Сорока была взята англичанами после бомбардировки с моря. Британский представитель в Москве господин Локкарт отрицал факт расстрела, совершенного в Кеми, но расследования, проведенные позже на месте делегацией, направленной из Архангельска, подтвердили этот факт. Официальные «Известия» 30 июля опубликовали отчет представителя Совета из Архангельска, который содержал следующие строки: «Представители союзников в Кеми уверяли нас, что наши убитые товарищи силой сопротивлялись продвижению союзников и будто бы были убиты в бою, но у нас есть очевидцы, которые утверждают противоположное». И в телеграмме американскому послу Фрэнсису²⁵ в Вологде Чичерин, упомянув эти факты, добавил следующее: «Эти передвижения войск союзников в Северной России не имеют ничего общего с немецкой опасностью, которая угрожает со стороны Финляндии, так как Финляндия расположена юго-западнее Мурманского побережья. Эти передвижения направлены скорее на юго-восток, против

²⁵ Д.Р. Фрэнсис (1850–1927) — посол США в России в 1916–1918 гг.

сердца Советской России и означают открытое объявление войны советской республике»²⁶.

Официальная версия, которая тогда в Англии была предложена публике, состояла в том, что советское правительство якобы заключило с белым финским правительством договор, согласно которому Россия уступала Финляндии весь полуостров Печенга, включая Мурманское побережье. Далее утверждали, что поскольку белое финское правительство является орудием в руках немецкого Генерального штаба, то союзники по праву могли предполагать, что советское правительство имеет намерение допустить переход побережья в руки немцев. Кроме того, говорилось далее, советские власти якобы отгрузили уголь из этой местности и продали его немцам. Последнее утверждение было абсурдно, ибо достаточно только вспомнить, что в Северной России не только не было угля, чтобы вывозить его в Германию, но даже немцы на основании особого экономического соглашения, заключенного осенью 1918 г. перед их крушением, поставили в Петроград два транспорта с углем, предназначенным для Северной России. Что касается мнимого договора между советским правительством и белой Финляндией, то я узнал правду об этом в разговоре с Радеком 10 июня. Его изложение состояло в следующем: «Советское правительство уступило западную часть полуострова Печенга революционному правительству Финляндии в феврале 1918 г. Это правительство ныне более не существует, и на его месте появилось "белое" финское правительство, с которым советское правительство хотя и не находится в состоянии войны, но и не заключило еще формального мира. Как только красное правительство Финляндии было свергнуто, советское правительство объявило недействительным договор, по которому западная часть полуострова Печенга должна была отойти Финляндии. В любом будущем договоре между советским правительством и белым правительством Финляндии весь этот вопрос в целом будет еще раз затрагиваться. До сих пор никакие переговоры еще не начаты, ибо нужно учитывать поведение германского Генерального штаба на востоке, который приказывает окружить все Мурманское побережье подводными лодками и тем лишает нас возможности пользоваться этим побережьем, фактически нас блокирует. Против этого советское правительство заявило решительный протест и предупредило германское правительство о том, что оно оставляет за собой право в любой момент призвать третью державу оказать ему поддержку в обеспечении нейтральности Мурманского побережья.

²⁶ Correspondance diplomatique... С. 27.

Однако образ действия союзников исключает всякую возможность для них стать этой третьей силой». Существо этого разговора я изложил в телеграмме, посланной в редакцию «Манчестер гардиан», но цензоры союзников, по-видимому, опять оказались того мнения, что самая важная часть ее содержания, а именно упоминание о желании Советов обеспечить нейтральность Мурманского побережья, а также о возможности сотрудничества союзников при осуществлении этой цели, — «по военным соображениям» не подлежит публикации!

Во второй половине июня в прессе стран Антанты началась шумная кампания, развернутая при содействии официальных агентств печати, которая имела целью доказать, что чехословаки боролись против формирований, образованных из военнопленных немецких и австрийских солдат, которые не хотели пропустить их во Владивосток. Почти ежедневно агентство Хавас распространяло сообщения, которые якобы поступали из Сибири через Японию и говорили о том, что немецкие пленные в Иркутске, действуя под руководством немецких офицеров, восстали, оказали советским войскам сопротивление и захватили власть в Восточной Сибири с целью воспрепятствовать чехословакам покинуть страну. 25 июня я увидел в Комиссариате иностранных дел Чичерина, который показал мне телеграмму, только что полученную Советом народных комиссаров от Иркутского совета. Телеграмма описывала общее положение в Восточной Сибири. Несмотря на восстание чехословаков в Западной Сибири и вдоль железнодорожной линии, на Дальнем Востоке все было спокойно. Советская власть была прочна, как никогда, вооруженные силы Семенова²⁷ в Забайкалье отступили по ту сторону маньчжурской границы, а немецкие и австрийские пленные, безоружные, находились в своих лагерях. Немецкий посол в Москве, правда, послал туда агентов, которые должны были попытаться добиться их отправки в Германию, где они должны были вновь вступить в немецкую армию. Какая-то их часть была готова так и поступить; многие другие пожелали остаться пленными, так как им в Сибири жилось лучше; другие были интернационалистами и приняли русское гражданство. Последним было разрешено вступить в Красную армию, которая тогда начала формироваться в Восточной Сибири. Позже она насчитывала не более трех батальонов. Некоторые из венгерских коммунистов сформировали особый корпус и угрожали расстрелять всех немецких и австрийских агентов, которые бы прибыли с заданием пере-

²⁷ Г.М. Семенов (1890–1946) — казачий атаман, деятель Белого движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

править пленных в Европу²⁸. 25 июня я послал выдержки из сообщения Иркутского совета в виде телеграммы в «Манчестер гардиан», но телеграмма была задержана цензором союзников, который был заинтересован в том, чтобы сделать достоянием публики только провокационные фальшивые сообщения, распространившиеся из Парижа.

Описанные выше события оказали глубокое влияние на революционное общественное мнение, в первую очередь на рабочие массы Петрограда и Москвы. 1 июля я присутствовал на общем собрании Московского совета и Московского совета профсоюзов в бывшем Дворянском собрании. Троцкий²⁹ сделал отчет о военном положении на фронтах против чехословаков, прусских банд Краснова и франко-британских вооруженных сил, высадившихся в Мурманске. Красные рабочие батальоны, сказал он, были посланы из Петрограда против французов и англичан, ибо советская республика не потерпит, чтобы эти иностранные белогвардейцы шатались по окраинам России. Прежде всего необходимо приступить к роспуску недисциплинированных отрядов Красной гвардии, которые к началу революции были созданы для таких потребностей, которые ныне не существуют, перевести их в дисциплинированную Красную армию под командованием начальников, подчиненных советской центральной власти. Им не нужно будет бояться слова «дисциплина», которая является необходимым дополнением к диктатуре пролетариата и без которой международный заговор капитала против русской революции не может быть разгромлен. Им предстоит создать Красную армию, которая показала бы всему миру, что русские рабочие и крестьяне умеют защищаться от мира эксплуататоров, выступивших против них с оружием. Они должны будут оказать этой армии материальную поддержку, предоставить ей техническую и моральную базу, передать ей свою внутреннюю сплоченность и традиции. Прусская армия была построена в результате серьезных усилий на основе военных традиций многих поколений. Молодежь Германии воспитана в том духе, чтобы видеть в прусской армии мощный инструмент, способный поддержать и умножить честь и славу дома Гогенцоллернов. Именно таким путем немецкие юнкеры и капиталисты приковали германские массы к своей военной колеснице и удерживали

²⁸ То же самое сообщал американский военный атташе в Пекине Уолтер Дризделл, который был послан самими союзниками уже в марте 1918 г. в Сибирь, чтобы выдвинуть там возражения относительно лагерей для австрийских и немецких пленн. (См. *Correspondance diplomatique...* С. 4–5.) (Прим. авт.)

²⁹ Л.Д. Троцкий (наст. фам. Бронштейн) (1879–1940) — в 1918–1925 гг. нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета Республики.

их в экономическом рабстве. «Начиная с сегодняшнего дня мы хотим, — сказал Троцкий, — поставить перед собой задачу построить другую великую армию. Мы хотим воспитать русских молодых рабочих и крестьян в том духе, чтобы они приучились рассматривать профессию воина, носящего оружие для защиты своего социалистического отечества, как самую почетную профессию, к выполнению которой только может быть призван мужчина. Мы хотим создать собственные военные традиции, но не для того, чтобы увековечить власть эксплуатируемых, а ради славы международной солидарности рабочих всех стран».

Когда Троцкий произнес эти слова, все присутствующие — рабочие Москвы — поднялись со своих мест и устроили овацию, не знавшую конца. Первый приказ о мобилизации, изданный в этот день, касался только призывников из числа рабочих Московского промышленного района двух лет очередного призыва. Спустя 24 часа я узнал, что 80% людей, внесенных в списки, явились и должны были быть направлены в лагерь и бараки. Теперь лозунгами дня среди рабочих промышленных центров стали лозунги централизации и милитаризации. Покидая Колонный зал, я задавал себе вопрос: не вступит ли ныне революция в наполеоновскую фазу?

Глава. 20. Вторая аграрная революция. Большевики подавляют левых эсеров

Железное кольцо, которое стиснуло теперь советскую республику, лишило ее голодающие города последних резервов зерна. В предыдущий год (1917) урожай по всей России составил 881 млн пудов, что означало по сравнению со средним урожаем довоенного времени уменьшение примерно на одну треть. Из них только Украина поставила 510 млн пудов. Теперь промышленные районы Северной и Центральной России жили, в сущности, лишь за счет тех излишков зерна, которые они были в состоянии выменять в нормальные времена на фабричные товары всех видов у губерний юга, юго-востока и востока. Настойчивость, с которой немецкие империалисты старались отрезать Россию в Брест-Литовске от ее самой большой житницы, свидетельствовало не только о размерах их собственных потребностей, но и об их стремлении задушить экономическую жизнь советской республики. Несмотря на это, летом 1918 г. в областях, которые находились вне немецкой оккупационной зоны, имелся 871 млн пудов зерна, оставшегося от прошлого года. В Западной Сибири

и на Северном Кавказе оставался примерно 201 млн пудов зерна, в губерниях Южного Поволжья — 132 млн пудов, в то время как в южной части центральных губерний все еще имелся 51 млн зерна³⁰. Но июньские события отняли последнюю надежду на то, что удастся прокормить голодающие города Северной и Центральной России запасами зерна из Сибири, Северного Кавказа и губерний Нижней Волги. Французская военная миссия и Военный совет стран Антанты в Париже позаботились о том, чтобы продолжить выполнение начатой немецкими империалистами задачи — поставить на колени республику с помощью голода. Ибо именно таков был непосредственный результат Чехословацкого восстания. И в руках Советов не осталось ничего, кроме 51 млн пудов, находившихся в Воронежской, Тамбовской, Пензенской и части Тульской и Курской губерниях. Как будто специально для того, чтобы еще больше усугубить положение, эти запасы зерна находились по большей части в руках деревенских ростовщиков, либо довольно зажиточных мелких крестьян, которые не хотели расстаться с ними без надлежавшего вознаграждения.

Серьезное положение, в котором очутился городской пролетариат Северной России вследствие контрреволюционного нападения летом 1918 г., вызвал серьезный внутренний кризис в самой советской республике. Гроза, которая давно уже появилась на горизонте, теперь разразилась. Определенные слои сельского населения, которых обычно называют «кулаками», примкнули с первого дня к революционным элементам городов по той простой причине, что при разделе дворянских поместий им улыбалась личная выгода. Они мечтали только о том, чтобы самим стать зажиточными помещиками и разбогатеть благодаря нужде, переживаемой городами. Они цеплялись за веру мелкого буржуа в то, что чулок, полный денег, даже если это деньги бумажные, уж как-нибудь проведет их сквозь трудные времена. Они сразу увидели перспективу нажиться за счет революции, когда советские комиссары обратили внимание на этот 51 млн пудов зерна. Но часть этих запасов зерна находилась в руках «среднего» крестьянства. Это последнее в подавляющей части оставалось верным сельской общине (миру), каждые пять или шесть лет участвовало вместе с остальными членами общины в переделе всей общинной земли. Скудный доход, который им давала обработка земли, эти люди дополняли тем, что объединялись в маленькие артели, в которых производились всевозможные изделия ручной работы, например плетеные

³⁰ Эти цифры приведены комиссаром продовольствия на съезде Советов народного хозяйства в конце мая 1918 г. (Прим. авт.)

корзинки, украшения из дерева, обувь и т.д. Во время войны они проявили известный коммунистический инстинкт, вступая в кооперативные потребительские товарищества и становясь главной их опорой. Но и они не могли избежать искушения заработать на голодании населения городов. По мере того как голод в городах становился все более жестоким, коммунистические инстинкты этих мелких крестьян ослабевали, тогда как их индивидуалистические инстинкты возрастали. Когда местный представитель комиссара продовольствия потребовал, чтобы они поставили имеющиеся у них небольшие излишки зерна через кооперативное общество в кредит, в обмен на фабричные товары, находящиеся в общественном амбаре, они отшатнулись от этого. Они опасались, что Советы не переживут этого кризиса и в этом случае они окажутся обманутыми, ибо контрреволюция не признает заключенный таким образом контракт. Они поддержали революцию, несколько она покончила с помещиками и с царской бюрократией. Более того, они были самыми активными помощниками левых эсеров, даже не испугались территориальных актов старого режима. Но когда дело дошло до вопроса о плодах социальной революции, о создании новой формы общественного устройства на кооперативной основе вместо формы, основанной на соперничестве, они заколебались и стали оказывать сопротивление. Однако в такое время колебаться было нельзя. Тот, кто не шел вместе с городами в их борьбе против международной контрреволюции, тот шел против них.

Но города нашли себе союзников и в деревне. Это были полупролетарские элементы, дополнявшие свой доход от обработки земли, работая часть года в городах или на фабриках, которые в Северной России разбросаны также и в сельской местности. Они усвоили психологию городских рабочих, не теряя, однако, связи с деревней. Поскольку необученные рабочие рекрутировались по большей части именно из их среды, они представляли собой неустойчивую массу, передвигающуюся с места на место. Когда их не было в родной деревне, женщины заботились дома о их наделе. У них редко было больше одной лошади, и когда нужно было пахать или косить, им приходилось одалживать лошадь у кулака, и часто они бывали в долгу перед ними. Так они испытали голод, царивший в городах, получая лишь в незначительной доле выгоду, которую извлекало при этом население села. В их лице городской пролетариат нашел массу, с помощью которой можно было надеяться революционизировать село и добыть хоть что-нибудь из находившегося там 51 млн пудов.

Эти три типа сельских жителей, как я их выше обрисовал, были представлены в различных частях России летом 1918 г. в весьма различных

пропорциях. Добыть ценные цифры о их соотношении было очень трудно, но если взять за основу для определения экономического положения количество живого инвентаря, приходившегося на одну семью в различных районах России за год до революции, и принять во внимание волну переселения и растущее обнищание как следствие войны, то можно получить цифры, которые могут рассматриваться как подходящая иллюстрация, рисующая соотношение всех трех типов³¹. Итак, можно с достаточным основанием принять, что в Московском промышленном районе, в губерниях Верхней Волги и Северной Двины бедный, полупролетарский элемент составлял тогда примерно 40% всего сельского населения, богатые кулаки, имевшие на каждую семью больше трех лошадей — не больше 10%, а все остальные составляли «среднее» крестьянство, которое имело домашние промыслы и принадлежало к числу членов кооперативных товариществ. В южных губерниях Центральной России — там, где находился этот 51 млн пудов — и в губерниях Нижней Волги кулацкий элемент (в данном случае, большей части, богатые крестьяне и скотопромышленники) составляли, вероятно, 30% всего населения, полупролетарии, быть может, 20%, чистые пролетарии или батраки тоже 20% и среднее крестьянство — 30%. Наступление международной контрреволюции толкнуло теперь эти 40% бедных крестьян севера и центра, живущих поденным заработком, вместе с батраками в лагерь голодающих городских рабочих и побудило их перейти в генеральное наступление против 60% кулаков и мелких крестьян. Лозунгом этих последних была «Свобода торговли хлебом!», и поскольку чехословаки, правые эсеры и кадеты из Национального центра обещали им осуществление этого требования, то они начали собираться под знаменем Учредительного собрания в Самаре. Напротив, первая группа решительно стояла за Советы, лозунгом которых — сейчас более, чем когда-либо раньше! — было: «Государственная монополия на предметы первой необходимости» и «Кто не работает, тот не ест». Именно за эти цели и разгорелась летом 1918 г. отчаянная борьба в деревне. Аграрная революция лета и осени 1917 г. была развернута объединенным крестьянством против помещиков, и борьба шла тогда за отмену права любого владельца земли иметь ее больше, чем он может сам обработать. Она завершилась полной победой крестьян. Но та аграрная революция, которая развернулась годом позже и в данный момент еще не закончилась, совершалась и будет совершаться в борьбе между дву-

³¹ См. «Сельскохозяйственную статистику», опубликованную Министерством земледелия. Петроград, 1917. (Прим. авт.)

мя враждебными друг другу силами в рядах самого крестьянства. Теперь идет борьба за право ущемлять интересы одной части сельской общины в условиях, когда важнейшие предметы потребления дорожают. Принцип, поставленный здесь на карту, затрагивает вопрос о неограниченном праве собственника на продукты сельскохозяйственного труда, праве, которому противостоят права общины, потребляющей эти продукты.

Первые признаки предстоящей борьбы в деревне можно было наблюдать 11 июня, когда проблема снабжения городов продовольствием обсуждалась на совместном заседании Московского совета и Центрального комитета всероссийских профсоюзов. Состояние снабжения в Петрограде и Москве постепенно принимало все более критический характер. Живя в меблированной комнате на Арбате, я получал в мае, как правило, по четверть фунта хлеба на день. Я дополнял этот паек случайными покупками по вольным ценам на Сухаревском рынке. Но четверть фунта скоро превратилась в восьмушку, а после Чехословацкого мятежа и та совсем исчезла. А цены, по которым можно было купить на Сухаревке, были доступны только людям с полным карманом денег. В рабочих кварталах Москвы все громче слышался ропот недовольства. Часто можно было слышать суждения такого рода: большевистский режим должен добыть продовольствие или убираться прочь. Показательным для образа мыслей этих слоев было замечание, которое я услышал из уст одного из швейцаров московского Большого театра, когда я ждал открытия совместного заседания Советов и профсоюзов. «Что-то неладно, — сказал он, — если голод будет расти так, как рос до сих пор. Они должны добыть хлеб в деревне, либо мы пойдем и добудем его сами». Это действительно была проблема: как получить тот 51 млн пудов, который находился в руках кулаков и мелких крестьян?

Обсуждение началось с доклада представителя Комиссариата продовольствия. Было выдвинуто требование — при создавшемся положении особенно не церемониться. Революция была в опасности, если бы не удалось добыть для городов этот 51 млн пудов зерна, ибо в этом случае рабочие были бы не в состоянии выступить на борьбу против «белогвардейских бандитов, которые захватили донские и приволжские губернии». Совет народных комиссаров предложил провести чистку местных крестьянских Советов в определенных губерниях, ибо многие из них попали в руки кулаков и мелких крестьян, отказывавшихся выполнять распоряжения центрального Совета и саботировавших снабжение городов продовольствием. Ввиду этого предложили создать в каждой деревне и в волости Комитеты бедных крестьян. В соответствии с конституцией республики никто

не имел права избирать и быть избранным, если он жил трудом другого. Было необходимо видоизменить эту статью и придать ей более широкий смысл. Чтобы обосновать лишение человека активного и пассивного избирательного права, теперь было достаточно установить не только то, что он эксплуатирует рабочую силу другого, но и то, что он обладает запасом продовольствия, превосходящим его личные потребности, или участвует в незаконной торговле сельскохозяйственными продуктами, составляющими монополию государства. Комитеты бедных крестьян должны были стать сельскими Советами в тех уездах, где старые Советы попали в руки кулаков и спекулянтов. В тех уездах, где мелкие крестьяне, обладающие не сданными запасами зерна, держали под своим контролем Советы, комбеды должны были наблюдать за деятельностью этих Советов во всем, что касалось реквизиции продовольствия. Им поручалось, далее, подсчитывать количество зерна, какое каждая семья имела право оставить для себя лично и сколько должна была сдать, и следить за тем, чтобы предписанное к сдаче количество действительно было сдано. Кроме того, Центральному комитету профсоюзов поручалось составить списки рабочих, готовых вступить в продовольственную армию. Этой армии предстояло выехать в сельские уезды, имевшие излишки зерна, и, в случае просьбы местных Комитетов бедных крестьян, применить принудительную реквизицию.

Вслед за тем поднялся Троцкий. Он выглядел необычно озабоченным, ибо в этот день поступили дурные известия с чехословацкого и донского фронтов. Продовольствие для Красной армии должно быть реквизировано при всех условиях, сказал он. В противном случае все его усилия, направленные на создание военного аппарата для защиты республики, оказались бы напрасными. «Если реквизиции означают гражданскую войну, между кулаками и деревенской беднотой, тогда да здравствует гражданская война!» — воскликнул он. Помню, что, когда, находясь наверху, на галерее, я услышал эти слова, я сказал себе: «Это, несомненно, агония русской революции». Я содрогнулся при мысли о той мрачной пропасти, в которую, как мне казалось, я видел, катилась Россия, и в эту минуту отчаяния мой мозг на мгновение пронизала мысль, что капитуляция перед международными кровососами была бы, быть может, лучшим исходом, чем прыжок в эту пропасть. Но я был в это же время поражен бесстрашием, с каким большевики наносили удар своим врагам. Это казалось мне тогда единственным лучом надежды: безграничное мужество людей, в руках которых находились судьбы революции.

Затем выступил кто-то из левых эсеров. Он гневно упрекал большевистских комиссаров за внесение проекта декрета, нарушающего кон-

ституцию и означающего гражданскую войну в деревне. Если они хотели получить в свои руки этот 51 млн пудов, то им следовало оказать доверие крестьянам, которые никогда не оставили бы в беде в час нужды своих братьев, городских рабочих. А большевики, напротив, натравливают в деревне одних крестьян на других и тем ослабляют фронт против подлинной контрреволюции, усматривая врагов там, где их нет и в помине. Самому крестьянству следовало бы предоставить возможность беспрепятственно строить свои коммуны и общественные организации, без вмешательства большевистских комиссаров. Только так будет возможно разрешить продовольственный вопрос в городах. «А что вы хотите сделать для нас сегодня? — раздался голос. — Мы умираем от голода, а контрреволюция не ждет!» Но левозероковский оратор продолжал свою речь в прежнем тоне. Его речь ясно показывала, что эта партия скрывала за анархистскими фразами предубеждения мелких земельных собственников, ибо какая разница существовала между теми, кто домогался свободной торговли зерном и теми, кто нападал на власть комиссаров, стремящихся провести в жизнь декрет о государственной монополии? В чем была разница между свободой извлекать выгоду из того, что голодают другие, и стремлением освободиться от раздражающих ограничений, введенных централизованной государственной властью?

Но левым эсерам не было суждено выиграть эту битву, развернувшуюся на заседании центрального Совета и профсоюзов. Подавляющее большинство голосов принадлежало городскому рабочему люду, который в основном шел за большевиками. Декрет о создании комитетов беднейших крестьян был принят. Вскоре начались экспедиции в деревню. Вооруженные группы фабричных рабочих проводили проверку в Воронежской, Тамбовской и Пензенской губерниях. Рабочие — коммунисты, оставшиеся безработными в результате нехватки продовольствия и сырья в Петрограде и Москве, приезжали в деревню, где жили их родные, и начинали создавать маленькие группы бедняков и рабочих. Они и становились новыми Советами или Комитетами беднейших крестьян. Кулаки оказывали сопротивление и собирали оружие. Некоторые из мелких крестьян к ним присоединялись. Они отказывались поставлять зерно. Комитет ответил на это роспуском старых Советов и кооперативных товариществ. При этом имели место отдельные эксцессы. В Твери, Туле и Рязани разыгрались настоящие бои, и деревни оказались полуразрушенными. Возбужденные голодом и отчаянием, ибо контрреволюция продвигалась все ближе, комбеды и рабочие городов рассматривали мелких крестьян как предателей, наносящих удары в спину. Те, в свою очередь,

не видя своими глазами ужасной нужды, на которую городское население было обречено немцами и союзниками, и считая, что теперь, когда они уже получили свою долю помещичьих имений, революция закончилась, рассматривали большевиков как орудие некоего нового царизма, которое осмеливается затронуть священную свободу личности.

Если бы этот взгляд получил преобладание, то русская революция действительно остановилась бы на том пункте, которого достигла французская революция, когда якобинцы и другие радикальные слои буржуазии, с революционными фразами на устах, дослали на гильотину предшественников коммунистов за то совершенное ими преступление, что они потребовали реквизиции продовольствия и установления твердых цен на продукты первой необходимости. Но якобинцы лета 1918 г. в России имели перед собой более сильных противников, чем их французские предшественники. Ленин и Троцкий имели за собой более мощную социальную силу, чем та, что имели за собой Варле³², Жак Ру³³ и предводители парижских секций. Комитеты беднейших крестьян выиграли игру. Хотя они и являлись меньшинством, они все же имели в своих руках центральный аппарат и контролировали железные дороги. Они были в состоянии постепенно переубедить отсталые массы жителей отдаленных деревень. Поставки хлеба начались. Правда, мне самому ни разу не довелось отведать плодов этих реквизиций. В то время я питался почти исключительно картофельными очистками и копченой рыбой. Но те, кто были охвачены профсоюзами и являлись членами фабзавкомов, вновь начали получать свой скромный паек (четверть фунта хлеба в день) и им предстояло довольствоваться им до тех пор, пока Красная армия не прогонит чехословаков с берегов Волги.

В то время как кулаки и все те элементы в деревне, которые возлагали свои надежды на новую столыпинщину, ожидали спасения от Национального центра и от Учредительного собрания в Самаре, мелкие крестьяне, согнувшиеся под ударами хлыста комитетов и отрядов по реквизициям, перешли к тому, чтобы продемонстрировать свое собственное понимание свободы. Они не решились обратиться к Национальному центру и к Учредительному собранию, так как инстинкт подсказывал им, что в этой волжской Вандее помещичья реакция рано или поздно достигнет безраздельного господства. Они понимали, что если они хотели спастись от красного порабощения городами и обеспечить за собой

³² Ж.Ф. Варле (1764–1837) — деятель Великой французской революции.

³³ Ж. Ру (1752–1794) — деятель Великой французской революции.

право продавать по своему усмотрению продукты своего труда, то они должны были действовать собственными силами. Им было ясно, что для того нужно предпринять отчаянную попытку сломить мощь городского пролетариата и его представителей, большевиков, и на обломках диктатуры комиссаров провозгласить господство свободных, объединенных в федерацию, крестьянских коммун. Беседы, какие я имел в это время с лидерами левых эсеров, явились для меня убедительным доказательством того, что именно эта цель маячила перед их глазами, хотя они, как и все другие революционеры, обладающие отчетливой склонностью к анархизму, невидимому, не имели намерения обзавестись ясно очерченной программой. Гораздо легче было заметить у них известное настроение, точку зрения, чем ощутимую, отчетливую, политику. Достаточно показательно было и то, что, хотя спор между ними и большевиками в действительности шел по вопросу о правах мелкого крестьянина, они избрали в качестве почвы для схватки область внешней политики революции.

Угнетающее действие Брест-Литовского мирного договора становилось день ото дня все более ощутимым. Хотя опасность, исходившая от империализма Антанты, была не меньшей, чем опасность, идущая от центральных держав, но она все же не была сопряжена с каким-то столь же конкретным плацдармом для возможного удара. В выступлениях против прусского милитаризма всегда можно было услышать ссылку на определенные статьи Брест-Литовского мирного договора, которые обязывали советскую республику отказаться от связей с Украиной и возлагали на русских рабочих и крестьян бремя возмещения военных убытков. На Украине прусские генералы помогали режиму самой черной реакции вновь одержать верх. Крестьянство, его бедные и средние слои, было полностью ограблено. Ужасающие контрибуции, далеко превосходившие по своему размеру реквизиции, осуществляемые красными комиссарами Москвы, взымались с них натурой в то время, как крупные помещики и кулаки (хлеборобы) оставались незатронутыми этими поборами. Повсеместно на Украине вспыхивали крестьянские волнения против иностранных поработителей. В деревни посылались карательные экспедиции и немецкие военные суды пачками вешали крестьян, защищавших свое добро. Но Брест-Литовский договор принуждал революционеров Москвы терпеливо наблюдать неслыханные зверства, которые милитаристы совершали, если так можно выразиться, у них на глазах. Люди были твердо убеждены, что центральные державы, как только они расправятся с Украиной, оставив за собой кучу дымящихся деревень, обратятся против Северной и Центральной России. Надо также учесть, что, несмотря

на концентрацию своих войск во Франции, Гинденбург имел в своем распоряжении больше вооруженных сил для наступления на Москву, чем союзники. Империализм центральных держав, осуществляя нападение на русскую революцию, представлял собой поэтому в данный момент сильнейший отряд международной контрреволюции. И, по сравнению с ее антантовским крылом, он еще имел то преимущество, что ему удалось с помощью договора связать руки революции. Неудивительно, что в этот критический момент громко прозвучало требование «Долой Брест-Литовский мир!».

До последнего времени считалось, что антигерманское движение, отчетливо обозначившееся в России в июне—июле 1918 г., во главе которого стояли левые эсеры, являлось выражением патриотической волны, охватившей тогда русский народ. Я, со своей стороны, убежден, что это было не так и что указанное движение представляло собой просто одну сторону попытки спасти определенный слой крестьянства от эксплуатации реакционными аграриями, пользовавшимися поддержкой иностранных штыков и, одновременно стремилось использовать созданную данной обстановкой возможность отнять у городского пролетариата и у большевиков контроль над Советами. Иначе говоря, это движение было выражением новой фазы развития борьбы классов в русской деревне. Оно было новым симптомом второй аграрной революции, развернувшейся летом 1918 г. в Северной и Центральной России. Я уже не раз обращал внимание на существование тесной связи между движениями маленькой касты собственников и идеологией анархистской интеллигенции и доказывал, как крайняя левая часть оказывалась готовой играть роль прислужницы у тех, для которых революция означает лишь право на безграничную эксплуатацию ближнего. Если это хорошо понять, то будет нетрудно понять и то, как случилось, что партия мелких крестьян имела своими вожаками тех, кто провозглашал революционную борьбу и террор в равной мере как против иностранных империалистов по ту сторону пограничных столбов, так и против бюрократических комиссаров внутри страны.

Случилось так, что вскоре для них представился соответствующий случай. Согласно конституции республики, каждые шесть месяцев должны были происходить выборы на очередной Всероссийский съезд Советов, которому предстояло оценить общее положение и избрать новый состав ЦИК. Очередной съезд был назначен на первую неделю июля, и уже за многие недели до того в городах и деревнях, в связи с выбором делегатов, развернулась оживленная дискуссия. Левоэсеровская печать

примерно на третьей неделе июня заняла крайне агрессивную позицию по отношению к большевикам, обвиняя их в том, что они продали революцию иностранным империалистам и угнетают крестьян тяжкими декретами о реквизициях. Был также брошен упрек в том, что большевики не провели в жизнь статей Декрета о земле, касающихся создания трудовых коммун. Но наиболее показательна была агитация, которую левые эсеры развернули на своих собраниях, требуя разрыва Брест-Литовского мирного договора. Особенно активным в этом отношении был тогда в Москве молодой левый эсер Саблин. Происходя из русской дворянской семьи, он на первом этапе революции выдвинулся благодаря своей смелости в качестве командира частей Красной гвардии, действовавших против Корнилова и Каледина. В ряде докладов, с которыми он выступал, он отстаивал лозунг «Не война, но мятеж!». Из бесед, какие я с ним имел, я узнал, что его желание заключалось в том, чтобы добиться аннулирования Брест-Литовского мирного договора и оказания поддержки восстаниям крестьян на Украине и в других местах против немцев. Он не одобрял объявления войны империалистам в настоящий момент, ибо это означало бы, что русские рабочие и крестьяне должны были бы признать, для проведения настоящей войны в условиях революции, власть центрального правительства. По его мнению, сломить власть комиссаров и Троцкого, создававшего централизованную военную мощь, было необходимо точно так же, как и власть Гинденбурга и Людендорфа на Украине.

Было бы, однако, ошибочно думать, что эти вожаки левых эсеров направляли свои стрелы только против большевистских комиссаров и немецких милитаристов. Такой взгляд получил тогда, естественно, самое широкое распространение в России, так же как и за границей, благодаря деятельности агентов Антанты. Они рассчитывали с помощью подобного взгляда подкрепить их излюбленное измышление насчет «немецко-большевистского заговора» и существования некоего пакта между Лениным и кайзером. Чтобы составить себе ясное представление о позиции левых эсеров, я имел 2 июля встречу с одним из лидеров их ЦК Карелиным³⁴, и он совершенно недвусмысленно высказался по этому пункту. «Мы — революционные социалисты, — сказал он. — И боремся против всех империалистов, пытающихся вмешаться в ход революции. В этом мы единодушны с большевиками. Отказ от Брест-Литовского мира не означал

³⁴ В.А. Карелин (1891–1938) — народный комиссар имуществ РСФСР с декабря 1917 г. по март 1918 г.

бы, однако, возобновления в союзе с державами Антанты войны против Германии». Эти его слова я передал 3 июля по телеграфу редакции газеты «Манчестер гардиан», но они не достигли адресата, ибо цензурным властям Антанты очень улыбалась мысль поддерживать миф о некоем великом возмущении в России против немецко-большевистского союза!

Выборы на Всероссийский съезд Советов происходили в атмосфере всеобщего возбуждения. В течение ряда дней было неясно, кто получит большинство делегатских мест на съезде, большевики или левые эсеры. 3 июля левые эсеры имели незначительное большинство. Но в тот же день вечером прибыли многочисленные делегаты-большевики из северных губерний и из Петрограда, и чаша весов склонилась в другую сторону. Затем в мандатной комиссии начался спор; ее члены-эсеры обвиняли членов комиссии-большевиков в подтасовке в ряде случаев мандатов. Как выяснилось, левым эсерам в общем удалось сохранить свое влияние на Советы южных губерний Центральной России. В промышленных уездах Верхней Волги и севера делегаты обеих партий имели примерно равное число голосов. Но в Петрограде как раз собрался съезд Комитетов бедноты севера и, опираясь на декрет от 11 июня, заявил о своем праве послать своих делегатов на Всероссийский съезд Советов от всех тех уездов, где местные Советы не были очищены от кулаков и не поставили продовольствия в количестве, установленном разверсткой комбедов. Так съезд деревенской бедноты, происходивший в Петрограде, на который, ко всеобщему изумлению, собралось более полутора тысяч делегатов, сразу же приступил к отправке делегатов на Всероссийский съезд Советов в Москве. Благодаря этому большевики добились преобладающего числа голосов, которых теперь стало 678 против 863 голосов левых эсеров. Эти последние заявили решительный протест против данного трюка, имевшего целью проложить дорогу на съезд делегатам комбедов. Но большевики в ответ на это ссылались на декрет ВЦИК от 14 мая. Правда, декрет не определял ясно, что комбеды должны досылать своих делегатов на Всероссийский съезд Советов, но он установил, что во всех волостях трудящиеся крестьяне, не эксплуатирующие чужую рабочую силу, должны позаботиться о том, чтобы все крестьяне, уклоняющиеся от поставок излишков зерна по твердым ценам, были объявлены врагами народа, лишены прав граждан республики и преданы суду Революционного трибунала. За декретом от 14 мая последовал декрет от 14 июня, которым были образованы Комитеты бедноты, и им действительно было поручено лишать избирательных прав тех владельцев хлебных излишков, которые не выполняют своих обязательств по поставкам. Таким образом, большевики могли сослаться

на дух, если не на букву закона, допуская делегатов петроградского съезда деревенской бедноты на Всероссийский съезд Советов в Москве. В меньшей мере они отводили тем самым и обвинения по своему адресу в подделке мандатов. На этот упрек они отвечали формулой: «Благо революции — высший закон».

V Всероссийский съезд Советов начал свою работу 4 июля. Возбуждение еще более усилилось, и везде можно было слышать один вопрос: «Что же будет предпринято, чтобы дать отпор контрреволюции?» Когда я вошел в Большой театр, мне пришло на память блестящее собрание, на котором я присутствовал в этих же стенах почти за год до того, когда Керенский собрал Государственное совещание, чтобы спасти свою колеблющуюся коалицию. Я вспомнил о проникнутых горечью выпадах ген. Каледина и кадетов против уступчивых меньшевистских Советов, брань георгиевских кавалеров по адресу Чхеидзе³⁵ и рабочего-казака, есаула Нагаева³⁶. Куда все они подевались? Мощный поток революции обрушился на них и выбросил их на берег, как щепки. Один единственный большевик, Рязанов³⁷, выступал тогда от имени крайне левого крыла, которое не осмелилось тогда открыто показать свое лицо. А теперь партия, которую он представлял, стояла у руля, а сам он исключен, как слишком умеренный. «Революция пожирает своих детей» — эти слова стояли у меня в ушах, когда я наблюдал новую сцену большой драмы, которая началась 4 июля 1918 г.

Большой театр был ослепительно ярко освещен. Ложи и ряды партера до отказа заполнены делегатами съезда. На галерее сидели гости, а в одной из оркестровых лож — германский посол, граф Мирбах³⁸, с дипломатической свитой. Присутствовали также неофициальные представители Америки и Англии. На сцене театра собрался президиум. Тут находились все ведущие фигуры революции. Легко было заметить лысую голову Ленина. Огненные глаза Троцкого блестели из-под его взъерошенных черных волос. Сильным по виду человеком с непринужденными манерами

³⁵ Н.С. Чхеидзе (1864–1926) — председатель Исполкома Петроградского совета в 1917 г.

³⁶ Д.М. Нагаев (1878–1918) — казак Николаевской станции 2-го Военного отдела Оренбургского Казачьего Войска, есаул.

³⁷ Д.Б. Рязанов (наст. фам. Гольдендах) (1870–1938) — в 1917 г. член объединения Межрайонной организации объединенных социал-демократов в 1917 г., в 1918–1920 гг. сотрудник Наркомата просвещения РСФСР.

³⁸ В. Мирбах-Харфф фон (1871–1918) — с апреля 1918 г. посол Германской империи при правительстве РСФСР в Москве.

был Камков³⁹, вождь левых эсеров, погруженный в беседу с тощим Карелиным, человеком с одухотворенным лицом. Среди этих революционных знаменитостей мелькала женщина небольшого роста в черном платье и сером переднике. То была Спиридонова⁴⁰. Ее бледное лицо и враждебный взгляд говорили, казалось, о ее горечи и гневе против Ленина и всех тех, кто «продает революции иностранным империалистам».

Еще до того, как председатель Свердлов⁴¹ занял свое место, собравшиеся делегаты могли, к своему удивлению, видеть, как Камков вскочил на сцену и от имени левых эсеров потребовал немедленного допуска на съезд делегатов от Украинской Советской Республики, поработанной германскими империалистами, с предоставлением им права решающего голоса. Это было первым предвестником предстоящей бури. Как могли большевистские комиссары предоставить германскому послу доступ на съезд или даже пребывание в Москве, если бы они допустили на свои заседания представителей нелегальных украинских Советов и тем самым фактически разорвали бы Брест-Литовский договор? Уже с первого момента в этом пункте крылась для большевиков трудная проблема. Свердлов поднялся и от имени президиума предложил, чтобы представитель украинской делегации был заслушан. Со своего места поднялся молодой человек в украинской крестьянской свитке с вышитыми красными и синими полосами. Тонем, в котором звучали и протест, и вызов, он сказал: «Мы представляем Советы украинских рабочих и крестьян, которые, хотя и придавлены железными подошвами Гинденбурга, все же живы и полны ныне жизненных сил больше, чем когда-либо». «Да здравствует социальная революция на Украине! Долой Брест-Литовский мир!» — восклицали делегаты-левые эсеры, вскочив со своих мест, и ликование по случаю этих возгласов не было конца. Затем украинский делегат, обрисовав, как потерпели неудачу попытки немецких военных властей выжать из Украины 60 млн пудов зерна, в страстных словах рассказал о том, как крестьяне поднимаются против угнетателей. Немецкие военные транспорты взлетают на воздух, их пороховые погреба подрываются, их подразделения в лесах расчлняются, отрезаются от главных сил и уничтожаются. «Помогите нам, — взывал он с протянутыми руками, — мы еще скорее прогоним немецких генералов из Киева, если вы прогоните немецкого посла из Москвы». «Гоните его прочь, вы, трусы!» — кричали

³⁹ Б.Д. Камков (наст. фам. Кац) (1885–1938) — один из лидеров Партии левых эсеров.

⁴⁰ М.А. Спиридонова (1884–1941) — одна из руководителей Партии левых эсеров.

⁴¹ Я.М. Свердлов (1885–1919) — председатель ВЦИК в 1917–1919 гг.

делегаты — левые эсеры, в то время как граф Мирбах сидел в своей по-
сольской ложе, бледен и недвижим.

В наступившей глубокой тишине поднялся Свердлов, олицетворяв-
ший собой перенесенный в русскую обстановку стиль руководства со-
браниями, свойственный американской политической жизни. «Требо-
вание известной части этого съезда о том, чтобы украинским Советам
были предоставлены здесь места и право голоса, является политическим
вопросом, который может быть решен только прямым голосованием
делегатов съезда». В течение последующих минут стало ясно, что не все
большевики придерживались одинакового мнения по этому вопросу.
Та самая коммунистическая левая, которая обратила на себя внимание
в феврале, во время Брест-Литовского кризиса, была склонна высказы-
ваться вместе с левыми эсерами против «оппортунизма». Но реалистическое
крыло с Лениным во главе вновь апеллировало к голосу разума, призывая
не давать волю чувствам. Наконец сошлись на компромиссном решении.
544 голосами против 400 украинским делегатам не было предоставлено
право решающего голоса на съезде, но тут же было единогласно поста-
новлено дать им право получать слово при обсуждении порядка дня.

Но левые эсеры отнюдь не намеревались прекращать борьбу. Для них
она только начиналась. Такой случай представился, когда Троцкий попро-
сил разрешения сделать заявление по вопросу, не стоявшему в повестке
дня. Как военный комиссар, сказал он, он считает своим долгом обра-
тить внимание съезда на серьезное положение, создавшееся на южных
границах республики. Брестский мир все еще сохраняет силу, и немец-
кие войска на Украине пока еще не нарушали демаркационной линии,
установленной договором. Впрочем, верно, что немцы нарушили договор
в том смысле, что заняли Донскую область и оказали поддержку белогвар-
дейским войскам Краснова, которые вели бои против красных к югу от
Воронежа. Если эти действия будут оценены как враждебные, то съезд
должен заняться вопросом о том, не пришло ли время отказаться от до-
говора и объявить центральным державам войну. Это будет зависеть от
того, как съезд оценит имеющиеся в данный момент шансы одержать по-
беду в такой войне, причем оценит их, учитывая имеющиеся в настоящее
время в распоряжении республики вооруженные силы. Но тем временем
на южной границе среди только что призванных в ряды Красной армии
новобранцев ряд безответственных личностей ведет агитацию за немед-
ленное, без всякого объявления войны, наступление на немецкие войска,
которые на данном участке держатся совершенно пассивно. Он, Троц-
кий, хотел бы услышать, какое решение примет съезд по данному во-

просу. Если должна вновь начаться война, то он должен выработать свои планы ее проведения и соответственно распорядиться вооруженными силами. Если же номинально существующее состояние мира не должно измениться, то он будет дальше работать над планами создания Красной армии и искать другие пути и средства, чтобы отбить наскоки немецких наемников на Дону. Съезд должен решить, можно ли предоставить этим анархистским диктаторам и юнцам, легко поддающимся внушению, беспрепятственно там бродить и подрывать красноармейскую дисциплину. Все это, по преимуществу, — люди, игравшие руководящую роль в террористических экспедициях на Украину, и они проявляли крайнюю смелость, когда речь шла о том, чтобы отрезать небольшое немецкое подразделение и, пользуясь своим численным превосходством, его уничтожить. Но они же и первыми убежали при виде роты немецких солдат в походных шлемах. Делегаты-большевики бурно аплодировали этой речи. Эсеры, напротив, разразились саркастическим хохотом. «Вы ведете себя как второй Наполеон!» — кричали они.

Вновь вскочил их лидер Камков. «То, что происходит на южной границе, — воскликнул он, — не есть дело рук провокаторов. Это дело русских революционных крестьян, которые видят, как на их глазах убивают их товарищей на Украине, тогда, как вы, комиссары, спокойно это наблюдаете и заявляете, что связаны договорами. Это — несомненный, очевидный признак той революционной ненависти, которой охвачены русские рабочие и крестьяне». Он сделал паузу и прошел несколько шагов по сцене, пока не приблизился к ложе, где находился граф Мирбах и его немецкие дипломаты. Показывая пальцем прямо на Мирбаха и окинув взглядом всю массу делегатов, он воскликнул: «Вы что же, думаете, что наши крестьяне в солдатских шинелях будут покорно стоять на южной границе, наблюдать за происходящим и допускать, чтобы агенты этих варваров на их глазах убивали их братьев?!» При этих его словах делегаты, принадлежавшие к числу левых эсеров, вскочили со своих мест и, потрясая кулаками в сторону немецкого посла, огласили зал криками: «Долой тиранов!», «Пошел вон из Москвы!» Вслед за тем воцарился невообразимый шум. Добрые десять минут нельзя было разобрать ни одного звука. Делегаты-большевики и комиссары на сцене молча сидели, внутренне потрясенные теми ударами, какие градом сыпались на создателей Брестского мира. Только соображения этикета удерживали их, казалось, от того, чтобы самим принять участие в этой демонстрации. Наконец послышался вновь голос Свердлова, который, как бы совершенно механически, произнес: «Я призываю товарища Камкова к порядку в связи с его

неуместными выражениями по адресу гостя съезда». Он произнес эти слова так, как если бы сам глотал при этом горькое лекарство.

Но это никак не успокоило левых эсеров, ибо, когда поднялся председатель Петроградского совета Зиновьев⁴², чтобы ответить Камкову, его встретили возгласом: «Вы выступаете по поручению Мирбаха!» «Сколько он вам заплатил?» Не реагируя на эти оскорбления Зиновьев указал, что петроградским рабочим приходится страдать не меньше, чем крестьянам по ту сторону границы с Украиной, ибо они видят преступления, совершенные немецкими милитаристами в Прибалтике. Не проходит дня без сообщения о том, что там повесили революционных рабочих, единственная вина которых состояла в том, что они приняли участие в делах Совета после Октябрьской революции. Но у рабочих Петрограда достаточно сильна революционная дисциплина, и они знают когда и где надо бастовать, и не дают себя увлечь чувствам или поддаться глупым людям, которые на деле действуют на руку контрреволюции. Затем Троцкий предложил резолюцию, которая в соответствии с советской конституцией объявляла делом съезда или ВЦИК принятие решений о войне и мире и призывала солдат Красной армии повиноваться своим командирам и не слушать безответственных агитаторов. Когда резолюция была оглашена до конца, делегаты-эсеры все как один человек, встали и покинули зал. Остались одни лишь большевики, и резолюция была принята единогласно. Что замыслили левые эсеры? Не означало ли это, что они собираются разогнать съезд с помощью какого-либо насильственного акта?

Как я уже выше показал, в качестве главного пункта для развертывания борьбы по внутренним, социальным вопросам левые эсеры выбрали область внешней политики. Это ясно вытекало из позиции съезда утром следующего дня. Около 9 часов делегаты, принадлежавшие к левым эсерам, вновь бросились в атаку. Свердлов поднялся, чтобы представить новому съезду отчет о деятельности старого, слагающего ныне с себя полномочия, исполкома. «Со времени завершения работы большого съезда проделана немалая созидательная работа, — начал он. — Будучи высшей исполнительной властью в республике, ВЦИК создал контуры аппарата по проведению в жизнь принятых решений, который должен будет подлежать непосредственному контролю со стороны ВЦИК. Последний при этом не упустил из виду, что в условиях диктатуры пролетариата законодательная и исполнительная власть должны быть объединены, сосредото-

⁴² Г.Е. Зиновьев (наст. фам. Радомысльский) (1883–1936) — с декабря 1917 г. по март 1918 г. председатель Петроградского совета.

точены в одном органе. В результате создания комбедов в конституцию, в части структуры волостного аппарата, внесены изменения. Они стали необходимыми, чтобы иметь возможность развернуть в отсталых губерниях борьбу против спекулянтов хлебом. В ведении Комиссариата юстиции созданы революционные трибуналы и выяснилась необходимость вновь ввести смертную казнь за политические преступления против безопасности республики». Когда он произнес эти слова, из рядов левых эсеров посылались возгласы: «Долой смертную казнь!», на что делегаты-большевики ответили кличем: «Да здравствует революционная дисциплина!»

Как только он закончил свою речь, поднялась Мария Спиридонова, чтобы ответить ему от имени левых эсеров. «Отчет, который они только что услышали из уст председателя ВЦИК, имеет большое значение», — сказала она. Ибо он показывает, насколько было обосновано выдвинутое ее партией по адресу большевиков обвинение в том, что они опозорили революцию. В дни большого съезда, в январе, дух революционных рабочих и крестьян был победоносным. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» была принята и представляла собой гарантию против нарушения прав и свободы пролетариата. В марте был принят Закон о земле и, под давлением ее партии, принцип «социализации земли» стал определяющей чертой этого закона. Ее партия добилась также создания постоянного Комитета по делам крестьянства, который должен помогать ВЦИК своими советами при рассмотрении всех вопросов, относящихся к обработке земли. Этот комитет кооптировал в свой состав представителей губернских Советов крестьянских депутатов. Ее партия сумела приобрести авторитет в этом комитете и находилась на пути к тому, чтобы с помощью этого комитета популяризировать в деревне идею свободных трудовых коммун, распространять среди середняков принцип трудовой общности и воспитывать население отдаленных сельских уездов. Но комиссары и члены ВЦИК — большевики сделали между тем все для того, чтобы подорвать действенность этого постоянного крестьянского комитета. Они создали в народном хозяйстве большой бюрократический аппарат и попытались поставить под контроль этих бездушных канцелярий все дела управления, связанные с Законом о земле и с декретами, затрагивающими жизнь крестьян. Они принудили коммуны и артели трудового крестьянства превратиться в звенья большой профсоюзной машины, ссылаясь на то, что трудящиеся крестьяне, поскольку они тоже пролетарии, должны рассматриваться так же, как и рабочие городов. Они наводнили губернии своими комбедами, куда имеет доступ только часть сельского населения, и притом самая бесполезная,

которая по большей части уже в течение ряда лет утратила всякую связь с деревней. Этих людей они подчинили своим комиссарам и бюрократам и объявили их органами трудового крестьянства. В то время как эсеры с помощью своих постоянных комитетов добивались того, чтобы, слив бедных крестьян со слоем середняков, доконать кулаков и богатых спекулянтов, большевики выхватили из всего сельского населения всего лишь каких-нибудь 10% и противопоставили их всему остальному населению деревни и тем самым толкнули середняков в объятия кулаков. В то время как эсеры в ряде центральных губерний перешли к тому, чтобы вовлекать семьи в трудовые коммуны, которые совместно обрабатывали землю и вместе жили и уже достигли в этом смысле значительных успехов, большевистские комиссары до тех пор отказывали им во всякой поддержке, пока не подчинили эти коммуны своему контролю и хотели подчинить их определенным постановлениям о поставке предметов продовольствия по твердым ценам. «Когда я недавно пришла к председателю Совета народных комиссаров, — сказала Спиридонова, повернувшись к Ленину, — и попросила у него поддержки для наших коммун, он цинично ответил: “А если вы получите такую поддержку, надолго ли это придержит Ваш язык?” Я заявляю вам, товарищи большевики, это — не тот путь, каким можно завоевать крестьянство. У вас может оказаться на этом съезде большинство, но у вас нет большинства в стране. Вы хотите превратить помещичьи имения в большие государственные фермы, контролируемые вашими комиссарами, а затем заявить, что вы создали социализм, но трудящееся крестьянство России видит в этом, в сущности, возвращение к рабству, от которого, как оно думает, оно только что освободилось. Вы вновь вводите смертную казнь и превращаете закон о ней в государственное установление вместо того, чтобы предоставить революционному энтузиазму масс наказывать в критический момент предателей. И, что хуже всего, вы заигрываете с иностранным империализмом. Немецкий убийца Мирбах с вашего согласия получил право находиться в нашей революционной столице. Вы говорите о том, чтобы сломить враждебность империалистов стран Антанты, одновременно предоставляя им лесные и железнодорожные концессии. Вы обманули революцию и на вас лежит ответственность за последствия, которые отсюда вытекают».

Когда эта валькирия русской революции вновь заняла свое место, ее встретила бурная овация левых эсеров. Но, слушая ее речь, я не мог отделаться от ощущения, что это была лебединая песня тех, кто олицетворял собой революционный энтузиазм России. Она и ее единомышленники, казалось, хотели, чтобы Россия постоянно жила в состоянии революции.

Октябрьские дни 1917 г. были для них не преходящей фазой, а нормальной социальной обстановкой. После речи Спиридоновой поднялся Зиновьев, чтобы ответить ей от имени большевиков. В сущности, он не сказал ничего нового, но, когда он обосновал новые мероприятия ВЦИК в области управления и указал на Красную армию, делегаты-большевики вскочили со своих мест с возгласами: «Да здравствует армия революционных рабочих!» Во время его речи лидеры левых эсеров покинули зал и исчезли. Вслед за тем Свердлов отложил продолжение заседания на послеобеденный час.

Когда я около двух часов дня покинул свою квартиру в конце Арбата, чтобы направиться на вечернее заседание съезда, я услышал два громких взрыва; за ними последовали звуки, которые я воспринял как револьверные выстрелы. Воздушная волна, ударившая мне в щеку после взрыва, показывала, что произошел, по-видимому, взрыв динамита. Создавалось впечатление, что взлетел на воздух склад боеприпасов, находившийся где-либо в окрестностях Москвы. Я добрался до Большого театра, сел на галерею для прессы и стал ждать. Русские журналисты и мои революционные друзья собрались вместе, и мы стали обсуждать положение. В глаза бросалось лишь отсутствие левых эсеров, среди которых у меня было несколько добрых друзей. Так прошли два часа, и нас начало охватывать нетерпение. На третьем часу показалась Спиридонова, бледная как полотно, и уселась в одиночестве на сцене. «Она, вероятно, пришла, чтобы сделать важное заявление, — сказал один из моих соседей. — Любопытно, что бы это могло быть?» Находившиеся также на сцене некоторые большевистские комиссары и члены ВЦИК внезапно очень посуровели и вслед за тем исчезли. Получасом позже по залу распространился слух: Мирбах убит! Вскоре вслед за тем стали говорить, что на него совершено покушение, но он только ранен. Я сразу же вспомнил те два взрыва, которые я слышал. Затем я подумал и о том, что моя квартира находилась на небольшом удалении от немецкого посольства. «Вот в чем была, стало быть, причина задержки», — подумал я, пытаясь представить себе политические последствия, какие могло бы иметь убийство Мирбаха. «Жаль только, что я не упаковал свой чемодан, прежде чем сюда явятся немцы, приближающиеся с востока», — подумал я.

Около 8 часов большевистский комендант театра появился и сообщил, что германский посол в два часа пополудни действительно убит двумя левыми эсерами, что ЦК левых эсеров объявил свергнутой власть комиссаров-большевиков, что вооруженные анархистские отряды заняли здания почты и телеграф и разослали всем губернским Советам

телеграммы от имени временного революционного правительства. Как затем комендант с презрением добавил, эта авантюра в течение нескольких часов была ликвидирована, ибо гарнизон сохранил лояльность и верность той партии, за которой идет большинство съезда. В данный момент никто из присутствующих не вправе покидать здание театра, пока не поступят дальнейшие указания от военного коменданта города. Не оставалось ничего другого, как уповать на лучшее и ожидать. Мы оставались запертыми в театре вплоть до полуночи, обсуждая все возможные последствия попытки государственного переворота, совершенной левыми эсерами. Затем комендант появился вновь и разрешил всем журналистам и делегатам съезда — большевикам покинуть театр после предъявления имевшихся у них документов. Возвращаясь ночью домой, я услышал вдалеке ружейный огонь, звуки которого доносились из северных предместий города.

На следующий день, 7 июля, в воскресенье, я рано вышел на улицу. Появились только официальные «Известия», да и они были размером в одну страничку. В пространном заявлении Совнарком обращался к массам, призывая их сохранять спокойствие и оказывать доверие съезду. Левые эсеры были охарактеризованы как политические кладенцы, которых следовало унять раз и навсегда, иначе революционная Россия окажется вовлеченной в настоящую войну с Германией в то время, когда она еще не вооружена для борьбы. Около 11 часов московские здания начали сотрясаться от грохота пушек, стрелявших от Кремля прямо в северном направлении. Я попытался пересечь Тверскую улицу, но путь оказался перекрыт пехотой и артиллерией, которые оставались верными комиссарам. Совершив большой обход, я достиг здания почты и телеграфа, вновь захваченного большевиками. Государственный переворот левых эсеров, по сути дела, уже был ликвидирован. Анархистские боевые отряды были сформированы в больших казармах в северном предместье города. Артиллерийский обстрел, проведенный в предобеденные часы, поверг этих людей в панику; по большей части, это были интеллигенты — прекраснодушные, но изнервничавшиеся. Я вернулся домой через центр города и зашел в Комиссариат по иностранным делам, где смог найти, однако, только жену Радека. Она все же смогла сообщить мне, что мятеж в Москве полностью подавлен, но что еще не известно, какое влияние могли оказать на местах некоторые телеграммы, которые удалось дослать в губернии мятежникам.

На следующий день, 8 июля, «Известия» сообщили, что различные лидеры левых эсеров, в том числе и Мария Спиридонова, арестованы и

будут преданы чрезвычайному революционному суду по обвинению в организации вооруженного восстания. Один из убийц графа Мирбаха, анархист, выполнявший задания левых эсеров, уже был предан суду этого трибунала, признан виновным в убийстве и расстрелян⁴³. Далее сообщалось, что комиссар по иностранным делам официально выразил заместителю германского посла свое сожаление по случаю убийства посла, что последний принял это сожаление к сведению и ожидает дальнейших инструкций из Берлина. В течение дня из всех частей страны поступали телеграммы, из которых следовало, что повсюду имели место выступления левых эсеров и анархистов, которые были, однако, подавлены и завершились арестом их лидеров. На южной границе некоторые левые эсеры, которые вели агитацию в частях Красной армии, были застрелены. Большевистская партия, с ее комиссарами и только что оперившейся бюрократией, торжествовала победу. Мятеж анархистской ультралевой, находившейся в союзе с мелким крестьянством, был подавлен. Внутренний фронт был, во всяком случае, спасен. В интервью с представителем «Известий» Ленин следующим образом охарактеризовал обстановку, сложившуюся в эти дни в результате попытки государственного переворота, предпринятой левыми эсерами: «Революция с удивительной последовательностью доводит до логического конца каждое положение, беспощадно вскрывает все убожество, всю преступность каждой неверной тактики».

Действительно, все чувствовали, что с наступлением событий, разыгравшихся между 4 и 8 июля, начался совершенно новый этап внутреннего развития революций, не уступавший по своему значению той фазе, начало которой положило подписание Брестского мирного договора. Это можно было почувствовать и в Большом театре, когда там 8 июля после обеда открылось заседание неполного съезда, чтобы продолжить то дело, которое полный состав съезда начал четырьмя днями ранее. Все лидеры левых эсеров были арестованы либо скрылись. Некоторые их попутчики, не понявшие смысла трагедии, которую пережила их партия, остались и бродили по коридорам театра подобно стаду овец, лишенному пастуха. Среди делегатов-большевиков также царил новый дух. Теперь настало время действовать, а не говорить — вот что можно было прочесть, казалось, на лице каждого из них. Теперь настало время получать приказы сверху и заботиться о том, чтобы они исполнялись внизу. Хватит речей и

⁴³ Никогда не было установлено, кем было это лицо, и в результате сомнения в том, что оно вообще было расстреляно. Не исключено, что это сообщения «Известий» представляло собой комедию, разыгранную в расчете на то, чтобы она достигла Берлина. (Прим. авт.)

дискуссии. Такой был тот новый дух, который, начиная с этого дня, все яснее проявлялся в русской революции. Если отсталые деревни не хотят работать на благо революции, то их надо заставить это делать. Фабричные рабочие должны руководить революцией и, если нужно, одни вести ее вперед.

Все прения, проходившие в этот день и в последующие дни, показывали полное отсутствие того революционного энтузиазма, который составлял столь характерную черту как предыдущих съездов, так и первых заседаний этого съезда. Никто не поднимался и не кричал: «Да здравствует Красная армия! Да здравствует социальная революция на Украине! Да здравствует мировая революция!», ибо оставшиеся делегаты знали, что простым выкрикиванием подобных слов они не подойдут ближе к превращению в жизнь заключавшихся в них мыслей. Вместо этого президиум, состоявший теперь только из большевиков, представлял съезду доклады, которые выслушивались механически, без прений. Стеклов⁴⁴ огласил и разъяснил улучшенный текст конституции, выработанный специальной комиссией, которая была назначена большим съездом. Комиссар продовольствия представил отчет о состоянии продовольственного снабжения. Чтобы принять оба эти доклада, было достаточно их огласить. Должен признаться, что меня охватило чувство сожаления при воспоминании о прежнем энтузиазме и о красочности революционных сцен, которые ныне явным образом стали достоянием прошлого. Не было ли это началом наполеоновской эры, когда большевистские комиссары начнут всаживать шпоры в бока безвольному пролетариату? Эта мысль, несомненно, проносилась тогда в головах не одного лишь наблюдателя событий. Когда я в тот вечер шел домой вместе со своим американским другом, анархистом по убеждениям, он с грустью сказал мне: «Пробил последний час русской революции. Контрреволюция уже стоит у ворот». Для него 9 термидора уже стало фактом. Он проводил параллель между восстанием левых эсеров и убийством Мирбаха — с одной стороны, и последней попыткой якобинцев захватить Конвент в свои руки, — Конвент, для которого консульство и появление Наполеона означали конец. Но он забывал одно: что якобинцы не были большевиками. Московские события 4–8 июля можно было с гораздо большим основанием сравнить с борьбой между якобинцами и деятелями Парижской коммуны тех дней. Но тогда промышленный пролетариат Франции был еще слишком слаб,

⁴⁴ Ю. М. Стеклов (наст. фам. Нахамкис) (1873–1941) — в 1917–1925 гг. редактор газеты «Известия ВЦИК».

чтобы добиться победы. С тех пор прошло 120 лет, и за это время даже Россия выдвинула мощный и классово-сознательный пролетариат. Левые эсеры, со всей их революционной фразеологией, были не чем иным, как буржуазными якобинцами XX в., бросившими вызов промышленному пролетариату Московии, глубоко проникшемуся коммунистическими идеями. В этом случае исход борьбы был прямо противоположен тому, что произошло в 1794 г. в Париже. В первый раз в истории было доказано, что движущей силой социалистического преобразования является небольшое, революционное, хорошо дисциплинированное и ясно сознающее свою цель меньшинство в промышленных центрах, меньшинство, способное увлечь за собой пассивное большинство и уготовить поражение тем, кто готов пожертвовать политическим реализмом ради мнимо революционных фраз. Таков был один из уроков второй российской аграрной революции лета 1918 г.

Глава 21. Начало революционной войны и красного террора

Перспективы для кучки мужественных и решительных коммунистов, на которых после событий первой недели июля легла безраздельная ответственность за дальнейшее развитие революции, были теперь отчаянно трудными. До тех пор левые эсеры, хотя они со времени Брестского мирного договора и отозвали своих членов из состава Совета народных комиссаров, тем не менее работали с большевикам в Советах и в отношении их экономической политики замечали хотя и критическую, но все же не прямо враждебную, предвзятую позицию. Теперь все это ушло в прошлое. Удары международной контрреволюции обрушивались в полную силу на большевистские поредевшие Советы. Положение казалось настолько безнадежным, что я со своими друзьями делал, насколько я помню, предположения о том, как долго еще коммунисты смогут удержаться у власти. В основном я был настроен довольно оптимистично, но и я предсказывал, что они продержатся не более месяца.

Из обоих крыльев международной контрреволюции более преуспевающей была Антанта. 11 июля мы услышали в Москве о серьезном восстании против Советов в Ярославле. Добровольческий корпус ген. Алексева, который стал теперь военной организацией Национального центра в Самаре и на Северном Кавказе, имел своих тайных агентов в этом важном узлом пункте железнодорожных и водных путей на Верхней Волге, эти агенты захватили оружие, находившееся в местном арсенале,

вооружили студентов, сыновей кулаков и даже священников тамошних монастырей, свергли Советы, повесили всех коммунистов и развернули подготовку к полной реставрации. План был хорошо продуман, но мятеж вспыхнул преждевременно, ибо по намеченному плану чехословацкие вооруженные силы на Нижней Волге должны были соединиться с английскими войсками, которые высадились в Мурманске. Но к этому времени первые из них еще не достигли Казани, а последние — Архангельска и, таким образом, большая территория отделяла Белую гвардию в Ярославле от ее сообщников на юго-востоке и на севере, несмотря на это, они так укрепились в Ярославле, что Советам в Москве вплоть до 24 июля не удалось стянуть красные войска достаточной силы, чтобы взять город обратно. Тем временем происходили жуткие бои и неисчислимые ценности — произведения искусства и частные владения были разрушены в ходе военных операций.

20 июля угроза наступления союзников против Советов стала серьезной. После того как они объявили, что их приход в Мурманск служит только цели защитить севернорусское побережье от белых финнов и немецких подводных лодок, сухопутные и морские вооруженные силы Антанты начали наступление в области, где даже и не слышала ни о белых финнах, ни о немецких подводных лодках. Вместо того чтобы идти на финскую границу и немецкую морскую базу в Балтийском море, они продвигались в юго-восточном направлении, где они могли соединиться с чехословаками и белогвардейскими войсками ген. Алексеева на Верхней Волге. Именно это и была, конечно, истинная причина того, что они пошли на Россию. Их врагом была советская республика, которая аннулировала займы и только во вторую очередь — немецкий милитаризм. 2 августа сухопутные и морские вооруженные силы союзников бомбардировали форты вне Архангельска и вскоре после этого вступили в город. 5 августа штабы главнокомандующих союзными силами издали обращение к русскому народу с призывом поддержать их усилия, направленные к тому, чтобы воссоздать в России упорядоченное управление. Союзники пришли же как «друзья русского народа» и не вмешиваются, разумеется, в его внутренние дела. И это писалось несмотря на то, что их первым действием в Архангельске была казнь всех советских руководителей, которых им удалось арестовать. На следующий день поступило известие, что чехословаки продвинулись вверх по Волге и застигли врасплох слабые красногвардейские вооруженные силы в Казани, которые отошли из города на север. В то же время союзники продвинулись вдоль железнодорожной линии между Архангельском и Вологдой, так что между ними и

чехословаками оставалась лишь узкая полоса земли, включавшая Вологду, равно как и Ярославль, Вятку и Нижний Новгород. Только дезорганизованные и деморализованные красногвардейские отряды находились внутри этой полосы земли, и союзническим вооруженным силам ничто не могло, следовательно, помешать объединиться. Положение, в котором тогда находились русские губернии, напоминало кусок масла: каждый мог вырезать себе из него долю и удержать ее в своих руках. Для этого достаточно было иметь группу энергичных людей с несколькими пулеметами; они могли пройти от Москвы до Владивостока. Конечно, в Москве была горсть энергичных, сильных людей, которая создавала военную организацию, и в короткое время она оказалась в состоянии гальванизировать малоподвижную массу русских провинций. Но для их вооружения требовались еще несколько недель, а между тем союзники могли успеть за это время одержать верх. Происходила как бы борьба за время, но союзники, казалось, этого не знали, когда они начинали свою авантюру.

Между тем под прикрытием чехословацких штыков в занятых ими областях в районе Казани Комитет членов Учредительного собрания был наделен полной властью; он опирался на помещиков и кадетов из Национального центра. Широко известный правый эсер и в прошлом террорист, боровшийся против царизма, Савинков⁴⁵ прибыл в Казань, с помощью кулаков сверг Советы и расчистил путь для полной реставрации. Мелкие крестьяне юго-восточных уездов начали борьбу за сохранение завоеваний, достигнутых благодаря революции, увидев помещиков, вновь вступавших в свои прежние владения, они стали задавать себе вопрос: а не лучше ли было, в конце концов, при господстве комиссаров, хотя те и занимались реквизициями? Что касалось более бедных крестьян и безземельных батраков, которые прибыли сюда с севера, то они бежали обратно на ту узкую полоску земли, которая еще оставалась у Советов, или же становились жертвой белого террора. Революционное движение в южных губерниях Поволжья было полностью обречено на нелегальное существование. Савинков и Комитет Учредительного собрания объявили всеобщую мобилизацию в Народную армию, которая должна была объединиться с союзниками на севере и вместе с ними начать марш на Москву, чтобы очистить ее от «большевистских предателей». Но эта мобилизация Народной армии стала скалой, о которую позднее суждено было разбиться Учредительному собранию, ибо оказалось, что армия эта состояла не только из кулаков, но и из мелкокрестьянских и батрацких

⁴⁵ Б.В. Савинков (1879–1925) — один из лидеров эсеров.

элементов. Она потеряла, таким образом, свой классовый характер, и росли возможности коммунистических восстаний в ее тылу.

В течение всего этого времени немецкое крыло международной контрреволюции не бездействовало. Впрочем, оно и не могло предпринять так много, как союзники, ибо кайзеровское правительство уже больше не скрывало, что наступление Людендорфа во Франции не привело к продвижению его войск вперед и что нужен был каждый человек и каждый патрон, чтобы не допустить крушения на Западном фронте. Несмотря на это, ожидавшееся падение советской республики было для немецких полководцев стимулом к тому, чтобы продолжать свои происки, делая все возможное. 6 июля немецкий поверенный в делах в Москве вручил Комиссариату иностранных дел ноту, которая от имен центральных держав требовала, чтобы защита их посольств была передана батальону немецких солдат, который будет постоянно расквартирован в Москве. Это требование вызвало громадное возбуждение. Я вспоминаю, что я присутствовал в тот вечер на специальном заседании ВЦИК в гостинице «Метрополь», на котором Ленин в глубокой тишине огласил текст этой ноты. Когда он закончил, он наклонил набок голову и сказал: «От вас зависит решить, должна ли советская республика под прикрытием Брест-Литовского мирного договора превратиться в колонию Берлина». Эти слова из уст человека, который больше, чем кто-либо, сделал для подписания Брест-Литовского мирного договора, были очень характерны. И это впечатление еще более усилилось при дальнейших его словах: «Настало время для нас вновь встать на ноги и показать, что мы можем оказать сопротивление притязаниям этих международных бандитов». Выполнение содержащихся в ноте требований было категорически отклонено. Комиссару иностранных дел даны полномочия вести переговоры с немецким поверенным в делах о соответствующих мерах для защиты посольств центральных держав. Двумя днями позже Чичерин сделал господину Ридлеру предложение о том, чтобы охрану посольств центральных держав взял на себя в будущем отряд вооруженных немецких колонистов из губерний Поволжья. После некоторых колебаний это предложение было принято. Но, очевидно, господин Ридлер, а также господин Гельферих, который как раз прибыл из Берлина, чтобы занять пост в качестве нового посланника Германии, сделали открытие, что эти немецкие колонисты составят недостаточную охрану против дальнейших анархистских покушений с применением бомб. Выяснилось, что колонисты являлись немецкими коммунистами, которые создали специальную красную милицию для своих уездов на Нижней Волге. Безопасность нового посла вследствие

этого обстоятельства казалась недостаточно надежно гарантированной, и господин Гельферих, пробыв в Москве несколько дней, сообщал Чичерину, что, поскольку советская республика не в состоянии принять никаких мер для охраны их жизни, он и его штаб вынуждены покинуть территорию республики и уехать в Псков, в немецкую зону оккупации. Этим и закончился этот демарш Берлина — достаточное доказательство того, что прусский милитаризм уже трещал по всем швам. С этого дня в Москве не было прямого представительства Германии и немецкий консул, и Комиссия по делам военнопленных служили теперь заменой послу.

Но когда вследствие критического положения немецкой армии во Франции немецкий Генеральный штаб должен был оставить свои планы проникнуть в умирающую Москву, то он все-таки попытался с помощью ген. Краснова продвинуться на Дон. Когда шансы на победу на западе уменьшились, перед глазами Людендорфа возникла возможность выступить в качестве партнера стран Антанты с задачей ликвидировать русскую революцию. На третьей неделе августа ген. Краснов напал с помощью немецкой боевой техники и немецких офицеров на южную часть Воронежской губернии, одну из немногих центральных губерний, в которых еще кое-что осталось от 50 млн пудов зерна. В это же время агенты Антанты взорвали три поезда с продовольствием на станции Воронеж (см. сообщение в «Известиях» от 25 августа). Восстание мелких крестьян под предводительством левых эсеров, объявленных вне закона, вспыхнули в Орле, Твери и Тамбове. В развернувшихся при этом боях были уничтожены запасы продовольствия, предназначенные для Красной армии, и отдельные губернские комиссары, убежденные в предстоящем свержении большевистских Советов, торопливо спасались в надежных местах, беря с собой столько общественных денег, сколько они могли взять. Самой худшей опасностью, которая тогда начала обнаруживаться, был в действительности враг в тылу, предатель, который сидел в советской канцелярии — коммунист, держащий нос по ветру. И чтобы довершить ужасную картину этих дней, нужно напомнить о том, что советская территория была полностью отрезана от внешнего мира. Ни телеграмму нельзя было послать в какую-нибудь из стран Антанты, ни направить из Москвы радиограмму через какую-либо радиостанцию. Ни одна газета, выходящая в Западной Европе, сюда не поступала и, что было хуже всего, не было средства объяснить внешнему миру, что происходит в России, как тяжело было советской республике, оклеветанной наемными агентствами печати Антанты, как предательски на нее напали, блокировали ее и доводили ее до голода эти скользкие, лживые обманщики, повторявшие

лицемерные, успокоительные фразы о «невмешательстве во внутренние дела России». «Союзники сеют в России зубы дракона, — сообщал я по радио в «Манчестер гардиан» 3 июля. — Но настанет день, когда из них вырастут штыки, которые повернутся совсем не в ту сторону, какую они ожидают». Но и это сообщение либо не было принято, либо цензура Антанты позаботилась о том, чтобы оно не было доставлено по назначению.

В последней неделе августа «Известия» опубликовали признания Локкарта. ЧК напала на след заговора против республики, в котором играл роль британский агент Локкарт⁴⁶. Как выяснилось, он пригласил к себе на квартиру офицера Латышского полка Московского гарнизона и предложил ему большую сумму денег, чтобы устранить советское господство в Москве и арестовать Совет народных комиссаров. В качестве ответной услуги за это Локкарт, не беря на себя формально обязательств, намекнул, что союзники признают независимость прибалтийских губерний. Несколько дней спустя Рене Маршан выступил со своим письмом президенту Пуанкаре⁴⁷, которое позже было издано в форме брошюры, обращенной к общественности. В этом письме бывший корреспондент «Фигаро» описывает заседание, состоявшееся на первой неделе августа в американском консульстве, на котором он присутствовал вместе с английскими и французскими дипломатическими представителями и на котором некоторые другие агенты консульств стран Антанты в Москве обсуждали план взрыва железнодорожных мостов через Волхов — действие, которое, если бы оно было выполнено, обрекло бы все население Петрограда на голодную смерть.

Возмущение, которое должны были вызвать эти преступные планы у всех порядочных людей, привело ряд проживавших в Москве граждан стран Антанты, в том числе и меня самого, к решению держать сторону русских Советов, будь что будет, и приложить все возможные усилия, чтобы раскрыть глаза рабочим и солдатам стран Антанты на роль, которую уготовили им их властители в отношении России и исполнить которую они вот-вот уже должны были. Я со своей стороны на второй неделе августа сел и написал, так быстро, как это позволило мне мое перо, брошюру под заглавием «Правда об интервенции союзников в России», которую я подписал своим полным именем с тем, чтобы каждый англичанин мог знать, что среди его земляков есть по крайней мере один человек,

---

⁴⁶ Это подозрение против Локкарта было потом подтверждено при допросе соучастника Локкарта Верховным революционным трибуналом 28 ноября 1918 г., на котором я лично присутствовал. (Прим. авт.)

⁴⁷ Р.Н. Пуанкаре (1860–1934) — президент Франции (1913–1920).

который не обо всем молчит. Брошюра была издана тиражом в 50 тыс. экземпляров и переведена на три языка. Подобную задачу взял на себя член французской военной миссии, и, таким образом, образовалась маленькая группа граждан стран Антанты в Москве, которые торжественно обещали друг другу не прекращать своей деятельности, пока интервенции союзников не будет положен конец. Я даже пошел в штаб-квартиру интернационального формирования Красной армии в Замоскворечье, чтобы попросить занести меня в списки бойцов. Но там не хватало обмундирования и оружия, так как военный комиссариат направил всю свою энергию на обучение отборных батальонов из рабочих петроградских и московских фабрик. Между тем мне предложили должность переводчика в Комиссариате иностранных дел, где я приступил к переводу на английский язык советской конституции и Декрета о земле. Таким образом я надеялся хоть немного помочь разбить ту стену лжи и клеветы, которой была окружена советская республика.

В разгар напряженной работы этих дней мне все-таки удалось выкроить немного времени, чтобы задуматься и составить себе ясное представление о создавшемся положении, понять, что интервенция союзников явилась неизбежным и закономерным эпизодом в цепи политических событий, которые произошли, как следствие мировой войны. Ибо социальная революция, имевшая место в России, настолько поколебала основы международного финансового капитала, что империалистические силы обоих военных лагерей были самым ходом событий необходимым образом вплотную подведены к попытке задушить советскую республику силой. Я понял международный характер нападок, направленных против советской республики, сохраняя связь с определенными буржуазными и аристократическими кругами Москвы. Я жил в это время в доме графа Сергея Толстого, старшего сына Льва Толстого, в Левшинском переулке. Когда угроза репрессивных мер против «буржуазии» всё больше усиливалась, этот дом стал настоящим сборным пунктом для аристократов, лишенных своих привычных корней, или кадетских политиканов, которые еще ни в малейшей степени не помышляли о прекращении борьбы. Что касается самого графа и графини, то они занимали позицию беспристрастности, в высшей степени достойную похвалы, и возмущались уже одним подозрением в том, что они позволили превратить свой дом в место для собрания реакционных заговорщиков. Само собой разумеется, что им, учитывая их воспитание и прежнее окружение, было невозможно симпатизировать всем действиям Советов и коммунистов или даже хотя бы понимать их. Граф унаследовал нечто от

христианско-анархистских тенденций своего отца и развил их дальше. Он осуждал старый режим в России и мечтал о социальном порядке в стиле Генри Джорджа⁴⁸. Но время от времени ему приходило в голову, что он когда-то был гордым помещиком с множеством деревень, которые он называл своими собственными, и тогда он внутренне протестовал против «красных тиранов», которые уничтожили его «свободу». Графиня вела себя таким же образом. Мне казалось, что оба они во время этих жутких дней мечтали об отдаленном уголке где-нибудь в глубине России, где они могли бы мирно дожить свой век. Могли ли они понять действие тех сил, которые развязали этот гигантский социальный взрыв? Это было бы достаточно тяжело даже и для молодого поколения, которому не нужно было преодолеть предрассудки, унаследованные от ушедшего общественного порядка.

В их доме в августе и сентябре собирались группы интересных людей. Они приходили чаще всего с наступлением темноты, спрятав лица в воротники пальто. Часто они, не раздеваясь, отсыпались на диване в гостиной, чтобы вновь исчезнуть прежде, чем взойдет солнце. Это были те, которые, как правило, ожидали среди ночи обыска в своем собственном доме, со стороны ЧК. Я вспоминаю князя Трубецкого⁴⁹, специалиста в области церковной истории и кадетского политика. Часто приходил также князь Волконский⁵⁰ и различные родственники графини, связанные с ген. Скоропадским, прусским гетманом Украины. Младшая дочь Льва Толстого, сестра графа, также временами там появлялась. Во время войны она работала в Красном Кресте и была настроена дружелюбно скорее в отношении стран Антанты. Послушав ее речи, можно было составить довольно ясную картину настроений русской аристократии и буржуазии тех дней. Одни стояли за немцев, другие — за союзников. Но их, однако, ничуть не беспокоил вопрос о том, кто победит в Западной Европе. Для них был только один вопрос — как могли бы примириться Англия с Германией и как можно было бы с помощью обеих сторон свергнуть советскую власть. Прусские элементы верили, что центральные державы смогут, даже в случае поражения, достигнуть Москвы и спасти ее. Они молились о том, чтобы союзники, в случае их победы, предоставили бы немцам свободу

⁴⁸ Г. Джордж (1839–1897) — американский политэконом, публицист и политик.

⁴⁹ Е.Н. Трубецкой (1863–1920) — философ, правовед, публицист.

⁵⁰ С.М. Волконский (1860–1937) — театральный деятель, режиссер, критик, мемуарист.

рук, возможность раз и навсегда свести счеты с комиссарами. Просоюзнические элементы не имели ничего против этого при условии, что операции Людендорфа на востоке проходили бы под контролем союзников. Подчас их взоры устремлялись на Дальний Восток. «Знаете ли вы, — спросил меня однажды кто-то из них, — что распространяется слух о том, что японцы продвигаются на Урал и еще до Рождества будут здесь?» Глаза говорившего загорались при мысли, что он опять овладеет своими поместьями с помощью штыков желтой расы. И, когда стало выясняться, что японцы не очень-то спешат продвигаться к западу от озера Байкал, этот же самый «патриотический» сын русской аристократии спросил меня, не думаю ли я, что у французов могли бы найтись лишние африканские, а у англичан индийские войска, чтобы послать их через Кавказ в Центральную Россию. Он готов был приветствовать появление в России кого угодно — немцев, союзников, японцев, китайцев или чехов, — лишь бы только они восстановили их, этих сынов русской аристократии, в их старых, унаследованных от предков правах и привилегиях, если бы они только согласились жестоко наказать, железом и кровью собственных крестьян этих господ. То, что я услышал в этом доме, было лучшим доказательством, что национальное чувство составляет лишь весьма малозначительный фактор в человеческой психологии. С известной точки зрения только фундаментальные общественные инстинкты играют действительную роль при выработке классовой воли.

5 сентября я действительно подумал, что последний час советской республики пробил. Ибо в этот вечер агент правых эсеров, Ф. Каплан, дважды выстрелила в Ленина, когда он покидал рабочее собрание в Москве, и тяжело ранила его. В тот же день агенты правых эсеров убили двух комиссаров Петроградского совета, известных коммунистов Урицкого⁵¹ и Володарского⁵². В это же время распространились слухи о наступлении чехословаков на Нижний Новгород и Краснова на Воронеж. Огненные языки пламени охватили хранилища нефти на окраине Москвы, составлявшие последний запас топлива на время зимних холодов. Положение казалось настолько страшным, что я стал присматривать себе место в отдаленной деревне, где я смог бы укрыться на пару недель, чтобы написать воспоминания о прошедших 18 месяцах, пока я не стал жертвой приближающегося белого террора.

⁵¹ М.С. Урицкий (1873–1918) — в 1918 г. председатель Петроградской ЧК.

⁵² В. Володарский (наст. имя и фам. М. Гольдштейн) (1891–1918) — в 1918 г. комиссар печати, пропаганды и агитации в Союзе коммун Северной области.

Но я не принял в расчет ЦК коммунистической партии, которая теперь представляла собой единственную силу, руководившую Советами. Как раз безнадежность положения, казалось, вдохнула в людей, сидевших в этом комитете, нечеловеческую волю и энергию. Это были, большей частью, люди, чьи имена в то время не были широко известны общественности, так как самый выдающийся вождь, Ленин, был тяжело ранен и боролся со смертью, а Троцкий был далеко, на Юго-Западном фронте, озабоченный тем, чтобы собрать воедино слабые контингенты Красной армии против громадной вражеской превосходящей силы. Радек, Дзержинский⁵³, Петерс⁵⁴, Свердлов, Сталин⁵⁵ и Бела Кун⁵⁶, казалось, были, — каждый на своем посту — самыми выдающимися головами в этот наивысший момент кризиса. Я никогда не забуду статьи, появившейся в «Известиях» в субботу 7 сентября. Ее смысла нельзя было не понять. Вводился красный террор. Было сделано предложение взять заложников из числа бывших офицеров царской армии, из числа кадетов и из семей петроградской и московской буржуазии и расстреливать их — по десять человек за каждого коммуниста, который стал бы жертвой белого террора. Вскоре после этого ЦИК Советов издал декрет, согласно которому всем офицерам старой армии, находившимся на территории республики, предписывалось собраться в определенный день в определенном месте. Следствием этого была страшная паника среди московской буржуазии, как я мог понять из разговоров, которые я слышал в доме Толстого. Некоторые из его посетителей советовали подчиниться этому декрету, в то время как другие заявляли, что будут оказывать ему сопротивление до последней возможности. «К чему этот страх, — говорили они. — Красные тираны в лучшем случае останутся у власти еще несколько дней, и арестованные смогут посмеяться над своими тюремщиками, так как их освобождение уже вот-вот состоится. Союзники продвигаются на юг, чехословаки настойчиво движутся на запад, а Краснов — на север».

И это в действительности было одной из причин, которая побудила коммунистов перейти к красному террору. Заговорщиков можно было убедить в том, что советская республика достаточно сильна, чтобы заставить себя уважать, только в том случае, если бы она была в состоянии покарать своих врагов. Но ничто не произвело бы на этих врагов

⁵³ Ф.Э. Дзержинский (1877–1926) — в 1917–1918 гг. председатель ВЧК.

⁵⁴ Я.Х. Петерс (1886–1938) — в 1917–1918 гг. заместитель председателя ВЧК.

⁵⁵ И.В. Сталин (наст. фам. Джугашвили) (1878/1879–1953) — в 1917–1923 гг. нарком по делам национальностей РСФСР.

⁵⁶ Б.М. Кун (1886–1938) — в 1918 г. участник Гражданской войны в России.

такого впечатления, как угроза смертью, ибо все они были убеждены в близком падении советской республики. Если принять во внимание эти обстоятельства, то трудно увидеть, к какому другому оружию смогли бы прибегнуть коммунисты, чтобы достигнуть поставленной ими цели. Все сдерживающие мотивы, подсказанные так называемой цивилизацией, были отброшены в сторону и оба противника, красный и белый, схватились друг с другом в борьбе, в которой физическая сила была решающим фактором. Для белых борьба велась за спасение того, что они называли «Россией» и что состояло в тирании меньшинства. Если бы победили они, то они намеревались восстановить старый, хорошо им знакомый общественный строй, смягченный тем, что они довольно неопределенно обозначали выражением «западная демократия». Красные знали, что они, как меньшинство, противостояли другому меньшинству, в то время как колебавшиеся и нерешительные составляли преобладающее большинство, которое стояло в стороне, и чья позиция зависела от исхода борьбы. Они знали, что борются за более благородный и высший общественный строй, нежели тот, который они свергли. Поэтому-то и оставался один вопрос: какое из этих обоих меньшинств было сильнее убеждено в своем моральном превосходстве и кто из них двоих обладал большим мужеством и верой в себя. Даже если предположить, что обе стороны были в одинаковой степени проникнуты сознанием своей миссии, то я думаю, что обе имели право апеллировать к мечу, т.е. к террору. Ибо, если одна из сторон прибегла бы к физической силе, в то время как другая полагалась бы лишь на свою моральную силу, то идеи последней остались бы, раз и навсегда, лишь набожными фразами, в то время как только идеи первой были бы внесены в книгу истории, из которой будущие поколения черпали бы пронизательность и опыт. Но, как непосредственный наблюдатель, я могу подтвердить, что чаши весов были в этом отношении не равны. Белые повредили своему делу, апеллируя к помощи заграницы. Будучи разбиты в настоящем бою перед воротами Петрограда в ноябре 1917 г., разбиты в Могилеве, разбиты в многочисленных мелких боях, в которых Советы со времени свержения коалиции Керенского установили свою власть по всей русской земле, белые призвали теперь в страну чужеземцев. И в каком качестве последовали чужеземцы этому зову? Они не устраивали интервенции в первые дни Октябрьской революции, потому что рассматривали Советы как шутку, а большевиков как клоунов. Но когда они увидели, что Советы не были шуткой и что клоуны были в состоянии аннулировать как царские долги, так и ту дань потом и кровью, которую десятилетиями выжимал французский ростовщик из русского рабочего

и крестьянина, тогда они изменили свою политику и последовали зову белых. И одно обстоятельство, что белые не испугались этого действия, ослабило их моральную позицию и подорвало их веру в собственные силы. Теперь весь вопрос состоял только в том, удастся ли красным мобилизовать достаточно крупные материальные вспомогательные силы, чтобы изгнать чужеземных захватчиков за границу. Революционная война все больше и больше принимала национальный характер.

Нет необходимости особо подчеркивать, что террор, хотя он и является оправданным оружием в революционной борьбе, обнаруживал достойные сожаления эксцессы с обеих сторон. Из числа офицеров царской армии, которые должны были явиться на регистрацию в Петрограде, 500 человек были арестованы и без предварительного следствия расстреляны. Большую их часть составляли безобидные люди, которые попросту стали жертвой, чтобы наполнить белых страхом и ужасом. Подобные ужасы имели место в областях, занятых чехословаками и казаками Краснова. Нет смысла останавливаться на этом. Но необходимо указать на тот факт, что помощь, которую оказывала за граница русским акционерам, была самой главной причиной большого ожесточения борьбы, сделавшей неизбежными эксцессы в больших размерах с обеих сторон. Несмотря на это, несколько тысяч жизней, которые стали жертвами во время тяжелого периода красного террора, не идут ни в какое сравнение, не составляют заметной величины в сравнении с теми миллионами человеческих жизней, которые были принесены в жертву империализмом в ходе мировой войны⁵⁷.

Дни, следовавшие за казнью 50 офицеров в Петрограде, были самым мрачным периодом красного террора. Совещание ЦИК Советов и Всероссийского совета профсоюзов, проходившее в Москве 10 сентября, на котором я присутствовал и на котором представитель ЧК выступил с докладом, пригрозило «всем предателям — смертью», а «чужеземным захватчикам — беспощадной войной». На всей территории советской республики было объявлено осадное положение. ЧК были даны полномочия арестовывать всех лиц в зоне боевых действий Красной армии, ко-

---

⁵⁷ Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией сообщила в марте 1920 г. в «Известиях», что в течение 1919 г. по ее приказу были казнены 2640 человек и примерно 6000 во время последних четырех месяцев 1918 г. После поражения Деникина и Колчака расстрел на месте и смертная казнь были на несколько месяцев отменены, пока союзники не предприняли в мае 1920 г. своего наступления с помощью поляков. Тогда, между 15 июня и 15 июля, были казнены 893 человека на основании постановлений Верховного революционного трибунала. (Прим. авт.)

которые совершали измену, и в течение 24 часов после суда над ними, если не последовало апелляций, казнить. Вне зоны боевых действий о предстоящих казнях должен был быть поставлен в известность Совет народных комиссаров, которому было предоставлено право отменять приговор до истечения 24-часового срока. Далее совещание решило исключить из ЦИК Советов кучку меньшевистских делегатов, которые находились там еще на основании права представительства, предоставленного политическим партиям. Этот шаг был обоснован тем, что указанные делегаты вели себя по отношению к развернувшейся борьбе нейтрально и тем помогали контрреволюции. Был издан декрет, который объявлял советскую республику находящейся в величайшей опасности и призывал всех рабочих, способных носить оружие, вступать в Красную армию. Заседание проходило в чрезвычайно спокойной и деловой атмосфере. Мне особенно бросилось в глаза отсутствие всякой паники или возбуждения умов. Решили также провести повсюду в стране особые собрания на каждом предприятии, чтобы разъяснить рабочим положение и впредь проводить такие собрания каждую субботу. ЦК коммунистической партии должен был взять это дело в свои руки и докладывать о ходе его ЦИК Советов.

Эти собрания на предприятиях, проходившие по субботам по полудни, имели в течение всего этого кризиса большое значение. Я посетил многие из них в пригородах Москвы в течение сентября. Фабричные дворы по большей части превратились в площадки для обучения рекрутов Красной армии. Каждую субботу после 10-дневного обучения отсюда уходили строем отряды к железнодорожным станциям, где они, окруженные толпой демонстрантов с красными знаменами, садились в поезда, которые должны были доставить их на фронт. Среди этих революционных боевых полков на первом месте стояли рабочие — металлисты Петрограда и текстильщики Москвы, в то время как Бела Кун создавал особые батальоны из венгерских коммунистов, бывших военнопленных. Матросы Балтийского флота также не отставали.

Тем временем Троцкий осматривал один участок фронта за другим. На нем лежала большая задача достичь единства и централизации военного руководства. Здесь ему предстояло бороться с бесконечными трудностями. Дух, которым были проникнуты красногвардейские партизанские отряды, был еще живуч во многих губерниях. Анархистские элементы среди мелких крестьян сопротивлялись дисциплине, насаждавшейся сверху. Некоторое число красногвардейских отрядов, которые раньше находились под руководством левых эсеров, оперировали на Юго-Восточном фронте против Краснова. Они сами выбирали себе своих начальни-

ков, наступали, отступали или оставались стоять на месте, как им заблагорассудится. Часто они подвергали части Красной армии, сражавшейся на их фланге, опасности быть отрезанными или окруженными. Это положение становилось постепенно невыносимым, и Троцкий решил положить ему конец. Он послал этим красногвардейским частям ультиматум, в котором приказал либо подчиниться приказам Штаба войск Юго-Западного фронта, либо сдать свое оружие. Когда ответа не последовало, он послал на то место, где они действовали, бронепоезд и дал им 10 минут, чтобы сдаться. Перед лицом подобного довода им не оставалось ничего другого, как сложить оружие. Тем самым самая большая нерегулярная войсковая часть Красной гвардии была распущена. Так исчезла живописная черта в картине русской революции в начальной ее стадии. Эти иррегулярные красногвардейские части в свое время выполнили большую задачу. Они разбили Керенского, победили Корнилова и Каледина, но против дисциплинированных вооруженных сил международной контрреволюции их нельзя было использовать.

Милитаризация революции уже шагнула далеко вперед. Каждой части Красной армии теперь была придана Троцким сеть политических комиссаров. Начиная от командиров дивизий и до командиров батальонов, а также специалистов бывшей царской армии, которые изъявили готовность работать за вознаграждение, все подчинялось тем самым контролю, который осуществляла сеть политических комиссаров, по большей части являвшихся коммунистами или лицами, назначенными ЦК коммунистической партии. Была введена строжайшая дисциплина. Я вспоминаю, как я прочел в «Известиях» на первой неделе октября сообщение о расстреле 10 солдат Красной армии на Южном фронте за неповиновение, пьянство и трусость. Привлечение специалистов бывшей царской армии, которому так страстно и так успешно противились анархисты и левые эсеры в первые дни июля, было теперь проведено простым декретом ЦИК Советов. Высокие оклады были обещаны также тем, кто, в час нужды, побуждаемый совестью, хотел помочь республике своими знаниями. Теперь больше не было революционных пуристов, которые выступили бы против них. Коммунисты заявили тогда, что речь идет только о преходящих мероприятиях, но непредвзятый наблюдатель склонен был относиться к этому заявлению скептически.

Плоды этих героических мероприятий не заставили себя долго ждать. 15 сентября началось большое наступление войск Восточного фронта Красной армии на чехословацкие линии перед Казанью, проходившее под личным контролем Троцкого. Наступление увенчалось успехом и го-

род сдался 17 сентября. В этой битве особенно отличались рабочие-металлисты Петрограда, а также матросы, которые действовали, находясь на борту судов на Волге. Безграничное ликование распространилось в Петрограде и Москве при получении известий об этой победе. Казалось, что в книге истории открылась новая страница и советской республике действительно удастся покончить со своими врагами. Во всех промышленных центрах севера проходили внушительные уличные демонстрации. На предприятиях и в советских учреждениях проходил сбор вещей для Красной армии, и в качестве подарка на фронт посылались папиросы. ЦИК Советов своим декретом учредил награждение орденом Красного Знамени за мужество в бою с врагом. Можно было вновь почувствовать атмосферу, чуть ли не напоминающую августовские дни 1914 г. И все же нельзя было не заметить новой ноты. Все чувствовали, что в первый раз в истории появилась армия рабочего класса и уже принесла доказательства того, что она — по крайней мере в первой схватке — была способна победить наемников своих классовых врагов. Этот факт оказал также магическое действие на колеблющиеся элементы. Люди, которые относились к числу сомневающихся, начали теперь хвалить коммунистов. Многие иностранцы в Москве, которые до тех пор отзывались о Советах скептически, считая их способными только произносить речи, теперь поддавались влиянию революционного духа, проникнутого радостью одержанных побед.

Последующие две недели принесли с собой дальнейшие победы. Симбирск и Сызрань пали, и чехословаки были отброшены к Самаре. 5 октября началось окружение ее с запада, юга и севера, которое окончилось захватом города Красной армией 9-го числа и восстановлением свободного движения судов по Волге. Оставалось еще три недели до того, как река замерзнет, и за это время балтийские матросы и речники Волги предприняли героические усилия, чтобы подвезти все наличное зерно и горючее с юга голодающим городам севера. Но, несмотря на все их усилия, перспективы — в части снабжения промышленных центров в предстоящую зиму продовольствием и горючим — оставались чрезвычайно мрачными. Планы французской военной миссии и Национального центра — отрезать рабочих городов севера от продовольствия и горючего в наказание за аннулирование царских долгов — в большой степени удались.

К середине октября внутреннее положение, как оно сложилось в результате побед Красной армии на востоке, выглядело следующим образом. Мелкое крестьянство дало ясно понять свое желание примириться с рабочим классом городов и полупролетариатом деревень. Полное восстановление старого общественного порядка, которое оно собственными

глазами видело в занятых чехословаками уездах, привело их к убеждению, что правые эсеры, со всеми их демократическими фразами, не были в состоянии оказать сопротивление мощным силам реакции, которые повсюду, куда они приходили, следовали за ними по пятам. Но как только они, мелкие крестьяне, увидели, что победа чехословаков означает возвращение крупных помещиков, их позиция по отношению к коммунистам изменилась и из противостоящей враждебной превратилась в осторожно дружественную. По большей части они отвернулись от левых эсеров и стали поэтому как бы стадом без пастуха, ждущим звона колокольчика, который указал бы им путь к их загому. С другой стороны, кулаки и богатые крестьяне юго-восточных губерний так сильно скомпрометировали себя своими отношениями к чужеземным захватчикам, что их влияние на ход событий с этого времени быстро исчезало. В областях, занятых белыми, они продолжали сидеть в правительствах, поставленных к власти иностранными штыками, и, занимая посты министров, пытались и теперь еще влиять в своем духе на военные миссии союзников и на Национальный центр. На советских территориях республики кулакам пришлось плохо. У них без разговора забирали излишки зерна и не платили за это; это было наказание за то, что они поддерживали белых; их надель земли были уменьшены до размеров, обычных для остальных членов сельской общины.

Во время осенних месяцев 1918 г. я каждую неделю предпринимал двух-трехдневное путешествие в далеко расположенные уезды Московской, Тверской, Тульской и Смоленской губерний. Ближайшая цель, которую я преследовал при этих поездках, состояла в том, чтобы добыть для хозяйства Толстых мешок картошки или несколько фунтов постного мяса. Ибо, хотя я и работал в Комиссариате иностранных дел, я не жил в одной из больших трудовых коммун, в которых ели и спали большинство служащих комиссариата. Я продолжал еще цепляться за одни из немногочисленных и все более суживающихся островков, на которых сохранялся буржуазный уровень жизни, и наслаждался привлекательными сторонами этого исчезающего общественного порядка. В конце каждой недели я регулярно становился добытчиком (по-русски — мешочником) и подвергался опасности предстать перед ЧК! Все же в доказательство моей невиновности я мог привести тот факт, что трудовые коммуны были слишком переполнены, не принимали новых членов, а новые еще не были созданы.

В этих поездках мне представилось множество случаев вступить в соприкосновение с различными категориями крестьянства и познако-

миться с различными их взглядами. Я помню, как я установил, что в августе влияние ЦИК Советов в отдаленных губерниях распространилось немногим более чем примерно на 20 верст по обе стороны от железнодорожной линии вглубь страны. Так было в маленьком провинциальном городе Можайске, в который я приехал после путешествия на товарной платформе, длившегося целый день. Там местный крестьянский Совет был очищен Комитетом деревенской бедноты, состоявшим по большей части из молодых рабочих, которых война и блокада заставили оставить свою прежнюю работу в Москве. Крестьянский совет дал указание Советам близлежащих деревень предъявить ему списки инвентаря и запасов, имевшихся в прежних помещичьих имениях. Далее он запретил вывоз зерна из уезда, если только он не производился местным комиссаром по делам продовольствия. К концу августа с мест не поступило ни одного ответа относительно наличия инвентаря в имениях, хотя приказ был издан шесть недель тому назад, и железная дорога была переполнена мешочниками, которые контрабандой провозили зерно в Москву. Месяцем позже я вновь посетил Можайск и нашел, что положение вещей очень изменилось. По соседству с бывшим помещичьим имением были созданы два советских хозяйства и каждого пассажира беспощадно обыскивали при выезде и въезде на железнодорожную станцию. Мне не разрешили взять с собой в Москву больше 15 фунтов картофеля и трех фунтов мяса. Остаток моих покупок был безжалостно реквизирован, причем мне была возмещена его стоимость по очень низким ценам, установленным комиссаром продовольствия. Было чрезвычайно примечательным и многообещающим признаком времени это укрепление дисциплины и порядка даже в сельских уездах. За пределами этой зоны никто, казалось, не слышал ничего о декретах комиссаров или о Комитетах бедных крестьян. «Мы в нашей деревне не принадлежим ни к какой партии, — сказал мне крестьянин отдаленной общины. — Мы сами партия; мы не хотим иметь кадетов, потому что они помещики и капиталисты; не хотим мы также и большевиков. Говорят, что большевики придут в нашу деревню; один из их комиссаров уже был на прошлой неделе по соседству; если они придут, то нам придется с ними стовориться, ведь у них сила в Петрограде и Москве». Эти слова, кажется мне, довольно точно отражают настроение мелких крестьян в отдаленных сельских районах Центральной России в то время. И они, по всей вероятности, были еще менее хорошо настроены по отношению к Советам, в сравнении с крестьянами Украины и губерний Нижней Волги, ибо они не пережили оккупации своей области реакционерами. Но все же и они были готовы терпеть коммунаров.

В другом случае я посетил маленький город Кимры в Тверской губернии. Здесь имелся сильный слой мелкого крестьянства, который занимался главным образом домашним кустарным промыслом (сапожные мастерские), а также выращиванием картофеля и льна. Значительную часть населения составляли здесь полупролетарские элементы. Они работали на льнотеребилках вдоль Московской железной дороги. Посещение чайного заведения или трактира позволило мне обнаружить тот факт, что даже маленькая сельская община переживала брожение. Там происходили бурные перепалки. Спорили о войне с белыми, причем тщательно взвешивались перспективы победы над иностранными войсками. В целом, война, казалось, не была непопулярной, и я неоднократно слышал слово «капиталистический», когда речь шла об английском и французском правительствах; это служило доказательством того, что длившаяся много месяцев подряд пропаганда большевиков начала знакомить крестьян с революционной терминологией. Что касается внутренних вопросов, то раздавались громкие жалобы на слишком низкие предельные цены, и чувствовалась известная тоска по свободной торговле сельскохозяйственными продуктами. Те, кто занимался кустарной промышленностью, жаловались на попытки комиссаров поставить под контроль Совета народного хозяйства их артели и контролировать их цены и условия продажи. Но, с другой стороны, слышались также голоса тех, кто вступался за комиссаров. Люди ссылались на войну, которая была навязана республике держателями купонов, и указывали на то, что война требует строжайшей дисциплины, чтобы побороть всеобщую нужду и обеспечить каждому хотя бы минимально необходимый уровень жизни. Эти дискуссии в общественных местах служили лучшим доказательством того, что вторая аграрная революция медленно проникала и в отдаленные районы, и ее приближение было только ускорено наступлением международной контрреволюции.

Глава 22. Крушение германского империализма. Революции угрожают новые опасности

27 августа в Москве и Берлине дипломатическими представителями Германии и Советской России был подписан дополнительный договор к Брест-Литовскому мирному договору. Новые условия были для советской республики гораздо благоприятнее, чем условия первоначального договора. Был разрешен обмен промышленных товаров на сельскохозяй-

заявленные продукты между Советской Россией и режимом Скоропадского на Украине. Принимая во внимание частичное погашение Советами установленных договором репарационных сумм в золоте, немецкие войска в Прибалтике и в оккупированных на западе областях должны были быть отведены на новую линию, которая шла из Пскова к Двинску до Борисова. По мере того как шло погашение военного долга, войска должны были отводиться все дальше. Общая сумма репараций была примерно на полтора миллиарда золотых рублей, и немецкое правительство пошло на то, чтобы признать законы о социализации, изданные советской республикой. Большевики торжественно подписали этот дополнительный протокол; они приветствовали его как плод дипломатии Ленина, которая опять оправдала себя с полным блеском. Конечно, было совершенно ясно, что империалисты центральных держав никогда не сделали бы этих уступок, если бы развитие событий в другом месте не вынудило их к этому. И как раз на эти события опиралась реалистичная политика Ленина.

29 сентября в Москву пришло известие о крушении болгарского фронта, благодаря чему союзникам представилась возможность предпринять наступление на центральные державы в районе Балкан. На западе немцы сами отступали по всему фронту. Это известие вызвало в Советской России бурное возбуждение. «Известия» вышли с большими заголовками, которые возвещали о «крушении мирового империализма» и о приближении мировой революции. На специальном заседании Московского совета профсоюзов, состоявшемся на следующий день, я прослушал пространную речь Ленина о международном положении. Он пообещал немецким рабочим прийти на помощь силами миллиона красных солдат и всех материальных источников, какими располагала советская республика, включая поезда с продовольствием из южных губерний в случае, если они свергнут правительство кайзера и будут испытывать трудности перед лицом Антанты. Этой речью Ленин явно имел в виду оказать пропагандистское влияние на Берлин, и то, что он неплохо выбрал момент для этого шага, подтвердилось двумя днями позже, когда последовала отставка немецкого рейхсканцлера. В этот вечер, когда было получено это известие, Каменев на заседании ЦИК Советов огласил телеграмму из Берлина, в которой говорилось о назначении принца Макса Баденского рейхсканцлером, с задачей изменить немецкую конституцию и заключить с народами Антанты демократический мир, опирающийся на 14 пунктов Вильсона. Я никогда не забуду иронический смех, которым приветствовали присутствующие это сообщение. «Недолго он пробудет

на этом посту!»; «Об этом позаботится Либкнехт^{58!}» — слышались возгласы охваченных энтузиазмом членов ВЦИК. Трудно описать, насколько невысоко оценивали русские революционеры таких людей, как принц Макс Баденский и особенно Вильсон с его 14 пунктами. Инстинкт, как показали дальнейшие события, чрезвычайно верный, подсказал им, что эти люди с их демократическими программами были лишь куклами, которые предоставляя реакции дергать себя за ниточку, чтобы отвлечь внимание от того, что происходило за кулисами. Скоро выяснилось на деле, почему эти люди не заслуживали серьезной оценки. Как известно, новое немецкое правительство сначала обратилось к президенту Вильсону и попросило его о посредничестве в целях заключения мира на основе его 14 пунктов. Вильсон ответил немцам призывом сначала прекратить подводную войну и другие виды бесчеловечного ведения войны. Это пришлось Советам очень кстати. В Комиссариате иностранных дел тотчас же была составлена нота президенту Вильсону, которая по существу ей остроумию и злому сарказму превзошла все, что до того исходило из этого комиссариата⁵⁹. Автор этих строк сидел тогда всю ночь напролет, чтобы помочь переводу ее на английский язык. Опираясь в своей аргументации на 14 пунктов, нота напоминала о том факте, что советская республика с первого момента своего существования заявила о своей готовности заключить мир на основе 14 пунктов и указывала на слова президента, сказанные в марте этого года об остром испытании, которому Россия подвергла политику союзников, ее искренность. Переходя к вопросу о наступлении, нота говорила об отвращении, которое советское правительство испытывает к жестокости немцев, что совпадает с позицией президента, и ставила перед ним вопрос: готов ли он, подобно тому как он отказывается иметь дело с немцами, пока они не прекратят подводной войны и других нападений на жизнь и имущество людей, отвергнуть также и всякую связь с чехословаками, пока они не возвратят золото, похищенное в русском Государственном банке, и не отпустят заложников, которых они захватили с собой при эвакуации Казани, действуя по просьбе французской военной миссии? Согласится ли президент вступить в сношения с Советами, хотя они как правительство рабочих и крестьян и не представляют собой одобряемую им форму правительства? Со своей стороны

⁵⁸ К. Либкнехт (1871–1919) — один из основателей Коммунистической партии Германии.

⁵⁹ По-немецки она опубликована в серии «Kleine Bibliothek der Russischen Korrespondenz», Berlin, Nr. 23/24 («Drei Kundgebungen aus dem Jahre 1918»). (Прим. авт.)

Советы не могут, с принципиальной точки зрения, одобрять правительство, представляемое президентом Вильсоном, так как оно является правительством торговцев ценными бумагами и финансовых капиталистов. Но это не мешает им послать эту ноту и выразит ему свою готовность заключить с ним мир и завязать торговые отношения. Нота осталась, конечно, без ответа, и органы цензуры стран Антанты позаботились о том, чтобы публике, для которой она была предназначена, она стала известна лишь в весьма искаженной форме.

2 ноября пришло известие о том, что вспыхнула революция в Венгрии, которая объявила себя независимой республикой и создала коалиционное правительство из представителей демократических и социалистических партий. Волны воодушевления вздымались в городах Советской России все выше. Каждый, кто был как-либо связан с Советами, был непоколебимо убежден в том, что мировая революция уже наступила. Предсказывали, что в державах германского блока наступит период кренщины, как переходная ступень, которая, однако, продлится недолго, а затем уступит дорогу коммунистическим Советам на всем европейском континенте. В самый разгар этих волнующих событий я имел возможность повидать Ленина в его квартире в Кремле и в ходе беседы, посвященной множеству различных вопросов, он высказался также и по поводу международного положения. К моему изумлению он, казалось, был далек от того, чтобы разделять всеобщий оптимизм относительно вот-вот готового будто бы разразиться взрыва мировой революции. Напротив, он, по-видимому, думал, что события в Центральной Европе могут принести советской республике новые и притом грозные опасности. Его взор был устремлен к Черноморскому побережью, куда, как он, видимо, думал, готов приблизиться флот Антанты, проникнув туда через открытые для него Дарданеллы, и готовый высадить на южный берег России хорошо обученные армии, обильно вооруженные танками и другими новейшими средствами ведения войны. «Что мы сможем им противопоставить, если они действительно пошлют солдат, — сказал он. — А эти солдаты действительно послушаются своих правителей и начнут поход?» «И, — задумчиво добавил он, — я боюсь, что социальная революция в Центральной Европе будет разворачиваться слишком медленно, чтобы иметь возможность оказать нам какую-либо помощь». Вскоре после того, как я был у Ленина, мне попался номер «Крейццейтунг». В передовой статье, датированной первой неделей октября, этот орган прусских милитаристов указывал на ту большую задачу, которая выпадает теперь на долю Германии: не имея ныне возможности достигнуть своих целей на западе,

она должна закрепить себе место в «семье народов» путем подавления большевизма на востоке. «В борьбе против Советов, — говорилось в этой статье, — государства Антанты и Германия найдут тот мост, который ведет к объединению их культур и к спасению европейской цивилизации». Ленин, быть может, был действительно прав; перед советской республикой открывался новый период возросших опасностей.

Но при господствовавшем тогда настроении не хотелось и думать о подобных зловещих толках. Разве не приближалась годовщина Октябрьской революции? Советская республика сумела в течение целого года сохранить свое живительное пламя и прокладывала себе путь в борьбе против целого сонма врагов. Москву начали украшать, наводнять множеством самых удивительных аллегорических полотен, какие только были способны придумать революционные головы художников. Огромные красные полотнища трепетали на главных площадях, которые были переименованы. Все памятники прежним царям из дома Романовых были сброшены с постаментов, и на их месте поднялись статуи знаменитых революционеров прежних времен. Это послужило доводом для получившей широкое распространение шутки, что ЧК в своем стремлении расследовать и раскрыть любую измену зашла так далеко, что не пожелала терпеть существования в красных столицах, Петрограде и Москве, даже контрреволюционных памятников. Далее, лавки и будки Охотного ряда (рынка по торговле дичью и овощами, находящегося в центре города) были разрисованы самыми необычайными красками, отвечавшими последнему слову футуризма. «Это — восстание цвета против привычек и правил респектабельного буржуазного искусства», — сказал мой американский друг, анархист, который одновременно являлся художником и горячим сторонником этих новых форм искусства, внушавших непосвященным людям изрядный страх. После тяжелых дней июля, августа и сентября чувствовалось, что прежнее революционное воодушевление, которое так сильно владело массами в первые октябрьские дни, снова дает о себе знать, но на этот раз в сфере искусства. Внезапно я вспомнил о 20 брюмера 1793 г., о том дне, когда Большой Конвент поклонялся в соборе Нотр-Дам божеству Разума. Ныне не было божества, поднятого на трон и ставшего предметом поклонения. В этом карнавале 7 ноября 1918 г. не было никаких признаков культа божества. Повсюду царил новый бог, он жил в сердце каждого участника церемоний этих дней, каждого, кто ощущал стремление принять участие в борьбе за новый общественный строй. Символ этого духа можно было видеть на большом знамени, реявшем над 1-м Домом Советов (бывшей гостиницей «Метро-

поль»), на котором была изображена гигантская фигура полуобнаженного рабочего. Он сжимал в руках меч, занесенный, чтобы сокрушить врагов республики. Его символ был заключен и в огромном красном топоре на Красной площади, который глубоко ушел в колоссальную белую колоду; на ней буквами были начертаны слова: «Белогвардейцы». Его символ был виден и в том знамени, которое развевалось над зданием Дома союзов и изображало золотое солнце, восходящее над скрещенными серпом и молотом, эмблемами труда в поле и на фабрике. Всюду можно было видеть в те дни этот символ, и он говорил о борьбе — о смысле жизни, о самом важном в ней. Его идея пронизывала речи, с которыми революционные вожди обращались к огромной — более чем миллионной — массе людей (это больше половины всего населения Москвы), проходившей стройными рядами, с развевавшимися знаменами, под гром оркестров, перед большими трибунами, на которые падала тень московского Кремля. Я слышал только последние слова речи, так как и сам находился в колонне и поравнялся со стенами Кремля лишь после 4 часов пополудни. Затем прошел маршем московский гарнизон Красной армии, пронеслись мимо батареи красной артиллерии и на парад вышло только что созданное красное офицерское училище. И только тогда, когда сумерки спустились с зимнего неба, покрытого первыми снежными тучами, огромные массы людей разошлись, и первый большой праздник в честь Октябрьской революции закончился. Действие «мирового духа», вызывающего перемены в природе и в жизни людей, быть может, именно в этот день, хотя этого и не подозревали, получило свое полное воплощение.

На следующий день в Большом театре должен был собраться VI съезд Советов. Изменение в международной обстановке побудило ЦИК Советов выступить за ускоренное проведение новых выборов, чтобы сохранить контакт с губерниями и объяснить Советам отдаленных частей страны, что происходит вне пределов России. Делегаты этого съезда были на 80% коммунистами. Левые эсеры как партия теперь прекратили свое существование. Осталась только небольшая часть старой партии, которая не была скомпрометирована в предпринятой в июле попытке государственного переворота. Эта группа послала на съезд примерно 30 делегатов и представляла тот элемент среди мелких крестьян, который настойчиво стремился к примирению с большевиками. В соответствии с декретом ЦИК Советов, принятым в течение последнего месяца, меньшевики были исключены, и этот декрет еще не был отменен. Таким образом, в течение первого дня заседаний съезда создалось впечатление, что если бы в Центральной Европе не произошли в высшей

степени волнующие события, то делегатам предстояло бы попросту заслушать и обсудить доклады комиссаров или принять — либо видоизменить — декреты чисто административного характера. Другими словами, казалось, как будто съезд должен был стать дальнейшим свидетельством возрастающей склонности превратить советские учреждения в органы громадной бюрократии и государственно-капиталистической системы. И такова действительно была атмосфера, которая господствовала в первый день съезда, когда были оглашены доклады комиссариатов: военного, продовольствия и юстиции. Но перед вечером поднялся со своего места председательствующий Свердлов и зачитал телеграмму, которая содержала сообщение о том, что немецкое правительство только что выслало советского представителя Иоффе⁶⁰ со всем его штабом из Берлина, ссылаясь на то, что, во-первых, под прикрытием русской дипломатической почты в страну ввозится пропагандистская литература, предназначенная для войск, и что, во-вторых, советское правительство до сих пор не искупило свою вину в связи с убийством графа Мирбаха. Сообщение было встречено взрывом насмешек. Большое удовлетворение вызвало сообщение, сделанное Радеком. Он встал, чтобы сообщить, что будут немедленно высланы германский консул и Комиссия по делам военнопленных и что ЧК уже взяла ряд заложников, арестовав тех немецких агентов, которые были изобличены в соучастии в спекулянтских сделках и в ведении контрреволюционной пропаганды. Волны возбуждения вздымались все выше. «Так вот как выглядит то, что мы получили от правительства Макса Баденского, — воскликнул один из делегатов. — Нашим ответом будет разрыв Брест-Литовского мирного договора». В 2 часа ночи Радек поднялся и зачитал телеграмму, в которой сообщалось, что немецкий флот в Киле поднял красные флаги и послал свой привет русскому красному флоту в Кронштадте. Сцену, которая затем последовала, я никогда не забуду. Все делегаты съезда вскочили со своих мест и возгласы «ура» не умолкали более 10 минут. «Это лучший ответ им!» — кричали многие делегаты в то время, как председательствующий зачитывал послание, которое съезд намеревался передать по радио в Киль как свое приветствие. Только ранним утром делегаты вернулись на свои койки. В проходах театра я повстречал моего немецкого друга, д-ра Альфонса Паке⁶¹, корреспондента «Франкфурт цейтунг». Он был изрядно ошарашен известиями

⁶⁰ А.А. Иоффе (1883–1927) — в 1917 г. член Петроградского Военно-революционного комитета, во время брестских переговоров входил в состав советской мирной делегации, с апреля по ноябрь 1918 г. полпред РСФСР в Берлине.

⁶¹ А. Паке (1881–1944) — немецкий поэт, писатель и публицист.

и немало обеспокоен мыслью, что ЧК может протянуть и к нему свою руку, как она уже это сделала, по его словам, со многими сотрудниками немецкого консульства и Комиссии по делам военнопленных. Но сам он был захвачен идеями русской революции и, в отличие от большинства своих соотечественников, находившихся тогда в России, честно старался понять, осмыслить ту великую драму, которая разворачивалась перед его глазами. В полдень следующего дня (9 ноября) съезду стало известно, что в Берлине действительно образован Совет и что кайзер отрекся от престола. Председательствующий зачитал декрет Совета народных комиссаров, согласно которому Брест-Литовский мирный договор объявлялся аннулированным. Этот декрет был принят единогласно. Следующий день был объявлен праздничным и была составлена приветственная телеграмма, которая должна была быть отправлена Берлинскому совету. В этот вечер происходили большие публичные собрания; ораторы с большой убежденностью говорили о социальной революции, которая уже разворачивается в Европе, и предсказывали русской советской республике избавление от ее изоляции. Громадная толпа собралась у здания бывшего немецкого посольства и приветствовала немецких и австрийских военнопленных, которые избрали Совет, выбросили вон старых дипломатов с их штабом и потребовали для себя права контрольной власти.

Следующий день (10 ноября) был заполнен процессиями и демонстрациями. С большой торжественностью председатель Московского совета Каменев заложил первый камень здания нового «Дома Советов», а бывшие немецкие и австрийские военнопленные выступили на празднике с речами от имени только что созданного германского рабочего Совета. В этот вечер я был приглашен на большой прием, происходивший в Кремле в честь Германской революции. В 9 часов вечера, когда даже самые перегруженные работой комиссариаты наконец закрыли свои двери, я направился в банкетный зал старого монастыря против колокольни Ивана Великого. Здесь я уже застал группу руководящих русских революционеров. Совет народных комиссаров был почти полностью налицо, за исключением Ленина, который неизменно уклонялся от участия во всяких празднествах, даже по такому поводу, как начало Германской революции. Возможно, он предчувствовал, чем была в действительности эта революция; это позволяло предполагать мой с ним разговор за несколько дней до того. Не было и Троцкого, так как он находился в своей инспекционной поездке на фронте. Но можно было видеть характерное лицо Стеклова, похожего на курицу. В передовой завтрашнего номера «Известия» он обрушился на союзников всей силой своего пера подобно тяже-

лой артиллерии. Был тут и Рыков⁶², председатель Совета народного хозяйства, погруженный в оживленный разговор с Томским⁶³, маленьким крепышом, председателем Всероссийского совета профсоюзов, о том, каковы надежды на получение вновь зерна с Украины и угля с Дона в связи с приближающимся крахом господства прусского милитаризма в этих областях. Был тут и Пятаков⁶⁴, в своей длинной шубе из овчины, остроконечной меховой шапке и с револьвером на боку, очень похожий на разбойников-запорожцев из рассказов Шевченко. Он был одним из главных организаторов революционных отрядов на Украине, причинивших германским оккупационным отрядам столь тяжелые потери. Был здесь и Радек, сверкавший юмором и с помощью своего воображения воссоздававший живые сцены, происходившие в эти минуты в Берлине. Литвинов⁶⁵, только что вернувшийся из Стокгольма, также тут присутствовал, равно как и комиссар по делам национальностей Сталин и комиссар продовольствия Цюрупа⁶⁶. В этом веселом обществе появлялась то тут, то там высокая, худая фигура молодого человека, небритого, светловолосого. Это был Дзержинский, имя которого на столь многих наводило страх, председатель ВЧК. Он, кажется, ни с кем не говорил, но, по-видимому, размышлял о методах, которые ему следует применить против агентов Антанты и шпионов. «Надо позаботиться о том, чтобы его хорошо накормили, — пошутил кто-то. — Тогда нам не будет угрожать внимание его комиссии».

Однако угощение было на редкость скромным. Даже революция в Германии не вызвала каких-либо проявлений роскоши. Я думаю, мы получили не больше, чем тот дополнительный паек, который установил Московский совет по случаю годовщины Октябрьской революции. Самым крепким напитком, который мы получили, было кофе. После тостов за мировую революцию и за коммунистов всех стран и после бесчисленных речей, прерывавшихся взрывами веселого смеха, которые раздавались из того угла, где сидел Радек, все собравшиеся поднялись. Кто-то принес граммофон. И тогда, в первые часы зимнего утра, под звон большого

⁶² А.И. Рыков (1881–1938) — в 1917 г. нарком внутренних дел РСФСР, в 1918–1921 гг. председатель ВСНХ РСФСР.

⁶³ М.П. Томский (наст. фам. Ефремов) (1880–1936) — в 1918–1929 гг. председатель ВЦСПС.

⁶⁴ Г.Д. Пятаков (1890–1937) — в 1918–1919 гг. 1-й секретарь ЦК КП Украины, председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины.

⁶⁵ М.М. Литвинов (наст. фам. Валах) (1876–1951) — в указанное время член коллегии Наркомага иностранных дел РСФСР.

⁶⁶ А.Д. Цюрупа (1870–1928) — в 1918–1921 гг. нарком продовольствия РСФСР.

кремлевского колокола, и всего лишь в нескольких шагах от того места, где были погребены минувшие поколения царей из дома Романовых, эти очень человеческие люди, вожди движения, сокрушившего троны, повергнувшего правительства в страх и трепет и изменившего самый облик огромной части Европы и Азии, пустились в пляс! Я представлял себе негодование, какое охватило бы прежних священных покровителей этого монастыря, изображения которых висели на стенах, если бы они увидели ту, впрочем, не вполне совершенно выполненную польскую мазурку, которую протанцевал автор этих строк с товарищем Литвиновым!

Эти дни упоения быстро прошли. Необходимо было какое-то время для того, чтобы вырисовалась приблизительная картина того, что произошло в Центральной Европе. Становилось ясно, что осторожная оценка происшедшей в Германии революции, данная Лениным, была, вероятно, самой верной. Но некоторые люди в Комиссариате иностранных дел, казалось, думали иначе. Они стали жертвой своей очень понятной склонности увидеть в Германии то, что соответствовало их желаниям. Они были совершенно убеждены в том, что Либкнехт, находясь во главе Берлинского совета, фактически, если и не официально, осуществляет правительственный контроль, и не хотели присоединяться к той точке зрения, что все это было только революцией Шейдемана⁶⁷. Первое трезвое пробуждение настало у них 17 ноября. Комиссариат иностранных дел сразу же после получения известия о революции в Германии послал по телеграфу Совету народных уполномоченных в Берлине свои приветствия, а также предложение помочь рабочим Германии в их борьбе против собственных реакционеров и империалистов стран Антанты продовольствием и военной техникой. Два вагона, груженных пшеницей, были незамедлительно посланы из Москвы на западную границу, чтобы передать их немецким солдатским Советам на востоке. Эта телеграмма оставалась долгие дни без ответа, а когда ответ пришел, стало ясно, что народные уполномоченные в Берлине были людьми совсем иного сорта, чем их партнеры в Москве. Ибо руководитель независимых социал-демократов Гаазе⁶⁸, который осуществлял контроль над Министерством иностранных дел, высказал русскому советскому правительству, одновременно с благодарностью за его великодушное предложение, сожаление, что он не может принять эти два вагона пшеницы, так как известно, что русские рабочие

⁶⁷ Ф.Г. Шейдеман (1865–1939) — немецкий социал-демократ, провозгласил Германию республикой 9 ноября 1918 г., первый премьер-министр Веймарской республики.

⁶⁸ Г. Гаазе (1863–1919) — лидер германской социал-демократии.

и крестьяне сами терпят продовольственную нужду! Что касается возвращения советского представителя Иоффе, говорилось в ответе, то этот вопрос в настоящее время еще изучается, но в случае, если его пребывание будет разрешено, советское правительство должно будет принять на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела Германии.

Легко себе представить то разочарование, которое вызвал этот ответ. Но, казалось, и он не мог погасить пыла тех оптимистов среди русских коммунистов, которым были доверены иностранные дела и которые по-прежнему видели в ноябрьских событиях в Германии первые этапы социальной революции. Они настойчиво искали пути к тому, чтобы связаться с Либкнехтом и немецкими спартаковцами, и делали все возможное и невозможное, чтобы способствовать участию делегатов на съезде немецких рабочих и солдатских Советов, который, как стало известно, должен был состояться в начале декабря в Берлине. Но, как Москва с ужасом узнала, немецкие солдатские Советы, созданные в прибалтийских провинциях, Литве и Белоруссии, находились полностью в руках офицеров прусской армии, которые никому из Советской России не хотели разрешать переход границы. Да, они даже Иоффе и его сотрудников держали много дней в плену как заложников, в обеспечение безопасности немецкого консула и членов Комиссии по делам военнопленных в Москве. Эти события дали повод для ожесточенных споров между русскими коммунистами и немецкими независимцами, которые длились с перерывами в течение последующих 18 месяцев. Русские обвиняли независимцев в том, что они являются слепым орудием в руках старой прусской бюрократии, чья деятельность осталась совершенно незатронутой революцией. Они обвиняли их далее в том, что по своему духовному складу они находятся в рабской зависимости от Каутского⁶⁹ и других оппортунистов, которые питают такую ненависть к русским коммунистам, что предпочитают кокетничать с Вильсоном и империалистами стран Антанты, чем иметь дело с Москвой⁷⁰.

Немецкие независимцы ответили, что русское советское правительство в своих заявлениях, сделанных после 9 ноября, потребовало для себя права посылать в Германию агитаторов, которые должны были бы рабо-

⁶⁹ К.И. Каутский (1854–1938) — немецкий экономист и историк, теоретик марксизма.

⁷⁰ Это обвинение обстоятельно обосновано в ответе III Интернационала на обращение немецких независимцев, содержавшее просьбу сообщить им условия приема в III Интернационал. Опубликовано западноевропейским Секретариатом Коммунистического интернационала в феврале 1920 г. (Прим. авт.)

тать среди английских и французских военнопленных, еще находившихся в стране⁷¹. Но это, говорилось далее, означало бы нарушение соглашения о перемирии и повлекло бы за собой либо продолжение войны, что было бы для Германии физически невозможно, либо военную оккупацию Германии союзниками. Немецкие независимцы при этом сильно подчеркивали необходимость для Германии обеспечить мир с империалистами Антанты и подчеркивали, не без известного основания, что они при этом следуют только примеру самого советского правительства, которое, подчинившись обстоятельствам, подписало разбойничий мир с немецким империализмом. Без сомнения, оптимисты среди русских коммунистов совершили в своих суждениях тяжелую ошибку, когда они настаивали на лозунге немедленного заключения союза между Советской Россией и Советской Германией, не давая себе труда проверить, действительно ли Советская Германия стала фактом или это можно ожидать только в будущем. Немалая их часть мечтала о русско-немецкой Красной армии, которая будет на берегах Рейна защищать европейскую социальную революцию против империализма стран Антанты. Но этот избыток воинственного воодушевления — извинительный, если вспомнить о циничных нападках империалистов Антанты на советскую республику, — вел к глубокому отчуждению между русскими коммунистами и политически неопытными лидерами умеренного крыла немецких социалистов. Он, кроме того, ослаблял позицию немецких спартаковцев, которые теперь выглядели поджигателями войны, требовавшими лишь превращения национальной войны в войну революционную. При тогдашних пацифистских настроениях германских масс мысль о русско-германских красных армиях, борющихся на Рейне против империализма Антанты, вызывала ожесточенное сопротивление и давала возможность каутскианцам и шейдемановцам, пришедшим к власти после свержения Гогенцоллернов, выступать в качестве провозвестников мира. Германия действительно нуждалась в передышке подобной той, которой Ленин добился для себя с помощью мирного договора в Брест-Литовске. Этой передышке возможно предстояло быть долгой.

Но если и приходится констатировать тактическую неудачу русских коммунистов в том образе действий, какого они придерживались на первой фазе революций в Центральной Европе, то это все же не может оправдать так называемых социалистов, которых события 9 ноября

⁷¹ Письменный ответ правления партии немецких независимцев московскому Интернационалу опубликован в Берлине в мае 1920 г. (Прим. авт.)

в Германии привели к власти и под влиянием которых осуществлялась внешняя политика народных уполномоченных. В этом отношении руководители Независимой социал-демократической партии играли особенно губительную роль. Среди народных уполномоченных имелось тогда три независимых социалиста: Гаазе, Дитман⁷² и Барт⁷³, в то время как теоретик независимых Каутский имел за своей спиной ведомство иностранных дел. В начале декабря предстояло назначить преемника д-ру Зольфу⁷⁴, который, будучи представителем германской военной политики, был, видимо, слишком скомпрометирован, чтобы достичь чего-либо у Антанты. Итак, Каутский внес предложение назначить вместо Зольфа графа Брокдорф-Ранцау⁷⁵, и руководители независимых Гаазе и Дитман вместе с социал-демократами большинства, народными уполномоченными Эбертом⁷⁶, Шейдеманом и Ландсбергом⁷⁷ проголосовали на заседании Совета народных уполномоченных 23 декабря за назначение графа Брокдорф-Ранцау в то время, как только Барт голосовал против⁷⁸. Граф Брокдорф-Ранцау, однако, поставил со своей стороны ряд условий, от принятия которых зависело его согласие на занятие этого поста. Самые важные из них изложены в следующем месте его меморандума, адресованного народным уполномоченным⁷⁹: «В частности, я хотел бы здесь дополнительно указать, что я считаю неотложно необходимым, в связи с образованием республиканской армии, принятие решительных мер против происков большевиков и их руководителей — вплоть до самых крайних выводов. Если я приму на себя власть, то буду отстаивать именно эту точку зрения... Предприниматель должен непременно быть уверен, что, разрешая свою специальную задачу, он не будет стеснен дилетантскими вмешательствами в дела управления. Поэтому следовало бы со всей осторожностью ограничить компетенцию рабочих и солдатских Советов».

Условия Брокдорфа-Ранцау были приняты, и он переехал в Министерство иностранных дел в качестве заместителя государственного

⁷² В. Дитман (1874—?) — немецкий социал-демократ.

⁷³ Э. Барт (1879—1941) — немецкий социал-демократ.

⁷⁴ В. Зольф (1862—1936) — немецкий востоковед, дипломат и государственный деятель.

⁷⁵ У. Брокдорф-Ранцау фон (1869—1928) — министр иностранных дел Германии в 1919 г.

⁷⁶ Ф. Эберт (1871—1925) — один из лидеров СДПГ, первый рейхсканцлер Германии после Ноябрьской революции 1918 г.

⁷⁷ О. Ландсберг (1869—1957) — немецкий юрист, политик и дипломат.

⁷⁸ E. Barth. Aus der Werkstatt der deutschen Revolution. Berlin, 1920. S. 102. (Прим. авт.)

⁷⁹ Graf Brockdorff-Rantzau. Dokumente. Berlin, 1920. S. 4, 8, 11. (Прим. авт.)

секретаря. Таким образом, лидеры независимцев Гаазе, Дитман и Каутский, каковы бы ни были их намерения, также стали соучастниками той политики ликвидации германской революции, которая теперь стала проводиться пособниками продолжения бойкота Советской России, прикрывавшимися ссылками на то, что главным велением момента стало заключение мира с Антантой и борьба против анархии внутри страны. Как их за это вознаградили, показали последующие события. Они думали, что получали 14 пунктов Вильсона, но получили вместо них Версальский мир.

Все эти события в Центральной Европе ясно показывали, что Германская революция не только не оказала никакой помощи русской советской республике, как этого ожидали оптимисты в Москве, но что Советская Россия оказалась перед новым периодом тяжелых испытаний. Оценка положения, данная Лениным в беседе со мной в конце октября, оказалась исключительно правильной. Немецкая революция развивалась слишком медленно, чтобы она могла принести Советам какую-либо практическую пользу. Между тем империалисты стран Антанты, поскольку они теперь покончили с империалистами Гогенцоллернов, готовились нанести страшный удар Советской России. В зловещих признаках этого уже не было недостатка. До тех пор русским реакционерам и военным миссиям стран Антанты удавалось скрывать свои планы, направленные на свержение советской республики, под маской защиты Учредительного собрания и демократического режима, который большевики в России будто бы уничтожили. В сентябре 1918 г. в Уфе, на территории, оккупированной чехословаками, состоялось демократическое совещание, на котором были представлены все умеренные русские социалисты и все антибольшевики. Их план состоял в том, чтобы собрать вокруг Учредительного собрания все партии, которые до этого действовали независимо друг от друга в различных частях русских приокраинных государств, свободных от большевиков. Руководящую роль среди них играли правые эсеры, партия кулаков и богатых крестьян. Некоторое время проявлялись вспышки соперничества между этой партией и группами Национального центра. Причину этого надо было искать в аграрном вопросе. Кулацкие элементы среди правых эсеров, хотя и с робостью, помышляли о сохранении в силе своих притязаний на помещичьи имения и своего приоритета в этих притязаниях. Поэтому они пытались посудить союзнические военные миссии, и Национальный центр согласиться с таким решением аграрной проблемы, согласно которому крупные имения были бы пущены в продажу крестьянам. Это означало отдать предпочтение классу богатых крестьян юго-вос-

тока и Западной Сибири, которые собрали большие капиталы благодаря спекуляции продовольственными товарами. Чтобы сделать это решение более заманчивым для Национального центра, на Уфимском совещании, под нажимом правых эсеров, договаривались о том, что Учредительное собрание должно будет признать царские долги, а союзникам будут предоставлены в России крупные и ценные концессии. Но и этого было недостаточно для Национального центра. Эта организация все больше и больше подпадала под влияние дворянских эмигрантов, которые были постоянными гостями в салонах Лондона и Парижа и не хотели уступать кулакам своих аграрных привилегий, продавая их за обесцененные бумажные рубли. Правые эсеры находили определенную поддержку у меньшевиков, принимавших участие в конференции. Эти последние употребили свое влияние, чтобы поддержать образование солдатских Советов в Народной антибольшевистской армии, которая поддерживала чехословаков. Дело было в том, что они боялись возрастающей силы добровольческих полков царских орденов, организацией которых все время усиленно занимался Национальный центр. Западная Сибирь была тогда наводнена белыми беженцами из советских территорий. Офицеры царской армии, дворяне, которые потеряли свои поместья и не имели достаточных средств, чтобы попасть в Англию или Францию, а также те выходцы из среды буржуазии, которые бежали из Петрограда и Москвы, — все они сделали Омск своей цитаделью. Отсюда они готовили начало большого наступления против красных. Само собой понятно, что демократическое совещание в Уфе и его военная опора, чехословацкие части, представляли собой серьезное препятствие на их пути. Так была подготовлена почва для государственного переворота, совершенного Колчаком⁸⁰ для назначения Верховного правителя в Омске и открытой реставрации старого режима в областях, занятых до того чехословаками. 18 ноября Комитет Учредительного собрания в Омске, назначенный демократическим совещанием в Уфе, был объявлен распущенным, его руководители арестованы и некоторое число руководящих меньшевистских и правоэсеровских деятелей расстреляно. Это было точное повторение того, что произошло в начале года в Киеве, когда прусские генералы распустили Раду и назначили гетмана Скоропадского. Опять демократические партии, опирающиеся на мелких собственников и на интеллигенцию, представили доказательство того, что они совершенно неспособны оказать сопротивление вылазкам феодальной и капиталистической реакции, если эта последняя, не нужда-

⁸⁰ А. В. Колчак (1874–1920) — адмирал, один из руководителей Белого движения.

ясь больше в их услугах для борьбы против большевиков, принимает решение взять вожжи управления в собственные руки. Между тем колчаковский переворот понудил чехословаков занять определенную позицию по отношению к русским реакционерам. Да будет сказано к их чести, что они уклонялись от того, чтобы оставаться и дальше послушным орудием в руках русских контрреволюционеров. Чехословацкие легионеры понимали теперь, в каких целях их использовали. Многие из них с самого начала неохотно приняли участие в авантюре, и сделали это только вследствие прямого принуждения, которое применил против них их могущественный командующий, капитан Гайда. Последний действовал по отношению к ним всегда и всюду как злой гений и теперь, когда он все больше и больше терял доверие своих людей, он стал открыто одним из подчиненных Колчака. С этого времени чехословацкие войска не принимали больше участия в военных операциях против Красной армии, а упорно оставались на местах вдоль Сибирской железной дороги до тех пор, пока им не представилась возможность для возвращения в Европу.

В последние месяцы 1918 г. все, таким образом, указывало на консолидацию сил русской контрреволюции. Не только то, что путь был очищен от умеренных демократических элементов, но отчетливо проявилось движение, ставившее своей целью совместные действия против Советской России сил разбитого прусского милитаризма, которые еще находились на востоке, и сил победоносной Антанты. Правда, союзники не осмеливались объявить во всеуслышание о своей готовности привлечь немцев для осуществления своей цели. Но остается тот факт, что французский главнокомандующий ген. Ансельм⁸¹, который вскоре после заключения перемирия с державами прибыл в Одессу, стремился завязать отношения со всеми антибольшевистскими партиями, которые он там нашел. Среди последних находилась Громада, пронемецкая группа, которая организовалась во время немецкой оккупации. Между этой группой, как посредником, и ген. Ансельмом была достигнута договоренность о том, что немецкие войска на Украине будут удерживать линию фронта против Красной армии до тех пор, пока не удастся сколотить другие вооруженные силы, союзнические или их местных реакционных элементов, которые смогут их сменить⁸². То, что союзники тогда использовали воору-

⁸¹ Ф.А. д'Ансельм (1864–1936) — французский генерал, командующий в 1919 г. союзными войсками Антанты на юге России.

⁸² См. «Документы Деникина», опубликованные в Москве в 1920 г. Народным комиссариатом иностранных дел. Отчет Всероссийского национального центра при штабе Деникина адмиралу Колчаку, датированный 23 февраля 1919 г. (Прим. авт.)

женные силы центральных держав против Красной армии, доказываемые далее директивами, направленными британскому флоту, действовавшему в Балтийском море. Немецкие солдаты на востоке устали от войны и хотели вернуться домой, и они оказывали на доверенных лиц своих солдатских Советов соответствующий нажим, британские чиновники, прибывшие на Балтику, напротив, препятствовали немецким солдатам сложить оружие. То, что тогда происходило, описано Августом Виннигом⁸³, социалистом, который был назначен новым немецким правительством политическим комиссаром по делам прибалтийских провинций. В своем письме в газету «Форвертс» от 6 сентября 1919 г. он описал ход переговоров, которые он вел в целях скорейшего возвращения домой немецких солдат. Следующее место заслуживает особого внимания: «Британское морское соединение прибыло на Двину у Риги 21 декабря. В 23:20 британский командующий послал ко мне офицера для поручений с требованием, чтобы я явился к его начальнику на заседание, которое происходило в тот же день на борту британского вспомогательного крейсера. Здесь мне было объявлено, что согласно соглашению о перемирии мы обязаны оставаться на этих территориях до тех пор, пока от нас этого требуют. Он запретил нам любую дальнейшую отставку домой войск или армейских запасов. Я, однако, заявил ему, что мне было бы совершенно невозможно затормозить возвращение наших солдат, ибо это сейчас же вызвало бы мятеж и в дальнейшем еще больший хаос в балтийских территориях».

В юго-восточной России союзники, казалось, зашли еще дальше, и командиры мелких наземных и морских вооруженных сил, прибывших в ноябре с турецкого театра военных действий, заключили своего рода двухстороннее соглашение с местным немецким командующим. 16 ноября «Нойе нахрихтен», орган немецких оккупационных вооруженных сил на Украине, опубликовал в Бердянске совместный манифест штабов союзников и немцев в южной России⁸⁴. Манифест имел следующий текст: «Настоящим доводим до сведения населения Одессы и прилегающих областей, что мы вступили на русскую территорию с целью восстановить порядок и освободить страну от большевистских узурпаторов. Как немцы, так и мы пришли сюда не как завоеватели, а как защитники права. Поэтому ваши цели и наши одинаковы... Все вредные элементы

⁸³ А. Винниг (1878–1956) — немецкий социал-демократ, в 1918 г. представитель германского государства в Прибалтике.

⁸⁴ Этот манифест был передан по радио и экземпляр его текста я получил спустя несколько дней в Москве. Он был также напечатан в газете «Форвертс» 6 декабря и в «Манчестер гардиан» 2 января. (Прим. авт.)

России — т.е. большевики и их сторонники — объявляются настоящим вне закона. Кто предоставит им пристанище, будет предан военному суду. Мы не признаем никаких организаций, за исключением тех, кто с ними борется — добровольцев и армии казаков, а также войск Учредительного собрания. Поэтому всем организациям, имеющим оружие, надлежит сдать его назначенным для этого уполномоченным». Появление этого документа в немецкой и южнорусской прессе и в радиопередачах, перехваченных московской станцией, и притом везде в одно и то же время, не оставляет сомнений в его аутентичности. Немецкие военные власти не стали бы его печатать в Бердянске, в «Нойе нахрихтен» под носом у союзников, если бы оно не было подлинным, и никто, кроме самих союзных главнокомандующих, не мог бы послать эту радиограмму в южной России.

Итак, положение было ясно. Под защитой объединенных штыков союзников и не находящихся больше в состоянии войны с ними центральных держав русские белые армии должны были быть мобилизованы и получить приказ совершить поход на Москву. Таково было новое испытание, предстоявшее советской республике. Мировая война кончилась победой одной капиталистической коалиции над другой. Начался процесс слияния финансового капитала в единый большой международный военный кулак. Правителям центральных держав, поскольку им пришлось отказаться от своих планов завоевания мирового господства, приходилось теперь играть роль помощников держав Антанты при очищении востока от большевиков и в борьбе за гарантии сохранности кровавых денег, одолженных царю французской мелкой буржуазией. На международном горизонте возникла новая расстановка сил. Уже существующим, а также еще и не существующим советским республикам противостояла Лига Наций. Москву противопоставили Парижу, Ленина — Вильсону. Таков был результат крушения коалиции центральных держав и так называемой Немецкой революции ноября 1918 г.

Глава 23. Поход 1919 г. в Восточной Европе

1 декабря я покинул Россию, чтобы поехать в Германию, и таким образом закончилось непосредственное наблюдение мной событий, происходивших внутри самой советской республики. Республика находилась в тяжелом положении; после Немецкой революции были отрезаны все доступные ей каналы для общения с внешним миром. Даже правитель-

ства нейтральных стран были вынуждены под давлением Антанты выставить дипломатических советских представителей. Ибо властители стран Антанты думали, что время для этого созрело. Избавившись от соперничества с немецким империализмом, они считали, что справятся теперь с задачей диктаторскими средствами навести порядок в Восточной Европе и добиться оплаты царских займов. Кольцо вокруг Советской России, эта блокада правды, становилось с каждым днем все более прочным. Вина тех, кто молчал, становилась с каждым днем все больше.

Примерно в середине ноября я узнал, что немецкий независимец Гаазе, руководивший берлинским Министерством иностранных дел, дал интервью одному американскому журналисту. Так как прусские офицеры, прочно державшие в своих руках немецкие солдатские Советы в Прибалтике, не разрешали ни одному русскому перейти германскую границу, я решил использовать свой английский паспорт, а также то обстоятельство, что Германия как раз заключила перемирие с союзниками, и перейти немецкие линии и прибыть в Берлин, откуда мне удастся, как я думал, доставлять друзьям в Англию правдивое описание положения в России. Я считал своим долгом сделать эту попытку и выехал из Москвы 1 декабря. Через пять дней я достиг немецких линий. После некоторых колебаний немецкий чиновник, которому подчинялся солдатский Совет, разрешил мне дальнейшую поездку, и я прибыл в Берлин 7 декабря. Однако в Восточной Пруссии у меня отобрали почти все бумаги и материалы, которые я вез с собой, в том числе часть собранных мною в течение четырехлетнего пребывания в России документов и много ценного материала о 18 месяцах русской революции.

В Берлине я увидел, каково было истинное положение в Германии. Немецкие Советы рабочих, даже в крупных промышленных центрах Германии, проявили скоро свою полную неспособность противостать быстро развивающемуся новому наступлению сил старого режима в Пруссии. После бездеятельности, продолжавшейся только несколько недель и явившейся результатом деморализации и поражения на западе, эти силы скоро перешли к тому, чтобы, прикрываясь поддержкой социалистов большинства, аннулировать все достижения Ноябрьской революции. В Берлине образовалось коалиционное правительство и под защитой Национального собрания прусская военная каста начала укреплять свою власть, вводя осадное положение и производя массовые расстрелы социалистов и коммунистов. Неопытные руководители Союза «Спартак» не могли справиться с этим тяжелым положением и растрачивали свои силы на бесполезные отдельные выступления. Берлинское январское вос-

стание, являвшееся не в малой степени делом рук агентов прусской тайной полиции, было быстро разгромлено, и социалист Носке⁸⁵ правил с помощью железного кулака, находясь за кулисами и будучи правой рукой Людендорфа.

Реставрация в Германии закрыла те последние каналы, через которые руководители советской республики надеялись восстановить контакт с внешним миром. И, что было еще хуже, плану Людендорфа гарантировать Германии место в Лиге Наций Вильсона путем сделанного им предложения поразить Россию немецким мечом предстояло приобрести особую актуальность. В Польше, где русские коммунисты рассчитывали на социальную революцию, национальные и социал-шовинистические элементы, также одержали верх, и правительство Падеревского⁸⁶ домогалось роли жандарма на востоке, чтобы получить для парижских банков дань из царских займов. Армия Галлера⁸⁷ была звеном в военной системе Фоша⁸⁸, которая имела целью порабощение Европы в интересах французских кредиторов.

Международное положение, становившееся с каждым днем все более угрожающим, вынудило Советы со своей стороны принять меры. С первых дней 1919 г. лихорадочно шли военные приготовления с целью довести численность Красной армии до 1,5 млн человек. Во все большем масштабе рабочие призывались на военную службу. Был создан Революционный совет обороны, во главе которого стоял Троцкий. В этом совете военные специалисты сидели бок о бок с политическими комиссарами и с доверенными лицами, назначенными ЦК коммунистической партии. Шаг за шагом шли к осуществлению плана подчинить все фронты Красной армии, которые протянулись теперь более чем на 7500 миль, единому верховному главнокомандующему. Офицерские школы со своей стороны продолжали подготовку командиров из рядов рабочего класса, которые должны были постепенно заменить офицеров старой армии.

Стратегическое положение к началу 1919 г. не было неблагоприятным для командования Красной армии. Союзникам нужно было определенное время для подготовки нападения на Советскую Россию. Кроме того, им предстояло преодолеть один большой минус — то обстоятельство, что

⁸⁵ Г. Носке (1868–1946) — один из лидеров правого крыла СДПГ, министр обороны Веймарской Германии в 1919–1920 гг.

⁸⁶ И.Я. Падеревский (1860–1941) — в 1919 г. премьер-министр и министр иностранных дел Польши.

⁸⁷ Ю.Х. Галлер (1873–1960) — польский генерал.

⁸⁸ Ф. Фош (1851–1929) — французский маршал.

им приходилось наступать с окраин в направлении к центру и добиваться соединения белых сил, отдаленных друг от друга многими тысячами миль. Красные вооруженные силы имели, напротив, возможность оперировать, действуя из центра, и осуществлять такой же стратегический план, как и тот, какой применил германский Генеральный штаб в начале мировой войны и который принес ему столь крупные успехи. Кроме того, им приходили на помощь народные восстания на Украине, на Дону и в прибалтийских государствах. Крушение немецкого империализма и бегство немецких солдат на родину имели своим последствием то, что все до сих пор скованные революционные силы этих областей теперь смогли поднять голову. Особенно на Украине революционные массы крестьян, которые так долго страдали под железным кулаком ген. Скоропадского, опиравшегося на прусских генералов, и под ярмом великорусских и польских помещиков, поднялись все как один человек. Хотя красные войска на севернотукраинском фронте насчитывали всего лишь несколько тысяч человек, им все же удалось, действуя в союзе с вооруженными украинскими крестьянами — что представляло собой своеобразную противоположность жакерии времен французской революции — прогнать немцев в течение нескольких недель со всей территории Восточной Украины. За этим последовало провозглашение в Харькове второй Украинской Советской Республики. Эта республика появилась на свет в гораздо более благоприятных условиях, чем выпали на долю той первой, которую учредила Красная гвардия в Киеве в дни Брест-Литовских мирных переговоров, — те дни, когда Троцкому нужен был советский режим на Украине, чтобы разыграть ее как карту в дипломатической игре против ген. Гофмана⁸⁹ и Рады, — игре, происходившей вокруг права окраинных государств на самоопределение. В те времена украинская Рада еще пользовалась определенной популярностью, и красные, пришедшие из Северной России, выглядели как простая сила вторжения. Но теперь предательская Рада получила заслуженную расплату, и крестьяне, получившие в школе Скоропадского наглядный урок насчет того, как истолковывают польские и русские помещики лозунг самоопределения, были отнюдь не прочь попытаться дать ему другое истолкование. Новая украинская революция носила с самого начала скорее характер социальной революции, ибо националистические лозунги борьбы заметно утратили прежнее доверие. Сходное положение сложилось тогда и на Дону. Занимавший пронемецкую позицию ген. Краснов вместе со Скоропадским бежал в Германию.

---

⁸⁹ М. Гофман (1869–1927) — германский генерал и дипломат.

Слабые советские вооруженные силы вместе с красными элементами из числа казаков во второй раз заняли Новочеркасск и провозгласили автономную советскую республику донских казаков. Добровольческая армия под командованием ген. Деникина⁹⁰, преемника умершего в конце 1918 г. ген. Алексеева, отошла на узкую полосу земли в степях Северо-Западного Кавказа. В Литве, Латвии и Эстонии произошли восстания рабочих и крестьян, и революционные латышские полки, которые в ужасные августовские дни 1918 г. принадлежали к самым надежным частям Красной армии, уходили теперь на родину, чтобы основать там небольшие советские республики, связанные с Москвой. После того как они пострадали в течение долгих месяцев в рабстве под игом царской реакции, выступавшей в союзе с прусским милитаризмом, даже для зажиточного крестьянства и интеллигенции этих малых наций образ мыслей Москвы казался меньшим злом.

Эти благоприятные условия, сложившиеся на западной и южной окраинах Советской России, вселяли новые силы в сердца тех внешнеполитических деятелей из числа русских коммунистов, которые возлагали свои надежды на сочетание революционных движений в Восточной Европе с аналогичными движениями в Центральной Европе. Они еще были далеки от того, чтобы разочароваться в Германской революции, как это отчетливо показала речь Радека на съезде германских спартаковцев 1 января 1919 г. В этой речи говорилось о немецких товарищах, которые разобьют Колчака на Урале, и о русских товарищах, которые разобьют империализм Антанты на Рейне. В Революционном совете обороны заметное влияние приобрела теперь западная школа стратегии. Главным военным советником Троцкого был латыш Вацетис. Коммунистам он симпатизировал вначале только пассивно, но затем и активно, и его латышское происхождение побуждало его рассматривать проблемы, стоявшие перед русской революцией, со следующей точки зрения: как может Красная армия наиболее действенно поддержать социальную революцию в прибалтийских провинциях и освободить эти области в равной степени от влияния как немецкого империализма, так и империализма стран Антанты. Эта установка переключалась с позицией немецких спартаковцев и тех сотрудников Комиссариата иностранных дел в Москве, которые стремились при всех условиях перебросить красный мост через прибалтийские провинции, чтобы добиться установления связи между Советской Россией и революционными силами в Германии. Восстание

⁹⁰ А.И. Деникин (1872–1947) — генерал, один из руководителей Белого движения.

спартаковцев в Берлине было подавлено, но режим Курта Эйснера⁹¹ существовал в Мюнхене в течение всего февраля и марта, чтобы перерастить затем в апреле в настоящую республику Советов.

Надежды, которые русские коммунисты возлагали на мировую революцию, сильно возросли в эти дни, ибо первые месяцы 1919 г. сильно напоминали волнующие дни времен брест-литовских мирных переговоров, когда началась всеобщая стачка в Вене, Берлине и Финляндии, была провозглашена советская республика. Важнее всего была вторая революция в Венгрии, когда граф Каройи⁹² передал бразды правления в Будапеште в руки Белы Куна. С образованием второй Украинской Советской Республики во главе с Раковским⁹³ между этим правительством на Днестре и правительством Белы Куна на склонах Карпат лежала лишь узкая полоса земли, занятая белыми. И западная школа Реввоенсовета старалась продвинуть форпосты Красной армии как можно дальше в Галицию, чтобы установить связь с венгерскими красными. При этом они упустили из виду необходимость прикрыть свой левый фланг на юго-востоке от возможных ударов со стороны Деникина, в руки которого попали все те военные материалы, какие союзники оставили в Салониках. Далее, по этому вопросу в Москве возникли разногласия; под влиянием Ленина образовалось второе направление. Для него ближайшей стратегической целью была победа над врагом, стоявшим у ворот. Для этого направления осуществление похода в Европу ни в коей мере не могло стоять на первом месте. Влияние Раковского было, однако, в эти месяцы преобладающим. Этот чрезвычайно способный революционер, в прошлом действовавший на Балканах, направил свои взоры на Бухарест, Софию и Белград и мечтал о совместных действиях с революционными крестьянами этих стран. Если суммировать воедино всю картину, то надо сказать, что все находилось в эти месяцы под знаком революционного наступления, к которому, может быть, примешивался налет авантюризма и романтики. Разве профсоюз горняков Англии не направил Ллойд Джорджу ультиматум, требуя национализации шахт или права на 50% мест в Комиссии по углю? Разве английские Томми не демонстрировали, требуя демобилизации, а в Белфасте не образовалось нечто вроде Совета?

⁹¹ К. Эйснер (1867–1919) — немецкий левый политик и журналист, первый премьер-министр Баварии.

⁹² М. Каройи (1875–1955) — премьер-министр Венгрии в ноябре 1918 г. — январе 1919 г., первый президент Венгрии в ноябре 1918 г. — мае 1919 г.

⁹³ Х.Г. Раковский (наст. фам. Станчев) (1873–1941) — с января 1919 г. по июль 1923 г. председатель СНК и нарком иностранных дел Украинской ССР.

Но все эти симптомы в капиталистической системе Западной и Центральной Европы казались лишь симптомами сильной мигрени — может быть, приступом перемежающейся лихорадки. Правители Англии знали, как встретить приступ этой болезни, выдавая пациентам сильную дозу шовинистической антинемецкой пропаганды, приготовленной в версальской лаборатории. Немецко-большевистский заговор был опять сервирован и рабочие стран Антанты опять впали в свою апатию. В Германии Мюнхенский совет тоже был быстро разгромлен и террор Носке начал справлять свои оргии. Польские легионеры Галлера, пересекая Германию, возвращались в Польшу, почти лишившуюся своего промышленного пролетариата в результате четырехлетней войны и насильственного вывоза рабочей силы немцами, и попадали целиком и полностью в руки проникнутых шовинизмом интеллигентов и социал-империалистов типа Пилсудского⁹⁴. Вдобавок Антанта прочно прибрала теперь к рукам прибалтийские провинции, ибо как для Англии, так и для Франции имело жизненное значение помешать этому району превратиться в красный мост между Россией и Германией. Именно тогда-то и был выработан план создания санитарного кордона. Британский флот бомбардировал позиции красных на берегах Эстонии и снабжал белую армию, состоявшую из царских русских офицеров и белых эстонских добровольцев, необходимыми военными материалами. Советские республики Эстонии и Латвии никогда не были вполне прочны вследствие того, что в их населении значительную долю составляли зажиточные крестьяне и сильно проникнутые националистическим духом интеллигенты. Эти последние поддерживали белые войска, и Красная армия, которая никогда не насчитывала в этих районах более 10 тысяч плохо вооруженных солдат, быстро отступала к границам Московии. Тем временем польские легионы изгнали красных из Литвы и аннексировали эту страну для последующего ее включения в состав Великой Польши, которая была лишь звеном в той цепи, которую замыслили французы, чтобы подчинить своему игу всю Европу.

Потом поступило приглашение на Принцезы острова, которое было не больше чем эпизодом в событиях того времени. Оно заслуживает упоминания только в том смысле, что было первым доказательством существования разногласий, которые уже начали обнаруживаться в лагере Антанты по вопросу о том, какой тактики следует придерживаться в борьбе против большевизма. Французы и русские реакционеры не хотели

⁹⁴ Ю. Пилсудский (1867–1935) — в 1918–1922 гг. начальник государства Польского.

и слушать о какой-либо конференции между большевиками и антибольшевиками для урегулирования их разногласий, ибо знали, что большевики никогда не согласятся с условием, от которого для них (французов и белогвардейцев) зависел успех всей конференции, а именно с требованием безоговорочной капитуляции советской республики. Ллойд Джордж имел в виду другой метод борьбы против большевиков. Он хотел второго Брест-Литовска, в надежде, что мир, который передаст в руки Деникина и Колчака громадные запасы сырья, сделает дальнейшее существование советского правительства невозможным. Он был убежден в том, что советское правительство, так сказать, находится на грани исчерпания своих сил; это показывают речи, которые он тогда произносил и в которых он описывал русскую революцию как пламя, которое затухало повсюду, за исключением периферии. Но французская точка зрения победила, и Черчилль⁹⁵ и Фош продолжили свои усилия, направленные на то, чтобы укрепить и вооружить белые армии Деникина, Юденича⁹⁶ и Колчака для большого наступления на Москву в течение лета.

Правительства стран Антанты обнаружили, однако, что они не смогут использовать для нападения на Советскую Россию, как первоначально предполагали, свои собственные армии, которые освободились по окончании войны с центральными державами. Позиция английского рабочего класса была хотя еще очень пассивной, но все же достаточно отчетливо отрицательной, чтобы воспрепятствовать открытому объявлению войны. Поэтому решили использовать те вооруженные силы Антанты, какие уже были посланы в Россию под предлогом необходимости одолеть союз между большевиками и немцами. Было решено отложить их возвращение на родину и, под защитой их штыков, мобилизовать и вооружить значительные белые русские армии. Кроме того, как сообщает военный дневник британской военной миссии в Сибири⁹⁷, господин Черчилль использовал подкрепления, которые были посланы в Архангельск под предлогом необходимости сменить тамошние войска, для того чтобы организовать наступление против Красной армии и усилить армию Колчака. Этот план был в дальнейшем разоблачен как в интервью, которое ген. Айронсайд⁹⁸ по неосторожности дал 1 июня представителю архан-

⁹⁵ У.Л. Черчилль (1874–1965) — в 1919–1921 гг. военный министр Великобритании.

⁹⁶ Н.Н. Юденич (1862–1933) — генерал, один из лидеров Белого движения.

⁹⁷ Он попал в руки Красной армии и выдержки из него были опубликованы газетой «Дейли геральд» в течение июля 1920 г. (Прим. авт.)

⁹⁸ Э.У. Айронсайд (1880–1959) — в 1919 г. главнокомандующий войсками Антанты в Архангельске.

гельской газеты, так и в одной депеше своего корреспондента в Архангельске, которую опубликовала «Таймс» 25 июля 1919 г. Более крупные вооруженные силы стран Антанты все равно нельзя было пустить в ход, учитывая давление, которое оказывало социалистическое общественное мнение в самой Англии.

К этому надо добавить, что, как свидетельствуют «Документы Деникина»⁹⁹, Национальный центр, представлявший собой политический мозг белых армий Деникина и Колчака, теперь был настроен против посылки больших союзнических вооруженных сил в Россию. Следующее место отчета кадета В.А. Маклакова¹⁰⁰, датированного 24 февраля 1919 г. и адресованного русскому посольству в Париже, характеризует точку зрения, которую разделяли в этих кругах: «Упаси боже, чтобы Россия была завоевана иностранными, хотя бы и дружественными державами с помощью чужой крови. Освобождение России из рук бандитов, в чьих когтях она сегодня находится, может быть только делом самой России. При скорой и достаточной материальной поддержке союзников Россия будет в состоянии собрать необходимые силы, организовать армию и освободить страну от социалистов. За материальную помощь, которую мы получили бы в период, когда мы расходовали бы нашу физическую силу, нам пришлось бы заплатить погашением долгов в течение последующих десяти лет. Но этим бы все и ограничилось. За французскую и английскую кровь, которая была бы пролита в России и за Россию, нам без сомнения пришлось бы заплатить экономическими сферами влияния. Они (союзники) будут тогда обращаться с Россией не иначе, как с Турцией, Персией и Египтом. Поэтому я говорю: больше танков, пушек и денег — меньше солдат Антанты. Было время, когда я был страстным приверженцем союзников и считал восстановление фронта на востоке при участии не только французов и англичан, но и японцев абсолютно необходимым. Как вы знаете, именно в связи с этим вопросом Правый центр потерпел крушение и очистил место Национальному центру, с его решительной ориентацией на Антанту. Этот Национальный центр выступал за борьбу против Германии и за создание фронта на востоке с помощью союзников. С тех пор ход событий, однако, совершенно изменился. Сегодня нет войны с немцами и, по моему мнению, больше нет причин, которые

⁹⁹ Опубликованы Комиссариатом иностранных дел в Москве в 1920 г. и в «Манчестер гардиан» 21, 22 и 23 января 1920 г. (Прим. авт.)

¹⁰⁰ В.А. Маклаков (1869–1957) — кадет, входил в состав Русского политического совещания (1918–1919 гг.) и Русской политической делегации (1919–1920 гг.) в Париже, представлявшие Белое движение за границей.

бы заставляли нас искать вооруженной помощи союзников. Может быть поставлен вопрос: не прекратят ли союзники дальнейшее оказание материальной помощи, и не потому, что мы требуем от них солдат, а просто потому, что они в нас больше не нуждаются. «Германия прекратила свое существование, — могут они сказать. — Зачем мы должны кормить медведя, если он нам больше не нужен против Германии!» Пожалуй, перед нами стоит трудная задача, если дело идет о том, чтобы одержать победу над большевиками без помощи союзников и, может быть, даже против воли союзников. Но несмотря ни на что Россия будет существовать. И Германия будет существовать. И что произойдет, если обе страны придут однажды к сознанию того, что их ограбили и, если они потребуют обратно то, что у них украли?»

Условия, при которых адмирал Колчак предпринял свое наступление из Сибири на Москву, были именно теми, о которых писал Маклаков в только что приведенном письме. Слабые союзнические вооруженные силы занимали сибирскую железнодорожную линию и побережье Белого и Черного морей. Отборные корпуса добровольцев, образованные из царских офицеров и эмигрантов, составляли ядро сибирских вооруженных сил Колчака. Вооруженные всем тем, что принесла с собой новейшая техника в области военного дела, они наступали на Урал, отбрасывая при этом красные вооруженные части, значительно уступавшие им в силе. Были взяты Уфа и Пермь. Белые приближались к Вятке и только небольшое расстояние еще отделяло их от англичан, находившихся в Архангельске. В середине мая войска Колчака наступали вверх по Каме и угрожали Волге у Самары и Казани. Положение было настолько серьезно, что Реввоенсовет оказался вынужден изменить всю свою прежнюю стратегию. Западная школа не могла более иметь успеха со своей установкой. Революционное движение в Западной и Центральной Европе переживало застой, и в это время войска Колчака угрожали нанести удар в сердце советской республики. Были необходимы героические мероприятия. На заседании Военного совета, состоявшегося в мае, было решено отказаться от активных действий на Западном фронте, от надежды держать открытым красный мост в Центральную Европу и вместо этого направить на восток каждого человека, какой только был в распоряжении, каждый пулемет. Главный военный советник Троцкого Вацетис, несмотря на это, продолжал твердо держаться прежней точки зрения, а именно той, что полное военное оголение Западного фронта было бы опасно и ошибочно. Он вышел поэтому в отставку, и его пост занял Каменев, бывший офицер царской армии и инструктор

петроградской Военной академии. Он приступил к разработке смелого, грандиозного плана действия против Колчака, к осуществлению которого предстояло перейти в конце мая. Красная армия была полностью перегруппирована. Была проведена всеобщая мобилизация всех фабричных рабочих в промышленных центрах и были образованы специальные коммунистические батальоны и брошены на самые трудные и опасные участки фронта. Колчак был отброшен с Камы к Уралу, где его отступление, несмотря на его превосходное вооружение, полученное от союзников, вылилось в дикое бегство.

Но разгром Колчака осуществился не только благодаря новой, примененной Верховным командованием Красной армии стратегии и чрезвычайным мероприятиям, которые были предприняты в Москве. Он объяснялся в значительной мере слабостью его собственного тылового прикрытия. В его распоряжении не было больших союзнических вооруженных сил. Находившиеся в Сибири британские и французские части должны были заботиться о поддержании линии транспорта и связи. Единственными пригодными для фронта надежными войсками были у него полки офицеров-добровольцев. Но по мере того как увеличивалась занятая им территория, ему приходилось прибегать к общей мобилизации жителей. Но его армия переставала быть классовой армией или белой гвардией и вбирала в себя разнообразнейшие элементы, из которых одни были настроены по отношению к его режиму дружелюбно, а другие — враждебно. И по мере того, как все более отчетливо обнаруживался характер той реставрации, которая была делом рук сил, стоявших за Колчаком, сибирские крестьяне, поддерживавшие правых эсеров, замечали, что все добытые ими ранее завоевания, даже и те, что были достигнуты в результате Февральской революции, находятся теперь под угрозой уничтожения. И вскоре они применили оружие, полученное вследствие массовой мобилизации, совсем не так, как рассчитывали Колчак и его сподвижники. Так случилось, что в критические дни его наступления, как раз тогда, когда красные переходили к контрудару, два его новых, только что сформированных полка в Белебее взбунтовались, перебили своих офицеров и перешли к большевикам. За его спиной вспыхивали восстания, причем ими были охвачены целые уезды, например в Енисейской губернии. Колчак оказался теперь вынужденным спасать свою шкуру как от ударов врага в тылу, так и Красной армии.

Между тем советская республика все еще не избавилась от опасности. Стратегия Каменева, против которой протестовал Вацетис, начала приносить горькие плоды. Победа над Колчаком оставила Западный и

Южный фронт республики беззащитными на всем их протяжении. Добровольческая армия Деникина не замедлила воспользоваться как этим, так и теми транспортными трудностями, которые, как было известно, мешали красным перебрасывать свои войска с одного фронта на другой. Прежде чем им удалось перебросить с востока на юг сколько-нибудь значительные силы, Деникин начал крупное наступление с берегов Черного моря и захватил весь Донецкий бассейн, казачьи земли и Восточную Украину вплоть до Харькова. Некоторую поддержку он нашел у класса богатых крестьян на землях, лежащих восточнее Днепра. Второе украинское советское правительство действовало не очень мудро, приняв закон о земле, слишком сильно напоминавший собой Закон о земле, принятый в России, где, в отличие от окраины, число мелких сельских хозяйств было лишь незначительно и где продолжала существовать старая сельская община. Поддержка среднего крестьянства также не была в достаточной мере завоевана, о чем говорила позиция кооперативных товариществ и что подтверждалось ходом реквизиции зерна. Вожаки анархистских банд Махно¹⁰¹, Ангел¹⁰² и Григорьев¹⁰³, оказавшие столь яростное сопротивление германской оккупации, теперь начали выступать против второй Украинской Советской Республики, как только она произнесла слова: «порядок», «дисциплина» и «труд». Тем самым они, пусть и бессознательно, помогли армии реставрации старого режима, руководимой Деникиным, хотя сами по себе они были лишь представителями анархистского крестьянского духа, жившего в сфере широких слоев украинского крестьянства. Чтобы привести этих людей в чувство, требовалось, как видно, вновь дать им почувствовать вкус белогвардейской реставрации.

Деникин, который теперь продолжил дело разбитого Колчака, выдвинул лозунг реставрации — «Единая и неделимая Россия!». Это вызвало заметную неприязнь не только среди украинских националистов, которых Деникин грубо заставил молчать, но и в прибалтийских приокраинных государствах и в Польше. Пилсудский, который тогда приобрел решающее влияние на внешнюю политику правительства Падеревского, всю свою жизнь фанатически ненавидел русских. Он чувствовал отвращение к России, как к белой, так и к красной, и всегда мечтал о независимой Польше, освобожденной центральными державами, которая

¹⁰¹ *Н.И. Махно* (1888–1934) — командир повстанческой армии Украины (1917–1922).

¹⁰² *Е.П. Ангел* (1896–1919) — украинский атаман, один из руководителей повстанческого движения против большевиков в 1918–1919 гг.

¹⁰³ *Н.А. Григорьев* (1885–1919) — один из организаторов повстанческой войны против австро-германских оккупантов и армии Украинской державы.

вступила бы в тесные отношения с Австро-Венгрией. Летом 1919 г. польское правительство оставалось нейтральным в борьбе между Деникиным и Красной армией, в то время как легионеры Галлера вторглись в Белоруссию, Литву, Галицию и Западную Украину. Да, как однажды — позже — заявил Радек, Пилсудский ему лично дал торжественное обещание, что польские вооруженные силы не станут вмешиваться в войну, которая происходит в южной России. Нет сомнения, что одной из главных причин этой пассивности было опасение, что возрожденная царская Россия не признает независимости Польши, да и деникинский Национальный центр не сделал каких-либо успокоительных заявлений на этот счет.

Если такова была позиция Польши, то для прибалтийских государств существовало еще больше причин занимать подобную позицию. Деникин и Колчак могли в этом отношении опереться на французское правительство, в чьих интересах было иметь дело с единственным общерусским правительством, которое ручалось бы за выплату 11 млрд золотых рублей до последней копейки. Французским владельцам купонов расчленение России на ряд сфер влияния не обещало каких-либо заманчивых перспектив. Они рассматривали всю Россию как одну большую сферу влияния, претендовать на которую могли только они одни. Именно поэтому, под давлением Франции, Деникин уклонялся от того, чтобы признать независимость Эстонии, Литвы и Латвии, соглашаясь признать лишь их право на автономию под властью всероссийского правительства. Напротив, британское правительство, притязания которого на русские долги ограничивалось лишь суммой в 5 млрд, было склонно предпочесть разделение страны на сферы влияния, в которых можно было бы добиться прибыльных концессий. Поскольку прибалтийские государства обещали при этом представить прекрасные военно-морские базы, интересам британского правительства вдвойне отвечало взятие под свою опеку независимых прибалтийских государств. Подобный путь и в другом отношении обеспечивал удовлетворение интересов финансового капитала, стоявшего за спиной английской державы. Если бы карта, поставленная на Деникина и Колчака, была бита, то оставалась возможность предоставить Франции выпутываться из затруднительного положения, а самим удовлетвориться своего рода протекторатом над прибалтийскими государствами и заключением соглашения с советским правительством на самых лучших условиях, какие только удалось бы выговорить.

Само собой понятно, что это расхождение во мнениях о судьбах западных земель бывшего Российского государства, царившее в лагере Антанты, порождало слабость и колебания также и в рядах антиболь-

шевистского военного лагеря. Эту ситуацию использовала в своих интересах третья сторона. В предыдущей главе я говорил о плане, выношенном прусскими генералами во главе с Людендорфом после поражения, понесенного ими в мировой войне. Этот план состоял в том, чтобы сыграть роль жандарма Антанты на востоке и заработать на этом, попутно восстановив утраченный престиж прусской господствующей касты. Военные и военно-морские власти Антанты дали им возможность реализовать этот план, отдав приказ немецким солдатам на оккупированных территориях Прибалтики, в последние месяцы 1918 г. удерживать против большевиков линию фронта. Но когда, после революции в Берлине, немецкие солдаты старой армии стали отказываться оставаться дальше на этих позициях, союзники разрешили немецким военным властям провести вербовку солдат в Германии и формировать новые части под наблюдением местных правительств прибалтийских государств. Именно так возникли знаменитые балтийские дивизии немецкого рейхсвера. Под давлением обстоятельств латвийское правительство предоставило этим немецким добровольцам право после войны против большевиков обосноваться в данной стране при условии, что они примут латвийское подданство¹⁰⁴.

Указанное выше соглашение было в свое время одобрено британскими военными и военно-морскими властями на Балтике. Командование немецкими войсками принял на себя ген. фон дер Гольц¹⁰⁵, человек, который подавил большевистскую революцию в Финляндии. Гольц был командующим не только немецкими добровольцами, но и латышскими войсками, находившимися под командованием капитана Баллода, и русским офицерским корпусом добровольцев, который был сформирован в Пскове и Витебске под властью немецкой оккупационной армии прежде, чем эта последняя очистила эту часть России. Этот офицерский корпус находился под командованием графа Ливена, русского офицера-монархиста, придерживавшегося пронемецких взглядов. План Людендорфа состоял в том, чтобы наступать силами одного только этого корпуса на Петроград, но победа Антанты вынудила его дать согласие на то, чтобы этот корпус составил часть так называемой Северо-Западной армии, в которой имелись латвийские и просоюзнические элементы. Фон дер Гольц оставался в течение всей весны 1919 г. командующим этой армией, и британские военные власти признали его вооруженные

¹⁰⁴ См. статью Виннига в газете «Форвертс» за 6 сентября 1919 г. (Прим. авт.)

¹⁰⁵ Р. фон дер Гольц (1865–1946) — немецкий генерал.

силы частью тех войск, которые должны были держать фронт против большевиков¹⁰⁶. В то же время русскому офицеру капитану Авалову-Бермонту было разрешено открыть в Германии вербовочные пункты для создания особого немецкого добровольческого корпуса, в то время как граф Ливен приступил к вербовке русских в лагерях военнопленных русских солдат, разбросанных по всей территории Германии, для образования особого русского корпуса. Затем оба эти корпуса должны были поступить под командование фон Ливена и фон дер Гольца. Глава военной миссии Деникина и Колчака в Париже ген. Манкевич заявил, однако, против этого протест и потребовал, чтобы право распоряжаться разномастными антибольшевистскими бандами было у фон дер Гольца отнято и вместо него предоставлено ген. Юденичу, который создавал в Эстонии белую армию с целью напасть на Петроград. Граф Ливен получил указание перебросить свои части из Курляндии в Эстонию и подчиняться приказам ген. Юденича. Напротив, Бермонт был, однако, оставлен в Курляндии в качестве командующего Западной армией, образованной из имевшихся у него немецких и русских добровольцев, которых он завербовал в Германии. Таким образом, Вермонт пока что был признан союзниками в качестве командующего этими немецко-русскими частями.

26 августа 1919 г. из штаб-квартиры ген. Юденича пришел приказ о генеральном наступлении против Красной армии по всему Северо-Западному и Западному антибольшевистскому фронту. Приказ о наступлении был подписан ген. Маршем¹⁰⁷, главой британской военной миссии при Генштабе Юденича. Ген. Маршу и британским военным властям в прибалтийских провинциях должно было быть известно, когда издавался этот приказ, что среди войск Бермонта находится большое количество немецких солдат и что большинство его офицеров принадлежали прусской армии. Это обстоятельство, однако, не помешало им начать указанное наступление. Между тем отсутствие контакта, которое существовало между отдельными крыльями этих смешанных банд, обрекло наступление на неудачу. Большевистские линии, как ни слабы они

¹⁰⁶ Доказательства тому можно найти в опубликованной прусским офицером Генерального штаба ротмистром фон Розенбергом рукописи «Hinter den Kulissen der russischen Konterrevolution» («За кулисами русской контрреволюции»), вышедшей в свет в Берлине в 1920 г. в качестве приложения к журналу «Russische Korrespondenz». На стр. 8 можно прочесть, что отношения, какие существовали между графом Ливеном и немецким главнокомандующим в Либаве, не помешали британским офицерам поддерживать с ними дружеские связи. (Прим. авт.)

¹⁰⁷ Ф. Марш (1875–1957) — британский генерал.

были на западе, выдержали удар. По-видимому, у британских военных властей в Лондоне и Париже вскоре после того возникли опасения относительно характера тех вооруженных масс, какие оказались собранными здесь воедино в Прибалтике. Особенно британская военная миссия в Берлине начала создавать затруднения дальнейшей вербовке немцев и русских военнопленных из лагерей, расположенных в Германии, в корпус Бермонта. Бермонт получил приказ уступить пост командующего своими частями Юденичу после того, как из них будут удалены немцы. В то же время фон дер Гольцу, который все это время формировал тыловые части в Курляндии, было приказано распустить свое соединение и вернуться в Германию.

Причину этой неожиданной перемены надо было искать в разногласиях, которые возникли в данный период между французским и английским правительствами относительно будущего балтийских провинций. Как указывалось выше, французы стремились к созданию Великой России, тогда как англичане, исходя из своих военно-морских и финансовых интересов, стремились обеспечить свой протекторат над сферой влияния в Прибалтике, в которую надлежало включить независимые балтийские государства. Третий элемент — немецкие рекруты, которым англичане в конце 1918 г. разрешили участвовать в антибольшевистской аванюре, представляли собой, со своими прусскими генералами, силу, которая подкрепляла позицию французов. Пронемецки настроенные русские, подчинявшиеся графу Ливену, находились под влиянием ныне обновленного Правого центра и выступали за единую царскую Россию, которая находилась бы в дружественных отношениях с Германией, и за устранение всех автономных республик, возникших на западных окраинах России. Так французы нашли в лице своих в прошлом смертельных врагов поддержку своей позиции в вопросе о Прибалтике, и, в то время как французская пресса к концу 1919 г. сохраняла по отношению к германскому правительству во всех вопросах, касающихся Центральной Европы, шовинистический тон, она — и это бросалось в глаза — упорно замалчивала использование немецких войск на антибольшевистском фронте в Прибалтике. И даже после того, когда под нажимом англичан в прибалтийские провинции была направлена союзническая военная комиссия, чтобы в декабре 1919 г. ликвидировать весь этот фронт, представитель Франции ген. Ниссель¹⁰⁸ продолжал

¹⁰⁸ А. Ниссель (1866–1955) — французский генерал, в 1917–1918 гг. глава французской военной миссии в России.

добиваться восстановления этого фронта с помощью немецкого пушечного мяса, единственным условием, на котором он теперь настаивал, было то, чтобы все офицеры были французами и чтобы штаб Бермонта и Ливена был расформирован. В этом конфликте вокруг Прибалтики британское правительство заняло теперь твердую позицию, направленную против позиции французских милитаристов. Влияние Черчилля уже исчезало в результате краха экспедиции в Архангельск, поражения Колчака и постоянного давления, какое оказывало общественное мнение рабочего класса в самой Англии. Это давление отчетливо проявилось на чрезвычайном конгрессе тред-юнионов, где прозвучали мощные голоса, не останавливавшиеся и перед угрозами. Нюх Ллойд Джорджа был достаточно тонок, чтобы почуять наживу, и вскоре ген. Гоф¹⁰⁹ был послан, чтобы через голову ген. Марша взять в свои руки руководство британской военной миссией в прибалтийских провинциях. Гоф сразу же и самым решительным образом выступил против военной политики ген. Нисселя; ведь полученные им инструкции гласили, и притом самым определенным образом, что необходимо ликвидировать весь фронт в Прибалтике и направить по домам немецких, белогвардейских, польских и латышских наемников со всеми их пожитками. И британская точка зрения одержала верх, а французские милитаристы, со своими русскими и немецкими бандитами-монархистами, увидели себя стоящими перед выбором: либо вовсе ликвидировать это военное предприятие, либо же продолжать войну в одиночку, в Прибалтике, где на море господствует британский флот, на помощь которого в случае тяжелого положения они уже не смогут рассчитывать, изменение позиции британского правительства не было, конечно, вызвано альтруистическим стремлением помочь советской республике в ее вооруженной борьбе. Оно отчасти объяснялось, как выше уже было сказано, вполне понятным опасением столкнуться с волнениями в своей собственной стране в случае, если бы политика Черчилля продолжалась и дальше, а частью объяснялось это изменение и верным деловым расчетом, коммерческим инстинктом. После поражения Колчака вторжение Деникина в Центральную Россию повсюду расценивалось как опасная игра. В случае, если бы она была проиграна, нужно было оказаться поближе к той стороне, которая одерживает верх и выпутаться из всего этого дела с возможно меньшими потерями.

¹⁰⁹ Х. Гоф (1870–1963) — британский генерал, в 1919 г. глава британской военной миссии в Финляндии.

Добровольческой армии Деникина, которая наступала с юга, действительно удалось во второй неделе октября достичь Орла, находящегося в 200 милях от Москвы. С помощью белых кавалерийских отрядов он прорвал фронт красных и совершил опустошительные рейды вглубь центральных провинций России. Советская республика действительно стояла перед тяжкими испытаниями и ей опять предстояло напрячь все нервы, как в дни августа 1918 г., когда решалась ее судьба. Еще раз потребовалась мобилизация всех фабричных рабочих промышленных центров, 50% членов профсоюзов, служащих советских учреждений и вся коммунистическая партия были мобилизованы для службы на фронте. ЦК коммунистической партии решился одновременно на самый смелый шаг, который только делали со времен революции: он открыл ряды коммунистической партии для всех, кто в них хотел вступить. До тех пор вступление в партию было для каждого связано с чрезвычайными трудностями. Желающие вступить должны были привести доказательства, что они столько-то лет работали во имя социализма, и, кроме того, получить рекомендацию более старых членов партии. Но и тогда они еще не могли сразу вступить в партию, а должны были пройти пробный период как симпатизирующие партии товарищи. За это время они, проявляя самопожертвование, должны были доставить доказательство того, что они заслуживают быть принятыми в качестве полноправных членов. Однако в этот роковой час, когда Деникин стоял у ворот Москвы и обладание членским билетом коммунистической партии было лучшей путевкой на виселицу в случае, если бы Деникин овладел городом, ряды коммунистической партии были открыты для всех! В течение четырех дней только в Москве в партию вступило 20 тыс. новых членов и 100 тыс. — в провинции. Эти крайние меры не остались безрезультатными, прежде всего, обученные части красной кавалерии начали делать в тылу Деникина то самое, что сделала белая кавалерия в тылу у красных. Кроме того, правительству Деникина пришлось вступить в оккупированных уездах южной России в борьбу с теми же явлениями раскола в собственных рядах, что и правительству Колчака в Сибири. Как только он начал создавать национальную армию, его классовое войско, созданное из офицеров и белогвардейцев, потонуло в целом море недовольных, революционно настроенных крестьян. Крестьяне во второй раз поднялись против помещиков, когда стало ясно, что новый режим не признает того решения земельного вопроса, какое было проведено в жизнь советами в январе 1919 г. Разгром Деникина был полный. В третий раз красные вступили на Украи-

ну и в Донецкую область, чтобы установить в этих областях советские республики.

В конце 1919 г. для советской республики наступила новая передышка. Французские финансисты и милитаристы, потерпевшие поражение, но не желавшие отказаться от своей политики, стали оглядываться в поисках нового союзника, которого можно было бы приобрести с помощью денежных субсидий. На этот раз их выбор пал на Польшу, которая должна была стать в 1920 г. жандармом на востоке. Сейчас, в то время как пишутся эти строки, решается судьба этой новой фазы борьбы между русскими рабочими и царскими кредиторами в Париже на полях сражений в Польше и Белоруссии. Тем временем финансисты Англии, заинтересованные в восточных делах, нашли своевременным вернуться к политике перестраховки. Этим и следует объяснить присутствие Литвинова в Копенгагене и Красина¹¹⁰ в Лондоне.

Что бы ни принесло с собой будущее, одно ясно: французские финансисты не могут отказаться от того, чтобы выжимать долги из русского народа, не жертвуя при этом своими преобладающими военными позициями на континенте и не признавая перед лицом своих собственных рабочих и крестьян свое финансовое банкротство. Именно поэтому им приходится продолжать разжигать против Советской России одну авантюру за другой, пока одна из сторон не исчерпает свои силы и не упадет. С точки зрения британских финансовых интересов дело обстоит иначе. Британские финансисты могут позволить себе роскошь подождать. Они могут себе позволить пожертвовать теми 5 млрд золотых рублей, какие они дали займы царизму. Они могут позволить превратить стоимость этих бумажных долговых обязательств в концессии, которые им должны предоставить независимые окраинные государства Прибалтики и Кавказа. При соответствующих обстоятельствах они даже могут добыть себе концессии на лесоразработки и на строительство железных дорог в северных районах Советской России. Новая передышка, в случае если Франция, будучи истощена, окажется не в состоянии продолжать борьбу, может принести советской республике трудности внутри страны, трудности, которые на этот раз нельзя будет преодолеть с помощью энтузиазма, как это было в условиях войны. Давление русского мелкого крестьянина на индустриальный пролетариат, которое, по мере того как борьба продолжается, ослабевает и уменьшается, может

¹¹⁰ А.Б. Красин (1870–1926) — в 1918–1920 гг. нарком промышленности и торговли РСФСР, в 1920–1923 гг. нарком внешней торговли РСФСР.

в новых условиях превратиться в фактор, содействующий английским притязаниям на использование природных богатств России. Если промышленный пролетариат Центральной и Северной России длительное время окажется не в состоянии поднять индустриальную мощь, производительные силы страны до прежнего уровня и даже значительно их увеличить, то мелкие крестьяне, сидящие в глуши, одетые в отрепья и босые, могут стать мощными союзниками британских концессионеров. В этом случае им может быть удастся нанести удар системе монопольного управления снабжением продуктами продовольствия, которая ныне находится в руках комиссаров — удар, подобный тому, который им действительно удалось летом 1918 г.¹¹¹ Они могут положить конец государственному контролю над внешней торговлей и парализовать научную систему производства и коммунистического распределения, заменив ее системой анархического обмена продуктов Востока на продукты Запада. Тогда прибыли иностранных концессионеров получат приоритет по сравнению с потребностями общества и владельцы тех 5 млрд царских долговых обязательств, о которых сказано, еще добьются, чего доброго, своей цели. Тогда действительно настанет 9 термидора русской революции.

Но если, с другой стороны, процесс просвещения пойдет вперед также и в мире капитализма на Западе, если красные армии и дальше будут отбивать натиск французских авантюристов, и удастся добыть достаточно одежды и обуви для мелких крестьян, так что им не понадобится протягивать руку в поисках иностранного опиума, то дела легко могут принять и противоположный оборот. Принесение в жертву красных солдат на полях сражений Восточной Европы станет тогда на деле родовой схваткой, сопровождающей рождение новой системы международного товарообмена. Царские долговые обязательства, это воплощение старого, ушедшего в прошлое хозяйственного строя, покроются пылью и останутся лежать в сейфах парижских банков, и анархическая система добывания прибыли и затеянная привилегированными классами погоня за концессиями исчезнут. Интересы масс, людей физического и умственного труда, лягут в основу новой системы экономического обмена между Востоком и Западом.

¹¹¹ Появившийся уже после написания этих строк декрет СНК от марта 1921 г., упразднивший реквизицию зерна и заменивший ее взиманием подоходного натурального налога с крестьян, может рассматриваться как явная, хотя и временная победа мелких крестьян над городским пролетариатом. (Прим. авт.)

Глава 24. Рост советской идеи

Социальную революцию в России, первые признаки которой можно было наблюдать в феврале 1917 г., можно, по сути дела, объяснить двумя преобладающими причинами. Первой было влияние определенного течения в среде русской интеллигенции; вторая заключалась в материальном положении масс. Чтобы понять первую из них, нужно обратиться к последним десятилетиям минувшего века, когда самодержавие и феодальное дворянство в России, хотя они уже и переживали первые стадии разложения, все же были еще достаточно сильны, чтобы внушать страх и добиваться повиновения. До того времени мышление образованного русского человека, осознавшего ту приниженность и апатию, в которых пребывали большинство его соплеменников, характеризовалось склонностью уходить в мир абстракции. Искали успокоения в романтической школе, царившей в литературе, искали его в музыке, искусстве и в мистической спекулятивной работе ума. Пушкин, Бородин и Достоевский олицетворяют, каждый в своей области, помыслы русских интеллигентов, их духовные способности, свободному развитию которых в любом направлении препятствовало господство феодальной олигархии. Те, кого не страшил уход в область политики, были заражены панславизмом Хомякова или бесплодной самокритикой нигилистов, либо грубым средневековым коммунизмом народников. Только отдельные, немногие личности отваживались на активную борьбу против царизма, подобно рано давшим о себе знать эсерам и их союзникам — террористам. Они были проникнуты мистической верой в определяющее влияние личности на ход истории и суеверным страхом перед массовыми движениями, видя в них лишь грубую вспышку низменных, материальных инстинктов.

Но в 90-х гг. минувшего столетия в этой сфере произошла перемена. Вместе с притоком капитала с Запада во всей Северной России пустила корни фабричная система, а вместе с ней вышел на арену и современный промышленный пролетариат. Тогда в среде интеллигенции проложил себе дорогу новый образ мыслей, нашедший свое воплощение в создании рабочих клубов и в выпуске социалистических газет. Все громче раздавались голоса, призывавшие к классовой борьбе и к тому, чтобы массы, напрягая собственные силы, выходили из состояния приниженности. Марксистские идеи экономического развития, синдикалистские идеи массовых действий и реформистские идеи насчет создания парламентского строя быстро распространялись и привели к основанию многочисленных политических союзов. С этого времени Российская социал-демо-

кратическая рабочая партия стала играть ведущую роль в российском освободительном движении. Будучи в численном отношении менее крупной, чем более крупная Партия социалистов-революционеров (эсеров), вокруг которой группировались крестьяне, она скоро, руководимая Плехановым¹¹², объединила вокруг своих знамен авангард революционных масс города, осознавших свою силу и начавших понимать, что спасение может прийти к ней только от нее самой. Она стала центром марксистского направления и сохраняла вплоть до Октябрьской революции организационное единство, несмотря на то, что в ее рядах обнаружилось разногласие по вопросам тактики.

Но появление марксистского направления в среде русской интеллигенции было лишь результатом развития известных течений в других социальных слоях. Оно не совершило революцию, но руководило ею. Без массового движения снизу оно представляло бы собой лишь течение, угасшее в песчаной пустыне. И тут мы подходим ко второму фактору, который оказал решающее влияние на развитие событий в России на протяжении последних трех лет — к влиянию материальных условий, в которых находились массы в России накануне великой революции. В главе 6 я писал о том, каким тяжелым бременем лежали на русских крестьянах пережитки феодализма, которые не были выметены прочь буржуазными революциями, прошедшими в Европе в конце XVIII в., и сохранялись вплоть до лета 1917 г., когда они были насильственно устранены снизу. В главе 9 я доказал, что война между Антантой и центральными державами была соперничеством за сырье и человеческий материал, находившиеся в слабо развитых зонах земного шара, и означала для независимости России огромную опасность; я доказал, что большая часть русских промышленных предприятий была заложена в иностранных банках и что для промышленного пролетариата вопросом жизни и смерти был вопрос о том, как избежать порабощения со стороны той или другой из двух соперничавших между собой капиталистических группировок. В главе 12 я показал, что борьба за мир возникла не в результате какого-либо сантиментального пацифистского устремления, а как насущная необходимость для российского пролетариата, поскольку он стремился освободить себя сам от своих поработителей. В последующих главах я показал, как после поражения центральных держав в лагере капиталистов и держателей купонов во всех странах усилилась

---

¹¹² Г.В. Плеханов (1856–1918) — теоретик и пропагандист марксизма, один из основателей РСДРП.

тенденция добиться реставрации в России прежних порядков в той или иной форме. При этом нужно сказать, что этот нажим на российский пролетариат со стороны международных держателей купонов явился самым мощным фактором укрепления революционной психологии масс в России. И когда этот нажим владельцев купонов привел к выступлению крестьянства против пережитков феодализма в Центральной России и против аграрных привилегий для тех общин в азиатских губерниях, которые при царском режиме пользовались особыми преимуществами, тогда сложился могучий поток революционной энергии, который в октябре 1917 г. сокрушил все плотины.

В той главе этой книги, которая посвящена периоду между Февральской и Октябрьской революциями, я показал, как из первого импульсивного движения масс родились Советы на предприятиях, которые стихийно и анархично распространились по всей территории России и были названы «Советами». Тот простой факт, что никто их не вводил, доказывает, что они явились плодом движения, начавшегося снизу. В промышленных центрах они приняли форму Советов предприятий и фабричных комитетов, в армии — солдатских Советов, а в деревнях — примитивных общин, которые были унаследованы еще от прежних времен. Но как только эта стадия была достигнута в рядах революционной интеллигенции, находившейся в составе Российской социал-демократической рабочей партии, обнаружилось расхождение во взглядах. Меншевицское крыло судорожно цеплялось за реформистское представление о классовой борьбе. Как читатель мог видеть из речей меньшевистских лидеров на I съезде Советов в июне 1917 г., воспроизведенных в главе 3 этой книги, их представление о классовой борьбе было ослаблено утопической идеей, будто периоду взятия власти трудящимися классами с помощью политических средств должен предшествовать период сотрудничества пролетариата и буржуазии. В России начинался тот же самый процесс, какой проделал британский рабочий класс после чартистского движения. Но материальные условия, в которых развивалась классовая борьба летом 1917 г., скоро показали, что подобные методы, как это можно было и предвидеть заранее, не способны освободить российский пролетариат и российское крестьянство от уготованной им судьбы. Большевицское крыло партии истолковало смысл массового движения лета 1917 г. с гораздо большим мастерством. Оно отказалось от всякого сотрудничества с буржуазными партиями и использовало ими же созданные учреждения и платформы для их свержения. Оно выступило в защиту того взгляда, что в период свержения

капиталистического государства массы должны пустить в ход не только политическое, но и экономическое оружие. Борьба между этими двумя воззрениями завершилась в период коалиционных правительств и керенщины. Ход событий доказал, что большевики были правы. Коалиция с партиями буржуазии означала для России войну, диктатуру Корнилова в армии и помещиков в деревне. Именно это дискредитировало меньшевиков и обусловило крах коалиции. С этого времени большевики стали идейными вождями массового движения.

Эта новая фаза революции сразу же обозначила и новую фазу борьбы. Массы покрыли всю Россию сетью Советов, основой которых являлись работа на производстве, само предприятие. Эти Советы были органом классовой борьбы, но их роль на предшествующем этапе свержения капитализма носила чисто разрушительный характер. Однако большевики сразу поняли, что теперь, в условиях пролетарской диктатуры, Советы должны стать органами восстановления, строительства. Подойдя ближе к решению этой задачи, они обнаружили, что лишь малая доля населения проявляет волю к созидательному труду и дисциплине. Огромные расстояния, какие приходится преодолевать в России, и невежество, в котором старый режим держал большинство крестьянства, не благоприятствовали централизованной форме правления. В русских массах издавна было распространено и глубоко укоренилось недоверие ко всем и всяческим властям. Вскоре началась борьба между идущими за большевиками сторонниками дисциплины и интеллигентски-анархистскими элементами, за которыми стояли также мелкие сельские собственники и спекулянты продовольствием, которые группировались вокруг левого крыла старой эсеровской партии. В течение 1918 г. дело постепенно пришло к тому, что пролетарская диктатура стала опираться на меньшинство населения — самую его интеллигентную, сознательную и дисциплинированную часть. Другие элементы в тот момент, когда борьба за революционную организованность и дисциплину пошла серьезная, начали отходить в сторону. Так коммунисты почти что одни взялись за дело восстановления.

Тогда были два вида Советов. И те и другие были избраны на основе фабрично-заводских, ремесленных организаций и сельских общин и у них были одинаковые избиратели. Но одни занимались политическими делами, а именно созданием Красной гвардии, борьбой против контрреволюции и внешними сношениями. Другие занимались экономическими вопросами, а именно контролем за работой предприятий, пополнением запасов сырья и обработкой помещичьих имений. Политическим

Советам предстояло с самого начала стать мощными организациями. В первые месяцы после Октябрьской революции они провели ряд съездов и конференций, расположив свой центр сначала в Петрограде, в Смольном, а затем в Москве. Исполнительным органом этих политических властей являлись комиссариаты во главе со своими комиссарами. Эти последние могли быть в любое время отозваны со своих постов. Таким образом, законодательные и административные функции тяготели к слиянию воедино. Напротив, экономические Советы вообще начали кристаллизоваться лишь к началу лета 1918 г., когда Высший совет народного хозяйства, как это было показано в главе¹⁹, провел свое первое заседание по призыву политических Советов. Беспорядочно, анархично основанные заводские комитеты и фабричные Советы постепенно начали объединяться в пределах отдельных географических зон по отраслям производства, первоначальные местные экономические Советы стали исчезать, превращаясь в крупные профсоюзные и промышленные союзы, в которых быстро сгладились все следы профессиональной организации. Ряд съездов профсоюзов, прошедших в течение 1918 г., довел этот процесс до наивысшей точки.

Но процесс централизации пролетарских экономических Советов, образование крупных промышленных объединений и их слияние в составе Высшего совета народного хозяйства должны были послужить лишь первым шагом. Необходимо было привлечь на свою сторону также техников и специалистов, которые еще оставались верны капиталистам; они были незаменимы для строительства общества, основанного на кооперативных принципах. Первые 6 месяцев пролетарской диктатуры почти целиком были заполнены борьбой против саботажа технических штабов, которые никак не могли преодолеть своего предубеждения против работы во имя пролетарских целей. Главная тяжесть задачи покончить с этим саботажем выпала на долю политических Советов после того, как это удалось, союзы по отраслям начали разделяться в смысле своей организации на два направления. Так называемая Рабочая секция взяла на себя осуществление контроля над уровнем заработной платы, рабочим временем, снабжением коллектива рабочих предприятия продовольствием, заботу о состоянии производственного обучения и контроля над ним. На долю так называемой Секции организации хозяйства со временем остался лишь контроль над хозяйственной стороной деятельности предприятия, снабжением сырьем и выпуском необходимой продукции. Эти последние организации получили в дальнейшем название «главки» и занимались соответствующими своему

названию отраслями промышленности: «Главтекстиль» (центральная организация по производству текстильных товаров), «Главуголь» (центр по руководству добычей угля) и т.д. Они представляли собой отделы Высшего совета народного хозяйства, и на посвященных им заседаниях техники и специалисты представляли перед ВСНХ, сидя за одним столом с рабочими секциями. Так ВСНХ превратился в экономический центр нервной системы всей республики. В течение 1918 г. по всей стране выросли его местные отделения, одновременно с появлением комиссариатов политических Советов.

Важнейший шаг к достижению слияния политических и экономических Советов был сделан на I съезде Советов народного хозяйства в мае 1918 г., описанном в главе 18. В результате работы, проделанной на этом съезде, обрела существование гигантская бюрократия русской революции. Интервенция союзников и война, которую вела международная контрреволюция, не могли помешать этому делу. Напротив, все это только ускорило ее возникновение и дало перевес в составе бюрократии политическим Советам и комиссарам, которые, ссылаясь на военную необходимость, приобрели решающее влияние на политику. Но, несмотря на все это, данная красная бюрократия была скроена из совсем другого материала, чем бюрократия капиталистической страны. Ее не контролировал какой-либо господствующий класс в интересах получения прибыли. Скорее можно сказать, что ее контролировал и контролирует пролетариат города и деревни, организованный на профессиональной основе, вместе с техниками, специалистами и политическими комиссарами (которые всего ближе стоят к господствующему классу), в интересах всего общества. Анархистская интеллигенция и фанатические поклонники свободы на Западе поступили бы поэтому хорошо, если бы не позабыли об этом обстоятельстве.

Было бы ошибочно считать, что русские коммунисты, создавая этот огромный производственный аппарат, руководствовались влиянием идей французской синдикалистской школы, или идей Прудона, или идей всех других, кто отказывался от политического действия и выступал за создание искусственных союзов производителей и потребителей. Русские коммунисты с самого начала боролись против этих теорий. В условиях царизма они использовали думскую политическую трибуну, во времена Керенского вели агитацию за Учредительное собрание. После Октябрьской революции, когда перед русским пролетариатом встали задачи восстановления страны, они постоянно подчеркивали необходимость иметь наряду с экономическими Советами также и политические Советы.

«Первые из них без вторых были бы подобны, — говорили они, — телу без души». С первого же дня российские коммунисты были также самыми решительными противниками анархистских элементов, которые в ближайшие после Октябрьской революции месяцы провозглашали в фабрично-заводских комитетах и в экономических Советах независимость и свободу каждой отрасли промышленности. Приведенные выше факты доказывают, что российские коммунисты не имели ничего общего с синдикалистами. Напротив, в условиях переходного периода они обращали главное свое внимание на политические Советы. Во времена Керенского они с помощью своих делегатов стремились завоевать эти организации на свою сторону. Позднее, когда понадобилось пустить в ход гигантскую хозяйственную машину, они сохранили за политическими Советами контроль над Советом народного хозяйства и над хозяйственным аппаратом его главков.

В дальнейшем политические Советы постепенно подпали под влияние политических партийных организаций, пока не были, в конце концов, почти полностью ими поглощены. Этот процесс был ускорен давлением обстоятельств, созданных революционной войной, которая принудила наиболее передовые слои городского пролетариата удалить анархистские элементы из советских органов. Своей высшей точки это развитие достигло в июле 1918 г., когда большевики, как это описано в главе 20, подавили левых эсеров. После этого шага съезды коммунистической партии стали чуть ли не еще более важными событиями, чем съезды Советов. И, поскольку коммунистическая партия показала себя способной соединить политическую агитацию с хозяйственной организацией, ибо она обладала достаточной дальновидностью, чтобы понять, что социальная революция означает не только разрушение старой, но и создание новой общественной системы, поскольку эта партия не убоилась того, чтобы поддержать меры морального убеждения физической силой, она стала, в конце концов, господствующим фактором революционного процесса, и нетвердые, колеблющиеся элементы подчинились ее руководству. Черта, отличавшая российскую коммунистическую партию от всех других партий в ходе русской революции, заключалась как в ее теоретических взглядах на форму будущего устройства общества, так и в методах, какие она применила для реализации этих взглядов. Энергичное выступление российской коммунистической партии за строго централизованный бюрократический аппарат и за период государственного капитализма в экономической жизни само по себе не означало ничего нового. Но отличает эту партию от всех дру-

гих социалистических партий и направлений то обстоятельство, что она была к тому времени единственной партией, которая практически показала, как могут трудящиеся классы в соответствующей обстановке (а эта обстановка была в России в 1917 г. налицо) завоевать политическую власть с помощью пролетарских экономических Советов и удержать ее, чтобы заложить основы для перехода к кооперативному общественному строю.

Господствующее влияние коммунистической партии на ход революции очень отчетливо проявилось в начале 1919 г. На партийном съезде, заседавшем в марте этого года, был принят ряд очень важных резолюций. Реставрация старого режима в областях, захваченных Деникиным и Колчаком, создала очень благоприятную обстановку для сближения между мелкими крестьянами и городским пролетариатом в Центральной России. Но это явилось фактором величайшего значения для борьбы с голодом. Съезд принял резолюцию, гласящую, что принципам революции не соответствует взгляд на мелких крестьян как на кулаков, что все безответственные реквизиции необходимо прекратить, что все прямые налоги в денежной или товарной форме должны взиматься с величайшей внимательностью, и кооперативным потребительским товариществам мелких крестьян должна оказываться всяческая поддержка. Влияние коммунистических партийных организаций было таково, что эта революция сразу же стала проводиться в жизнь, и 20 марта ВЦИК издал декрет, в соответствии с которым сельские кооперативные товарищества, которые по большей части находились в руках среднего крестьянства, следовало рассматривать как общественный аппарат распределения в деревнях. Эти товарищества должны были, далее, вступить в связь с потребительскими товариществами в городах и из рядов этого объединенного органа следовало выделить затем трех членов в Высший совет народного хозяйства, которому надлежало создать, начиная с этого момента, особый отдел распределения потребительских товаров. Единственное условие, какое было при этом поставлено перед кооперативными товариществами, заключалось в том, чтобы они лишили избирательных прав в своих организациях всех тех лиц, которые, согласно конституции республики, не могли претендовать на право избирать или быть избранными в политические или экономические Советы.

Так в начале 1919 г. коммунистической партией было положено начало совершенно новому направлению в политике, оно заключалось не только в том, что организации среднего крестьянства были включены в

советскую систему, но и в том, что впервые был создан советский аппарат распределения. До этого времени слабостью экономических организаций Советов было то, что они принимали в расчет массы лишь как производителей. Этот недостаток был теперь устранен путем создания отдела потребления в составе ВСНХ. Тем самым перед этой большой организацией открылись огромные возможности. Как показал Троцкий в своей речи на III съезде Советов народного хозяйства весной 1920 г., придет время, когда политические Советы и коммунистическая партия окажутся уже устаревшими, период пролетарской диктатуры уйдет в прошлое, класс эксплуататоров будет подавлен и ему на смену придет класс работников умственного и физического труда. Тогда вся созидательная мощь нового общества проявится в ВСНХ, где будут сталкиваться между собой партии, но уже не политические партии, а экономические, будут принимать решения по спорным вопросам дня. Как тесно переключаются, однако, эти мысли Троцкого с мыслями Роберта Оуэна того времени, когда он предпринял попытку претворить в жизнь в Англии задуманную им идею общества на кооперативной основе! И все же, как велико было различие между утопизмом этого раннего реформатора и реализмом коммунистов XX в.

Другим примером господствующего влияния Российской коммунистической партии на политическую жизнь в условиях революции на стадии ее дальнейшего развития может служить аграрная программа третьей Украинской советской республики. В январе 1920 г. ЦК коммунистической партии принял тезисы, которые должны были определить основные линии, в соответствии с которыми должен был быть решен аграрный вопрос на Украине. Тяжкие удары, которые выпали на долю предшествующих украинских советских республик, многому научили, и было решено не допустить повторения событий прошлого, в результате которых в среде мелких землевладельцев сложилась отчужденность. Тезисы отмечали, что крестьянство составляет основу населения Украины, и притом в еще большей степени, чем в Великороссии, советское правительство Украины должно стремиться к тому, чтобы завоевать доверие мелких крестьян. Крупные помещичьи имения, возвращенные Деникиным их прежним владельцам, должны быть немедленно упразднены. Но к коммунистическому управлению землей можно переходить только в случаях абсолютной необходимости, но и в этом случае в сотрудничестве с крестьянством. Принудительное включение крестьян в кооперативные коммуны не должно иметь места. К этим тезисам примыкал закон о земле, принятый Всеукраинским съездом политических

Советов в феврале 1920 г.; в нем были закреплены принципы, выдвинутые в этих тезисах.

После поражения Деникина и Колчака, когда вопрос о демобилизации и восстановлении хозяйства принял жгучий характер, ЦК Российской коммунистической партии вновь принял 23 января 1920 г. ряд тезисов, которые, опираясь на 2 раздел 5 главы 18 статьи российской конституции о том, что каждый гражданин республики обязан трудиться, изложили основы принуждения к труду. В этих тезисах было показано, что даже в том случае, если капиталистические государства Запада захотели бы отказаться от своих попыток раздавить Россию, Россия, при нынешнем состоянии мировой экономики, не может все же возлагать особых надежд на экономическую помощь, и потому русская революция должна мобилизовать все население для покрытия его собственных потребностей. На основе этих тезисов по всей стране в политических и хозяйственных Советах развернулась широкая политическая дискуссия. Местные советы народного хозяйства, губернские секции промышленных союзов критиковали тезисы и вносили собственные предложения. Наконец, Троцкий на IX съезде коммунистической партии, состоявшемся в апреле 1920 г., изложил план демобилизации Красной армии и ее преобразования в трудовые армии, распределяемые между различными отраслями хозяйства. Каждая дивизия, каждый полк и батальон Красной армии должен был превратиться в орган ВСНХ и привлечен им к работе в то время, как аппарат Комиссариата по военным делам и Комиссариата внутренних дел должен был быть сохранен, чтобы проводить регистрацию и мобилизацию трудоспособного населения. Таким образом, место военных специалистов должны были занять специалисты в области экономики, которые олицетворяли бы собой, так сказать, командующих отдельными армиями на бескровном фронте. И Красная армия, увидевшая свет в те страшные летние месяцы 1918 г., должна была, таким образом, превратиться в мирный инструмент коммунистического восстановления и воплотить в жизнь ту пролетарскую дисциплину, о которой шла речь в решениях I съезда Советов народного хозяйства.

Таков был план, изложенный Троцким, и вновь на долю коммунистической партии выпала задача, с помощью Советов, привести это план в исполнение и донести его до всей страны. Речь Троцкого на IX съезде коммунистической партии содержит характерное место о том, что нужно наглядно показать массам боевой хозяйственный план, составляющий основу предусмотренной партией и советским аппара-

том хозяйственной мобилизации, что нельзя ждать, пока его поймут каждый крестьянин и каждая крестьянка, надо заставить каждого без исключения занять свое место. Здесь дело обстоит теперь так, что кроме развернутой партией пропаганды, которая имеет большое историческое значение, величайшую моральную ценность будет представлять и прочная решимость сплоченной партии. Если после этого съезда еще будут продолжаться споры о том, желателен ли принудительный труд, или о том, как его проводить в жизнь, то крах всей хозяйственной системы не заставит себя долго ждать, ибо мелкие крестьяне и отсталые слои рабочих и сейчас отчетливо не сознают, какая проблема стоит перед страной, поэтому необходима единая воля, чтобы они это поняли. На исторической сцене имеются многие общественные формации, возникают государства и политические партии, чтобы вновь исчезнуть. Но массы видели только одну партию, которая точно знает, чего она хочет, которая говорит ясным голосом, действует с железной волей, чтобы провести в жизнь то, что она задумала. Массы должны быть полностью проникнуты пониманием твердой решимости, господствующей в партии. Если партия осуществит эту идею, то она выполнит роль в истории.

Из этих слов можно понять, где лежат главные пружины, приводящие в движение колесо советской системы, но коммунистическая партия не провела в жизнь своей большой программы, рассчитанной на 1920 г. После двух месяцев более или менее удачного экспериментирования с трудовыми армиями на Северном Кавказе и на Урале вновь прозвучал набат колокола войны, международная контрреволюция, с ее центром в Париже, решила не оставлять русскую республику в покое, не давать ей передышки. Польский жандарм на востоке был выпущен против России, и трудовая армия вновь превратилась в Красную полевую армию.

Делу создания коммунистического общественного строя в самом же начале помешала война, которую державы европейских держателей купонов развязали против России. Во время этих нападений колеблющиеся элементы сплотились с коммунистами с целью изгнать иностранных захватчиков и тем облегчили выполнение задачи централизации государственного аппарата. С другой стороны, это нашествие оказали разлагающее действие на всю хозяйственную систему. Вдобавок война, которая отрывала человеческие силы от производительного труда ради дела разрушения, развязала паразитические инстинкты менее сознательной части населения. Фабричный рабочий, не получавший достаточного продовольственного пайка, ввиду отправки продовольствия в армию, был

все более и более вынужден бросать свою работу и отправляться с мешком за спиной в деревни в поисках продуктов питания. Мелкий крестьянин, как ни сильно он теперь держался за Советы, защищавшие его от помещиков Деникина и от польских панов, вряд ли может устоять перед искушением поставлять городскому населению продовольствие по спекулятивным ценам — а это есть действие, угрожающее самому существованию советской республики. И до тех пор, пока Совету народного хозяйства приходится ставить промышленность страны на службу нуждам войны, до тех пор мелкий крестьянин будет испытывать нехватку во всех предметах повседневного спроса (если не иметь в виду продуктов питания), и он до тех пор будет гнаться за призрачным бумажным рублем, пока не настанет день, когда этот рубль будет стоить меньше, чем та бумага, на которой он напечатан. Война против революционной России, если она продлится достаточно долго, с необходимостью будет иметь своим результатом то, что Восточная Европа придет в такое состояние, что окажется невозможным не только установление кооперативного общественного строя, но невозможна станет культурная жизнь, какой бы общественный строй это ни был.

Нельзя, однако, отрицать, что со времени Октября 1917 г. в области коммунистического народного хозяйства достигнут большой прогресс. Осенью 1918 г. число помещичьих имений, превращенных в совхозы и трудовые коммуны, не превышало 1000, и их площадь была лишь немногим более 200 тыс. дес. В мае 1919 г. число совхозов и трудовых коммун достигло 8079, а их площадь 500 тыс. дес. В апреле 1920 г. одних только совхозов стало уже более 2000, и обрабатываемая ими и трудовыми коммунами площадь составляла более 2 млн дес.¹¹³ Одновременно можно было констатировать и постоянный рост запасов зерна, собранного с начала революции Комиссариатом продовольствия. Так, в период с августа 1917 г. до августа 1918 г. запасы зерна составляли 30 млн пудов, с августа 1918 г. до августа 1919 г. — 110 млн пудов и с августа 1919 г. до июня 1920 г. — 175 млн пудов.

Но, хотя коммунистическое производство, таким образом, по-видимому, все более и более обретает под собой прочную почву, в том числе и в самой отсталой отрасли народно-хозяйственной жизни — в сельском хозяйстве, дальнейшее развитие в этом направлении все же по необходимости будет зависеть от того, какими темпами пойдет лик-

¹¹³ Эти цифры были опубликованы Комиссариатом земледелия и напечатаны в журнале «Russischen Korrespondenz» (Берлин), в июне 1920 г., № 2. (Прим. авт.)

видация войны с капиталистическими державами Запада и с Польшей. Даже и тогда трудности не окажутся позади, ибо реакция на дисциплину военного времени может вновь усилить анархистские тенденции мелкого крестьянства, как только минует опасность вторжения извне. И, как я уже доказал выше, одним из главных врагов российского коммунизма с самого начала была бессознательная анархистская психология большей части русской интеллигенции и русского крестьянства. Говорят, что однажды, в разговоре на тему о том, существуют ли перспективы того, что примеру России последуют в других странах, Ленин сказал, что в России пролетариям легко захватить власть, но в высшей степени трудно построить упорядоченную общественную жизнь. Условия, которые вызвали экономические революции в Западной Европе в XIX в., а затем мировую войну 1914-1918 гг., создали для русского пролетариата возможность взять власть и перейти к осуществлению величайшего социального эксперимента, какой только знает история человечества. Сколько времени пройдет, пока коммунистический общественный строй в России будет полностью создан, никто не может предсказать. Начало сделано, и ясно одно: возврат к старому в России не только невозможен, но пока существует советская республика, она будет лучом света, освещающим дорогу всем угнетенным, всем поработленным и эксплуатируемым всех стран и частей света. В Западной Европе старые цивилизации, основу которых заложили последовавшие за реформацией буржуазные революции, будут, как можно предположить, затронуты социальными преобразованиями в последнюю очередь, и самый ход этих преобразований будет на Западе, разумеется, отличным, соответственно традициям и установлениям вековой культуры этих стран. Но, как писал известный славянофил профессор Ламанский в своем посмертном труде, Россия — это единственная страна в Евразии, культура которой не противостоит враждебно культурам как Европы, так и Азии¹¹⁴. И титанический труд Советов, который пролетариат западных стран сначала лишь наблюдал с интересом и симпатией, уже пробуждает страстные надежды в сердцах миллионов чернокожих и желтокожих, живущих на восток от Московии. Разве за потерпевшей поражение русской революцией 1905—1906 гг. не последовали национальные восстания в Турции, Персии и Китае?

Разве не столь же очевидно, как очевиден восход солнца, что в тех частях света, куда буржуазные революции еще не проникли, где кули и

¹¹⁴ Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. 1916. (Прим. авт.)

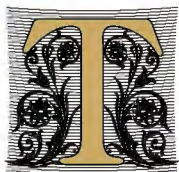
рая еще поныне терпят угнетение со стороны земельной и дворянской касты, за которой стоят флот, армия и золото западноевропейского капитализма, разве не очевидно, что в этих странах пример Москвы не останется незамеченным? В будущем правящие классы, сфера господства которых простирается на восток, поступили бы правильно, если бы поразмыслили над словами Карлейля и применили бы их к советскому режиму в России: «Эта республика и национальная тигрица — новое явление, созданное природой среди формул в век формул... оно ужасно в своей правдивости, как сама смерть. Все, что так же правдиво, может встретить его лицом к лицу и пренебречь им; а что не правдиво?»

Price M.P. My Reminiscences of the Russian Revolution. London, 1921. P. 287–388 / Пер. с англ. О.В. Кузнецовой.

Anastasiya A. Sotnikova

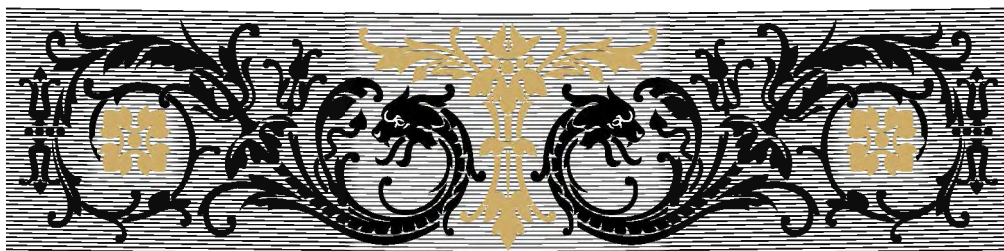
«MY REMINISCENCES
OF THE RUSSIAN REVOLUTION»
BY M. PHILIPS PRICE

he book by the well-known British journalist Morgan Price, which appeared to be sold in England in 1921, had several main goals. First, the author told about his job in the Russian Empire during its revolutionary transformation into a democratic society. Price not only stated his attitude towards the revolution, its leaders and their opponents, but also recorded the course of the reforms, presenting them as gradually staged and multifunctional. Secondly, the author reveals his sympathy to the revolution, the people, who after long years of slavery has spoken up for their rights and freedoms. Depicting the actions of simple serfs, soldiers and workers, Price shows them, not their leaders, as revolution creators. Moreover Price offers a unique portfolio on all the political leaders of the revolutionary Russia, depicting in details their appearance, manners and behavior, having recorded them while officially speaking. This book played an important role in forging the attitude of British society towards the changes in Russia. It helped to eliminate misbeliefs and to estimate the Russian Revolution as a typical course of political changes, which at a certain moment took place in all European countries.

Подготовка текста и комментарии:

Сотникова Анастасия Алексеевна

С.М. Исхаков

НЕИЗВЕСТНЫЕ ФОТОГРАФИИ ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ОСМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1920 г.)

стратегия и тактика «пробуждения» мусульманских народов и стран в интересах высшего политического руководства советской России активно разрабатывались во время II конгресса Коммунистического интернационала, который открылся 19 июля 1920 г. в Петрограде, а с 23 июля по 7 августа заседал в Москве.

На этом конгрессе, как следует из публикуемой ниже фотографии, присутствовала группа различных османских деятелей, большинство из которых удалось впервые идентифицировать.

Эта фотография является ценным историческим источником, уникальным фотодокументом. Она не просто зафиксировала данное событие, а сквозь призму фотографического образа позволяет увидеть в жизни этих людей важный факт той исторической реальности, когда в жизни как российского, так и османского общества происходили большие перемены.

Учитывая, что пока нет письменных источников о том, что все эти известные и малоизвестные в Османской империи (а затем в Турецкой Республике) политики были на этом московском конгрессе, этот фотодокумент послужит важной опорой как для дальнейшего уточнения их биографий, так и для исследовательской практики.

Группа участников II конгресса Коминтерна на Николаевском вокзале перед отъездом в Москву на делегатском поезде. Слева направо: 1. Османский писатель и журналист Якуб Кадри. 2. Мерьем Субхи (полька, жена М. Субхи). 3. Турецкий коммунист Мустафа Субхи. 4. Турецкий коммунист Исмаил Хакки. 5. Юсуф Акчурин. 6. Военный и политический деятель Османской империи Исмаил Энвер-паша. 7. Военный и политический деятель Османской империи Халиль-паша (дядя Энвер-паши). 8. Военный и политический деятель Османской империи Бехаэддин Шакир. 9. Политический деятель Османской империи Мидхат Шюкрю.

Петроград. 20 июля 1920 г.

Публикуется впервые

В научной литературе считается, что, к примеру, Энвер-паша покинул Берлин 4 августа 1920 г. и через Минск и Смоленск добрался до Москвы 16 августа 1920 г.¹ По другим данным, он прибыл в Москву 7 августа 1920 г.² Однако данная фотография позволяет уточнить, что он уехал из Берлина значительно раньше и уже во второй половине июля прибыл в Москву, откуда 18 июля поехал вместе с другими делегатами конгресса на специальном поезде на открытие конгресса в Петроград, а 20 июля этим же поездом вернулся в Москву, где конгресс продолжил свою работу. У него, как и у других участников этой

¹ Rorlich A.-A. Fellow travellers: Enver Pasha and the Bolshevik government 1918–1920 // Asian Affairs. 1982. Vol. 13. N 3. P. 292; Yamauchi M. The green crescent under the red star. Enver Pasha in Soviet Russia 1919–1922. Tokyo, 1991. P. 24–25.

² Куреев Н.Г. История Турции. XX век. М., 2007. С. 139.

Памятный
нагрудный
жетон «III Интер.
1917 г. 1920 г.»

группы, имеется приколотый к лацкану пиджака памятный нагрудный жетон (из серебра) «III Интер. 1917 г. 1920 г.», выпущенный для делегатов этого конгресса Коминтерна. Таким образом, об этой поездке Энвер-паши на конгресс Коминтерна в научной литературе до сих пор не было известно. После конгресса он вернулся в Германию, откуда в августе вновь приехал в Москву.

Стоящий слева от Энвер-паши Исмаил Хакки был направлен на данный конгресс Центральным бюро турецких коммунистических организаций. 22 июня 1920 г. он получил удостоверение делегата конгресса³. На заседании конгресса 28 июля 1920 г. он внес поправку к резолюции В.И. Ленина по национальному и колониальному вопросам⁴.

Стоящий справа от Энвер-паши Халиль-паша — известный военный и политический деятель Османской империи, прибывший недавно также в Москву.

Еще один известный османский политик д-р Бекир Сами-бей, осетин по происхождению, министр иностранных дел кемалистского пра-

³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 266. Д. 102. Л. 9.

⁴ Правда. 1920. 29 июля.

Делегаты и гости II конгресса Коминтерна на Красной площади приветствуют демонстрацию трудящихся. В центре (в феске) Бекир Сами-бей.

Москва. 27 июля 1920 г.

Публикуется впервые

вительства и глава турецкой делегации, прибывшей в Москву 19 июля 1920 г., для ведения переговоров с советским правительством с целью заключения договора о дружбе, попал в центр другой фотографии, которая выше публикуется. Эта делегация возлагала большие надежды на советских руководителей, но переговоры с ними сильно осложнились из-за присутствия в то время в Москве Энвер-паши и других османских деятелей, а также из-за действий Англии и Франции, направленных на сближение с Турцией. 14 августа 1920 г. состоялась встреча делегации с В.И. Лениным, на которой переговоры продолжились. Завершились они в конечном итоге подписанием в марте 1921 г. договора о дружбе и братстве между Советской Россией и Турцией, который положил начало сближению двух стран.

Нахождение этих весьма разных представителей Османской империи в советской России было связано с расчетом ее руководства использовать их для распространения своего влияния на страны мусульманского Востока с целью ориентировать мусульманские народы на поддержку

Поезд с участниками конгресса народов Востока на пути из Москвы в Баку.

Исмаил Энвер-паша (справа) беседует с Усманом Токумбетовым (слева).

Конец августа 1920 г.

Публикуется впервые

советской страны, поднять их на борьбу против победивших в Первой мировой войне держав, особенно против Великобритании, вызвать революции в их колониальных и полуколониальных странах, вообще вовлечь мусульманский мир в мировую революцию.

После этого конгресса Коминтерна советское руководство решило в этих же целях использовать советизированный весной 1920 г. Азербайджан, где в сентябре 1920 г. был устроен грандиозный съезд народов Востока — международное мероприятие, которое привлекло к себе внимание представителей многих восточных стран. Большевистские лидеры хотели превратить Баку в «коммунистическую Мекку», откуда вести соответствующую пропаганду и самую разнообразную практическую деятельность. Из Москвы в Баку был отправлен специальный поезд, на котором ехали на конгресс многие его участники, в том числе Энвер-паша. Советские руководители особенно рассчитывали на его появление на бакинском съезде, чтобы использовать в своих целях его большую популярность в мусульманском мире.

Исмаил Хакки.
 Москва. Начало 1920-х гг.
 Публикуется впервые

Энвер-паша, направленный Москвой вскоре после бакинского съезда в Среднюю Азию, однако довольно скоро возглавил там вооруженную борьбу против советской власти. Летом 1922 г. он погиб в бою.

Татарин Усман (Осман) Токумбетов родился в 1888 г. на Урале, в 1915 г. окончил юридический факультет Петроградского университета, в октябре 1916 г. окончил Школу прапорщиков по Адмиралтейству в Ораниенбауме и зачислен младшим офицером в 11-ю роту Балтийского флотского экипажа. В революционном 1917 г. стал одним из организаторов и руководителей Всероссийского мусульманского военного совета в 1917 г. (создан в Казани), одним из руководителей II Всероссийского мусульманского военного съезда (Казань, январь—февраль 1918 г.), по решению которого направлен в Германию для работы среди военнопленных-мусульман. После заключения Брестского мира он оказался в Османской империи, затем приехал вновь в Германию. С приездом Энвер-паши летом 1920 г. в России работал вместе с ним в Москве, сопровождал его в поездках. С 1923 г. эмигрант, жил сначала в Европе, в конце 1930-х — начале 1940-х годов — в Турецкой Республике, где, видимо, умер.

Вместе с Энвер-пашой на конгресс в Баку поехал и Исмаил Абдул-Алим Хакки.

Он родился в Османской империи в 1887 г., окончил Стамбульский университет, стал учителем, с декабря 1918 г. являлся членом Центрального бюро турецких коммунистических организаций, осенью 1919 г. Комиссариатом народного просвещения Туркестанской Советской Республики был направлен на преподавательскую работу в г. Полторацк (ныне Ашгабад), весной 1920 г. командирован в распоряжение Крымского обкома РКП(б) для работы среди крымских татар, в 1921 г. стал инструктором Народного комиссариата труда Азербайджанской ССР. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Мустафа Субхи (1882–1921) — османский журналист и политик, накануне Первой мировой войны бежал в Россию, где с началом войны был арестован и находился в ссылке в Калуге, затем на Урале. В 1918 г. возглавлял Партию турецких социалистов-коммунистов, являлся сотрудником Отдела международной пропаганды Центрального мусульманского комиссариата при Наркомате по делам национальностей РСФСР, участвовал в Гражданской войне. Он и его жена погибли в январе 1921 г., когда они с группой соратников попытались вернуться в свою страну.

Татарин Юсуф Акчурин (в Турции Акчюра) (1876–1935) родился в Поволжье; юрист, экономист, социолог, философ, историк, журналист, участник I–III всероссийских мусульманских съездов в России (1905–1906 гг.), член ЦК Союза российских мусульман, член ЦК кадетской партии (1906 г.). В 1908 г. уехал в Османскую империю, где занимался издательской и преподавательской деятельностью. В начале 1918 г. стал членом представительной группы османских чиновников, посланных в советскую Россию младотурками для установления дипломатических связей с советским правительством. В 1918–1919 гг. совершил поездки в Западную Европу. Позднее примкнул к сторонникам М. Кемаля. В 1923 г. был избран депутатом Великого Национального Собрания Турции, стал советником президента Турецкой Республики Ататюрка по вопросам культуры и политики и профессором Стамбульского университета.

Б. Шакир вернулся в Берлин, где в 1922 г. был убит дашнаком, Б. Сами-бей был обвинен в участии в заговоре против Ататюрка и арестован в Турецкой Республике в 1926 г., но затем освобожден и умер в 1932 г. М. Шюкрю, Халиль-паша, Я. Кадри вскоре вернулись на родину, участвовали в ее политической жизни; первые двое умерли там во второй половине 1950-х гг., третий умер в 1974 г.

Таким образом, эти фотографии дополняют важными фактами политические биографии всех этих людей, принявших участие в самых разных событиях, которые затем происходили в Османской империи, в советской России, в Средней Азии, в Азербайджане, в Западной Европе. Как и в других источниках, в этих фотодокументах содержится скрытый смысл, невидимый на первый взгляд, который еще предстоит понять, установить в ходе всестороннего анализа изображения, серьезного, глубокого размышления над этими эпизодами из их жизни. Данные фотодокументы содержат сведения, которые образно представляют процессы, связанные прежде всего с политической жизнью Османской империи того времени, а также с отношениями между советским руководством и этими представителями османского общества.

REFERENCES

1. *Kireev N.G.* Istoriya Turcii. XX vek [The History of Turkey. 20th century]. M., 2007. 609 s.
2. *Rorlich A.-A.* Fellow travellers: Enver Pasha and the Bolshevik government 1918–1920 // *Asian Affairs*. 1982. Vol. 13. N 3. P. 288–296.
3. *Yamauchi M.* The green crescent under the red star. Enver Pasha in Soviet Russia 1919–1922. Tokyo, 1991. 395 p.

Ключевые слова:

Османская империя, В.И. Ленин, II конгресс Коминтерна, Ататюрк, Энвер-паша, Халиль-паша.

Salavat M. Iskhakov

UNKNOWN PHOTOS DEPICTING THE RELATIONS BETWEEN THE OTTOMAN EMPIRE AND THE SOVIET UNION (1920)

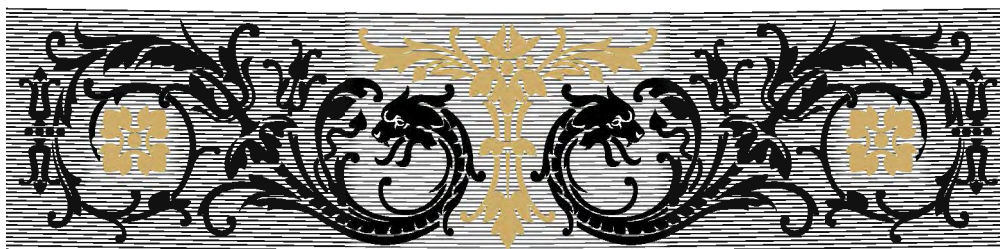
Formerly unknown photos, discovered in Moscow archives, are published for the first time. The images give a reason to reconsider political biographies of a number of prominent Ottoman politics, government and social leaders, who played a significant part in the history of the Ottoman Empire.

Text and comments by

Salavat M. Iskhakov — Doctor of Science (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council

 Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук, заместитель председателя
Секции «История социальных реформ, движений и революций»
Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской
и зарубежной истории

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1 500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно он-лайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс — ПА772.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 20.06.2020 г. Формат 70×108 1/16. Усл.-печ. л. 28,0. Заказ № 944.

Адрес редакции: 119071, г. Москва, Ленинский пр-т. 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2020

---

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии Издательского центра РГГУ. Адрес: 125993, Москва, Миусская пл., 6.
Электронная почта: kentavr@rggu.ru. Тел.: +7 (499) 973-42-05

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Судьбы соседей — России и Белоруссии — тесно между собой связаны, и связь эта уходит вглубь времён. Историки наших стран неизбежно соприкасаются с проблемами, порождёнными и конфликтами восточнославянских держав и пребыванием в одном имперском пространстве. Следующий номер журнала представляет работы российских и белорусских исследователей, посвящённые различным темам нашей большой общей истории.

ВОРОНЦОВО ПОЛЕ

№2/2020

Историко-культурный журнал «История Отечества»

ПОБЕДА!
Сберегает историко-культурное
наследие

ПОДВИГ И ПОКОЛ
СВЯТЫХ НАМОВ: РУССКАЯ
ВОССТАВКА ПОКИНУЛА СТРАНУ

ЗАСЕЧНЫЕ ЛИНИИ:
историко-культурное
наследие

ПЁТР I
История
Традиция
Миф

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

Фонд
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

Сайт: www.history-foundation.ru